

Санкт-Петербургский филиал федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования «Национальный
исследовательский университет «Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Молодыхенко Евгений Николаевич

**ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В ЖАНРОВОМ, РЕПРЕЗЕНТАТИВНОМ И
МЕТАПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ: АНАЛИЗ АНГЛОЯЗЫЧНОГО
ЛАЙФСТАЙЛ-ДИСКУРСА И ДИСКУРСА ПРЕЗИДЕНТСКОЙ РИТОРИКИ**

**Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика**

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук,
профессор В. Е. Чернявская

Санкт-Петербург

2023

Оглавление

Введение	9
Глава 1 Текст как ламинированная речевая структура в дискурсивной практике	24
1.1 Параметризация текста и его комплексный коммуникативный эффект	24
1.1.1 Семантика и прагматика: два режима функционирования текстов в контексте ситуации и в дискурсивной практике	25
1.1.2 Метапрагматика текста как ключевая категория операционализации его комплексного эффекта	31
1.1.3 Персуазивный эффект текста как специфический вид комплексной метапрагматики	36
1.2 Речевые системности и их контекстуальная и функциональная обусловленность	38
1.2.1 Акциональность и репрезентативность в ламинированной речевой структуре	42
1.2.2 Диалогичность как ключевой принцип порождения и использования текстов в дискурсивных практиках	47
Выводы к Главе 1	51
Глава 2 Дискурс как способ репрезентации действительности и как ресурс реализации социальных практик	56
2.1 Текст в контексте ситуации, дискурсивной практики и контексте культуры	56

2.1.1	Дискурс как социальная практика в речевом аспекте	58
2.1.2	Текст и параметризация контекста	61
2.1.3	Контекстуализация и локализация в контексте	65
2.2	Дискурс-репрезентация: языковые механизмы функционирования и инструменты лингвистического анализа	66
2.2.1	Дискурс, идеологические формации и роль языковых механизмов в их функционировании и изучении	67
2.2.1.1	Очевидность субъекта идеологии и очевидность смысла языковых и речевых конструкций	68
2.2.1.2	Интердискурс и значение/смысл языковых единиц в дискурсивной формации	71
2.2.2	Дискурс как артикуляция элементов социальных практик в семантических и речевых структурах	76
2.2.3	Текстоориентированный анализ дискурса как способа и механизма лингвистической репрезентации и конструирования социальных практик	79
2.2.3.1	Идентификация семантических паттернов и общих режимов артикуляции как основные векторы исследования дискурса-репрезентации	81
2.2.3.2	Вариативная интерпретация действительности и лексико- грамматическое оформление семантических паттернов	87

2.2.3.2.1 Интратекстуальный и текстоцентрический уровень анализа лексико-грамматических средств и семантических паттернов	89
2.2.3.2.2 Анализ речевой репрезентации ценностей как метод описания дискурса-репрезентации	94
Выводы к Главе 2	101
Глава 3 Жанр как способ реализации акциональности и как ресурс оформления коммуникативного взаимодействия	105
3.1 Речевое оформление, композиционное построение и контекстуальные переменные в дефиниции жанра	105
3.1.1 Жанровая схематическая структура текста	108
3.1.2 Жанры и дискурсивные сообщества	110
3.2 Жанр в дискурсивной практике	112
3.2.1 Статическая и динамическая перспектива рассмотрения жанра	113
3.2.2 Жанр и метапрагматика текста	115
3.2.3 Жанр, контекст (коммуникативной) ситуации и контекст культуры	116
3.3 Лингвистические методы описания жанровых моделей и компоненты жанровой речевой системности	120
3.3.1 Жанр и риторическая структура текста	123
3.3.2 Жанр и речевой акт	127

3.3.3 Жанр, регистр и языковой стиль	129
3.3.4 Жанр и «регистр» языковой оценки	132
3.4 Прагматический фокус: акциональный аспект персуазивности	134
Выводы к Главе 3	136
Глава 4 Лайфстайл-жанры в дискурсивной практике лайфстайл	141
4.1 Социокультурный контекст функционирования дискурсивной практики лайфстайл и лайфстайл-жанров	141
4.1.1 Лайфстайл-дискурс и лайфстайл-жанры в аспекте явления «стиль жизни»	143
4.1.2 Ключевые функции лайфстайл-дискурса и лайфстайл-жанров в современной практике лайфстайл	147
4.1.3 Лайфстайл-жанры и дискурс консьюмеризма в диахронической перспективе	148
4.2 Тексты лайфстайл-жанров в контексте ситуации и контексте практики: роль коммуникативной технологии	152
4.2.1 Современные цифровые коммуникативные технологии и дискурсивная практика лайфстайл	154
4.2.2 Текст лайфстайл-инструкции и его смысл в технологически опосредованной коммуникативной ситуации	156
4.3 Акциональное и репрезентативное измерение дискурсивной практики лайфстайл	164

4.3.1 Жанр лайфстайл-инструкции и дискурс консьюмеризма: ламинирование акциональных и репрезентативных системностей	166
4.3.2 Особенности акциональной системности текстов лайстайл-инструкции в устном модуле	182
4.4 Дискурсивное сообщество и метаперспектива в анализе лайфстайл-жанров и дискурса консьюмеризма	188
4.4.1 Рецептивная проекция метапрагматики текстов и дифференциация лайфстайл-жанров	190
4.4.2 Рецептивная проекция метапрагматики текста как «холистической» репрезентации	204
Выводы к Главе 4	215
Глава 5 Дискурс консьюмеризма в дискурсивной практике	
лайфстайл: механизмы, смыслы, ценности	222
5.1 Регламентирующая функция лайфстайл-жанров и дискурс консьюмеризма	222
5.2 Метасемиотический проект как базовый лингвистический механизм (реализации) дискурса консьюмеризма	224
5.2.1 Метасемиотический термин и диапазоны объектов и практик, охватываемых метасемиотическим проектом	228
5.2.2 Интертекстуальные и интердискурсивные связи в реализации метасемиотического проекта	233

5.3 Структура и содержание дискурса консьюмеризма в их лингвистическом отражении: типичные паттерны и ценности	235
Выводы к Главе 5	248
Глава 6 Жанр конфронтационной речи в дискурсивной практике американской президентской риторики	252
6.1 Социокультурный контекст глобального противостояния, американская президентская риторика и жанр конфронтационной речи	252
6.2 Акциональное и репрезентативное измерение дискурсивной практики президентской риторики: текстоцентрическая перспектива	256
6.2.1 Конфронтационная речь и ее жанровая схематическая структура	257
6.2.2 Конфронтационная речь и дискурс глобального антагонизма: ламинирование акциональных и репрезентативных системностей	286
6.2.3 Конфронтационная речь и лингвистические способы актуализации ценностей в репрезентативном и акциональном аспекте	305
Выводы к Главе 6	318
Глава 7 Дискурс глобального антагонизма в дискурсивной практике президентской риторики: механизмы, смыслы, ценности	323
7.1 Персуазивная функция президентской риторики и дискурс глобального антагонизма	323

7.2 Делимитация и интеграции чужих как базовый лингвистический механизм (реализации) дискурса глобального антагонизма	324
7.2.1 Способ номинации группы врагов как ключевой механизм тенденциозной репрезентации группы и ее практик	325
7.2.2 Интеграция и поляризация как способы конструирования целостного «образа» врага	331
7.3 Структура и содержание дискурса глобального антагонизма в их лингвистическом отражении: типичные паттерны и ценности	341
7.3.1 Семантические паттерны и языковые средства репрезентации группы врагов как угрозы	346
7.3.2 Семантические паттерны и языковые средства демонизации врага	362
Выводы к Главе 7	373
Заключение	379
Список сокращений и условных обозначений	387
Список использованной литературы	388
Список источников иллюстративного материала	419

Введение

В настоящей работе предлагается текстоориентированный анализ дискурсивных практик, рассматривающий акциональный и репрезентативный аспекты оформления текстов, входящих в такие практики, и результирующую из этих аспектов метапрагматику. Дискурсивная практика понимается как социальная практика в ее речевом оформлении, т. е. как массив соотносимых с социальной практикой текстов. В связи с этим анализ дискурсивной практики является анализом не только ее дискурсивного компонента, т. е. конкретных речевых и актуализируемых языковых средств, но и анализом релевантных недискурсивных компонентов такой практики.

Текстоориентированный анализ дискурсивной практики ставит перед собой задачу объяснения системности содержательно-тематического, композиционного и лексико-грамматического оформления текстов в их связи с переменными контекста ситуации, контекста самой дискурсивной практики и более широкого социокультурного контекста. В таком анализе следует исходить из реализации любым текстом как минимум двух функций одновременно — кодирования и трансляции некоторого содержания и материализации некоторого социального действия и существующих и/или возникающих между коммуникантами социальных отношений. В связи с этим речевая структура текста должна рассматриваться как востребующая языковые средства разных уровней, выполняющие обе указанные функции. Комплексный эффект текстов следует рассматривать как «холистическую» репрезентацию (в когнитивном смысле), формирующуюся у коммуникантов не только из закодированного в тексте содержания, но и благодаря актуализируемым в коммуникативном событии представлениям о том, какое социальное действие реализуется текстом, а также под влиянием иных релевантных переменных контекста. Такая

репрезентация должна рассматриваться в рамках метапрагматики и, соответственно, позиционироваться как метапрагматика текста.

Теоретическую базу исследования составили работы:

– по жанроведению [Askehave, Swales 2001; Bhatia 1993, Bhatia 2015; Briggs, Bauman 1992; Devitt 2009; Devitt 2015; Devitt 2015; Hanks 1987; Hyland 2002; Miller 1984; Moreno, Swales 2018; Rose 2012; Swales 1990; Virtanen 2010; Бахтин 1986; Дементьев 2010, Кожина 1999; Салимовский 2002; Седов 1998; Шмелева 1997];

– по лингвистике текста [de Beaugrande, Dressler 1981; Martin, Rose 2007; van Dijk 1980; Гальперин 2006; Тураева 1986, Щирова, Гончарова 2006];

– по общей теории дискурса [Blommaert 2005; Fairclough 1989; Fairclough 1992; Jäger 2001; Jørgensen, Phillips 2002; Laclau, Mouffe 2001; Montgomery, Allan 1992; Scollon, Scollon 2004; Пеше 1999b; Фуко 2004; Серио 1999] и дискурс-анализу [Blommaert 2005; Fairclough 2003; Jäger 2001; Spitzmüller, Warnke 2011; van Dijk 1995; van Dijk 2006a; Wodak 2001; Lemke 1995; van Leeuwen 2008, Иссерс 2008; Шейгал 2000];

– по критической лингвистике [Fowler et al. 1979; Hodge, Kress 1979; Fowler 1991];

– по (функциональной) стилистике [Гочарова 1999; Гочарова 2003, Кожина 2004; Баженова, Котюрова 2016; Клушина 2011] и в области исследования регистров [Biber et al. 2002; Biber, Barbieri 2007; Biber, Conrad 2012; Lee 2001];

– по социолингвистике и лингвистической антропологии [Agha 2005; Agha 2007b; Blommaert 2005; Blommaert 2015; Coupland 2007; Eckert 2008; Eckert 2012; Spitzmüller 2015; Silverstein 1976; Silverstein 1992; Silverstein 1993; Silverstein 1987; Silverstein 2003; Карасик, Дмитриева 2005; Крысин 2001; Крысин 2004];

- по лингвистической прагматике [Норман 2009; Auer 2009; Verschueren 1999; Levinson 1983; Mey 1985];
- по функциональной грамматике [Halliday, Matthiessen 1999; Halliday, Matthiessen 2004; Lemke 1995; Martin, White 2005; Martin, Rose 2007];
- по лингвистической прагматике [Verschueren 1999; Levinson 1983, Mey 1985; Норман 2009];
- по лингвистической аксиологии [Martin, White 2005; Martin, Rose 2007; Вольф 2014; Серебренникова 2011].

Актуальность диссертационного исследования определяется, во-первых, общей установкой современной лингвистики на анализ речевых структур в контексте, функционирующих в составе дискурсивных практик, и в связи с этим на рассмотрение характеристик таких структур и практик как определяемых различными переменными контекста ситуации и контекста культуры как в процессе порождения, так и в процессе восприятия. Во-вторых, особую актуальность имеют исследования дискурсивных практик, реализуемых благодаря современным цифровым платформам. В-третьих, актуальность обусловлена необходимостью интеграции в единую модель теоретических и эмпирических описаний различных речевых и языковых системностей, соотносимых с различными категориями лингвистического анализа и/или разными переменными контекста, что позволяет объяснять специфику функционирования текстов. Использование такой модели объясняет взаимодействие различных речевых системностей в пределах текста как предпосылку возникновения потенциально обусловленного таким взаимодействием целостного коммуникативного эффекта, включая так называемый персуазивный эффект. В-четвертых, актуальна метапрагматическая перспектива изучения языковых явлений вообще и отдельных текстов в частности. Такая перспектива рассматривается как одно из наиболее приоритетных направлений современных лингвистических исследований,

занимающихся изучением функционирования языка и речи в реальных практиках.

В диссертации учтены основные результаты исследований языковых и речевых феноменов в западноевропейских и американских научных школах в области критического дискурс-анализа, системной функциональной лингвистики, социолингвистики и лингвистической антропологии, не всегда интегрируемые в объяснительные подходы в российском научном пространстве.

Объектом анализа являются англоязычные тексты дискурсивной практики лайфстайл и тексты политической риторики американских президентов.

Предмет изучения — композиционное и лексико-грамматическое оформление текстов в акциональном, репрезентативном и метапрагматическом аспектах, каждый из которых предполагает аналитический взгляд на текст и его речевые системности как детерминированные переменными контекста коммуникативной ситуации, контекста дискурсивной и социальной практики и контекста культуры.

Цель предпринимаемого исследования состоит в формулировании теоретической модели, задающей направления для контекстуально-обусловленных исследований речевой структуры, и в ее верификации путем анализа текстов, принадлежащих к двум выбранным в качестве объекта исследования дискурсивным практикам.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие приоритетные задачи:

1. Описать речевую структуру как ламинирующую два вида системностей — акциональную и репрезентативную, обусловленные разными параметрами контекста и обуславливающие разные аспекты функционирования текста в контексте.

2. Уточнить содержание понятия «метапрагматика» и продемонстрировать его объяснительные возможности для анализа комплексного эффекта текстов.
3. Обосновать предлагаемую демаркацию интерпретаций категории «дискурс», исходя из выбора перспективы дискурсивной практики как основного фокуса исследования.
4. Представить системное описание параметров контекста, релевантных для исследований дискурсивной практики, с одной стороны, и текстов в составе этих практик как обусловленных этими переменными, с другой.
5. Обосновать статус дискурса-репрезентации как абстрагируемой модели, локализуемой в широком социокультурном контексте, а также выделить подвиды речевой системности, являющиеся способами актуализации такой модели в речевой структуре текста.
6. Обосновать статус жанра как абстрагируемой модели, локализуемой на уровне контекста ситуации и контекста дискурсивной практики, а также выделить подвиды речевой системности, являющиеся способами актуализации такой модели в речевой структуре текста.
7. Выделить и описать ключевые принципы функционирования комплексных дискурсивных практик, характеризующихся доминированием коммуникации, опосредованной цифровыми платформами.
8. Изучить и представить научное описание дискурсивной практики лайфстайл в терминах акциональной и репрезентативной системностей и потенциального и фактического вклада этих системностей в метапрагматические репрезентации текстов данной практики, а также в ракурсе глобальных социокультурных изменений последних десятилетий с особым акцентом на культуре потребления и цифровых коммуникативных технологиях.

9. Изучить и представить научное описание дискурсивной практики американской президентской риторики в терминах акциональной и репрезентативной системностей и их потенциального вклада в комплексные метапрагматические репрезентации текстов, рассматриваемых через призму их потенциального персуазивного эффекта.

Материалом исследования послужили тексты практики лайфстайл (в общей сложности изучено 1000 видеороликов, средней продолжительностью 8 минут, 3000 комментариев к ним и 200 текстов статей в письменном модусе) и тексты практики американской президентской риторики, включающую речи американских президентов в период с 1961 по 2017 гг. (в общей сложности 170 текстов публичных речей и транскриптов пресс-конференций).

Для решения поставленных задач, во-первых, использовались **методы** сравнительно-сопоставительного анализ литературы и обобщения и синтеза теоретических концепций. Во-вторых, для решения эмпирических задач использовались **методы** интерпретативного анализа текста, ведущим из которых является индуктивно-дедуктивный.

Использование индуктивно-дедуктивного метода предполагало то, что модели жанров, дискурсов-репрезентаций и более частные семантические паттерны различного уровня абстракции реконструировались по индуктивному пути посредством обобщения характеристик конкретных жанровых экземпляров и текстов, реализующих фрагменты дискурсов-репрезентаций; дедуктивный путь иллюстрируется тем, что для выявленных ранее абстрагированных моделей и паттернов различной природы осуществлялся поиск конкретных реализаций в новых экземплярах, добавляемых к текстовому массиву, в комбинации с потенциальным возвратом к индуктивному методу в случае обнаружения конкретных результатов, не подтверждающих ранее выделенные модели и паттерны и/или требующих их корректировки.

Применяемая методика интерпретативного текстоориентированного анализ дискурсивных практик предполагает использование релевантного инструментария в зависимости от конкретной задачи и выбранного экземпляра и/или массива. К частным **инструментам** такого анализа, использованным в диссертационной работе, относятся:

- выявление семантических паттернов разного уровня абстракции для идентификации и описания (а) коммуникативных ходов, реализующих жанровые схематические структуры, (б) типичных паттернов, входящих в и/или образующих дискурс-репрезентацию, (в) ценностей, входящих в дискурс-репрезентацию;

- исследование актантной структуры текстов, включая номинализации;

- лингвоаксиологический анализ по модели Appraisal [Martin, White 2005] в разрезе используемых типов оценки, ее эксплицитности и имплицитности и актуализируемых ценностей;

- анализ диалогического аспекта текста по модели Appraisal [Martin, White 2005];

- исследование разнообразных средств лексико-грамматического и структурного оформления текстов, интерпретируемых как потенциальные средства прагматического фокусирования его смысловых доминант;

- исследование используемых метафор и актуализируемых метафорических моделей;

- исследование логических связей между отдельными предикациями в составе комплексов (сложных предложений) и целых текстов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Дискурс-репрезентация рассматривается как ключевая категория осмысления в результативном и транситуативном аспекте процесса репрезентации (отражения) и/или конструирования текстом некоторого фрагмента экстралингвистической реальности. Дискурс-репрезентация

является абстрагированной идеальной моделью артикуляции фрагментов мира и их различных элементов через установление семантических связей между их семиотическими репрезентациями и через ее фиксацию в виде обобщенных семантических паттернов, актуализируемых конкретными лексико-грамматическими структурами в текстах, входящих в дискурсивные практики.

2. Жанр рассматривается как ключевая категория осмысления в результативном и транситуативном аспекте процесса использования текста как инструмента социального (взаимо)действия. Жанр является абстрагированной идеальной моделью формулирования текстов, связанной диалогическими отношениями со специфическими ситуативными контекстами, предписывающими субъектам определенные формы коммуникативной деятельности. В основе жанровой модели лежит относительно упорядоченный, обобщенный набор коммуникативных ходов и шагов, образующих композиционную структуру текста как жанрового экземпляра, на которую ламинируются семантические паттерны, соотносимые с некоторым дискурсом-репрезентацией.
3. Комплексный эффект текста следует рассматривать как метапрагматическую репрезентацию, включающую рефлексивное отношение автора и реципиента к тексту и используемым в нем средствам формулирования в конкретном контексте. Метапрагматическая репрезентация текста также является результатом кумулятивного вклада акциональной и репрезентативной системностей, ламинируемых в его речевой структуре, всегда одновременно реализующей акциональную функцию оформления социального (взаимо)действия и репрезентативную функцию отражения и/или конструирования некоторого фрагмента реальности.

4. Специфика текста в дискурсивной практике лайфстайл определяется особенностями функционирования практики, сложившимися под влиянием совокупности социокультурных факторов и используемых коммуникативных технологий. Метапрагматика текста в такой практике определяется не только акциональным и репрезентативным аспектом речевой структуры, но и формулируемыми ответными текстами, возможность создания которых обусловлена современной цифровой средой. Такие ответные тексты являются способом материализации метапрагматических знаний, циркулирующих в дискурсивных сообществах, и метапрагматической осведомленности, которую коммуниканты демонстрируют по отношению к исходному тексту, включая метапрагматические акты, отражающие особенности акционального аспекта текстов дискурсивной практики.
5. Ключевым жанром дискурсивной практики лайфстайл является лайфстайл-инструкция. В жанровых экземплярах лайфстайл-инструкции ламинируется инструктирующая жанровая форма и содержание, соотносимое с дискурсом консьюмеризма, что определяет как потенциальную так и фактическую, т. е. отражаемую ответными текстами, метапрагматику таких экземпляров. Идеальная модель жанра лайфстайл-инструкции образуется двумя основными коммуникативными ходами — инструктирующим и мотивационным.
6. Дискурс консьюмеризма является метадискурсом, инкорпорирующим несколько дискурсов, тематической основой которого является представление об объектах и практиках как способах целенаправленного конструирования идентичности и о необходимости активных действий со стороны индивида для достижения идеального имиджа. Механизмом функционирования дискурса консьюмеризма являются метасемиотические проекты (стратегии) вида «знак-идентичность»: тексты, соотносимые с

дискурсом, реализуют стратегию уподобления разнородных объектов-знаков в их способности выразить определенную форму идентичности, фиксируемую одним из типичных для дискурса метасемиотических терминов.

7. В разновидности американской президентской риторики, апеллирующей к дискурсу глобального антагонизма, ключевым жанром является конфронтационная речь. Идеальная модель данного жанра образуется двумя основными коммуникативными ходами — описанием разворачивающегося и/или планируемого ответного действия группы «своих» по отношению к группе «чужих» и легитимизирующим коммуникативным ходом, акцентирующим неотвратимость ответных действий. Коммуникативный ход констатации и описания ответных действий комбинируется с коммуникативными ходами обещания или угрозы, если реализация действия находится в зоне ответственности и/или под контролем ядра группы «своих», и просьбы или требования, если реализация действия находится в зоне ответственности и/или под контролем других членов группы «своих» и «группы» чужих соответственно.
8. Дискурс глобального антагонизма является метадискурсом, в основе которого лежит наиболее общее представление о биполярном мире. Его ключевым дискурсом является дискурс врага, отражаемый представлением о существовании группы врагов, перманентно враждебной к группе «своих». Механизмами репрезентации врага в рамках такого дискурса является реализуемая в текстах стратегия отождествления разных субъектов и связанных с ними феноменов под общим типизирующим знаменателем «враг» (“enemy”) и актуализация семантических паттернов репрезентации врага как представляющего реальную угрозу для группы «своих» и являющегося гиперболизировано кровожадным и неадекватным.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые:

– разработана комплексная, применимая для исследования различных дискурсивных практик модель функционирования текста в контексте коммуникативного события, контексте самой практики и контексте культуры, призванная акцентировать детерминированность речевых системностей параметрами таких контекстов, с одной стороны, и детерминированность комплексного эффекта текстов такими речевыми системностями, с другой;

– систематизированы теоретические представления о метапрагматике и метапрагматическом измерении коммуникации с целью их интеграции в дискурс-аналитическое исследование как способа осмысления целостного эффекта текстов, результирующего из ламинирования различных речевых системностей и взаимодействия такого текста с контекстом;

– на основе предложенной модели разработана новая комплексная, потенциально применимая в изучении различных дискурсивных практик дискурс-аналитическая методология анализа текстов, включающая одновременное исследование их акциональных и репрезентативных аспектов (а также их кумулятивного вклада в общую результирующую метапрагматику текста) как ламинируемых компонентов единой речевой структуры;

– разработан единый метаязык описания текстов с позиции комплексного дискурс-аналитического подхода путем синтеза различных теорий и методов таких направлений, как анализ жанров, критический дискурс-анализ, функциональная грамматика и лингвистическая антропология.

Новизна работы также обусловлена выбором материала исследования: впервые системно описаны две дискурсивные практики, характеризующиеся ярко выраженной ориентацией на тиражирование особых видений мира и

демонстрирующие персуазивную интенциональность речевого оформления входящих в практику текстов, рассчитанных на массовую аудиторию. Выбранные практики оптимально иллюстрируют валидность и возможность применения предложенной объяснительной модели.

Теоретическое значение исследования определяется его вкладом в развитие базовых идей текстоориентированного дискурс-анализа, жанроведения и стилистики, разработкой проблематики, объединяющей данные дисциплины, и дальнейшим теоретическим осмыслением связей феноменов, изучаемых в рамках этих дисциплин, с различными лингвокультурными феноменами вообще и категориями гуманитарных наук. Разработанная модель функционирования текстов в составе практик и методология анализа текстов как компонентов практик позволяет выявлять и объяснять процесс производства и потенциальные эффекты разнообразных текстов, имеющих различное тематическое наполнение, различное речевое оформление и решающих различные задачи участников коммуникации, которыми такие тексты используются как инструменты социокультурной деятельности и — более конкретно — как (персуазивные) инструменты влияния на других участников коммуникации.

Практическое значение диссертации. Предложенная теоретическая модель ламинированной речевой структуры, комбинирующей разные виды системностей, соотносимых с различными категориями гуманитарных наук и разными переменными контекста, может быть использована в методиках преподавания, связанных с обучением написанию текстов, ориентированных на массовую аудиторию, а также в практике подготовки и написания подобных текстов. Основные положения исследования могут быть включены в курсы функциональной стилистики, жанроведения, медиакоммуникации, журналистики. Полученные результаты могут быть использованы при написании учебных пособий, курсовых работ и диссертаций по смежной тематике и при

дальнейшей разработке теории и методов текстоориентированного дискурса-анализа.

Апробация работы. Основные результаты исследования были обсуждены на международных конференциях: «Язык и реальность: современные проблемы американистики и лингвистики» (Архангельск, ПГУ, 2009); «Век информационных технологий: новые подходы в американистике, лингвистике и лингводидактике» (Архангельск, ПГУ, 2010); «Мифы в культуре, науке, литературе и истории» (Архангельск, ПГУ, 2010); “Heimat-Region-Stadtkultur” (Галле, Германия, 2011); «Коммуникация в поликодовом пространстве: языковые, культурологические и дидактические аспекты» (Санкт-Петербург, СПбПУ, 2015); «Взаимодействие интернета и стилистики, интернета и стилей» (Грац, Австрия, 2015); «Англистика XXI века. VIII Международная научно-методическая конференция» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2016); «Наука в общественном диалоге: ценности, коммуникация, организация» (Санкт-Петербург, СПбПУ, 2017); “Failing Identities” (Льеж, Бельгия, 2018); “The 45th Annual LACUS Forum” (Бостон, США, 2018); «Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация» (Екатеринбург, УГПУ, 2018); «Настоящее и будущее стилистики» (Москва, МГУ, 2019); «Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике» (Москва, МГИМО, 2019); «Сетевая коммуникация: новые форматы для науки, образования и продвигающих коммуникаций» (Санкт-Петербург, СПбПУ, 2020); «Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта» (Москва, РУДН, 2020); «Социальная семиотика: точки роста» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2020); «II Международный форум языков и культур» (Красноярск, СФУ, 2021).

По теме диссертации опубликована 41 работа (общим объемом 43,5 п. л.), из них 17 статей — в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, из которых 10

также являются индексируемыми в международных реферативных базах данных Scopus и/или Web of Science.

Результаты работы отражены в опубликованной монографии «История в дискурсе политики. Лингвистический образ „своих“ и „чужих“» (М.: Издательская группа URSS, 2018) и «Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе» (М.: ЛЕНАНД, 2021). Также опубликованы главы в коллективных монографиях: глава «Публичная речь американского политика в аспекте перевода» в коллективной монографии «Языковая личность переводчика» (Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2011. С. 249–265), глава «Коммуникативно-прагматическое своеобразие публичной речи как персуазивного феномена в системе американского политического дискурса» в коллективной монографии «Американистика: исторические и лингвистические перспективы» (Архангельск: ИПЦ САФУ, 2012. С. 32–47) и глава «Подходы к изучению идентичности: от социальной теории — к практике лингвистического анализа» в коллективной монографии «Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования» (Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2022. С. 7–14).

Достоверность выводов исследования определяется:

– взаимосвязью опорных теоретических постулатов и эмпирического исследования, выбором методов исследования (дедуктивного и индуктивного методов, интерпретативного анализа текстов устных и письменных жанров различных дискурсивных практик, анализа лексико-грамматических структур с использованием инструментария функциональной грамматики, лингвоаксиологического анализа по модели Appraisal), адекватных поставленным целям;

– операционализацией ряда контекстуальных переменных путем привлечения релевантных теоретических и эмпирических работ, направленных на осмысление или анализ таких факторов;

– репрезентативностью эмпирической базы, сформированной на основе анализа массива текстов как устных, так и письменных жанров двух различных дискурсивных практик, и выявленными в результате проведенного анализа закономерностями;

– верификацией предложенной в работе модели функционирования текстов в дискурсивных практиках и методологии анализа таких текстов и практик с учетом реально выраженных дискурсивным сообществом метапрагматических актов;

Разработанная в диссертации методология анализа дискурсивных практик лайфстайл и американской президентской риторики учитывает актуальные представления теории дискурса и практики дискурс-анализа, лингвистики текста, стилистики, функциональной грамматики, жанроведения, исследования персуазивности, лингвистической аксиологии, социолингвистики и лингвистической антропологии и создана на основе анализа современных текстов, реализуемых в цифровой среде.

Глава 1 Текст как ламинированная речевая структура в дискурсивной практике

1.1 Параметризация текста и его комплексный коммуникативный эффект

Под параметризацией речевой структуры (ср.: [Дементьев 2010: 103]) в данной работе понимается выделение единиц как собственно речевого оформления, так и более глубинных семантических паттернов (и связанных с их актуализацией способов речевого оформления), которые могут быть ассоциированы с теми или иными выполняемыми ими функциями и/или некоторым параметром контекста (см. также: [Hanks 1989: 106]).

В качестве исходных в данном исследовании принимаются два базовых принципа параметризации. Во-первых, следует исходить из того, что реальный контекстуализированный текст одновременно реализует как минимум две функции, которые в наиболее общем виде можно было бы обозначить как **референциальную/денотативную** и **прагматическую** (ср.: [Silverstein 1987]). Во-вторых, речевую структуру текста необходимо рассматривать как **ламинированную**. Это значит, что один и тот же сегментируемый каким-либо образом фрагмент такой структуры потенциально способен реализовывать несколько функций одновременно и «сигнализировать» в разных семиотических режимах (см.: [Молодыченко 2021, 2022b]).

Как известно, традиционно существует два общих представления о том, какую функцию выполняет речевая составляющая в комплексном коммуникативном событии (см.: [Silverstein 1976; Silverstein 1987]). В первом говорится о том, что речь кодирует содержание и транслирует его от одного участника коммуникативного события другому. Комплементарным или альтернативным этому представлению является представление о том, что в акте

коммуникации речевая составляющая — один из инструментов социального действия. Последнее представление было популяризировано в середине XX века прагматически-ориентированными подходами в лингвистических разработках, включая исследования персуазивной коммуникации (см., например: [Голоднов 2011]). Сама идея такой инструментальности далеко не нова и существует со времен классической риторики [Silverstein 1987: 23].

1.1.1 Семантика и прагматика: два режима функционирования текстов в контексте ситуации и в дискурсивной практике

В современном исследовательском контексте, как и ранее, одним из возможных способов отсылки к изучению речи в инструментальном и/или контекстоориентированном ключе остается использование термина «прагматика». Одним из наиболее общих представлений о целях и задачах прагматически ориентированного исследования, как известно, является представление о том, что такое исследование направлено на «изучение поведения языковых знаков в реальных процессах коммуникации» [Норман 2009: 8].

В рамках предлагаемых в настоящей работе рассуждений релевантны два аспекта понимания прагматики (см. также: [Которова 2019; Levinson 1983: 5–35]). Во-первых, под **прагматикой элементов речевой структуры** (в противовес семантике таких элементов) будем понимать ответ на два общих вопроса: каков вклад данного элемента в то, что «делает» коммуникант, используя текст в данном контексте, и/или в то, что «происходит» в данной коммуникативной ситуации (например, в плане развертывания социальных отношений между коммуникантами).

Во-вторых, исследование того, что делает коммуникант, или того, что происходит в коммуникативном событии (прагматически ориентированное исследование) предполагает исследование взаимоотношения текста с контекстом

(ср.: [Verschueren 1999: 69; Levinson 1983: 8]) и — шире — исследование дискурсивной практики вообще (также в ее соотношении с контекстом). Такое исследование, далее, может продвигаться в двух направлениях (часто комбинируемых): может ставить перед собой цель выявить, как контекст влияет на текст, или же как текст влияет на контекст (см.: [Молодыхенко 2021, 2022b]).

Упрощенная формула «делает/происходит» может отсылать к широкому списку типов социальной активности и переменных социального контекста. Например, описание по линии «что сейчас делает коммуникант» может включать такие разнообразные **(мета)прагматические** характеристики, как «сообщает», «приказывает», «спрашивает», «оскорбляет», «шутит», «рассказывает анекдот», «говорит серьезно», «иронизирует», «подтрунивает», «издевается» и бесчисленное множество других «ярлыков», рутинно и окказионально используемых как языковым сообществом, так и исследователями.

Характеристика по линии «что сейчас происходит между коммуникантами» может быть проиллюстрирована такими формулировками, как «устанавливается солидарность», «недоверие», «раппорт», «недружелюбная атмосфера» и т. п. Специфическим типом актуализируемых в дискурсе прагматических — **социальных** — смыслов, часто выносимых в отдельную группу, является все многообразие форм идентичности и социальных ролей и предопределяемых таковыми форм взаимоотношений между коммуникантами (см.: [Bauman, Briggs 1990: 64; Silverstein 1992; Jensen 2011: 14; Молодыхенко 2021, 2022b]).

Операционализация контекста, в свою очередь, является также достаточно сложной задачей и требует построение модели контекста и теоретического обоснования взаимозависимости и взаимообусловленности ее компонентов и компонентов речевой структуры.

Такое более комплексное видение речевой составляющей коммуникативного события с точки зрения ее функционала и в рамках

контекстуализации позволяет также утверждать, что при рассмотрении некоторого текста под прагматическим углом зрения мы имеем дело и с иным — более комплексным — смыслом, нежели тем, который будет выводим лишь из (денотативных) значений языковых единиц и — далее — семантики предложения и семантики текста. Такой интегративный смысл будем называть **эффектом**.

Даже исходя из существования двух обозначенных (макро)функций — референциальной/денотативной и прагматической, при анализе специфической механики реализации данных функций в конкретной речевой структуре мы будем вынуждены столкнуться со следующим вопросом: как именно в одномерной и линейной структуре одновременно реализуются две эти функции. И далее: каким образом в этой же одномерной последовательной структуре реализуется все намеченное ранее разнообразие прагматических смыслов?

Одним из известных решений является постулирование реализации прагматической и референциальной функции разными последовательно сменяющимися друг друга **сегментами** (под которыми подразумеваются *элементы или фрагменты текста, выполняющие некоторую функцию и выделяемые с точки зрения реализации таковой*) синтагматической цепочки — то, что в рабочем порядке можно назвать «сегментностью». Примером сегментности является утверждение, что (мета)прагматика некоторого (фрагмента) текста реализуется перформативным глаголом, входящим в фрагмент или текст. В данной работе, однако, полифункциональность текста и (сегментов) его поверхностной структуры описывается в терминах **ламинированности**, т. е. исходя из представления о наложении различных функции друг на друга в пределах одного и того же сегмента речевой структуры (см. ниже, а также: (см.: [Молодыченко 2021, 2022b]).

Один из вариантов осмысления ламинированности был предложен М. Сильверстином, утверждавшим, что в ламинированной поверхностной

структуре один и тот же сегментируемый по какому-либо принципу элемент или фрагмент текста одновременно выполняет референциальную/денотативную и прагматическую функцию, сигнализируя в разных функциональных режимах и семиотических модальностях. В основе семантической парадигмы лежит (традиционное) представление о языковых единицах как символах, их значениях как более-менее стабильных и, по крайней мере в тенденции, контекстуально независимых (при их рассмотрении на уровне «языковой системы»). Функционирование в прагматическом режиме объясняется функционированием сегментов текста как индексов, «указывающих» на какой-либо параметр контекста — актуализирующих или порождающих его (“presupposing or entailing”; [Silverstein 1976; Silverstein 1992; Silverstein 2003]).

Типичным и легко поддающимся анализу примером функционирования **индексальной модальности** являются так называемые «референциальные индексы» или «индексальные слова», т. е. элементы семантической сегментации текста, смысл которых в рамках текста, однако, невозможно вывести без определенной переменной контекста или ко-текста (см. подробнее об этом: [Silverstein 1976]). Вторым примером являются средства социального дейксиса, которые помимо функционирования как и референциальные индексы в описанном выше смысле (поскольку являются местоимениями), также индексируют определенные социальные отношения.

Так, личные местоимения «я» и «ты» не могут быть денотативно полноценными, если не индексируют конкретных индивидов в рамках разворачивающегося коммуникативного события. При этом местоимения пары «ты — Вы» можно использовать для демонстрации и еще одного вида индексальности и актуализации социального значения/смысла: будучи элементами семантического сегментирования, эти местоимения также актуализируют разворачивающиеся в данном коммуникативном акте социальные отношения между коммуникантами (или же порождают их) и, по крайней мере

косвенно, участвуют в формировании образа того, кем «предстают» в коммуникативном акте собеседники. Одним из типичных примеров порождения социального эффекта выбором формы «ты» или «Вы» может быть ситуация, в которой неправомерный с точки зрения первого коммуниканта выбор формы «ты» (также часто в совокупности с другими индексами, причем не обязательно лингвистическими) вторым коммуникантом приводит к идентификации такого коммуниканта как представителя определенного социального типа (см.: [Молодыченко 2021, 2022b; Молодыченко, Чернявская 2022]).

В отличие от денотативных (и коннотативных) значений языковых единиц, социальный смысл и прочие смыслы, актуализируемые или порождаемые индексальностью, часто не поддается типизации и вычленению его «инварианта» (того, что можно было бы назвать **значением**). Упомянутые ранее референциальные индексы являются достаточно тривиальным примером функционирования прагматического режима, поскольку (а) выразитель прагматической функции (token) совпадает (по крайней мере в случае с местоимением) с отдельным элементом семантической сегментации — словом, а также (б) имеет более-менее обобщаемое инвариантное (type) прагматическое значение — способность некоторого элемента индексировать некоторый диапазон параметров контекста в некотором диапазоне таких контекстов [Silverstein 1976: 25]. Однако сам факт определяемости значения элемента прагматической сегментации актуализацией некоторого параметра контекста, делает задачу фиксации и описания такого — прагматического — значения (type) достаточно сложной.

Иными словами, индексы зависят от породившего их контекста, от процессов контекстуализации и от так называемой индексальности уровня текста (text-level indexicality; [Agha 2007b: 24]), что затрудняет их деконтекстуализацию и индивидуализацию, то есть изолирование и присвоения «значения». В случае же их «отрыва» от (типичного) контекста порождения они, далее, часто

подвержены изменениям своего значения по мере того, как они **переосмысляются и переформулируются** некоторой частью языкового коллектива. Такие процессы переформулирования вслед за М. Сильверстином [Silverstein 2003] будут рассматриваться как **(этно)метапрагматические**. Одним из простых примеров подобной (этно)метапроцессуальности является позитивная (ре)интерпретация языковых форм, ассоциируемых с рабочим классом (и поэтому рассматриваемых как менее престижные) как более «маскулинных» и их одновременное присвоение («эксплуатация») представителями других слоев общества (см./ср. подобные в: [Coupland 2007: 106–145]).

По-видимому, даже в случае с относительно легко изолируемыми знаками-индексами (вроде выбора формы местоимения «ты — Вы», особенностей произношения или употребления специфических слов, входящих в легко идентифицируемые диалекты или социолекты) индексальное значение должно описываться в терминах того, что П. Экерт назвала «индексальным полем» (indexical field), — полем возможных значений, которое характеризуется постоянно разворачивающимися в нем процессами реинтерпретации и переформулирования [Eckert 2008]. *Эти же закономерности, как будет продемонстрировано далее, наблюдаются и в случае с иными (неязыковыми) объектами-знаками (например, товарами и коммодифицированными практиками), способными транслировать социальные смыслы и, в частности, идентифицировать субъектов как принадлежащих к той или иной социальной типизации.*

Второй сложностью в реализации такой задачи, накладывающейся на первую, является тот факт, что, говоря о (мета)прагматическом смысле или эффекте, мы преимущественно говорим о целостном («холистическом») эффекте реального контекстуализированного текста, в котором прагматическая сегментация конкретных элементов не всегда является возможной вообще.

Такой механизм прагматики, когда целостный эффект текста определяется взаимной детерминированностью одних элементов другими, вмонтированностью текста в контекст и, как следствие, потерей части смысла/эффекта при деконтекстуализации, как было отмечено ранее, именуется индексальностью уровня текста (ср.: [Agha 2007b: 24]); сам же эффект в рамках настоящей работы рассматривается как **метапрагматика текста**.

1.1.2 Метапрагматика текста как ключевая категория операционализации его комплексного эффекта

Комплексный эффект текста, определяемый синергизмом элементов семантической и прагматической сегментации, индексальностью уровня текста и его контекстом, описывается в данной работе как метапрагматика текста. *Под метапрагматикой текста понимается более или менее стабилизировавшаяся рефлексивная репрезентация (для конкретных коммуникантов) того, что происходит в данном акте коммуникации в различных его измерениях: что представляют из себя коммуниканты (их отношения, социальные роли и идентичности), что они делают посредством/в коммуникации, каковы их предполагаемые интенции, что они конкретно достигают в этом акте коммуникации и т. п.* Такая репрезентация также должна *направлять восприятие и интерпретацию содержательной (семантической) составляющей* (см.: [Silverstein 1993]), *включая способы текстовой репрезентации и конструирования (фрагмента) мира.*

Рефлексивность или характеристика «мета» в метапрагматике текста объясняется тем, что такая репрезентация объединяет некоторым более или менее конгруэнтным образом различные прагматические эффекты отдельных элементов прагматической сегментации, которые располагаются на уровне собственно прагматики (см. выше). Семантика (на первом уровне, на том же

уровне, что и прагматика) интегрируется на метауровне в метапрагматику [Silverstein 1993: 41], поскольку комплексное холистическое представление о том, что «делают» коммуниканты, или о том, что «происходит» в данном акте коммуникации, должно включать и то, какое содержание формулируется в данном тексте, но при этом не быть сводимо к нему (см.: [Молодыхенко 2021, 2022b]). В связи с этим метапрагматическая репрезентация является наиболее приоритетным и обоснованным уровнем рассмотрения как семантики целостного текста, так и его прагматики в разрезе эффекта таких контекстуализированных текстов в том числе и как части дискурсивной практики.

В более широкой перспективе метапрагматическая репрезентация является результатом реализации одного из видов **метапрагматического акта**, который в свою очередь является разновидностью металингвистического акта и — еще шире — разновидностью рефлексивности (ср.: [Gnezdilova 2018]). Под металингвистическим актом понимается акт, направленный на осмысление и/или типизацию некоторого аспекта языка [Agha 2007b: 17].

Метасемантические акты следует рассматривать как реализующие рефлексивность относительно (денотативных) значений, кодируемых и передаваемых при помощи языковых средств; типичным примером здесь является дефиниция слова. **Метапрагматические** же акты направлены на рефлексивность и типизацию языковых и речевых элементов в прагматическом ключе.

Метапрагматические акты также часто следует рассматривать и как **метасемиотические**, т. к. в зону охвата типизации попадают смыслы, транслируемые разными семиотическими системами. Например, **метапрагматическая типизация** «он сказал» может отличаться от «он меня оскорбил» набором признаков, не относящихся непосредственно к языковой составляющей (например, громкостью голоса, интонациям, жестиком и прочими паралингвистическими сигналами).

Акцентируемое в настоящей работе интегрирование изучения метапрагматики в лингвистический аналитический инвентарь позиционируется как один из оптимальных способов изучения рецептивного аспекта (реализации) текста («дискурса 1» по В. Е. Чернявской; см. [Чернявская 2009], а также ниже) и функционирования дискурсивных практик вообще, поскольку предполагает анализ метапрагматических актов, генерируемых реальными коммуникантами по поводу некоторых текстов в составе этой практики.

Метапрагматику конкретного текста, далее, следует рассматривать как, помимо прочего, интегрирующую так называемую **метапрагматическую осведомленность**. Этот термин вводится по аналогии с предложенным Дж. Вершюреном термином *metapragmatic awareness* (ср.: [Verschueren 2000: 445–446]). Метапрагматическая осведомленность в свою очередь может являться конкретизацией **метапрагматического знания**.

Под метапрагматической осведомленностью понимается *осведомленность, которую коммуниканты демонстрируют в актах коммуникации относительно используемых ими языковых форм любого уровня от фонемы до целого текста*. Под метапрагматическим знанием понимается *аналогичное знание абстрагированного трансситуативного характера*. Примером такого может служить представление о том, что определенные произносительные особенности или употребление определенных слов соотносится с определенными социальными типизациями, или о том, что определенная жанровая форма решает определенные социальные задачи в определенных контекстах (а также определенными субъектами, соотносимыми с определенными социальными типизациями).

Одним из способов изучения метапрагматической осведомленности, метапрагматического знания и метапрагматики конкретных текстов является изучение метапрагматических актов, реализуемых более или менее конкретной группой субъектов, для которых рассматриваемое явление и процессы

(например, соотносимость производительных особенностей и социотипов) являются полностью или частично осознаваемыми (ср.: [Silverstein 1981]).

Метапрагматические акты могут реализовываться целым классом **языковых метапрагматических ресурсов** разной степени эксплицитности и разной степени стандартизованности. В рамках настоящей работы рассматриваются как минимум следующие случаи (см./ср.: [Verschueren 2000; Gnezdilova 2018; Молодыхенко 2021, 2022b]).

Во-первых, упомянутые ранее референциальные индексы или индексальные слова (см., например: [Кравченко 1992: 93 и сл.; Степанов 2010: 224 и сл.]) — языковые формы, семантика которых зависит от актуализации определенной контекстуальной переменной, а также — но, по-видимому, в меньшей степени — любые другие лексические единицы «с полновесным лингвистическим значением», у которых указательность может усматриваться как один из компонентов «семантической структуры слова» [Кравченко 1992: 95–96]. Такие дейктические формы, так сказать, «заякоривают» речевую составляющую в определенном пространственно-временном и социальном контексте [Verschueren 2000: 447–448], включая ко-текст (например, местоимения в анафорической функции) и, среди прочего, демонстрируют рефлексивное отношение коммуниканта к продуцируемому им тексту как части коммуникативной ситуации.

Во-вторых, целый ряд более эксплицитных форм метапрагматической рефлексии автора текста по поводу этого (разворачивающегося) текста. Иллюстративным примером здесь могут служить перформативные формулы. Подобные формы являются лексическими «**ярлыками**» **метапрагматики текста** (или его фрагмента), частью которого они являются (что так же, как и ранее, демонстрирует рефлексивное отношение коммуниканта к продуцируемому им тексту).

В-третьих, как известно, отсылка в пределах одного речевого события к (условно) внешним по отношению к нему коммуникативным событиям чаще всего отражает определенное их метапрагматическое осмысление [Silverstein 1987: 27–28]. Здесь одной из наиболее иллюстративных категорий являются глаголы передачи чужой речи, названия речевых актов и — как утверждается в данной работе — названия жанров. Все подобные средства будем называть **метапрагматическими терминами (МПТ)**.

В-четвертых, когда метапрагматика текста становится тематическим фокусом некоторого условно отдельного от него текста, таковой можно квалифицировать как метапрагматический [Silverstein 1993: 42–43]. Простейшим примером **метапрагматического текста** (или метапрагматического дискурса, если речь о целом массиве таких) может служить более или менее развернутое обсуждение некоторого текста в терминах «ярлыков», предположительно «схватывающих» его комплексную и наиболее релевантную для коммуниканта(-ов) метапрагматику (например, высказывания из серии: «я не спорил, я объяснял» или — в более сложных случаях — заключения лингвистической экспертизы; см., например: [Кара-Мурза 2019]), названных в предыдущем пункте (глаголов передачи чужой речи, номенклатуры речевых актов, жанровых или того, далее будет именоваться «околожанровыми» метапрагматическими терминами). Данный вид **материализации метапрагматических процессов** является наиболее комплексным и может актуализировать все три названных вида метапрагматики — осведомленность, знание и метапрагматику конкретных текстов.

К способам материализации метапрагматических процессов также следует отнести и группу всевозможных паралингвистических средств, рассматриваемых как **контекстуализирующие сигналы** [Auer 1992]. Такие ранее являлись преимущественно прерогативой прямой устной коммуникации. Сегодня, однако, благодаря развитию коммуникативных технологий [Hepp 2013, Jensen 2011], их

передача стала также возможна в различных видах опосредованной коммуникации. В письменном модусе контекстуализирующими сигналами стали аффордансы [Дзялошинский 2021] вроде эмодзи (см., например: [Китова 2016; Крылов 2017]), так называемых «гифок» (gif; см., например: [Мариева 2020]) и стикеров (см., например: [Дечко, Костюк 2018; Нестерова, Серовская 2019]).

1.1.3 Персуазивный эффект текста как специфический вид комплексной метапрагматики

Одной из наиболее известных традиций ориентированности на осмысление коммуникации в прагматическом разрезе (ср.: [Silverstein 1987]) и одной из наиболее известных традиций изучения эффекта текстов является рассмотрение текстов и дискурсов («дискурсов 2» по В. Е. Чернявской [Чернявская 2009]) как персуазивных. Истоки такой традиции можно усматривать еще в классической риторике [Голоднов 2011; Голоднов 2007; Хазагеров 2002; Cockcroft et al. 2014].

Персуазивная аналитическая перспектива изучения текстов и дискурсов, как известно, является одним из наиболее популярных углов рассмотрения таких дискурсивных практик, как рекламная, и разнообразных практик, функционирующих в поле политики и массмедиа (иногда некритично именуемых политическим дискурсом и дискурсом массмедиа). В этом смысле персуазивная аналитическая перспектива рассмотрения комплексной метапрагматики текстов через призму персуазивности является одной из наиболее очевидных и релевантных применительно к дискурсивным практикам, анализируемым в настоящей работе, — практике лайфстайл (функционирующей в поле массмедиа) и практике американской политической риторики (функционирующей как в поле политики, так и поле массмедиа).

Персуазивность рассматривается в данном исследовании как зонтичное понятие (ср.: [Halmarí 2005: 109]), покрывающее (а) различные преимущественно

лингвистические способы и механизмы воздействия на адресата с целью убеждения последнего в совершении или несвершении определенного действия (см./ср.: [Голоднов 2003: 8]) и (б) способы квалификации эффектов, возникающих как результат реализации таких попыток воздействия. При этом действие и эффект в данном случае необходимо понимать достаточно широко — в диапазоне от конкретных физических действий во время развертывания коммуникативного акта или непосредственно после его завершения до отложенных действий не обязательно специфического материального характера (вроде поддержки политиков и их решений и инициатив).

Исходя из представленной в настоящей работе модели функционирования текстов, рассмотрение текста как персуазивного феномена требует описания такового как комбинации определенных режимов **репрезентации действительности** (т. е. ее специфического отражения в текстах) и реализуемых автором персуазивного сообщения видов **акциональности**, ламинация которых друг на друга может быть рассмотрена как один из механизмов, «отвечающих» за потенциальную метапрагматику такого текста, и как один из стимулов совершения различного рода посткоммуникативных действий.

Иными словами, в работе утверждается, что персуазивность и персуазивный эффект текстов — явления метапрагматического порядка, поскольку такой эффект должен являться комбинацией нескольких переменных (к которым следует относить и те, что не поддаются изучению текстоориентированными методами анализа, вроде внешнего вида коммуниканта, его статуса, известного другим коммуникантам и/или проецируемого в коммуникативном событии благодаря таким сигналам, как внешний вид и прочими воспринимаемым атрибутами и т. п.; см., например: [Cialdini 2007]), включая специфическое содержание сообщения (репрезентацию) и способы «подачи» такого содержания (акциональность).

Так называемые персуазивные средства и приемы, изучаемые в прагматически ориентированных лингвистических и околотингвистических исследованиях, могут быть, таким образом, описаны как преимущественно принадлежащие акциональному или же репрезентативному измерениям текстов (см. теоретическое описание этих феноменов ниже). Например, к акциональному полюсу тяготеют любые описания в терминах структурных компонентов жанров (например, специфических персуазивных коммуникативных ходов; см.: [Bhatia 2005]), с точки зрения построения текста и различных композиционных средств, включая средства фокусирования, фигурирующие под термином «риторические приемы», а также — в какой-то мере — описания в терминах стратегий и тактик, поскольку коммуникативные ходы, реализующие тактики могут быть также рассмотрены как аналоги коммуникативных ходов в составе жанров (см./ср.: [Иссерс 2008: 72–78, 114–130]). Подход к исследованию персуазивности (преимущественно) с точки зрения способов и приемов репрезентации экстралингвистической реальности иллюстрируется многочисленными исследованиями в рамках критического дискурс-анализа (см., например: [van Dijk 2006a], а также далее).

1.2 Речевые системности и их контекстуальная и функциональная обусловленность

Существует несколько вариантов рассмотрения текста как образуемого путем ламинирования друг на друга нескольких системностей. Одной из наиболее популярных в англоязычных лингвистических исследованиях, но вместе с тем малоизвестной в отечественной лингвистике моделей ламинированной поверхностной структуры текста является модель Майкла Хэллидея [Halliday, Matthiessen 2004].

В системной функциональной лингвистике (СФЛ) идея ламинированности выражается одним из базовых постулатов модели — утверждением о том, что в любой речевой структуре одновременно реализуется три метафункции — **идеационная, межличностная и текстуальная**. Каждая метафункция вносит свой вклад в процесс разворачивающейся коммуникации — передает некоторое содержание, реализует социальные отношений и структурирует текст. Эти же функции соотносятся с тремя измерениями коммуникативного и культурного контекста — **поле, тон и модус** ([Halliday, Matthiessen 2004; Martin, Rose 2007; van Leeuwen 1993]; см. также: [Молодыхченко 2014b, 2016]).

Переменная контекста «поле» (field) связана с типом активности (разворачивающейся в данной социальной практике), в которой используется текст и/или которую он репрезентирует; переменная «модус» (mode) призвана отразить способ коммуникации, сопутствующие модальности и роль языка в данной социальной активности; «тон» (tenor) — измерение контекста, охватывающее социальные отношения между коммуникантами (см., например: [Martin, Rose 2007: 297–308]).

Идеационная функция связана с материализацией и закреплением в лексико-грамматических структурах познаваемого человеком окружающего мира. С точки зрения реализации идеационной функции предикация (clause) представляет собой «квант изменения» (quantum of change), т. е. конфигурацию разворачивающихся во времени процессов, участников (participants), тем или иным образом вовлеченных в данный процесс, а также (факультативно) обстоятельств, сопутствующих разворачиванию процесса. В таком виде предикация является способом упорядочивания (так сказать, «дискретизации») континуального потока событий. Грамматическая система, используемая для реализации этой метафункции, — система транзитивности (transitivity; [Там же: 170]). Система транзитивности «расчленяет» континуальный мир опыта на обозримое множество типов процессов (например, материальных, когнитивных,

поведенческих и т. д.). Каждый тип процесса предполагает свою модель для упорядочивания определенной сферы опыта и преобразования ее в грамматическую фигуру определенного рода (см. также: [Молодыченко 2014b, 2016]).

Текстовая функция связана, прежде всего, с тема-рематическим членением предложения. В разрезе текстовой функции предикация рассматривается как сообщение (clause as message). Межличностная метафункция, реализуемая в предикации, связана с рассмотрением предикации как единицы диалога (clause as exchange). Основной грамматической системой в рамках межличностной метафункции является система наклонения (mood).

Особенностью модели, а также индикатором некоторой меры ее «структуралистичности» является (а) жесткая привязка определенных лексико-грамматических структур к каждой из метафункций (см. критику такого подхода в [Poynnton 1993]) и (б) параметризация контекста культуры исходя из параметризации текста (а не наоборот). Так за идеационной функцией закреплена система транзитивности (transitivity), за межличностной — система наклонения (mood), за текстовой — тема-рематическое членение (theme and rheme), что не предполагает того, что некоторая системность будет с точки зрения (мета)прагматики связана (возможно в разной степени) со всеми тремя функциями одновременно.

Примером более «гранулярного» расщепления поверхностной структуры (целого) текста являются текстовые категории и более специфические функциональные семантико-стилистические категории (ФССК), изучаемые в рамках функциональной стилистики.

Как известно, **текстовые категории** — предмет исследования в классических работах по лингвистике текста как в отечественном академическом пространстве (например: [Гальперин 2006; Тураева 1986]), так и зарубежном (например: [de Beaugrande, Dressler 1981; Martin, Rose 2007]). В ряду таковых

И. Р. Гальперин в частности указывает: членение текста, когезию, континуум (взаимно дополняющие друг друга; [Гальперин 2006: 87]); автосемантию отрезков текста; ретроспекцию и проспекцию; модальность текста; интеграцию (см. подробнее: [Там же: 50 и сл.]). Интересно заметить, что категория «интеграция» рассматривается И. Р. Гальпериным [Там же: 124] как специфическая динамическая категория, функционирующая при развертывании текста и обеспечивающая целостность всех частей и компонентов текста; данная категория, как представляется, также является иллюстрацией одного из заявленных ранее принципов — диалектического единства любых категорий, используемых для параметризации речевой структуры и «холистичности» эффекта контекстуализированного текста.

К функциональным семантико-стилистическим категориям текста М. Н. Кожина относит оценку, логичность, гипотетичность, модальность, обобщенность, абстрагизацию, экспрессивность, преемственность знания, диалогичность, субъектность, акцентность (см.: [Стилистика научного текста 1998]).

Текстовые категории и ФССК также отвечают заявленному ранее ключевому принципу параметризации текста — необходимости связи некоторой системности и некоторой переменной контекста. Иллюстрацией данного тезиса в частности является определение ФССК, предлагаемое М. Н. Кожиной, как системы «разноуровневых средств (включая текстовые), объединенных функционально-семантически на текстовой плоскости... т. е. выполняющих в тексте какую-либо определенную функцию, реализующую тот или иной категориальный признак данного текста...» [Там же: 10]. А также предлагаемым принципом объединения средств в одну ФССК, которым является «...функционально-смысловая близость единиц в процессе реализации в тексте соответствующего экстралингвистического фактора» [Там же: 11].

1.2.1 Акциональность и репрезентативность в ламинированной речевой структуре

В рамках данного исследования и для решения поставленных в нем задач наиболее релевантным способом параметризации и анализа текста с точки зрения его функционирования как в контексте коммуникативной ситуации, так и в дискурсивной практике и — шире — контексте культуры является рассмотрение речевой структуры как результата ламинирования двух ключевых видов системностей — **акциональной**, связываемой с категорией «жанр», и **репрезентативной**, связываемой с категорией «дискурс-репрезентация».

Жанры и дискурсы в свою очередь рассматриваются как **модели**, т. е. как *абстрагированные от конкретных экземпляров формации, апелляция к которым позволяет коммуникантам оформлять продуцируемые ими тексты особым образом*. С позиции же исследователя обращение к таким моделям позволяет объяснить особенности организации и механики функционирования данных экземпляров. Как абстрактные модели жанры и дискурсы рассматриваются как располагающиеся не на уровне конкретных текстов и коммуникативных эпизодов, а на уровне социальной практики и их «сплетений» в рамках полей (вроде политики и массмедиа) и в своей совокупности образующие так называемый порядок дискурса (the order of discourse; [Fairclough 1995]), под которым понимается совокупность всех возможных соотносимых с данным сплетением практик лингвистических ресурсов (включая различные жанры и дискурсы-репрезентации, а также иные возможные явления достаточного уровня абстрагирования, вроде регистров и стилей, подробно не рассматриваемых в данной работе).

Позиционирование конкретных текстов как апеллирующих к двум данным видам системности — жанровой и дискурсивной — позволяет также считать эти системности «промежуточными» образованиями между языком (на уровне

системы) и конкретным текстом. Жанры и дискурсы также рассматриваются как лингвистические **ресурсы**, которые субъекты используют в актах коммуникации для передачи определенного содержания (под определенным углом зрения — репрезентации) и реализации определенного социального действия (акциональности).

Похожие идеи были сформулированы в рамках некоторых дискурс-аналитических подходов [Chouliaraki, Fairclough 1999; Fairclough 2003; van Leeuwen 1993], однако истоки таковых следует усматривать в идеях М. М. Бахтина, в частности, в идее языковой «расслоенности» и «разноречий», поскольку данную концепцию в современных терминах также можно рассмотреть как такую, в которой языковые ресурсы — разноречия — располагаются между системой языка и непосредственным текстом (или «высказыванием», по Бахтину). К таким «языкам разноречия» М. М. Бахтин [Бахтин 2012: 42–44] относит три разновидности образований: жанры, профессиональные языки, которые сегодня мы бы назвали профессиональными регистрами или функциональными стилями, и прочие образования, которые у Бахтина фигурируют под термином «социальное расслоение» [Там же: 44] — то, что сегодня можно было бы приравнять к стилям в социолингвистическом смысле (см. [Coupland 2007]).

Итак, категории «жанр» и «дискурс» рассматриваются в данной работе как предопределяющие два разных (ламинируемых друг на друга) вида речевой системности в пределах одного текста. Как таковые (а также в тех специфических пониманиях, которые будут рассмотрены в Главе 2 и 3) две данные категории рассматриваются не как конкурирующие (ср.: [Bilá, Ivanova 2020: 225]), а как **комплементарные**, причем *применимые одновременно к анализу одного и того же текста для относительно полноценного объяснения его функционирования в рамках контекста ситуации и как части дискурсивной практики.*

В данном случае следует исходить из того, что компоненты речевой системности — содержание (которое предлагается описывать в терминах семантических паттернов) и определенное лексико-грамматическое, синтаксическое и структурное оформление (разных уровней) — не могут предопределяться и предсказываться какой-либо одной, пусть даже «пакетной» (ср.: [Баженова, Котюрова 2016]) категорией — жанром, дискурсом, стилем или чем-то иным.

В статической и результативной плоскости, таким образом, рассматривая экземпляр некоторого **жанра**, мы рассматриваем (а) текст, оформленный согласно некоторой жанровой модели, или же (б) саму модель как таковую. В динамической плоскости жанры (точнее «исполнение жанра»; ср.: [Devitt 2015]) рассматриваются как зависимые от своего контекста способы дискурсивной интеракции, а элементы жанровой/акциональной системности как специфические виды фиксации такого способа в композиционных, лексико-грамматических и синтаксических структурах текстов, а также в специфических семантических паттернах (ламинируемых на эти структуры). *Такая жанровая параметризация рассматривается как основной способ анализа и объяснения специфики оформления отдельных текстов.*

Однако не все возможные выделимые и поддающиеся анализу разновидности речевой системности будут предопределяться жанром. Второй по значимости категорией, предопределяющей специфические виды речевой системности (семантические паттерны, лексико-грамматическое оформление, а также композиционные структуры, на которые паттерны в их лексико-грамматическом оформлении ламинируются), является **дискурс(-репрезентация)**. В упрощенном виде можно сказать, что дискурс определяет содержание, а жанр — форму и организацию подачи этого содержания.

В таком виде **акциональность/жанр** является специфическим способом осмысления прагматического измерения коммуникации, в наилучшем виде

применимым в **текстоориентированном исследовании** дискурсивных практик (коим является настоящая работа), в отличие от способа осмысления и операционализации прагматики (как индексальности и актуализации социальных смыслов) в социолингвистике и лингвистической антропологии, где основным методом исследования является этнографический. Аналогичным образом, **репрезентативность/дискурс** является способом осмысления и описания **семантического измерения текстов/дискурсов**, в наибольшей степени ориентированным на исследование таковых в рамках социальных практик и контексте социокультурных процессов вообще.

Преимущества **модели параметризации текста и контекста** (в их взаимообусловленности) **«жанр-дискурс»** обнаруживаются в нескольких моментах.

Во-первых, одним из наиболее очевидных преимуществ модели (под моделью в данном случае понимается упрощенная репрезентация некоторого комплексного явления, высвечивающая интересующие исследователя аспекты такового и позволяющая объяснять некоторую специфику реального функционирования изучаемого комплексного явления) является то, что для параметризации текста и контекста (в их взаимообусловленности) используются известные, хорошо разработанные категории — жанр и дискурс.

Исследование репрезентативного измерения — того, как дискурс отражает некоторый фрагмент мира, — является продолжением традиции, ведущей начало от классических работ по критической лингвистике [Fowler et al. 1979; Hodge, Kress 1979], и согласуется с тем, как тексты и дискурсы изучаются в работах по (критическому) дискурс-анализу в различных вариациях как за рубежом, так и в России.

Исследование акционального измерения (коррелирующего с жанром в данной модели) является продолжением традиций изучения жанра в различных школах жанроведения на Западе и в отечественной традиции, а также — в более

широкой перспективе — с исследованием языка в его инструментальной функции: в риторике, теории речевых актов, различных направлениях прагматики (см.: [Silverstein 1987]), включая исследования персуазивной коммуникации.

Во-вторых, преимуществом данной модели также является большая гибкость. В предлагаемой в настоящей работе модели «акциональность-репрезентативность» связь языкового средства или сегмента речевой структуры с одним из двух измерений носит вероятностный характер: в анализе будет продемонстрировано, что практически каждый элемент речевой системности может (однако в меньшей степени) коррелировать не только со «своей» категорией, но и «конкурирующей» категорией.

Такое «диалектическое», по словам Н. Фэрклафа, отношение (ср.: [Fairclough 2003: 28 ff]) рассматриваемых категорий на уровне модели на практике также выражается в холистическом эффекте текста, когда используемая форма социального взаимодействия, передаваемое содержание (а также проецирование определенной формы идентичности) комбинируется в один общий эффект текста, регистрируемый (при анализе рецептивной стороны процесса) или аналитически воссоздаваемый при выборе **метапрагматической перспективы** исследования.

В-третьих, существует множество параллелей в осмыслении и истории изучения данных категорий и категорий социального анализа. В этом смысле все три категории можно было бы назвать «пакетными понятиями» (см./ср.: [Баженова, Котюрова 2016]); все три демонстрируют междисциплинарный характер и интегрируют «совокупность качественно разнородных, но взаимосвязанных компонентов» [Там же: 15].

Комплексность этих категорий и социокультурная обусловленность реализуемого на их основании анализа подчеркивается также рассмотрением этих категорий (жанр и дискурс) как спектров, на одном конце представленных

определенной речевой системностью, а на другом — одной или несколькими социокультурными формами. Так, в случае с жанром на одном конце спектра располагается связанная с жанром речевая системность конкретного текста, а на другом конце представления о возможных типах **социальных (взаимо)действий** и **типах деятельности** (см./ср.: [Салимовский 2002]) в данном обществе вообще. В случае с дискурсом-репрезентацией на одном конце располагаются определенные виды речевой материализации репрезентаций реальности, выстраивающих взаимосвязи между объектами и явлениями таковой и формулирующих определенные оценочные позиции, которые на другом конце спектра «кристаллизуются» в виде **систем убеждений (идеологий) и ценностей**.

1.2.2 Диалогичность как ключевой принцип порождения и использования текстов в дискурсивных практиках

В качестве одного из **базовых принципов** дискурс-анализа как по линии «дискурс 1», так и по линии «дискурс 2» (см. обсуждение данных терминов ниже, а также в: [Чернявская 2009]) можно рассматривать диалогичность, введенную в оборот гуманитарных наук М. М. Бахтиным.

Принцип диалогичности в том виде, в котором его выдвинул Бахтин, сводится как минимум к двум моментам. Во-первых, любое высказывание видится как своеобразная (метафорическая) реплика диалога. Диалогичность в разрезе формулируемого некоторым дискурсом (референциального) содержания обуславливается тем фактом, что любое высказывание «находит тот предмет, на который оно направлено, всегда, так сказать, уже оговоренным, оспоренным, оцененным, окутанным затемняющей его дымкою или, напротив, светом уже сказанных чужих слов о нем. Он опутан и пронизан общими мнениями, точками зрения, чужими оценками, акцентами» [Бахтин 2012: 31].

Однако понимание диалогичности в концепции Бахтина не сводимо просто к существованию разных мнений относительно любого объекта вербальной рефлексии и оценки. Диалогичность Бахтина имеет многослойную природу. Так, «разные точки зрения, мировоззрения, направления» [Бахтин 1986: 438], в среду которых погружен любой «предмет речи», существуют не в виде каких-то абстрактных умозрительных категорий и идей, но в форме высказываний (т. е. текстов и дискурсов), поскольку знания, как известно, позиционируются Бахтиным (Волошиновым) как имеющие знаковую и социальную природу. Ср.: *«Действительность внутренней психики — действительность знака. Вне знакового материала нет психики»* ([Волошинов, Бахтин 2010: 25]; курсив в оригинале). И далее: «...содержание „индивидуальной“ психики по природе своей столь же социально, как и идеология, и самая степень сознания своей индивидуальности и ее внутренних прав — идеологична, исторична, и *всецело обуславливается социологическими факторами* ([Волошинов, Бахтин 2010: 33]; курсив мой. — *Е. М.*).

Такая «знаковость» позволяет далее высветить в диалогичности еще один специфический аспект: одним из измерений диалогичности будет и то, что Бахтин называл диалогом «разноречий» или «языков» (т. е. то, что в современной терминологии можно было бы представить как гибридизацию в тексте различных ресурсов в виде жанров и стилей в социолингвистическом смысле). Поэтому, говоря о том, **что** опутывает и пронизывает любой предмет речи, Бахтин в частности называет это образование «разноречивым социальным мнением». Неотъемлемой чертой знаковости также является социальная заякоренность знаков (и, соответственно, значений, смыслов, знаний и т. д.) и в частности упомянутых разноречий (и, соответственно, «разноречивых социальных мнений»): любой предмет речи, будучи «конципирован» [Бахтин 2012: 33] некоторым высказыванием, вступает в диалог «с чужим словом о нем» [Там же: 32], которое в свою очередь всегда социально [Там же: 46].

Такой принцип работы знака — связанности означающего не только с означаемым (в чистом виде, в виде значения/смысла или референта/денотата), но и с некоторой группой субъектов, с которыми данный знак ассоциируется, — является, по всей видимости, одним из универсальных принципов работы знаковых систем (см.: [Agha 2007b; Spitzmüller 2015]) и отражен введенным ранее представлением об индексальности.

Второй стороной диалогичности, по Бахтину, является то, что можно было бы назвать «проспективной ориентацией» или «рецептивно-ориентированной проекцией» [Чернявская 2009: 189]. Этот аспект диалогичности объясняется Бахтиным как предопределяемость высказывания «еще несказанным, но вынужденным и предвосхищаемым ответным словом» [Бахтин 2012: 34]. Как утверждает Бахтин, в данном случае мы имеем дело с той же разноречивой средой чужих слов, которая теперь «дана говорящему не в предмете, а в душе слушателя, как его апперцептивный фон, чреватый ответом и возражениями» [Там же: 36].

Принцип диалогичности применим к объяснению механики функционирования жанров и дискурсов-репрезентаций, позиционируемых как модели и/или ресурсы, к которым социальные акторы «апеллируют» (или которыми они ограничиваемы) при создании и/или интерпретации текстов. Такой процесс апелляции может быть условно обозначен как **«вертикальная диалогичность»**.

Так, для жанра следует отметить как минимум так называемую (тексто)типологическую открытость, когда «тексты одного типа „открыты“ друг другу и интертекстуальны в том смысле, что в них всегда обнаруживаются общие черты их текстуальности, маркирующие в глазах реципиента их принадлежность к одному и тому же типу» [Чернявская 2009: 193]. Похожим образом диалогическую суть такого механизма объясняют Р. Бауман и Ч. Бригз [Briggs, Bauman 1992]. Опираясь на теорию диалогичности Бахтина и

осмысление жанра У. Хэнкса [Hanks 1987: 19] как абстрактной модели производства и восприятия текстов, авторы предлагают рассматривать принадлежность текста к некоторому жанру/-ам как интертекстуальную связь между текстом и такими обобщенными или абстрагированными (generalized or abstracted) моделями [Briggs, Bauman 1992: 147].

В случае с дискурсом-репрезентацией диалогичность предстает в дискурс-аналитических подходах в виде идеи «конструктивистского структурализма», занимающей промежуточную позицию между постулированием предопределенности социального пространства и процессов структурой и постулированием таковых исключительно как продукта агентивности отдельных субъектов [Chouliaraki, Fairclough 1999]. Как известно, при всей эфемерности дискурсов-репрезентаций, им во многих подходах приписывается (большая или меньшая — в зависимости от подхода) «власть» влиять на то, что может быть задумано, выражено, воспринято и интерпретировано (см., например: [Чернявская 2009: 157–167]). Осмысление же отношений между дискурсом-репрезентацией и конкретным текстом в терминах диалогичности высвечивает и «власть», имеющуюся у социальных акторов — власть переформулировать (в процессе апелляции к таким дискурсам-репрезентациям) заданные дискурсом смыслы и связи (см.: [Chouliaraki, Fairclough 1999: 47]).

Изменения, имеющие свое начало в, так сказать, «неожиданном» или «новаторском» сочетании элементов в конкретных текстах, могут быть рассмотрены не только как меняющиеся ассоциированные с ними ресурсы в виде жанров и дискурсов-репрезентаций, но и приводящие к изменениям на уровне еще более абстрактных структур, т. е. на уровне языковой системы. Подобного рода наблюдения, к примеру, регистрируются в исследованиях по медиалингвистике и, соответственно, связываются с медиатизацией [Schulz 2004; Нерр 2013] в широком смысле (см., например: [Генералова 2021; Калиновская 2021; Конюшкевич 2019]).

Вторым измерением реализации диалогичности является то, что можно было бы назвать **«горизонтальной» диалогичностью** — диалогом «голосов» в пределах одного текста. Как было отмечено ранее, любой текст (как линейная последовательность знаков) рассматривалась Бахтиным не как единое, так сказать, монолитное образование и материализация только лишь «голоса» своего автора, а как «напряженное взаимодействие и борьба своего и чужого слова» [Бахтин 2012: 109]. Используя иную метафору, Бахтин также указывает, что каждое высказывание как бы «изборождено... далекими и еле слышными отзвуками смен речевых субъектов и диалогическими обертонами» [Бахтин 1986: 465].

В терминах используемых в работе категорий это означает, что один текст не обязательно должен воплощать один дискурс(-репрезентацию) или быть в одном жанре. Текст следует рассматривать как потенциально апеллирующий к одному или нескольким жанрам и дискурсам-репрезентациям (в том числе и конфликтующим). Комбинация такой горизонтальной диалогичности с обозначенной выше вертикальной диалогичностью и разведением категорий жанра и дискурса позволяют в частности анализировать и объяснять случаи, когда одна и та же жанровая форма может использоваться для «упаковки» по сути противопоставленных друг другу («конфликтующих») дискурсов. Если бы жанр связывался в том числе и с определенным видением мира (идеологией), то такие случаи сложно было бы объяснить.

Выводы к Главе 1

Ключевым понятием, позволяющим объяснить функционирование нескольких речевых системностей в составе одного текста и в форме одномерной синтагматической структуры, является понятие ламинированности, под которой понимается наложение друг на друга в единой линейной поверхностной

структуре текста сегментов различного масштаба, выделяемых разными способами и на разных основаниях, отсылающих к разным параметрам контекста и/или выполняющих различные коммуникативные функции. Двумя наиболее базовыми и общими режимами как идентификации, так и функционирования сегментов поверхностной структуры и целостного текста является семантический и прагматический, коррелирующие с двумя видами смыслов, потенциально транслируемых текстом: референциальным/денотативным и прагматическим.

В рамках данной работы двумя режимами и видами смыслов наиболее релевантными для (а) объяснения функционирования отобранных массивов текстов для (б) решения поставленных в работе задач и (в) с выбранных теоретико-методологических позиций постулируются акциональный и репрезентативный. Акциональность как режим развертывания текста в коммуникативном событии высвечивает его функционирование в данном событии как способа организации коммуникации и — шире — способа реализации социального (взаимо)действия. Репрезентация как режим развертывания текста высвечивает его роль как способа отражения и/или конструирования экстралингвистической реальности с некоторых (идеологических) позиций и — шире — как способа передачи некоторого содержания. Оба данных режима или — иначе — аспекта функционирования текста рассматриваются, далее, как реализуемые ламинируемыми друг на друга речевыми системностями, т. е. комплексами семантических паттернов, лексико-грамматических, синтаксических и структурных компонентов.

Категория жанр рассматривается как абстрактная или абстрагированная модель, апелляция к которой определяет акциональность и акциональную речевую системность, включающую некоторые композиционные, лексико-грамматические и синтаксические особенности, а также ламинируемые на них семантические паттерны, конкретных текстов (жанровых экземпляров). Аналогичным образом теоретически осмысливается дискурс-репрезентация — как

модель, с одной стороны, и определяемая ей речевая системность (в первую очередь семантические паттерны и специфика их лексико-грамматического оформления, которые далее ламинируются в конкретных экземплярах на определенную композиционную структуру), с другой.

Механика взаимодействия жанров и дискурсов-репрезентаций как моделей или ресурсов, к которым субъекты «апеллируют» (или которыми они ограничиваемы) при создании и/или интерпретации текстов, описывается в терминах принципа диалогичности, введенного в оборот гуманитарных наук М. М. Бахтиным. Исходя из такого принципа создание текста в некотором жанре или их комбинации рассматривается как апелляция к жанровой модели или моделям и гибкое ее/их применение в уникальном текстовом жанровом экземпляре. При этом, также исходя из принципа диалогичности, каждый акт апелляции и использования модели/ей в конкретных текстах является возможностью генерации некоторого количества девиаций, которые (в особенности при их аккумуляции) способны привести к изменению самой модели. Аналогичная логика рассуждений применима к дискурсам-репрезентациям.

Как деление на семантику и прагматику, так и более релевантное для дискурс анализа деление на акциональность и репрезентативность призвано раскрыть базовую механику ламинирования потенциально сегментируемых в аналитических целях фрагментов речевой структуры и является условным с точки зрения восприятия текстов в реальных коммуникативных событиях. В реальной коммуникации результатом восприятия текста следует считать то, что можно было бы назвать его метапрагматикой.

Под метапрагматикой текста понимается более или менее конгруэнтная когнитивная репрезентация того, что происходит в данном акте коммуникации в различных его измерениях, не ограничивающихся только лишь содержательным аспектом такового (и более конкретно — репрезентативным), но включающих

представления о том, что коммуниканты «делают» посредством/в коммуникации, каковы их предполагаемые интенции, что они конкретно достигают в этом акте коммуникации (акциональный аспект) и иные подобные смыслы, а также представления о том, как себя позиционируют коммуниканты в данном акте коммуникации и/или кем они «предстают» благодаря, независимо или вопреки таким попыткам позиционирования. Метапрагматика конкретных текстов должна также рассматриваться как включающая элементы конкретизации так называемой метапрагматической осведомленности, под которой понимается демонстрируемое в актах коммуникации рефлексивное осмысление используемых языковых форм в различных смыслах; метапрагматическая осведомленность, далее, также может рассматриваться как конкретизация транситуативных метапрагматических знаний различного характера.

Группа смыслов, связанная с проекцией определенных форм идентичности, которую можно было бы операционализировать как «идентификационный» аспект развертывания текста, в настоящем исследовании исключается из рассмотрения, поскольку во многом зависит в своей реализации от паралингвистических и нелингвистических сигналов, присутствующих в коммуникативном эпизоде и, соответственно, практически не поддается исследованию текстоориентированными дискурс-аналитическими методами.

Одним из ключевых подходов изучения эффекта текстов является их рассмотрение как персуазивных. Персуазивность позиционируется как зонтичное понятие, покрывающее (а) различные способы и механизмы воздействия на адресата (преимущественно лингвистические) с целью убеждения последнего в совершении или несвершении определенного действия и (б) способы квалификации эффектов, возникающих как результат реализации таких попыток воздействия. При этом действие и эффект понимаются достаточно широко — в диапазоне от конкретных физических действий во время развертывания коммуникативного акта или непосредственно после его завершения до

отложенных действий не обязательно специфического материального характера (вроде поддержки политиков и партии и их решений и инициатив).

Исходя из представленной в настоящей работе модели, рассмотрение текста как персуазивного феномена требует его описания как комбинации определенных режимов репрезентации действительности и реализуемых автором персуазивного сообщения видов акциональности, ламинирование которых друг на друга может быть рассмотрено как один из механизмов, «отвечающих» за потенциальную персуазивную метапрагматику такого текста, и как один из стимулов возникновения различного рода посткоммуникативных действий. В этой связи персуазивные средства и приемы, изучаемые в прагматически ориентированных лингвистических и окололингвистических исследованиях, могут быть описаны как преимущественно принадлежащие акциональному или же репрезентативному измерениям текстов и будут рассмотрены в данной работе при обсуждении соответствующих феноменов в последующих разделах.

Глава 2 Дискурс как способ репрезентации действительности и как ресурс реализации социальных практик

2.1 Текст в контексте ситуации, дискурсивной практики и контексте культуры

В отечественной лингвистике базовое определение дискурса (см. также обзор в: [Герасимов, Ильин 2002; Карасик 2000, 2002; Тюпа 2011]) было предложено Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1990] и В. Е. Чернявской, определившей дискурс как «текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом» [Чернявская 2003: 54]. При таком понимании анализом дискурса потенциально является любой анализ речевой структуры, в той или иной мере обращающийся к экстралингвистическому контексту.

Одним из векторов определения дискурса в преимущественно лингвистических терминах является понимание, выводимое из противопоставления по линии «текст — дискурс» в различных объяснительных концепциях, например: [Бочарникова 2010; Макаров 2003: 87–90]). Под дискурсом («дискурсом 1» по В. Е. Чернявской ср.: [Чернявская 2009: 143]) в рамках такого противопоставления можно понимать (условно) отдельный текст, «погруженный в жизнь», или — иначе — уникальную конфигурацию речевой или — шире — семиотической структуры и контекста его порождения и/или восприятия. Иными словами, *в таком понимании дискурса акцентируется особый ресурс рассмотрения текста, при котором в фокус внимания исследователя помимо собственно речевой структуры попадает (в различной степени) и коммуникативный процесс, «приводящий к образованию... структуры»* [Чернявская 2009: 135] (т. е. **генеративный аспект**), и/или процесс ее восприятия особым образом реципиентом, приводящий к формированию некоторой репрезентации таковой (т. е. **рецептивный аспект**), а также широкий

круг элементов «экстралингвистического фона» [Там же: 135], для которых может быть продемонстрировано, что они в той или иной связи (пред)определяют специфику формулирования такой структуры (**социокультурный аспект**).

Другим исследовательским вектором является определение и аналитическое очерчивание границ дискурса по границам определенной социальной практики. В таком случае под дискурсом («дискурсом 2» по В. Е. Чернявской ср.: [Чернявская 2009: 144]) или **дискурсивной практикой** понимается речевой компонент некоторой социальной практики или — иначе — совокупность текстов, репрезентирующая данную практику. Такое понимание прослеживается во множестве современных работ (см., например: [Белошицкая, Пак 2019; Дронов 2020; Карипиди 2019; Селезнева, Воробьева 2019; Уланов 2020]) и иллюстрируется такими популярными оборотами, как «рекламный дискурс» или «медицинский дискурс» (ср.: [Чернявская 2009: 144]).

В таких значениях дискурс («дискурс 1» и «дискурс 2»), однако, *не отсылает ни к какому специфическому виду языковой или речевой системности, которая могла бы эксклюзивно соотноситься с категорией «дискурс» и не входила бы при этом в иные системности, вроде жанровой или стилистической* (ср.: [Кожина 2004; Орлова 2013]). Для отсылки к такой «эксклюзивной» системности в рамках настоящей работы используется понимание дискурса, обозначаемое термином **«дискурс-репрезентация»** (или — в продолжение традиции именованя таких феноменов, заложенной В. Е. Чернявской, — «дискурс 3»). Такое специфическое понимание ведет свое начало от трудов М. Фуко [Фуко 2004], французской школы дискурсивного анализа [Квадратура смысла 1999] и теории Э. Лаклау и Ш. Муфф [Laclau, Mouffe 2001]. Под дискурсом в данном случае будет пониматься *специфический способ дискурсивного отражения и/или конструирования социальной реальности под*

определенным углом зрения, как правило, в какой-то мере выгодном определенной группе субъектов.

Иными словами, оперирование категорией «дискурс-репрезентация» в данном исследовании предполагает, что (а) дискурс является транситуативным и транстекстуальным образованием (как и «дискурс 2»); (б) дискурс не пассивно отражает реальность (под определенным углом зрения), но и участвует в ее конструировании; (в) специфические варианты отражения и конструирования имеют определенные последствия, как дискурсивные, так и — что принципиально важно — недискурсивные; (г) дискурс как инструмент отражения и конструирования тесно связан с вопросами власти, борьбы за власть и социального неравноправия.

Особенностью операционализации дискурса-репрезентации также должно являться специфическое очерчивание границ изучаемого явления — не (обязательно) по границам социальной практики, но в соответствии с транслируемым видением мира.

2.1.1 Дискурс как социальная практика в речевом аспекте

Дискурсивная практика представляет собой социальную практику в ее речевом аспекте или — иначе — совокупность продуцируемых в данной практике текстов, которые являются одним из возможных инструментов ее реализации. **Социальные практики**, в свою очередь, можно определить как рутинизированные и типизируемые виды активности, привязанные к определенным временным и физическим локациям, в которых люди используют ресурсы (материальные и символические) для того, чтобы реализовывать некоторое коллективное действие. Практика, далее, представляет собой артикуляцию взаимообусловленных и дополняющих друг друга компонентов,

одним из которых и является дискурс — речевая или семиотическая составляющая социальных практик (ср.: [Chouliaraki, Fairclough 1999: 21]).

Практики следует рассматривать как явления различной масштабности — от достаточно всеобъемлющих (например, практика проведения университетского занятия) до достаточно гранулированных, как, например, включение проектора, использование маркера для написания чего-либо на доске, ответа на вопрос студента и прочих подобных типизируемых, повторяющихся действий (ср.: [Scollon, Scollon 2004: 13]).

В рамках данной работы рассматриваются четыре основных компонента социальной практики — материальный компонент (в первую очередь несемантического плана), социальные отношения и процессы, когнитивный компонент и собственно дискурсивный (см.: [Chouliaraki, Fairclough 1999: 21, 61]).

Одним из ключевых аспектов соотношения дискурсивного и недискурсивных компонентов является объем и значимость дискурсивного компонента в данной практике. Даже обыденное наблюдение демонстрирует, что существуют практики с диаметрально противоположным доминированием дискурсивного и недискурсивных компонентов. Примером преимущественно дискурсивной практики может являться лекция. Примером преимущественно недискурсивной — игра в футбол (т. е. сама практика игры на поле).

Термином «практика» обозначается точка пересечения между абстрактными структурами и их механизмами и конкретными событиями и действиями, в том числе и коммуникативными. Сам термин «практика», с одной стороны, акцентирует процессуальность, ассоциируемую с конкретным воплощением практики в некотором социальном действии, а с другой ее типизируемость, устойчивость и транситуативность (ср.: [Chouliaraki, Fairclough 1999: 21–22]). Взгляд на практику как нечто абстрагируемое от конкретных событий и действий также позволяет создать теоретические условия, когда она,

будучи более-менее стабильной и рутинизированной, все же видится как подвластная трансформации, поскольку каждое конкретное действие или событие, по крайней мере в тенденции, **воспроизводит** практику, но одновременно **трансформирует** ее.

Дискурсивный компонент следует рассматривать как фигурирующий в практиках в двух ипостасях — как один из способов реализации данной практики («дискурс как действие») и как ее рефлексивное измерение и/или как рефлексию этой же самой социальной практики или иной социальной практики, включая иные дискурсивные практики («дискурс как рефлексия»).

«Дискурс как действие» акцентирует тот факт, что дискурсивная практика (речевой или семиотический компонент) может быть одним из способов и инструментов (основным или вспомогательным) реализации социальной практики. Рефлексивное измерение практики представляет собой отражение этой же практики и ее компонентов в текстах, генерируемых в рамках практики (см./ср.: [Chouliaraki, Fairclough 1999: 25–26]). В более общем смысле рефлексивная практика — отражение некоторой иной практики и ее компонентов в текстах, генерируемых в рамках социальной практики, частью которой является рефлексивная практика.

Таким образом, **исследование дискурсивных практик** может означать, что помимо анализа дискурса используются те или иные инструменты и способы анализа практики, которую он рефлексивует, и/или практики, компонентом которой дискурс является и в которой он используется как один из инструментов ее реализации. Две данные разновидности не образуют взаимоисключающие направления, и в рамках данного исследования используется комбинация данных процедур.

Итак, дискурсивная практика (или «дискурс 2») рассматривается в данной работе как комплексная социальная практика, которая может быть представлена как совокупность взаимодействующих компонентов, в ее речевом аспекте.

Такой речевой аспект, далее, рассматривается как совокупность текстов, генерируемых в данной практике. Отдельные тексты в составе практики согласно положениям, отраженным в понятии «дискурс 1», рассматриваются в аспекте их обусловленности этой практикой, в том числе в процессуальном аспекте их производства и восприятия в актах коммуникации в составе этой практики, и в свою очередь в аспекте обусловленности самой практики более широким социокультурным контекстом.

2.1.2 Текст и параметризация контекста

То, где начинается контекст, для анализа текста согласно дискурсивному (по линии «дискурс 1») подходу зависит от выбора фокального события (см.: [Goodwin, Duranti 1992]), по отношению к которому все остальные «обрамляющие» его компоненты, для которых может быть продемонстрировано, что они являются релевантными для интерпретации некоторой специфики фокального события, считаются его фоном. Такой фон является потенциально бесконечным и в аналитических целях может быть представлен как состоящий из нескольких **уровней** (см. также: [Молодыхенко 2023]).

Минимальным фокальным событием в дискурс-анализе следует рассматривать «мимолетную» фазу разворачивающейся «здесь и сейчас» коммуникации [Silverstein 2003: 195–196]. По отношению к такому фокальному событию ближайшим фоном является любой фрагмент — вплоть до непосредственно предшествующего и непосредственно следующего за ним — того же текста или — иначе — «ко-текст». Такой уровень можно было бы назвать «нулевым».

Наиболее распространенным вариантом выбора фокального события в дискурс-аналитических исследованиях, включающих настоящую работу, однако, является текст в его (относительной) завершенности (что опять же соответствует

представлению «дискурс 1»). В качестве ближайшего фона для такого фокального события и **первого уровня контекста** следует рассматривать коммуникативную технологию (включая самые простые, вроде письма на бумаге) и сопутствующие речевой структуре семиотические модальности, которые данная коммуникативная технология позволяет реализовать (см.: [Молодыченко 2023]). Речевую структуру в совокупности с контекстом первого уровня следует рассматривать как комплексный семиотический факт, который также именуется некоторыми исследователями дискурсом (ср.: [Blommaert 2005; Blommaert 2015b; Lemke 1995; Scollon, Scollon 2004]).

В качестве **второго уровня** рассматривается физическая локализация дискурса. Сюда следует отнести пространственно-временную заякоренность текста, определяющую, к примеру, смысл дейктических элементов, а также релевантные элементы физического контекста, не включенные в первый уровень (см.: [Молодыченко 2023]). К таковым можно отнести физические параметры места (например, слышимость, присутствие посторонних наблюдателей, присутствие шума) и используемые инструменты и ресурсы реализации речевой активности и/или активности, сопутствующей речевой, влияющие на реализацию коммуникации ([Scollon, Scollon 2004: 3–4]; ср. также: [Леонтьев 1999: 210–227]).

К **третьему уровню** в данном исследовании относится «социальная локализация» коммуникативного события (см. подробнее: [Молодыченко 2023]). Очевидно, что большая часть интеракций с использованием языка представляет собой *коммуникативное событие определенного типа с регламентированными субъектными позициями для коммуникантов и регламентированными социальными отношениями между ними* (см./ср.: [Fairclough 1992: 126; Verschueren 1999: 76–87; Леонтьев 1999: 199–209]).

К **четвертому уровню** относится контекст профессиональной и/или социальной практики определенного типа (см. подробнее: [Молодыченко 2023]). На этом уровне также располагаются собственно дискурсивные практики,

которые могут в свою очередь рассматриваться как контекст для отдельных текстов, как это было отмечено ранее. Дискурсивная практика как агрегированная совокупность текстов, включенных в нее, может, далее, рассматриваться как фактический массив сформулированных текстов (ср. так называемый принцип позитивности по М. Фуко [Фуко 2004]), а также как абстракция от таковых и/или как то, что теоретически могло бы быть сформулировано исходя из дискурсивных механизмов данной практики (то, что можно было бы назвать «потенциальным измерением дискурса» см. [Шейгал 2000]).

На **пятом уровне** располагаются сложные конфигурации социальных практик в рамках так называемых (социальных) **полей** [Chouliaraki, Fairclough 1999: 99–106, 114] с их взаимным (идеологическим) влиянием и наиболее абстрактные социальные структуры (см. подробнее: [Молодыхенко 2023]). В качестве примеров полей можно привести поле политики или массмедиа (см.: [Chouliaraki, Fairclough 1999]); в качестве примеров структур можно привести социоэкономический класс и системы родственных связей (см.: [Fairclough 2003: 23; Günthner, Knoblauch 1995]).

Для данного исследования особую значимость имеет уровень дискурсивной практики и совокупностей таковых, поскольку *именно они («дискурс 2») являются объектом лингвистического наблюдения сами по себе и одновременно выступают в роли наиболее релевантного с лингвистических позиций элемента фона для анализа текстов по линии «дискурс 1»*. Более того, различные совокупности текстов («дискурс 2») можно рассматривать и как специфический компонент или переменную в составе других выделенных ранее уровней.

Так, большинство (если не все) комбинации физического и социального измерения пронизаны определенными коммуникативными нормами, которые можно рассмотреть как агрегированные и обобщенные дискурсы (вариант

«дискурса 2»), оформленные особым образом, на которые большинство участников соответствующих коммуникативных эпизодов, оказавшись физически или виртуально в них, стараются ориентироваться. Иными словами, попадая в определенный **хронотоп**, коммуниканты, часто не вполне осознанно, но при этом в большинстве случаев верно, начинают использовать определенное речевое форматирование, включая жанровое, сообразное данному физическому и социальному контексту (см./ср.: [Szabla, Blommaert 2018]).

Как отдельный вид переменной контекста, которая пересекает все уровни (подобно «дискурсу 2»), следует рассматривать коммуникатив. «Коммуникант», или «индивид», является чрезвычайно комплексной и многомерной системой и для его (коммуниканта) операционализации может потребоваться несколько категорий и моделей, способных сделать его «операционализируемым».

Как известно, одной из наиболее популярных категорий теоретического осмысления индивида является категория «идентичность» (см. подробнее: [Молодыченко 2023]). Один из вариантов операционализации данной категории — представление ее как инвентаря семиотических ресурсов, осознанно или неосознанно используемых индивидом для «презентации себя в обыденной жизни» (см., например: [Blommaert 2005]). В качестве семиотических ресурсов проекции идентичности необходимо рассматривать языковые средства и все прочие атрибуты внешнего вида и поведения, могущие стать социальными индексами (см. например: [Jaffe 2016; Eckert 2008]). Совокупность таких ресурсов, позиционирующая индивида в акте коммуникации определенным образом, соответственно, может быть важной переменной контекстуализации текста и предопределения его метапрагматики, в частности его (персуазивного) эффекта (см., например: [Cialdini 2007: 208 ff]).

Итак, речь следует вести о нескольких уровнях контекста по мере их удаления от речевой структуры. Первый, второй и третий уровень будет рассматриваться как **контекст коммуникативной ситуации**. Такой вид

контекста акцентируется в представлении о «дискурсе 1». Четвертый уровень контекста является **контекстом дискурсивной и социальной практики** и акцентируется термином «дискурс 2». **Контекст культуры** соответствует пятому рассмотренному уровню. Такой вид контекста является релевантной системой интерпретации для явления, обозначенного как «дискурс 3» или дискурс-репрезентация.

2.1.3 *Контекстуализация и локализация в контексте*

В данной работе используются два схожих, но не аналогичных понятия: «контекстуализация» и «локализация в контексте»; оба данных явления можно рассматривать как интегрированные в рассмотрение текста по линии «дискурс 1». Под **контекстуализацией** понимается *процесс заякоривания* (или «центрирования» в терминологии, используемой в лингвистической антропологии; см.: [Bauman, Briggs 1990; Hanks 1989]) *конкретного текстового экземпляра в уникальном контексте его производства и/или употребления* [Auer 1992; Silverstein 1992]. В процессе контекстуализации текст как совокупность всех потенциальных смыслов, которые он вообще может иметь, «(ре)центрируется», что приводит к (относительной) фиксации семантики и прагматики данного текста для конкретного реципиента или группы реципиентов в данном конкретном коммуникативном эпизоде (см.: [Bauman, Briggs 1990; Hanks 1989: 106–112]). Контекстуализация есть естественный (то, что «происходит» с текстом в реальном коммуникативном эпизоде), динамический и комплексный процесс (см., например: [Auer 1992; Cicourel 1987]).

Термин «контекстуализация» (в отличие от статичного **контекста**), далее, акцентирует динамический и процессуальный характер называемого явления. При использовании термина «контекстуализация» подчеркивается то, что для фактических коммуникантов контекст является не «монолитным и

однонаправленным» (monolithic and unidirectional; [Auer 1992: 21]), но гибким и подвижным во времени. То, что актуально для контекстуализации в фазе «здесь и сейчас» разворачивающегося текста, может перестать быть таковым или изменить свою природу в следующей фазе этого же самого текста, «отменяя» или изменяя актуальность некоторого параметра контекста и/или вовлекая в интерпретацию новый(е).

Вторым аспектом динамичности и процессуальности является то, что контекстуализация может быть представлена как разворачивающаяся в двух направлениях — когда контекст влияет на текст [Нефедов, Чернявская 2020] и когда, наоборот, текст меняет контекст. Примером второго направления может быть любая смена речевого оформления (например, переход с «ты» на «Вы» или — иногда — наоборот), способная сигнализировать для участников эпизода то, что контекст каким-то образом изменился (см. например: [van Dijk 1997b]).

Второй термин **«локализация в контексте»** подразумевает *аналитический процесс определения, описания и обоснования релевантности некоторых переменных контекста, которые могли бы стать востребованы в процессе реальной контекстуализации*. Данная процедура может быть нацелена на «моделирование» реальной контекстуализации (как, например, в работах по социолингвистике и лингвистической антропологии) или некоторой потенциальной контекстуализации без верификации и обсуждения ее реалистичности (как, например, в работах по дискурс-анализу).

2.2 Дискурс-репрезентация: языковые механизмы функционирования и инструменты лингвистического анализа

В данном разделе акцент делается на **дискурсе-репрезентации**, т. е. на понимании дискурса как *языковой и речевой репрезентации (социальных) практик под определенным углом зрения* (ср.: “particular ways of representing part

of the world”]; [Fairclough 2003: 26]; “a way of signifying a particular domain of social practice from a particular perspective”]; [Fairclough 1995: 14]) *и/или с точки зрения определенных групп субъектов и/или в их интересах, а также на специфических языковых и речевых системностях, ассоциируемых с исследованием такового.* Такое осмысление также коррелируют с (а) постулированием дискурса как способа получения доступа к процессам и объектам реальности, а также (б) постулированием каузальной связи между таким дискурсом как знанием и определенными видами результирующей из такого знания деятельности (см.: [Jager 2001]).

2.2.1 Дискурс, идеологические формации и роль языковых механизмов в их функционировании и изучении

Одними из первых о дискурсе и анализе дискурса с критических позиций заговорили представители школы анализа дискурса (АД) во Франции. Одним из ключевых понятий в данной школе является понятие «**идеология**», которая определяется вслед за Л. Альтюссером как «ложное сознание» [Althusser 2014: 42–43, 51–52, 78, *passim*] и — далее — также уподобляется психоаналитическому бессознательному [Серио 1999; Montgomery, Allan 1992].

Как известно, одним из ключевых положений теории Л. Альтюссера является то, что все происходящее в капиталистической социальной формации обусловлено материальной базой капиталистических отношений производства, являющихся, далее, отношениями капиталистической эксплуатации, и системой производства, в которой это производство также подчинено эксплуатации [Althusser 2014: 33]. Идеология, существующая в форме «Идеологических государственных аппаратов» совместно с «Репрессивным государственным аппаратом», таким образом призвана быть всепроникающей силой, позволяющей обеспечить воспроизводство (например: [Althusser 2014: 47–52, 140, 144, 198,

201]) такого положения вещей, т. е. сохранение капиталистической формы производства, существующих производственных отношений и доминирования буржуазии.

Вторым известным положением теории Л. Альтюссера является то, что нашло свое выражение в метафоре «оклика», объясняющей механизм создания субъекта идеологии/ей. Один из специфических эффектов работы этого механизма — то, что индивид, всегда являясь субъектом, сконструированным идеологией, не осознает этого факта или — словами М. Пешё — «субъект создается путем „забвения“ того, что его определяет» [Пешё 1999b: 268].

2.2.1.1 Очевидность субъекта идеологии и очевидность смысла языковых и речевых конструкций

Описанный выше эффект в АД именуется «очевидностью субъекта», которая в свою очередь уподобляется «очевидности смысла» языковых конструкций [Пешё 1999b: 260]. Оба данных процесса постулируются сторонами одного явления, разворачивающегося в дискурсе и через дискурс, что, далее, также позволяет разработать **метод анализа функционирования идеологии** (и — более конкретно — функционирования «оклика») путем исследования дискурса (ср.: [Montgomery, Allan 1992]).

Как и в случае с субъектом, смысл языковых конструкций, по мнению представителей школы АД, задается **в речевом измерении идеологии — дискурсе**. При этом, как и в случае с формированием субъекта, данный факт ускользает от понимания самого субъекта, использующего язык. Отсюда же постулирование принципиальности «дискурсной семантики» и критическое отношение к традиционной семантике, не учитывающей такую историческую и идеологическую детерминацию: по мнению М. Пешё, описание полноценного

«значения» языковой единицы «превосходит компетенции лингвистики» [Пульчинелли Орланди 1999: 201–202; Серио 1999: 37].

Очевидность субъекта, очевидность смысла и детерминирующая роль идеологии в этой модели логично коррелируют со взглядами на меру свободы субъекта: фактически речь здесь идет не об автономном субъекте, могущем (относительно свободно) апеллировать к некоторому дискурсу, а о дискурсе, так сказать, говорящем устами субъекта (например: [Анри 1999: 180; Пешё 1999b: 268; Пешё, Фукс 1999: 116; Серио 1999: 28, 34, 36, 39]). Такое представление лишает субъекта агентивности и является преградой на пути объяснения (и допущения) возможности любых социальных изменений путем дискурсивной борьбы (см.: [Fairclough 1992]).

Здесь стоит заметить, что дискурс не приравнивается в данной модели к идеологии, как это может показаться на первый взгляд. Как известно, сам Л. Альтюссер пытался активно развеять представление о том, что идеология «состоит из идей». Идеология, как отмечает Л. Альтюссер, действительно может существовать в форме письменных и устных текстов. Однако в первую очередь существует она в материальной форме институтов и свойственных им практик [Althusser 2014: 156, 184–187; Пешё 1999b: 255]. Именно поэтому в трудах Л. Альтюссера акцентируется термин «Идеологические государственные аппараты», а не просто «идеология». Поскольку эти аппараты, далее, в качестве своих «объектов и целей» имеют индивидов, идеология существует в практиках самих индивидов. Эти практики включают как их идеи и мнения, так и их привычки, обычаи, манеры и фактическое поведение, не зависимо от того, являются ли они осознаваемыми или нет [Althusser 2014: 156].

В трудах представителей школы АД дискурс позиционируется как находящийся внутри идеологии [Серио 1999: 24] и/или как «специфическое материальное воплощение идеологии» [Пульчинелли Орланди 1999: 201], как

один из ее «материальных аспектов» [Пешё, Фукс 1999: 107] или как одна «из возможных материализаций» идеологических формаций [Анри 1999: 170].

Все эти рассуждения подводят нас непосредственно к определению дискурса в АД. **Дискурс**, или «**дискурсивная формация**», по Пешё — это образование, которое определяет «то, что может и что должно быть сказано» (т. е. материализовано в виде любого текста) в рамках данной идеологической формации, т. е. исходя из данной позиции в данной ситуации, обусловленной состоянием классовой борьбы [Пешё 1999b: 265]. Поскольку значение языковых единиц в данной школе рассматривается как задаваемое дискурсом, реальным источником (лингвистической) семантики является «формирующая дискурс социально-историческая ткань» [Серио 1999: 36].

Дискурс, далее, описывается Мишелем Пешё как *располагающийся между наиболее абстрактным уровнем языковой системы и конкретными коммуникативными событиями* [Helsloot, Nak 2008; Montgomery, Allan 1992]. В таком виде дискурсивную формацию также следует понимать как абстрагированный от конкретных текстов набор принципов и правил, предопределяющих формулирование таких текстов с точки зрения позиции говорящего, обусловленной состоянием классовой борьбы (ср.: [Montgomery, Allan 1992]).

Что касается механизмов функционирования дискурсивной формации или — в терминологии Мишеля Пешё — дискурсивных процессов, их осмысление осуществляется *путем применения правил, существующих в языковой системе*.

В наиболее общем смысле значение языковой единицы, задаваемое дискурсивной формацией, определяется такими же правилами, как значимость (value) в концепции Ф. Де Соссюра, т. е. выводится из их отношений с другими языковыми единицами [Helsloot, Nak 2008: 171]. Словами самих представителей школы АД, значение «образуется в каждой дискурсивной формации, в тех отношениях, которые то или иное слово, выражение или предложение

поддерживают с другими словами, выражениями и предложениями той же дискурсивной формации» [Пешё 1999b: 266].

Более конкретно Пешё рассматривал два вида отношений, образующихся между языковыми единицами — метафорические и метонимические [Helsloot, Нак 2008: 169], которые можно также было бы определить как парадигматические и синтагматические. Собственно значение языковой единицы в дискурсивной формации (единственное «реальное» значение) определяется ее метафорическими отношениями (а именно, субституции, синонимии и парафраза) с другими единицами в данной формации. Как отмечают Хелслут и Хак, «значение слов в дискурсе (т. е. в тексте или высказывании) объясняется их отношениями с другими словами, которые не были употреблены — словами которые могли бы быть употреблены, но не были, словами которые были употреблены ранее и словами которые *не* могли бы быть употреблены» ([Там же: 171]; перевод мой. — *Е. М.*). Как указывают далее эти же авторы, в более поздней версии АД к метафорическим отношениям также были добавлены так называемые отношения «ориентации» [Там же: 175]. Под таковыми понимаются подразумеваемые дискурсивной формацией отношения, в которых «один термин является точкой отсчета, источником или аргументом для другого».

2.2.1.2 Интердискурс и значение/смысл языковых единиц в дискурсивной формации

Описанная выше модель подразумевала наличие стабильных и гомогенных дискурсивных формаций, к которым апеллирует некоторый изучаемый текст и/или которые отражает собранный исследователем корпус. Однако разработка самого метода анализа корпуса и эмпирические исследования (см.: [Helsloot, Нак 2008: 172–174]) продемонстрировали, что на практике некоторые значения/смыслы определяются где-то вне рамок того, что предполагалось как

гомогенная дискурсивная формация и/или дискурс демонстрирует элементы гетерогенности [Там же: 175–176].

В качестве решения данного противоречия М. Пешё постулирует исток «прозрачности смысла» дискурсивной формации в так называемом **интердискурсе** [Пешё 1999b: 266–267]. По словам П. Серио, интердискурс «представляет собой дискурсное и идеологическое пространство, в котором разворачиваются дискурсивные формации с их отношениями господства, подчинения и противоречия» [Серио 1999: 45]. Сам же Пешё определяет интердискурс как «сложное целое» дискурсивных формаций «с доминантой», сплетенное с комплексом идеологических формаций, подчиняющихся «закону неравенства-противоречия-зависимости» [Пешё 1999b: 266–267].

Используя модель Альтюссера, М. Пешё утверждает, что отдельно взятые идеологические аппараты вмещают в себя иерархически организованные комплексы идеологических формаций, каждая из которых соотносится с некоторой группой субъектов и определяется местом данной группы в классовой борьбе [Fairclough 1992: 30; Пешё 1999b: 256, 265; Montgomery, Allan 1992]. Текущие конфигурации таких комплексов в составе идеологического аппарата предопределяются далее общим идеологическим ландшафтом, образуемым всеми взаимодействующими друг с другом (в режиме «неравенства-противоречия-зависимости») идеологическими аппаратами и их элементами [Montgomery, Allan 1992]. *Дискурсивным отражением такого ландшафта, как представляется, и является интердискурс.*

Продолжая такую логику размышлений и предваряя более поздние дискурс-аналитические подходы, конкретный текст или «дискурсивная/текстовая последовательность» [Анри 1999: 177; Пешё, Фукс 1999: 110] позиционируется как «высказывание, рассматриваемое с точки зрения дискурсивного механизма, который им управляет» [Серио 1999: 27]. То есть, как и в (относительно) современной интерпретации КДА, текст рассматривается как предопределяемый

как минимум двумя механизмами — лингвистическим «в строго сосюрловском понимании системы» [Там же: 36] и «дискурсным», в конечном итоге предопределяемым идеологией, как было показано ранее (см. также: [Анри 1999: 178]).

Двумя механизмами проникновения интердискурса в конкретный текст являются так называемый «**поперечный дискурс**» [Пешё 1999b: 269–270] и **эффект «вставления преконструкта»**. Для объяснения того, как это фактически происходит, Мишель Пешё рассматривает относительное придаточное предложение в его двух вариациях — детерминативных и аппозитивных [Пешё 1999b: 239, 247–248; Серио 1999: 41].

В рамках настоящей работы поперечный дискурс будет трактоваться как совокупность допущений различного рода, не выраженных в тексте, принятие которых в качестве верных и/или очевидных, тем не менее, требуется для того, чтобы фактически выраженные («синтагматизированные» по Пешё) в тексте («интрадискурсе» по Пешё) пропозиции могли «бесшовно» состыковываться друг с другом (эффект «стыковки» по Пешё).

Стыковка и эффект опоры объясняется на примере придаточных аппозитивных предложений, на стыке которых с главным предложением (всегда?) возникает пространство определенных допущений, верность которых должна предполагаться. Так, например, разбираемое Мишелем Пешё (см.: [Пешё 1999: 248–250]) предложение «Кеплер, который открыл эллиптическую форму планетарных орбит, умер в нищете» будет, по его словам, иметь смысл «при условии, что будет допущена связь между фактом нарушения секретов небесных светил и фактом наказания — смерти в нищете». В случае же с примером «Наполеон, который узнал об опасности, угрожающей его правому флангу, сам повел своих солдат в бой против врага» допущением, обеспечивающим «стыковку» главного и придаточного предложений, могло бы, по словам М. Пешё, быть следующее утверждение «Если (будучи генералом или будучи

Наполеоном) кто-то узнает, что угрожает какая-то опасность, то он обязан сам повести наступление, чтобы ее отбросить».

Вторым механизмом проникновения интердискурса в интрадискурс, обсуждаемым М. Пешё, является так называемое «вставление преконструкта». Примером **прекоснструкта** по М. Пешё является детерминативное придаточное предложение, которое «подаёт свой объект мысли в виде внешнего и предшествующего образа» в отличие от аппозитивного, которое «представляет собой что-то вроде возвращения знания в мысль» [Пешё 1999b: 248].

Однако, исходя из других определений преконструкта, даваемых как самим Пешё (ср: то, «что отсылает к предшествующей, внешней, во всяком случае, независимой конструкции в противоположность тому, что «сконструировано» высказыванием» [Пешё 1999b: 239]), так и другими представителями этой же школы (ср.: «комбинации языковых элементов, уже сформулированные в прошлых дискурсах и которые в них черпают свой эффект очевидного присутствия» [Серио 1999: 40]), следует полагать, что преконструкты существуют не только в форме детерминативных предложений, но включают другие лингвистические конструкции, традиционно наделяемые свойством «протаскивать» **пресуппозиции**, обсуждаемые в рамках лингвистической прагматики, критической лингвистики, критического анализа дискурса и исследований персуазивной и риторической коммуникации (см., например: [Бастун 2020; Голубева 2015; Козлова 2018; Ларионова 2013]).

Как уже стало ясно из предыдущего изложения, вызывает некоторое сомнение рассмотрение возможности проникновения иных дискурсов (или интердискурса) в текущий дискурс эксклюзивно через механизм относительного придаточного предложения. В этой же модели, как в частности отмечают Монтгомери и Аллан [Montgomery, Allan 1992], может быть поставлено под сомнение и то, что указанные механизмы проникновения интердискурса (а также те, что могут быть добавлены к этому списку, как было отмечено выше) всегда

привносят в интрадискурс именно интердискурс, а не тот же самый дискурс, к которому принадлежит (или «апеллирует») текст.

В рамках данного исследования будем рассматривать совокупности разного рода допущений (assumptions) и пресуппозиций как части само собой разумеющегося «фона», обеспечивающего связность текста, и, соответственно, как часть (идеологической составляющей) дискурса-репрезентации.

В качестве резюме на данном этапе отметим, что французская школа АД, в отличие от М. Фуко, как правило, не считается «вдохновителем» (критических) дискурс-аналитических подходов. Несмотря на это, в представленной модели не меньше векторов вдохновения для таких исследований, чем в модели Фуко. Суммируем некоторые из таких векторов.

Думается, что ключевым положением, выдвинутым школой АД, и также разделяемым в КДА, является идея того, что (достаточно эфемерные) *дискурсивные процессы можно отследить в их материализации на «субстрате» текста и объяснить, обратившись в том числе к определенным лексико-грамматическим механизмам*. Такая теоретическая предпосылка и тот факт, что анализу подвергались реальные тексты с акцентом именно на их языковом оформлении, делает АД более значимой теоретико-методологической основой для данного текстоориентированного исследования дискурсивных практик, нежели теория и метод М. Фуко, который, как известно, среди прочего подчеркивал то, что анализ дискурса не является лингвистическим анализом.

Еще одним положением, справедливым и для современных версий дискурс-анализа и применимым в рамках данного исследования, является идея того, что связность текста (линейной последовательности, «интрадискурса») обеспечивается различного рода допущениями («поперечным дискурсом»), образующими пространство само собой разумеющегося знания, которое можно расценивать как часть собственно дискурса-репрезентации («дискурсивной формации»), к которой апеллирует текст или какой-то его фрагмент (ср. также:

[Fairclough 1989: 78–93]). Исследование таких допущений в их системности является одним из инструментов исследования дискурса-репрезентации в данной работе.

Связанным с предыдущим, но все же отдельным допущением является представление об интердискурсе и в частности о том, что *разные дискурсивные формации существуют в постоянном контакте и/или конфликте с другими дискурсивными формациями* (с возможностью одной какой-то формации доминировать над другими, поскольку рассматривается в АД как «сложное целое с доминантой» [Пешё 1999b: 256, 258]).

С современными версиями дискурс-анализа работы школы АД также связывает то, что в оборот вводится понятие «идеология» (опять же в отличие от концепции Фуко; см.: [Jørgensen, Phillips 2002: 18]). Сложное целое дискурсивных формаций (интердискурс), по словам М. Пешё [Пешё 1999b: 266–267], «сплетено» с комплексом идеологических формаций. Дискурс рассматривается в АД как «специфическое материальное воплощение идеологии» [Пульчинелли Орланди 1999: 201], а анализ дискурса как инструмент и метод позволяет показать, что такая *идеология/дискурс является одним из альтернативных вариантов репрезентации и конструирования действительности* (ср.: [Пульчинелли Орланди 1999: 209; Серियो 1999: 20–21]).

2.2.2 *Дискурс как артикуляция элементов социальных практик в семантических и речевых структурах*

При рассмотрении дискурса-репрезентации в данной работе будем также исходить из представления о том, что *значение или смысл любого фрагмента реальности (а) конструируется социально и (б) определяется его отношением к другим фрагментам той же системы, с одной стороны, но при этом не является фиксированным, с другой*. Такое представление в частности может быть

рассмотрено как ведущее свое начало от взглядов, сформулированных Э. Лаклау и Ш. Муфф (см., например: [Laclau, Mouffe 2001: 106, 113]).

При этом одним из инструментов установления и изменения отношений между элементами — или — иначе — **артикуляции и реартикуляции** позиционируются тексты и дискурсивные практики, которые в свою очередь позиционируются как разновидность того, что Лаклау и Муфф назвали **артикуляционной практикой** (ср.: “articulation is a practice, and not the name of a given relational complex”; [Laclau, Mouffe 2001: 93]). Соответственно, дискурса-репрезентация рассматривается как разновидность того, что данные авторы назвали собственно дискурсом, понимая под таковым *структурированное единство, являющееся результатом артикуляционной практики* (ср.: “The structured totality resulting from the articulatory practice, we will call discourse” [Там же: 105]).

В зависимости от статуса объектов в практике артикуляции Лаклау и Муфф рассматривают два варианта «дискурсивных единиц» — так называемые «элементы» и «моменты». Статус момента получают объекты, чьи отношения с другими объектами были зафиксированы (артикулированы) дискурсом. Элементами же являются объекты, чьи отношения с другими объектами не были артикулированы/зафиксированы [Там же: 105].

При этом, поскольку отношения никогда не могут быть зафиксированы полностью, трансформация элементов в моменты никогда не бывает финальной; фактически объекты всегда находятся в какой-то стадии переходности [Там же: 112], поскольку ни полная фиксация, ни полное ее отсутствие недостижимы [Там же: 107]. Таким образом, задача каждого дискурса (в рамках данной работы — дискурса-репрезентации и текстов и дискурсивных практик, использующих такие репрезентации) — установить частичные ограничения на пространство разрозненных значений — так называемое «поле дискурсивности» (the field of discursivity; [Там же: 111]).

Особым видом артикуляций следует считать дискурсы, попытки захвата и фиксации фрагментов поля дискурсивности которых (уже) незаметны; специфические видения мира, оформленные в таких дискурсах, предстают объективными и единственно возможными вариантами существования порядка вещей. Такие дискурсы в теории Лаклау и Муфф называются «осадочными» [Jørgensen, Phillips 2002: 36–37]. Эта же идея используется и в теории Фэрклафа, который называет такие «осадочные» дискурсы «натурализованными» (naturalized; см.: [Fairclough 1989: 91–92]).

В этой же линии рассуждений вновь обнаруживает себя и связь дискурса с идеологией: поскольку натурализованные дискурсы (1) вытесняют и маргинализируют иные потенциальные дискурсы, так сказать, «предъявляющие претензии» на захват того же участка поля дискурсивности, (2) маскируют за видимой объективностью репрезентации и/или конструирования некоторого фрагмента действительности произвольность такого конструирования и (3) часто делают первое и второе в интересах какой-то отдельной группы субъектов, такие дискурсы можно считать идеологическими (ср.: [Fairclough 1992: 67; Jørgensen, Phillips 2002: 63]).

Из этого же представления — что составляющие дискурса фактически всегда находятся между статусом элемента и момента — выводима и позиция дискурса (как практики, так и репрезентации) между структурами и конкретными текстами. Поскольку поле дискурсивности никогда не бывает полностью и окончательно детерминированным («захваченным») конкретными дискурсами, а объекты (в их рефлексии дискурсами) никогда окончательно не становятся моментами, каждое конкретное коммуникативное событие и его текст представляет собой возможность, используя некоторый дискурс(-репрезентацию), частично преобразовывать связи между элементами и моментами, что кумулятивно может приводить к изменениям в дискурсе-репрезентации (ср.: [Fairclough 1992: 97; Fairclough 1995: 7–8, 10–11, 78–79,

passim]). Этот же принцип, как было отмечено ранее, инкорпорирован в широкую трактовку диалогичности (по М. М. Бахтину).

2.2.3 Тексториентированный анализ дискурса как способа и механизма лингвистической репрезентации и конструирования социальных практик

В процессе реализации тексториентированного дискурс-аналитического проекта, экземпляром которого является данное исследование, мы сталкиваемся с двумя группами сложностей — в плоскости *демаркации отдельных дискурсов-репрезентаций* и в плоскости использования *конкретных методов и инструментов анализа и описания «морфологии» и механизмов этих дискурсов-репрезентаций*.

Проблема границ дискурсов актуальна не только для дискурсов-репрезентаций, но и для дискурсивных практик (см. также: [Кожина 2004; Орлова 2013; Чернявская 2014а]). В рамках данной работы будем исходить из того, что демаркация дискурсов носит прежде всего аналитический характер, нежели отражает «онтологию» существования дискурсивных образований ([Jørgensen, Phillips 2002: 144]; ср. также в этой связи: [Пешё, Фукс 1999: 109]). Иными словами, будем считать, что границы дискурса-репрезентации устанавливаются исходя из исследовательской задачи, однако, как в частности замечают Йоргенсен и Филлипс, это вовсе не значит, что все что угодно может быть названо дискурсом [Jørgensen, Phillips 2002: 144]: исследователь должен тем или иным образом обосновать, что установленные границы являются валидными.

Делимитация дискурсов в данном исследовании (и в дискурс-аналитических проектах вообще) осуществляется с опорой на теории и эмпирические данные, релевантные для объяснения недискурсивных компонентов исследуемых практик. Если задачей является исследование дискурсов-репрезентаций (что, часто, предполагает их конфликт с другими

дискурсами), то в задачи исследования может также входить выявление конфликтующих или дополняющих друг друга дискурсов, востребуемых в пределах одной дискурсивной и социальной практики и/или более широком социокультурном поле (ср. также: [Jørgensen, Phillips 2002: 144–145]).

Одним примером подобной реализации является так называемый дискурс-исторический подход (ДИП; *discourse-historical approach*; ДИИ), ассоциируемый с австрийской школой дискурс-анализа и Рут Водак в частности. Демаркация и изучение дискурсов предваряется (или сопровождается) изучением данных и теорий, позволяющих описать специфические поля (такие, например, как политика или массмедиа), в которых обнаруживаются конкретные изучаемые тексты [Wodak 2001: 65–70].

Основным принципом выделения дискурса являются **макротемы**. Макротемы, далее, могут реализовываться в **микротемах** [Wodak 2001: 66, 79–83; *The discursive construction* 2009: 30–31, 73–104]. Поскольку в данном подходе речь также идет о выделении дискурсов-репрезентаций, то фрагменты интересующего исследователя дискурса могут обнаруживаться в различных текстах (оформленных в различных жанрах) в разных дискурсивных практиках [Wodak 2001: 66–69; *The discursive construction* 2009: 74 ff].

Аналогичным образом — по тематическому принципу — предлагает выделять дискурсы-репрезентации и Зигфрид Егер [Jäger 2001], называя последние **«пучками», или «нитьями», дискурса** (*discourse strands*) и подчеркивая, что разные пучки могут существовать на разных дискурсивных «планах» (*discourse planes*), таких как наука, политика, медиа, образование и т. п. и актуализироваться в виде дискурсивных фрагментов (т. е. фрагментов нитей дискурса) в конкретных текстах; при этом, как было уже отмечено авторами иных подходов, один текст может теоретически актуализировать разные нити (т. е. содержать фрагменты разных дискурсов-репрезентаций).

2.2.3.1 Идентификация семантических паттернов и общих режимов артикуляции как основные векторы исследования дискурса-репрезентации

В данной работе выделяются три относительно дискретных фазы анализа конкретных текстов, каждая из которых требует специфического набора методов.

Первая фаза может сопровождать или совпадать с фазой демаркации дискурса, которая была охарактеризована выше.

К специфическим действиям в рамках данной фазы будем относить: общую характеристику глобального социокультурного контекста, исходя из «больших» теорий (например, из представлений о постмодерне как «текучей современности» [Adams 2003] или представлений о доминировании культуры потребления [Barber 2007]; см.: [Chouliaraki, Fairclough 1999; Fairclough 1995: 135–140]); описание рефлекслируемой дискурсом практики путем заимствования и/или адаптации теорий, обращенных к изучению данной практики (см. примеры реализации: [Fairclough 1995: 140–142]); описание исторического контекста темы дискурса-артикуляции (иными словами той социальной проблемы, с которой работает дискурс-аналитик; см. например: [Dunmire 2005; Клещенко 2021; Dunmire 2009; The discursive construction 2009: 49–69]); общая характеристика поля или полей, в которых продуцируются тексты (например, политика, массмедиа, образование и т. п.; см. например: [Чупрына, Кригер 2021; Шаманская 2018]); описание (исторического) контекста конкретных текстов и/или практик, в которых данные тексты являются основным инструментом дискурсивного действия (см. например: [Dunmire 2005; Oddo 2011; Wodak 2001: 77–83; Клещенко 2021; Чупрына, Кригер 2021; Шаманская 2018; Dunmire 2009]); характеристика исследуемых жанров (см. например: [Oddo 2011; The discursive construction 2009: 70–74])

Вторая фаза анализа дискурса представляет собой анализ непосредственного текстового материала и может реализовываться в двух

наиболее общих разновидностях — (а) с преимущественным акцентом на семантике и (б) с преимущественным акцентом на особенностях лексико-грамматического оформления. Первая разновидность анализа фактически сближает дискурс-анализ с качественным контент-анализом (ср. например: [Руженцева, Кошкарова 2021; Сергиенко 2021]). В исследованиях, позиционируемых как текстоориентированный дискурс-анализ (включая настоящую работу), должны использоваться варианты комбинирования двух данных разновидностей.

В различных версиях дискурс-анализа были разработаны различные термины и категории для обозначения *повторяющихся семантических образований разного уровня обобщенности, типичных для определенных дискурсов-репрезентаций*. В рамках данной работы для обозначения таких (разнородных; см. ниже) образований используется термин **«семантический паттерн»** (ср. также: [Lemke 1995: 35]). Так семантическим паттерном высокого уровня обобщения можно считать дискурсивные подтемы (discourse topics) в историческом дискурс-анализе австрийской школы, входящие в макротему дискурса и, соответственно, образующие этот дискурс или нити дискурса 3. Егера.

Особенностью таких образований является то, что они отсылают к «семантическому слою» и *не обязательно оформляются в разных текстах с использованием одних и тех же лексико-грамматических средств* (хотя такое, безусловно, также не является редкостью). Одним из теоретических оснований подобных рассуждений является базовое представление системной функциональной лингвистики о трех «циклах кодирования на разных уровнях абстрагирования» [Martin, White 2005: 8]: (1) поверхностном уровне кодирования в виде фонем/графем, реализующем в свою очередь (2) уровень лексико-грамматики, который в свою очередь реализует (3) уровень семантики текста (discourse semantics).

В наиболее традиционном понимании *семантические паттерны* включают схожие семантические отношения, выстраиваемые текстом между семантическими или тематическими единицами (что на поверхностном уровне выражается в установлении связей между конкретными словами), обнаруживаемые в разных текстах и/или в разных частях одного текста (см./ср.: [Lemke 1995: 35]). Установление таких отношений между подобными единицами рассматривается в настоящей работе как **материализация процесса артикуляции**, обсуждавшегося выше. Наиболее релевантным способом фактической фиксации семантических паттернов путем присвоения им некоторого «ярлыка» в процессе исследования видится использование лексико-грамматической конструкции в виде предикации или группы таковых («враг представляет угрозу для группы своих») или группы слов на основе существительного («угроза для группы своих», «беспощадность врага»).

Выявление и описание семантических паттернов в свою очередь позиционируется как основной инструмент (а) делимитации и описания определенных дискурсов-репрезентаций и/или (б) их критического анализа, если под таковым понимать выявление потенциальных несоответствий между дискурсивным отражением и/или конструированием реальности и фактической реальностью (что часто фигурирует под терминами «тенденциозность», «идеологичность» или «идеологизированность», «манипулятивность» и т. п.; см. например: [Oddo 2011; Dunmire 2009]).

К разновидности семантических паттернов следует отнести, во-первых, то, что в версии дискурс-анализа (ДИП) называют **топосами** [Wodak 2001]. В исследованиях данного направления топосы определяются как основания (по аналогии с моделью Тулмина) или как (большие) посылки силлогизма/энтимемы, позволяющие перейти от малой посылки к заключению [Там же: 74]. Однако, как совершенно справедливо отмечает И. Жагар [Žagaг 2010], как собственно топосы (в традиционном понимании; с. 13–15), так и посылки силлогизмов/энтимем

(которые могли быть выведены из собственно топосов; с. 17–18) и основания аргумента (по Тулмину; с. 22–24) представляют собой более специфические явления, нежели те, что обсуждаются Рут Водак и ее коллегами, и должны быть выявлены путем реализации более строгой процедур анализа аргументов (с. 24), нежели те, что используют представители данной школы дискурс-анализа.

То, что фактически анализируют и используют представители школы ДИП, как отмечает Жагар, больше соответствует так называемым литературным топосам или лейтмотивам (с. 20–21). Такие **лейтмотивы** (ср.: literary topoi par excellence [Там же: 21]), также следует рассматривать как семантические паттерны и как одну из возможных единиц описания дискурсов-репрезентаций.

Все остальные варианты отсылки к семантическим паттернам в текстоориентированных дискурс-аналитических исследованиях образуют достаточно обширный пул, трудно поддающийся строгой типизации. Так, например, речь может идти о (типичных) «смыслах», «темах», «значениях», «понятиях», «чертах», «характеристиках» и т. п. [Галдина 2020; Горностаева 2021; Иванова, Салимова 2015; Устинова 2018; Чупрына, Кригер 2021], а также концептах или фреймах [Галдина 2020; Дубенец 2021; Хабаров 2021]. Поскольку инкорпорирование таких образований в понятие паттерн требует более расширительного понимания такового и более гибкой системы фиксации паттерна каким-то «ярлыком» в процессе исследования, будем также считать типичным ярлыком для паттерна отдельные существительные (часто являющиеся номинализацией признака или процесса, вроде «угроза» или «беспринципность»).

В отдельную группу семантических паттернов можно объединить **метафоры**, поскольку последние, как известно, также (а) могут иметь характер повторяемости в рамках текстов, апеллирующих к одному дискурсу, и (б) поскольку одна и та же «глубинная» метафора (т. е. как семантический паттерн) может иметь различную лексико-грамматическую реализацию. Поскольку

метафора с момента выхода популярной монографии Дж. Лейкоффа и М. Джонсона рассматривается не только и не столько как фигура или троп, сколько как способ осмысления и концептуализации действительности (см. например: [Баранов 2004]), метафору следует рассматривать и как один из ключевых способов дискурсивного *отражения и конструирования* действительности (см./ср.: [Андерсон 2007; Будаев, 2006; Каменева, Рабкина 2021; Лугуева 2017; Попов, Таджибова 2021; Рамазанова 2021; Сорока 2021; Шаманская 2018]), что, по-видимому, делает ее одним из наиболее значимых компонентов дискурса-репрезентации (см., например: [Lakoff 2014]).

Приведенные подходы к описанию и анализу дискурса подчеркивают принцип функционирования дискурса, описанный Фуко, — то, что дискурсивное единство образуется не (обязательно) благодаря единой тематике или регулярности поверхностной структуры, а скорее благодаря тому, каким образом дискурсы устанавливают связи («артикулируют», если ту же мысль выразить в терминах Лаклау и Муффа) между теми объектами (в самом широком смысле в данном случае), «о которых они говорят» [Фуко 2004: 112].

Еще одним ключевым способом осмысления и описания реализации семантических паттернов в дискурсах-событиях и дискурсах-репрезентациях является рассмотрение разнообразных паттернов в наиболее общем виде как вариантов реализации двух видов «логик» — **логики тождества** (the logic of equivalence) и **логики различия** (the logic of difference). Два данных понятия ведут начало из дискурсивной теории Лаклау и Муффа [Jørgensen, Phillips 2002: 44–45; Laclau, Mouffe 2001: 127 ff] и используются для целей текстоориентированного анализа дискурса (см., например: [Fairclough 2003: 100–103]).

Суть принципа тождества/различия сводится к тому, что часть объектов в процессе артикуляции становятся эквивалентными друг другу (что в свою очередь в каком-то роде нивелирует различия между ними), поскольку они

выражают (например, по линии «род — вид» или «часть — целое») нечто общее, лежащее в основе их эквивалентности, и одновременно потому что они противопоставляются какому-то иному ряду эквивалентов.

Одним из наиболее известных вариантов реализации (или использования в аналитически целях) двух данных «логик» является так называемая **оппозиция «свои — чужие»** (см. например: [Никифорова, Чудинов 2016; Lazar, Lazar 2004; Oddo 2011; Бугрышева, Моисеев 2021; Орищенко 2021; Радюшкина, Фролова 2021; Рамазанова 2021; Leudar, Marsland, Nekvapil 2004; Sowińska, Dubrovskaya 2012]). В рамках данной работы и для решения поставленных в ней задач будем считать, что (а) границы данных групп не являются стабильными (что соответствует тезису постоянной ре/артикуляции); что (б) представители чужой группы подвергаются (гиперболизированной) негативной презентации, а представители своей группы — напротив — позиционируются в положительном свете; что (в) различия между своей и чужой группами преувеличиваются, а различия между входящими в группу своих и в группу чужих субъектами — напротив — приуменьшаются. Такие закономерности, выявляемые при анализе дискурса (см., например: [Reicher, Hopkins 1996; Leudar, Marsland, Nekvapil 2004]), также хорошо согласуются с экспериментальными данными, полученными в рамках исследований так называемой социальной/групповой идентичности (см., например: [Tajfel 1974]).

В качестве варианта реализации логики тождества/различия как специфических артикуляционных процессов, разворачивающихся в дискурсе и благодаря дискурсу, также рассматриваются так называемые **метасемиотические проекты**, под которыми понимается уподобление разнородных объектов и практик, которыми владеет и которые реализует индивид, в их способности проецировать более или менее однозначную форму идентичности, «схватываемую» некоторым метасемиотическим термином (вроде «джентльмен»).

2.2.3.2 Вариативная интерпретация действительности и лексико-грамматическое оформление семантических паттернов

Рациональность, лежащая в основе изучения семантических паттернов и/или лексико-грамматического оформления речевой структуры в целях выявления особенностей репрезентации и/или конструирования фрагментов мира (как правило под критическим углом зрения), сводима как минимум к двум взаимосвязанным представлениям.

Первое из них формулируется как положение о том, что язык есть средство **вариативной интерпретации** действительности (см./ср.: [Баранов, Паршин 1986]). Исходя из дискурсивных теорий (см., например: [Jørgensen, Phillips 2002]), в том числе обозначенных ранее, язык и речь следует рассматривать и как средство **вариативного конструирования** действительности.

Вторая идея касается другой стороны коммуникативного контекста — контекста восприятия и интерпретации сообщения. Здесь можно исходить из представления о том, что то, **как** что-то формулируется, может влиять на то, как это «что-то» преобразуется в знание, исходя из которого индивиды организуют свою деятельность (см. обсуждение в: [Jäger 2001]).

Одним из вариантов объяснения возможности подобного эффекта является гипотеза Ван Дейка о том, что выбор специфических способов вербализации может вести к формированию специфических ментальных моделей (эпизодических моделей и моделей контекстов; [van Dijk 1995: 252; van Dijk 2006b]), которые в свою очередь могут через абстрагирование и деконтекстуализацию вести к формированию более стабильных структур знания, на основании которых субъекты реализуют свою деятельность.

Комплементарным к такой модели может служить предположение К. Харта [Hart 2011; Hart 2013]: поскольку грамматика и семантика рассматриваются как основанные на тех же когнитивных процессах, что используются для обработки и

хранения иных видов информации, а язык в свою очередь рассматривается как способ структурирования опыта [Hart 2011: 270], имеет смысл допустить, что специфические лексико-грамматические паттерны (которые в частности исследуются в КДА) эффективны (в плане создания нужного отправителю эффекта) постольку, поскольку могут вести к образованию специфических когнитивных репрезентаций.

Многие из таких «фокусов языка» также рассматриваются как **персуазивные** и/или **манипулятивные** *par excellence* (см., например: [van Dijk 2006a]), поскольку «не обладающий специальными лингвистическими знаниями читатель невольно попадает под влияние авторского замысла, однако при этом вряд ли осознает это» [Казаков 2013: 88–89]. В этом смысле теория дискурса и методы дискурс-анализа пересекаются с теорией и методами исследования персуазивности.

В рамках данной работы лексико-грамматические феномены и/или семантические паттерны, анализируемые с целью идентификации и описания дискурсов-репрезентаций, анализируются исходя из их представления о том, что один условный дискурс-репрезентация актуализируется в различных текстах и поэтому существует трансситуативно — **на транстекстуальном уровне**. С другой стороны, представление о текстоцентричности (проистекающее в том числе из положений лингвистики текста), являющееся одним из ведущих методических векторов в данном исследовании, всегда локализует по крайней мере первые фазы предпринимаемого анализа на **интратекстуальном уровне**.

В рамках интратекстуального уровня следует выделить три (под)уровня: (а) анализ, фокусом которого являются отдельные слова; (б) анализ, фокусом которого являются пропозиции; (в) анализ, фокусом которого является целый текст (см./ср.: [Spitzmüller, Warnke 2011]).

2.2.3.2.1 *Интратекстуальный и текстоцентрический уровень анализа лексико-грамматических средств и семантических паттернов*

К элементам **уровня слов и групп слов** следует отнести так называемые ключевые слова, в том числе такие специфические явления, как **ярлыки** [Сковородников, Копнина 2019; Сковородников, Копнина 2021] и (политические) **аффективы** [Бережная 1986; Маринова 2017]. С другой стороны тенденциозный отбор номинаций также может быть описан в терминах **эвфемизмов** и **дисфемизмов** [Чепорухина 2021]. К данному уровню также следует отнести то, что в критической лингвистике (Critical Linguistics; [Fowler et al. 1979; Hodge, Kress 1979]) получило название «**релексикализации**» (re-lexicalization) и «**перелексикализации**» (over-lexicalization; см. подробнее: [Fowler 1991: 80–85]).

Термин **релексикализация** обозначает распространение (специфических и/или тенденциозных) номинаций в отдельных текстах и дискурсах или даже вхождение таковых в систему языка для обозначения того, что считается новым явлениям. Сюда также следует отнести достаточно распространенный феномен «настойчивой» замены в обществе (т. е. на уровне «национального языка») одних номинаций другими с целью актуализации нужных коннотаций, ассоциаций, оценок и индексальных значений или же их нейтрализации.

Перелексикализация обозначает «концентрированное» использование широкого диапазона синонимичных или близких по значению языковых единиц для описания какого-то одного феномена или одного фрагмента опыта (например, субъектов, входящих в группу чужих, или их деятельности; см.: [Lazar, Lazar 2004: 231]). Как отмечают критические лингвисты, важность выявления перелексикализации заключается в том, что ее наличие является индикатором зоны «особой озабоченности» группы, стоящей за данным

дискурсом, что позволяет лингвистам выделить особенности идеологии данной группы [Fowler et al. 1979: 211–212].

Следующий уровень — **уровень предикации**, который может совпадать с **предложением** (в письменном модусе). Следует заметить, что, анализируя лексико-грамматические феномены на уровне предикации, мы, тем не менее, обращаемся и к тому, что ранее было обозначено как «семантика текста» (discourse semantics; см., например: [Martin, White 2005]). В этом нет никакого противоречия, поскольку, как отмечает Ван Дейк [van Dijk 1995], семантика текста применима не только к семантическим структурам, пересекающим границы предложений, но и ситуативным (зависимым от такой семантики текста) смыслам слов, групп слов/фраз, предикаций и групп предикаций и/или предложений. Как свидетельствует данное утверждение, принятие во внимание семантики текста является важным и при анализе на уровне слов, однако именно на уровне предикации зависимость таковой от семантики целостного текста становится сложно игнорировать. Ко-текст, как известно, часто является минимально необходимым контекстом для интерпретации любых фрагментов текста. Уровень предикации следует также рассматривать как минимальный уровень анализа собственно семантики текста и оптимальный уровень анализа лексико-грамматических и семантических паттернов с целью описания дискурса-репрезентации.

Первым аспектом изучения данного уровня в настоящей работе является то, что в терминологии СФЛ можно назвать способами **манипулирования транзитивностью** (актантной структурой, типами процессов; см. например: [Chang, Mehan 2008; van Dijk 1995: 258, 261–262; Fowler 1991: 70–80]). Сюда же следует отнести и **номинализацию**, поскольку таковая представляет собой «неконгруэнтную» репрезентацию того, что могло бы быть представлено полноценной предикацией и, соответственно, является вариантом трансформации системы транзитивности текста (см., например: [Dunmire 2005]).

Традиционным фокусом в исследованиях в рамках КДА также является использование **залоговых форм**. В СФЛ выбор залога рассматривается как имеющий последствия для организации предложения в рамках текстовой и межличностной метафункции, но не обязательно как меняющий собственно систему транзитивности. Ламинирование (к примеру) пациенса на подлежащие в поверхностной структуре высказывания, а агенса на дополнение не ведет с точки зрения представлений о транзитивности (т. е. в терминах семантики текста, а не чисто лексико-грамматики) к изменению конфигурации фигуры, состоящей из процессов и их партиципантов [Halliday, Matthiessen 2004: 168–178, 182], кроме тех случаев, когда благодаря использованию пассивного залога дополнение отсутствует в поверхностной структуре, т. е. в случаях так называемой элиминации агенса, экспериенцера и т. д. (см например: [Hart 2011: 272; van Leeuwen 2008: 29]).

Такая синтаксическая организация предложения (использование активного или пассивного залога) может, однако, рассматриваться как способ **фокусирования** (foregrounding; [van Dijk 1995: 262–263]) определенного сегмента пропозиции и дефокусирования (backgrounding) других ее сегментов как минимум в двух смыслах. В терминах текстовой метафункции такая интерпретация [Halliday, Matthiessen 2004: 182] основана на представлении об актуальном членении предложения или распределении информации в тексте, что может быть описано в терминах «темы» и «ремы» и/или «данного» и «нового» (given and new; см. [Halliday, Matthiessen 2004: 64–98; Verschueren 1999: 136–139]) соответственно. В терминах межличностной метафункции от того, какой актант ламинируется на подлежащее/субъект (ср.: is mapped on to the subject; [Halliday, Matthiessen 2004: 182]), будет зависеть то, какой актант выбирается как (исходный) предмет мысли, относительно которого что-либо предсказывается [Там же: 119].

Несмотря на то, что оценочные компоненты номинаций (например, в разрезе ярлыков, аффективов или — шире — эвфемии и дисфемии) могут изучаться с фокусом на отдельных словах или сочетаниях, уровень предикации следует также рассматривать как (часто минимальный) диапазон для анализа выражения оценки (ср.: [Вольф 2014: 11, 19]). Такое утверждение в особенности справедливо, если речь идет об имплицитной оценке (см. например: [Кондратенко 2021]). Уровень предикации также является и минимальным уровнем анализа модальности, составляющей часть подсистемы диалогичности («включения») по Мартину и Уайту [Martin, White 2005].

Иными словами, анализ любого элемента (слова, группы слов, предикации) на интратекстуальном уровне предполагает некоторую меру текстоцентричности, но не обязательно является полноценно текстоцентрическим. Под **текстоцентричностью** в данной работе подразумевается анализ, которому подвергается весь текст (в разрезе каких-то специфических явлений) в его целостности. Текстоцентричность не является таким образом синонимом **текстоориентированности**, которая может предполагать некоторую меру «оглядки» на (ко-)текст «вокруг» исследуемого явления (лексико-грамматического средства, семантического паттерна, приема и. т. п.) как контекст для такового. В этом смысле даже корпусное исследование, направленное на выявление частотных ключевых слов и коллокаций может содержать в себе элементы текстоориентированности, поскольку в конечном итоге выводы о смысле выявленных единиц делаются на основании интерпретации «их ближайшего окружения и контекстного употребления в выборке» [Чернявская 2019: 103]. Такой анализ является примером текстоориентированного, но не текстоцентрического.

Текстоцентрический анализ не является основным методом исследования репрезентативного измерения текстов и описания дискурсов-репрезентаций. К собственно текстоцентрическому типу анализа следует отнести исследования,

ведущие начало от лингвистики текста. Например, к таковым принадлежит исследование макроструктуры отдельных текстов «по ван Дейку» или — в терминах комплементарной модели — потока информации (information flow; [Martin, Rose 2007: 187–218]). Иные способы моделирования структуры текста — в терминах коммуникативных ходов (жанровой схемы), риторической структуры [Longacre 1992; Meyer 1992], структуры содержания и прочих возможных способов иерархического моделирования текста — позиционируются как преимущественно исследования акциональной системности и жанра.

Как часть механизмов репрезентации установление различного рода отношений между структурными элементами текста может быть рассмотрено в том случае, если может быть продемонстрировано, что таковое используется для репрезентации и/или конструирования отношений между различными объектами, явлениями и ситуациями социальной реальности (и что такие отношения, далее, цементируются в стабильные и тиражируемые представления о мире, одним из способов материализации которых и являются дискурсы-репрезентации).

Потенциальным претендентом на такую роль является система так называемой внешней конъюнкции (external conjunction), обсуждаемая Мартином и Роузом, поскольку таковая используется для установления связи между событиями в поле опыта за пределами текста (ср.: linking events in a field of experience beyond the text; [Martin, Rose 2007: 117]) в отличие от системы внутренней конъюнкции, используемой для логической организации текста (logically organizing discourse; [Там же: 117]).

Аналогичное утверждение может быть сделано также, если, к примеру, семантические паттерны, заполняющие функциональные слоты схемы «побудительного текста» (hortatory text; [Longacre 1992]), вроде «установление авторитета автора текста» (establishment of the authority/credibility of the text producer, [Там же: 110]) или «использование мотивации» (resort to motivation,

[Там же: 110]), являются типичными **стратегиями легитимизации** [van Leeuwen 2008: 105–123] и, так сказать, кристаллизуются в знание о социальном мире (ср.: [van Leeuwen 2008: 108]). Аналогичная цепочка рассуждений может быть применена к таким типичным видам отношений, выделяемым в модели Манна и Томпсон [Mann, Matthiessen, Thompson 1992], как «мотивация» (motivation), «доказательства» (evidence) или «цель» (purpose).

К текстоцентрическому анализу, релевантному для изучения репрезентативного аспекта, относятся исследования лексических отношений, выстраиваемых текстом, описываемые в терминах идеационной метафункции СФЛ [Martin, Rose 2007: 73 ff]. В данном случае речь идет о таксономических отношениях, таких как повторение, синонимия и контраст, выстраиваемых текстом, поскольку таковые «конструируют таксономии людей, мест и их свойств» (construct taxonomies of people, things, places and their qualities; [Там же: 75]). Текстоцентрический анализ подобных отношений является частью анализа текста как репрезентации, поскольку путем такого анализа проясняется механизм упомянутой ранее «логики тождества и различия».

2.2.3.2.2 *Анализ речевой репрезентации ценностей как метод описания дискурса-репрезентации*

Ценность рассматривается в работе как одна из ключевых категорий психологии и социального анализа, подлежащая операционализации в анализе и описании дискурсов-репрезентаций. В связи с этим рассмотрение способов речевого отражения и конструирования ценностей вынесено в отдельный подраздел.

Следует различать понимание ценности, являющееся, по-видимому, производным от языкового значения лексемы «ценность», и собственно терминологического. На эту особенность, в частности, указывает Д. А. Леонтьев

[Леонтьев 1996], отмечая, что имеет смысл различать конкретную ценность (a value) или систему ценностей (system of values) конкретной культуры и ценность чего-либо вообще как абстрактное понятия (value), синонимичное значимости и субъективному смыслу. В данной работе под ценностью понимается идеальное образование — «модель должного» (ср. также: [Докучаев 2009]), задающая ориентиры человеческой деятельности вообще и оценочных актов (т. е. актов, направленных на формулирование значимости чего-либо) в частности.

Как идеальную модель ценность следует описывать в двух базовых формах. Во-первых, модель может рассматриваться как компонент индивидуального сознания, т. е. как определенная разновидность когнитивной модели. Во-вторых — как компонент надиндивидуального, общественного сознания. Как компонент общественного сознания ценность, таким образом, можно рассматривать как специфическую разновидность групповых представлений [van Dijk 1998: 126 ff]. По крайней мере для целей дискурс-анализа следует признать первичность **социальных ценностей** (ср. также: [Леонтьев 1996; Леонтьев 2007]).

Такие социальные, т. е. надиндивидуальные и транситуативные ценности, далее, рассматриваются в качестве ключевых компонентов дискурс-репрезентаций: любой дискурс, понимаемый как артикуляция элементов, транслирующая некоторое видение мира, должен транслировать таковое, как представляется, не беспристрастно, но с точки зрения обобщенных представлений об идеальном (и желаемом) порядке вещей для стоящих за дискурсом субъектов.

Если, далее, допустить, что такие репрезентации и вмонтированные в них ценности могут быть в конечном итоге интегрированы в картину мира субъектов, может, как представляется, быть найден еще один вариант объяснения «каузальной силы дискурса» (см.: [Jäger 2001]), поскольку ценности обладают мотивообразующим свойством (см.: [Леонтьев 2007]). Такие представления

являются одним из объектов дискурс-анализа в настоящей работе: обнаруженные в дискурсах (и материализованные в форме адекватных этой задаче языковых конструкций; см. ниже) социальные ценности будут трактоваться как **«дискурсивные ценности»**.

Задача объяснения механики взаимодействия ценностей (например, личностных ценностей индивида и продуцируемого им текста) представляется чрезвычайно сложной и вряд ли имеющей какое-то однозначное решение вообще. В данной работе ставится задача продемонстрировать то, каким образом использование категории «ценность» может быть продуктивным для анализа и описания дискурсов-репрезентаций методом текстоориентированного дискурс-анализа.

Во-первых, будем исходить из того, что в конкретных текстах мы, как правило, можем наблюдать одну из двух следующих стратегий или некоторую их комбинацию. С одной стороны, можно продемонстрировать, что текст опирается на предзаданную (предположительно дискурсом-репрезентацией или интердискурсом) систему ценностей, к которой текст (пассивно) апеллирует, формулируя некоторую ценностную позицию как само собой разумеющуюся. Показателем реализации такой стратегии, которую в рабочем порядке можно назвать фоновой апелляцией к ценностям (*backgrounding*), являются пресуппозиции и допущения (поперечный дискурс в АД), включая номинализации (преконструкты в АД), использование ключевых слов (вроде *freedom* или *democracy*), которые в данном случае следует рассматривать как «ярлыки» для ценностных паттернов, а также оценочные языковые средства, используемые в безапелляционном модусе.

С другой стороны, текст может (активно) конструировать новые ценности или переформулировать старые. В этой стратегии на первый план может выходить понятийный и рациональный компонент ценности: ценность как бы становится объектом внимания (*foregrounded*). Способом лексико-

грамматической реализации такого фокусирования рассматривается использование «ярлыка» для номинации ценностного паттерна, становящегося объектом артикуляции. Далее, все манипуляции, связанные с наполнением данной ценности определенным содержанием могут быть проанализированы в терминах того, что в рамках работы называется метасемиотическим проектом и/или в более общих терминах логики тождества и различия и/или в терминах таксономических связей, выстраиваемых текстом (см. выше).

Предлагаемый здесь метод только ограниченно применим для полноценного исследования именно ценностей (ср.: [Серебренникова 2011]). Ограниченность использования такого в случае исследования личностных ценностей (в особенности «непрезентированных сознанию») вполне очевидна. Что касается собственно исследования социальных ценностей, циркулирующих и/или конструируемых в дискурсах-репрезентациях (того, что было названо **дискурсивными ценностями**), согласимся здесь с позицией Ван Люэна, утверждающего [van Leeuwen 2008: 110], что преимущественно дискурс-аналитики могут лишь констатировать их наличие в тексте.

Используя в качестве примера оценочные прилагательные вроде *healthy, normal, natural, useful*, Ван Люэн утверждает, что любые средства экспликации ценностных концептов являются лишь «вершиной айсберга», поскольку они оторваны от **системы интерпретации**, породившей их (и в этом смысле вновь уместна параллель с преконструктами АД). Очевидно, что такое утверждение применимо преимущественно к первой из выделенных ранее стратегий. Выявление стабильного набора таких вершин (констатация их наличия) как раз и может быть одной из возможных стратегий описания дискурсов-репрезентаций. *Объяснение же того, как и почему что-то стало ценностью, требует специфического исторического изыскания.*

Думается, что вторая указанная ранее стратегия как раз и может иллюстрировать те типы дискурсов, которые составляют **часть системы**

интерпретации и, соответственно, могут стать данными для подобных исторических изысканий (как, впрочем, и критических дискурс-аналитических исследований, см.: [Sowińska 2013]). Такие виды дискурсов, во-первых, интуитивно не являются распространенными и, во-вторых, должны преимущественно быть интересны исследователям ценностей, нежели дискурс-аналитикам, операционализирующим категорию «ценность» как один из вариантов объяснения каузации от дискурсивного к недискурсивному и как один из терминов и инструментов описания дискурсов-репрезентаций.

К этом списку представленных ограничений необходимо добавить и следующие методические рамки. Для целей лингвистического анализа конкретного текста имеет смысл развести два понятия — «ценностный смысл», «дискурсивную ценность» и собственно «ценность». Если ценность представляет собой психологический, социальный и исторический феномен (а в разрезе дискурса также «транстекстуальный») в обозначенном ранее понимании, то ценностный смысл — компонент семантики текста, доступный для интерпретации при анализе последнего, который, как и остальные подобные компоненты, можно также рассматривать как семантический паттерн. Ценностные паттерны, выявленные путем анализа, могут далее быть описаны, например, в терминах ценностных концептов (например, *freedom* для американской президентской риторики или *confidence* для лайфстайл-дискурса; см. также: [van Dijk 1998: 74–75]) и/или определенных свойств объектов и ситуаций, реализованных прилагательными (которые часто могут быть альтернативными способами выражения тех же понятий, которые выражаются номинализациями, вроде *freedom* или *confidence*) или пропозиций (ср.: [van Dijk 1998: 22]), в том случае, если ценностный смысл материализуется в виде сложного семантического паттерна и, соответственно, требует выражения в виде более сложной конфигурации (из процесса/ов и партиципантов).

Наиболее явным примером ценностных смыслов можно считать так называемый аспект оценки, а наиболее эксплицитной формой его актуализации — частнооценочное прилагательное (см.: [Вольф 2014: 61–67]). Иными словами, в выражении «пунктуальный работник» аспектом оценки является пунктуальность; в случае же с выражением «хороший работник» (т. е. при использовании общеоценочного прилагательного) аспект «пунктуальность» также будет актуализироваться с большой долей вероятности (помимо ряда других), поскольку такое качество, скорее всего, будет входить в оценочный стереотип концепта «работник» (см. [Там же: 47–67]).

Подобные аспекты оценки, как представляется, могут располагаться как минимум на трех уровнях иерархии. Иллюстрацией подобного положения дел является предлагаемая Мартином и Уайтом классификация языковых средств выражения оценки по линии «осуждение» (judgment), которая на высшем уровне классификации включает две области — общественную похвалу (social esteem) и общественное осуждение (social sanction). Далее общественная похвала, к примеру, делится на три области — соответствие норме (normality), способности (capacity) и устойчивость (tenacity). Каждая из этих трех категорий далее иллюстрируется специфическими качествами, распадающимися на две подгруппы — позитивные и негативные. К примеру, область способности иллюстрируется такими специфическими качествами, как умный, одаренный, зрелый, опытный и т. п. Думается, что подобные таксономии необходимы, поскольку выявить аспект оценки и присвоить ему наименование на самом низком уровне таксономии не всегда представляется возможным в отличие от общей области принадлежности ценностных смыслов (вроде «общественной похвалы»). Выявление ценностных смыслов подобным образом применимо и в тех, случаях когда таковые не выражены эксплицитно в признаковых словах (например, если оценочная сема является частью номинации группы людей вроде *terrorists* или *thugs* в конфронтационной политической риторике).

Выявленные при анализе текстов смыслы подобного толка могут претендовать на статус дискурсивных ценностей (т. е. вовсе не обязательно являются истинными личностными ценностями автора дискурса и вовсе не обязательно являются разделяемыми всеми представителями больших дискурсивных сообществ, вроде целого лингвокультурного коллектива) при условии их повторения в некотором текстовом массиве. В этом случае можно утверждать, что таковые входят в ценностный тезаурус некоторого дискурса-репрезентации, т. е. **потенциально** составляют часть социально разделяемого знания аксиологического характера некоторой группы индивидов и/или навязываемого некоторой группе индивидов.

Несмотря на то, что, по всей видимости, следует допустить возможность актуализации ценностных паттернов любыми языковыми средствами, главная роль в этом процессе, как правило, отводится средствам языковой оценки, что и иллюстрируется приведенными выше примерами. Преимущественным фокусом такого анализа будем считать (а) номинации, как правило, абстрактных сущностей, претендующих на статус ценностных концептов (вроде, *freedom* или *confidence*), которые, по-видимому, также следует считать дискурсивными ценностями *par excellence* (см.: [Sowińska 2013; van Dijk 1998: 74–75]); (б) номинации групп субъектов или любых объектов и явлений при помощи языковых средств, содержащих оценочный компонент; (в) прилагательные с явным оценочным компонентом, используемые для характеристики групп субъектов и/или объектов и явлений; (г) глаголы с оценочным компонентом, используемые для обозначения активности групп субъектов; (д) наречия с оценочным компонентом для характеристики активности групп субъектов.

Помимо этого, конечно же, в фокус анализа может попадать большое разнообразие различных средств и формулировок, позволяющих транслировать имплицитную оценку. Анализ таковых и интерпретация имплицитной оценки могут в какой-то мере являться проблематичными, поскольку всегда допускают

большой шанс появления «волютаристских интерпретаций» (ср.: [Чернявская 2017]), что в данном случае подразумевает, так сказать, «домысливание» не выраженных в поверхностной структуре аспектов оценки и ценностей. По этой же причине следует исключить из стандартного инвентаря языковых средств фиксации ценностных смыслов языковые средства выражения эмоций — средства подсистемы «аффект» (affect) Мартина и Уайта или — с точки зрения иной классификации — средств, с доминированием эмотивности в их семантике (т. е. средств в первую очередь предназначенных для выражения отношения субъекта к оцениваемому объекту) и/или средств выражения и описания эмоциональной реакции [Вольф 2014: 37–42].

Выводы к Главе 2

Термин «дискурс» в рамках исследования соотносится с тремя явлениями.

Во-первых, термином «дискурс» обозначается особый взгляд на текст, при котором в фокус внимания исследователя помимо собственно речевой структуры также попадает (а) коммуникативный процесс, из которого результирует данная речевая структура (генеративный аспект), и/или (б) процесс ее восприятия особым образом потенциальным реципиентом, приводящий к формированию некоторой интерпретации таковой (рецептивный аспект), а также (в) широкий круг элементов контекста, для которых может быть продемонстрировано, что они в той или иной связи (пред)определяют специфику формулирования такой структуры (социокультурный аспект). Такое явление можно назвать «дискурсом 1».

Во-вторых, термином «дискурс» обозначается дискурсивная практика. Под дискурсивной практикой понимается речевая составляющая этой практики, связанная с иными составляющими этой же практики отношениями взаимной детерминации. Социальные практики в свою очередь понимаются как

рутинизированные и типизируемые виды активности человека разного масштаба, привязанные к определенным временным и физическим локациям (хронотопам), в которых используются ресурсы (материальные и символические). С позиций дискурс-аналитического и текстоориентированного подхода данная речевая составляющая рассматривается как совокупность фактически материализованных в составе практики текстов, либо как потенциальная совокупность, абстрагированная от конкретных экземпляров. Такой феномен можно также назвать «дискурсом 2».

В-третьих, термином «дискурс» обозначается дискурс-репрезентация. Под дискурсом-репрезентацией понимается способ идеологически обусловленного отражения экстралингвистической реальности языковыми средствами, выгодное определенным, стоящим за этим дискурсом группам субъектов. В таком понимании дискурс может быть позиционирован как единое «виртуальное» пространство идей, паттернов, смыслов, связей между объектами и явлениями в совокупности способами лингвистической фиксации таковых, а также как пересекающий границы разных социальных и, соответственно, дискурсивных практик. Такой феномен можно также назвать «дискурсом 3».

Текстоориентированный анализ дискурса-репрезентации в его лингвистическом выражении объединяет в себе анализ двух ключевых взаимосвязанных (и часто разделяемых лишь искусственно) аспектов речевого оформления текстов: содержательного и поверхностного. Содержательный аспект дискурса-репрезентации рассматривается как набор семантических паттернов различного уровня обобщения. Поверхностный уровень рассматривается как набор специфических лексико-грамматических и синтаксических средств, реализующих семантические паттерны, характерные для некоторого дискурса-репрезентации.

Предлагаемый в работе анализ ориентирован на анализ текстов и материализованных в них типов речевых системностей, соотносимых с

определенными параметрами контекста, что отражает первое из представленных пониманий дискурса («дискурс 1»). Тексты, далее, анализируются как компоненты дискурсивной («дискурс 2») и, соответственно, социальной практики, неотъемлемой частью которой они являются, что влечет за собой проекцию определенных закономерностей данной практики на анализируемые тексты с целью объяснения их специфики формулирования. Одним из видов речевых системностей, индивидуализируемых в анализируемых текстах, является репрезентативная, соотносимая с определенными дискурсами-репрезентациями («дискурс 3»), востребуемыми социальными практиками, в которых формулируются исследуемые тексты. Описание таких дискурсов-репрезентаций также требует обращения к ряду переменных более широкого социокультурного контекста.

Контекст является потенциально бесконечным и в аналитических целях может быть представлен как состоящий из нескольких уровней. В качестве ближайшего — первого — уровня рассматривается коммуникативная технология и сопутствующие речевой структуре модальности, которые данная коммуникативная технология позволяет реализовать. Речевую структуру в совокупности с контекстом первого уровня следует рассматривать как комплексный семиотический факт. В качестве второго уровня рассматривается физическая локализацию текста, определяющая, среди прочего, смысл дейктических элементов. К третьему уровню относится «социальная локализация» текста. К четвертому уровню относится контекст профессиональной и/или социальной практики определенного типа. На этом уровне располагаются собственно дискурсивные практики. На пятом уровне располагаются сложные конфигурации социальных практик в рамках так называемых (социальных) полей, вроде поля массмедиа или политики с их взаимным (идеологическим) влиянием и наиболее абстрактные социальные структуры, вроде социоэкономического класса и системы родственных связей.

На этом уровне можно расположить дискурсы-репрезентации как компоненты тотального интердискурса.

Анализ текста по линии «дискурс 1» предполагает два вида оперирования контекстом — с точки зрения контекстуализации и с точки зрения локализации в контексте. Под контекстуализацией понимается процесс «заякоривания» конкретного текстового экземпляра в уникальном контексте его производства и/или употребления. В процессе контекстуализации текст как совокупность всех потенциальных смыслов, которые он вообще может иметь, стабилизируется в плане семантики и прагматики для конкретного реципиента/группы реципиентов в данном конкретном коммуникативном эпизоде, что также может быть описано в когнитивно-ориентированных терминах как формирование метапрагматической модели данного текста. Термин локализация в контексте подразумевает аналитический процесс определения, описания и обоснования релевантности некоторых переменных контекста, которые могли бы потенциально стать востребованы в процессе реальной контекстуализации. Данная процедура может быть нацелена на моделирование реальной контекстуализации (как, например, в работах по социолингвистике и лингвистической антропологии) или некоторой потенциальной контекстуализации без верификации и обсуждения ее реалистичности.

Глава 3 Жанр как способ реализации акциональности и как ресурс оформления коммуникативного взаимодействия

3.1 Речевое оформление, композиционное построение и контекстуальные переменные в дефиниции жанра

Двумя ключевыми основаниями выделения жанра традиционно считаются типизируемость коммуникативной ситуации и/или некоторая системность речевой формы [Briggs, Bauman 1992: 144; Devitt 2009; Giltrow 2010: 201; Hyland 2002]. Так, в отечественном жанроведении (см. обзор в: [Дементьев 2010: 43–75]) одной из наиболее распространенных является трактовка речевого жанра, предложенная К. Ф. Седовым, как вербального оформления «типичной ситуации социального взаимодействия людей» [Седов 1998: 11; Седов 2008: 126]. Обусловленность экстралингвистическими факторами подчеркивается и в определении В. А. Салимовского, трактующего жанры как относительно устойчивые формы «духовной социокультурной деятельности... на ступени ее объективации посредством системы речевых действий в тексте как единице общения» [Салимовский 2002: 49]. Такая же обусловленность подчеркивается, как известно, и в, пожалуй, самом знаменитом и исторически значимом определении жанра М. М. Бахтина (см.: [Бахтин 1986: 428]).

В данной работе под жанром в структурном смысле будет пониматься **абстрактная модель речевого оформления типизируемого социального действия**. Жанр, таким образом, является одним из видов (социо)лингвистических семиотических ресурсов, располагающихся на шкале абстракции ниже системы языка. Связь конкретного жанрового экземпляра с моделью актуализируемого жанра (моделями актуализируемых жанров) можно рассматривать как один из вариантов реализации принципа диалогичности.

Как социальное действие, так и речевое оформление должны быть минимально дифференцируемыми в общем потоке (речевой) деятельности, т. е. иметь более или менее выраженные границы — условную точку начала и точку конца. Ведущим основанием для типизации социального действия является связанный с этим действием усредненный **ряд коммуникативных целей**; ведущим основанием для типизации непосредственно формы является **системность речевого оформления**. Наиболее релевантным аспектом такой системности речевого оформления будем считать **схематическую структуру** («композиционное построение» по Бахтину) или — иначе — **набор коммуникативных ходов**.

Прототипическими жанровыми экземплярами являются целостные тексты, характеризующиеся более или менее устоявшейся и фиксированной схематической структурой и ламинируемым на нее регистром («языковым стилем» по Бахтину) и имеющие четкие границы (такие как, например, научная статья). Во многих случаях, однако, некоторый текст будет являться жанровым гибридом, апеллирующим к более чем одной модели одновременно, но не экземпляром одного конкретного жанра.

Рассматривая жанр как основную категорию для операционализации акционального измерения развертывания текста, будем, однако, исходить из того, что не вся коммуникация без исключения «отливается в жанровые формы»: коммуникация рассматривается как предполагающая некоторое речевое **форматирование**, обусловленное коммуникативной ситуацией (хронотопом, см. обсуждение ниже) и вмонтированными в нее социальными требованиями, но не обязательно собственно жанровое.

Первым ключевым аспектом осмысления жанра в данном исследовании является позиционирование жанра как речевого оформления социального действия. Такое понимание в частности было популяризовано в исследовательской школе «Новой риторики» (см., например: [Miller 2015]).

Одной из наиболее значимых [Swales 1990: 43] работ в рамках данной школы является статья К. Миллер [Miller 1984]. Ключевым положением статьи является призыв сосредоточиться при исследовании жанра не на «субстанции» и «форме» текста, а на **«типичном риторическом событии»**, которое он — жанр — позволяет реализовать.

В предлагаемом К. Миллер осмыслении «риторической ситуации» или риторического события интересны несколько моментов. Во-первых, интерес представляет определение «типичности» ситуации, которая понимается как ее типизируемость — отнесение таковой к какому-то типу лингвокультурным коллективом, что позволяет также считать ее социальным конструктом [Miller 1984: 156–157]. Иными словами, типичность ситуаций определяется не как аналогичность их свойств как таковых, а как их (метапрагматическая) категоризация группой субъектов, так сказать, «решивших», что данные ситуации по той или иной причине могут быть отнесены к одной категории.

Социальный конструкт, далее, имеет вмонтированную в него «необходимость» (exigence) определенного риторического (дискурсивного) действия — социально допустимого способа оформления конкретной личной коммуникативной интенции [Там же: 158].

Помимо соотнесения некоторого текста с некоторым социальным/и действием/-ями, для исследований жанра в дискурсивном аспекте (по линии «дискурс 1» и «дискурс 2») важна не только специфика его речевого оформления, но и конкретные группы индивидов — **дискурсивные сообщества** (см.: [Swales 1990; Swales 1993]), оперирующие данным жанром, с их практиками и (метапрагматическими) знаниями.

3.1.1 Жанровая схематическая структура текста

Будем исходить из того, что исследование речевой составляющей предполагает как минимум три уровня анализа, располагаемых от более поверхностного к более глубинному (см./ср.: [Bhatia 1993: 24–34]).

Первый уровень — анализ лексико-грамматических особенностей, связанных с реализацией определенного жанра в самом широком смысле. На этом уровне анализ жанра сближается с анализом регистра (см. ниже, а также: [Biber et al. 2002; Biber, Conrad 2012]). Цель такого анализа — установление корреляции использования языковых средств (различных уровней) с текстами определенного типа в рамках определенной практики. Второй уровень — функционально ориентированный анализ текстовой актуализации (*textualisation*) функциональных смыслов, т. е. анализ использования определенных языковых средств с точки зрения той функции, которую они реализуют в этом жанре, или — иначе — с точки зрения той функции, которой эту форму наделяют участники дискурсивного сообщества в процессе реализации своих целей. Третий — и наиболее ключевой — уровень — выявление, анализ и интерпретация **схематической структуры жанра**. Данный шаг анализа предполагает *описание некоторого набора и/или последовательности коммуникативных ходов (moves), востребуемых жанром с целью оптимальной организации некоторого содержания для решения поставленной перед ним коммуникативной задачи* [Bhatia 1993: 32].

Этот последний уровень анализа и методика его осуществления в наибольшей степени ассоциируется со школой «Английский для профессиональных целей» (АПЦ; English for Specific Purposes) и непосредственно с Дж. Суэйлзом и в частности его моделью CARS (Create a Research Space) — одним из самых известных примеров моделирования жанровой схематической структуры.

Согласно этой модели, типичный жанр вступления к научной статье организован как последовательность трех (в последней версии данной модели; см., например: [Swales, Feak 2012]) **коммуникативных ходов**: (1) очерчивание территории исследования; (2) нахождение ниши; (3) заполнение ниши [Swales 1990: 140 ff.]. Каждый ход может реализовываться последовательностью нескольких **шагов** (steps). Например, для первого хода такими шагами могут являться (а) обоснование важности темы и/или (б) утверждения наиболее общего характера по теме исследования и/или (в) обзор литературы [Там же: 141]. Вступление к статье, написанное по такой модели, будет являться примером **прототипического экземпляра жанра** или — иначе — идеальной реализацией модели жанра в конкретном тексте.

Исследование жанра как простого набора или организованной последовательности коммуникативных ходов имеет свои преимущества, но и одновременно связано с определенными сложностями. Преимущество состоит в том, что отправной точкой выделения коммуникативного хода в большинстве случаев является реализуемая функция, а не специфическое ее языковое оформление (см., однако, обсуждение в: [Moreno, Swales 2018: 41–43]). Такой подход позволяет применять анализ с большой гибкостью, особенно тогда, когда речь не идет о (более или менее) жестко регламентированных жанрах, вроде научной статьи. Обратной стороной такого подхода является то, что конкретный набор коммуникативных ходов, состав шагов внутри них и «границы» ходов могут сильно варьироваться (см.: [Bhatia 1993: 80]), а также и то, что процесс и метод определения коммуникативных ходов и шагов является больше интуитивным, нежели алгоритмизированным и, как следствие, сложно воспроизводимым на ином материале [Moreno, Swales 2018: 42; Pho 2008: 234].

Сегментация текста на коммуникативные шаги может, конечно же, опираться не только на семантику, но и на лексико-грамматическую структуру. Примером такой опоры может быть установление правила, что один шаг должен

быть реализован не менее чем одной предикацией, оформленной как минимум одним финитным или нефинитным глаголом или же номинализацией, легко конвертируемой обратно в глагол (см.: [Moreno, Swales 2018: 49]). Точно так же, очевидно, что определенные (стандартные) речевые структуры («лексические пучки» — lexical bundles), не обязательно являющиеся собственно предикациями, могут часто маркировать определенный коммуникативный ход или шаг [Cortes 2013; Pho 2008].

3.1.2 Жанры и дискурсивные сообщества

Выбранная в настоящем исследовании метапрагматическая перспектива и общая ориентация на исследование текстов в свете контекстуальных переменных («дискурс 1») и в составе дискурсивных практик («дискурс 2») диктует необходимость операционализации так называемых **дискурсивных сообществ** (см.: [Swales 1990: 24–32; Swales 1993: 694–696]). Под дискурсивным сообществом будем понимать сообщество, которое в первую очередь определяется *благодаря и в процессе взаимодействия совершенно различных субъектов с жанрами, а не какими-то иными факторами (вроде принадлежности к одной организации или профессиональному сообществу)*.

Такое понимание представляется особенно актуальным в случае с сетевыми обществами различных видов. Реализация коммуникации с использованием современных коммуникативных технологий и «вокруг» современных медиа подтверждает, что коммуниканты, принадлежащие к разным группам и категориям и «приносящие с собой» разные «контексты» в коммуникацию, тем не менее чаще всего не испытывают трудностей в использовании определенного речевого форматирования коммуникации (см. например: [Клочкова, Евтушенко 2020]), в том числе и жанрового (см. также: [Szabla, Blommaert 2018]).

Пример с дискурсивными сообществами, образующимися на базе современных медиа, позволяет, далее, описать и возможные формы существования таких сообществ. Во-первых, таковые продуктивно осмысливать в терминах центра и периферии: в центре сообщества будут располагаться субъекты, рутинно и «мастерски» продуцирующие жанровые образцы, на периферии — те, кто регулярно с ними взаимодействует в различных смыслах. Те, кто не входит в центр, находятся, так сказать, «на различном удалении от» этого жанра: в диапазоне от прекрасного знания его организации до очень смутного представления о том, что за вид коммуникации разворачивается перед ними. Последнее утверждение также акцентирует еще два свойства дискурсивных сообществ — размытость границ и различие масштабов дискурсивных сообществ. Представляется, что некоторые дискурсивные сообщества могут быть относительно немногочисленными в пределах одной страны, но при этом пересекать национальные границы. С другой стороны, некоторый жанр может объединять практически все языковое сообщество в пределах одной страны, но при этом быть неизвестен за ее пределами (см.: [Молодыченко 2021, 2022b]).

Представление о дискурсивных сообществах должно иметь не только теоретическое значение, но и прикладное. Например, в практике изучения жанров представителями школы АПЦ используются в том числе и методы этнографического характера [Askehave, Swales 2001; Bhatia 1993: 34–36; Bhatia 2015: 201; Swales 1993]. Однако непосредственная этнографическая работа с дискурсивным сообществом является не единственным способом его операционализации: *в рамках текстоориентированных исследований (примером которых является настоящая работа) оптимальным методом исследования различного рода метапрагматических представлений, циркулирующих в дискурсивных сообществах, является обращение к метапрагматическим*

текстам (т. е. текстам, фиксирующим различного рода метапрагматические акты), ими же продуцируемым.

Одним из компонентов жанра, который позволяет определить и/или верифицировать работу с дискурсивными сообществами, является **коммуникативная цель**, которая рассматривается как один из решающих критериев демаркации жанров (см./ср.: [Bhatia 1993: 19–22; Swales 1990: 46]). Будем, далее, также исходить из того, что на уровне абстрактной модели один жанр связан с несколькими коммуникативными целями, образующими некоторую иерархию. Контекстуализированные тексты, апеллирующие к модели, используются субъектами для реализации потенциально еще более широкого диапазона (конкретных) личных целей (ср.: [Bhatia 1993: 13; Günthner, Knoblauch 1995: 7, 21]), которые также среди прочего можно выявить и верифицировать посредством рассмотрения метапрагматических актов, продуцируемых авторами исходных текстов (см.: [Молодыченко 2021, 2022b]).

3.2 Жанр в дискурсивной практике

В лингвистических исследованиях последних лет и гуманитарных исследованиях вообще произошел перенос акцентов со статичного и абстрактного представления объекта исследования на единичное, динамичное, процессуальное и перформативное (см. например: [Bell 2016: 201; Eckert 2012]).

Одной из движущих сил изучения текстов в подобном ключе и одним из примеров конкретного воплощения дихотомии «статичное — динамичное» стали исследования в области социолингвистики (см. обзор и обсуждение в: [Blommaert 2005; Coupland 2007]) и лингвистической антропологии, в особенности исследования перформанса как вербального искусства Р. Баумана [Bauman, Briggs 1990; Hanks 1989: 111]. Под перформансом в данном случае будем понимать продуманное, отрепетированное, в какой-то мере

«театрализованное» использование языка для определенной аудитории, в результате чего текст такого коммуникативного события демонстрирует элементы, так сказать, поэтической речевой системности; ср.: artful uses of language that stand apart both from day-to-day life [Bauman, Briggs 1990: 60]. Ср. также: [Coupland 2007: 147–148].

Однако любое (более «повседневное») использование языка также отчасти является перформансом (или интегрирует сегменты перформанса), поскольку (как минимум) предполагает (а) более или менее осознанный подбор ресурсов для выражения смыслов, связанных не только с передачей содержания, но и (б) реализацией определенного социального действия и (в) конструирования некоторой формы идентичности (г) с учетом потенциальной аудитории и ее потенциальной ответной реакции, что также (д) демонстрирует активную рефлексию субъекта (**метапрагматическую осведомленность**) над способами реализации данного социального действия в том числе над используемыми языковыми ресурсами.

Одна из основных идей перформативного взгляда на текст заключается в необходимости учета контекстуализации и понимания того, что эффект текста (поступательно) формируется в реальной коммуникативной ситуации и зависит от ряда переменных, большая часть которых не сводится к денотативному содержанию текста (семантике или репрезентативной составляющей).

3.2.1 Статическая и динамическая перспектива рассмотрения жанра

В более статично ориентированной плоскости располагается представление о жанре как о классе текстов с относительно фиксированным набором признаков (любого порядка); в рамках этой же перспективы может идти речь о различных типологиях, таксономиях и классификациях жанров. С распространением перформативной перспективы на смену таким представлениям об объектах

исследования пришли представления о динамических объектах, что отразилось в частности в популяризации терминов, акцентирующих процессуальность (включая контекстуализацию). Одним из вариантов акцентирования динамического аспекта (реализации) жанра стал термин «исполнение жанра» (genre performance; см. например: [Bhatia 2015; Devitt 2015]).

Как известно, практика эмпирического исследования реальных текстов демонстрирует, (а) что тексты не всегда «без остатка» укладываются в какую-либо, пусть даже гибкую, жанровую форму и (б) что наборы жанров не образуют сколько-либо логичных, непротиворечивых и стабильных таксономий (см. например: [Briggs, Bauman 1992: 132, 144; Devitt 2015: 42]). При рассмотрении жанра в том числе и в динамических терминах такое положение вещей может позиционироваться не как проблема, а как естественная и закономерная особенность функционирования текстов и дискурсивных практик; такое рассмотрение также смещает исследовательские акценты как минимум в трех смыслах.

Во-первых, текст следует по умолчанию рассматривать не как находящийся «в» каком-то жанре (хотя, такое, безусловно, также возможно), а как *потенциально могущий апеллировать в каждом моменте развертывания к какой-либо жанровой модели* (ср.: [Fairclough 2003: 69; Hanks 1987]).

Во-вторых, такое понимание акцентирует и тот факт, что апелляция к жанру или — иначе — речевое оформление некоторого фрагмента текста (всего текста целиком как частный случай) согласно некоторой жанровой форме является лишь одним из аспектов (который в данном исследовании называется акциональным) инструментального использования текста (например, в персуазивных целях).

В-третьих, *описание жанра в динамических терминах позволяет сдвинуть акцент от попыток создания четких таксономий и/или (обязательной) локализации изучаемого жанра в какой-то подобной таксономии в сторону*

изучения отдельных жанров, реальных контекстуализированных текстов, к ним апеллирующих, и реальных групп субъектов, их использующих, в составе некоторой дискурсивной практики сообразно реализуемым ею целям и задачам.

3.2.2 *Жанр и метапрагматика текста*

Как и в случае с другими способами идентификации и описания (мета)прагматики текста (например, в случае с названиями речевых актов), выделение и анализ жанра как правило требует присвоения ему некоторого **метапрагматического термина** (ср.: [Дементьев 2016]). Однако в каждом конкретном моменте времени может параллельно разворачиваться достаточно большое количество различных (типов) действий, реализуемых текстом, а также актуализироваться множество различных смыслов, не связанных напрямую с семантической составляющей текста (так называемых социальных смыслов). В такой ситуации присвоенный метапрагматический термин «схватит» только некоторые аспекты этого процесса. Иными словами, *называя некоторый текст или его фрагмент определенным жанром, мы описываем самую важную и значительную (для текстоориентированного исследования), но только часть того, что вообще «происходит» в прагматическом измерении коммуникативного события, формирующегося на основе данного текста* (см.: [Молодыченко 2021, 2022b]). Наиболее очевидным кластером иных смыслов, актуализируемых в прагматическом измерении помимо акциональных, являются так называемые социальные смыслы различного рода, рассматриваемые в социолингвистике и лингвистической антропологии в терминах социальных индексов и стилизации (см., например: [Coupland 2007; Silverstein 1992; Eckert 2012]).

В рамках данной работы (и исходя из типа анализируемых в ней материалов) жанр позиционируется как одна из главных категорий описания

такого компонента прагматического измерения, а представления, могущие быть описанными в терминах реализации текстом некоторого жанра, — как один из наиболее значимых компонентов результирующей метапрагматики текста.

Представленные выше рассуждения об особенностях исполнения жанра в конкретных текстах заостряют ряд теоретических и методологических вопросов. Во-первых, каким образом соотносятся коммуникативная ситуация, оформляющий ее текст и жанр, если оформляющий ситуацию текст часто является жанровым гибридом? Во-вторых, если конкретные тексты (часто) гибричны, каким образом можно выделить и описать «чистые» жанры (модели), к которым такой текст апеллирует?

3.2.3 *Жанр, контекст (коммуникативной) ситуации и контекст культуры*

Ответ на оба вопроса требует рассмотрения отношений между коммуникативной ситуацией и собственно жанром (ср. также: [Дементьев 2010: 123–124]). Будем считать, что коммуникативная или — точнее — социальная ситуация является наиболее специфическим и локальным (в противовес транситуативным) компонентом в системе экстралингвистических оснований, связанных с жанровым форматированием отношениями взаимной детерминации. Социальная ситуация предполагает определенный диапазон типов социального (взаимо)действия, которые могут в большей или меньшей степени быть дискурсивным (взаимо)действием (см.: [van Dijk 1980: 133–174]).

Социальное действие в его речевом оформлении предполагает определенный вид **речевого форматирования**, одним из вариантов описания которого является описание в терминах жанра. Коммуникативная ситуация, далее, рассматривается как имеющая минимум два измерения — некоторые регулирующие социальные механизмы и когницию коммуникантов.

Говоря о коммуникативной ситуации и вмонтированных в нее переменных, могущих в частности предопределять использование жанровых моделей и жанрового речевого форматирования, будем исходить из того, что провести границу между локальным (т. е. только в рамках данной коммуникативной ситуации) и глобальным (т. е. в контексте культуры вообще) достаточно сложно. В связи с этим возможные переменные контекста ситуации также могут быть представлены как принадлежащие более широкому контексту культуры.

Одним из примеров осмысления коммуникативной ситуации как комбинированной с жанровым оформлением является обсуждаемый С. Гюнтнер и Х. Кноблаухом «ситуативный уровень коммуникативных жанров» [Günthner, Knoblauch 1995: 13–16]. К ситуативному уровню авторы относят такие феномены, как интерактивная организация (описываемая в терминах конверсационального анализа) и схемы участия (по Гоффману), а также «нелингвистическую социальную ситуацию». Ситуативный уровень жанра С. Гюнтнер и Х. Кноблаух располагают между внутренней структурой жанра (т. е. тем, что определяется как собственно жанр в настоящей работе) и внешней структурой, в которую входят коммуникативная среда, социальные категории субъектов и институциональное окружение [Günthner, Knoblauch 1995: 16–20].

Еще один вариант осмысления коммуникативной ситуации — в терминах хронотопа. Под **хронотопом** в данной работе понимается контекст или ситуация как совокупность следующих признаков. Во-первых, хронотоп предполагает неразрывную связь физической и социальной локации: пространственно-временные координаты всегда связаны с определенным фреймом социального взаимодействия и с определенными видами деятельности вообще. Последний также характеризуется историчностью, т. е. всегда демонстрирует принадлежность к специфическому временному отрезку в специфической культуре. Такое понимание предопределяет и второе свойство хронотопа — его способность предписывать (или предполагать) способы (семиотического)

поведения или — более конкретно — речевого форматирования (см./ср.: [Blommaert, Smits, Yacoubi 2018: 6]). В-третьих, хронотопы можно рассматривать как имеющие разный масштаб как в синхроническом, так и диахроническом смысле. Например, конкретным хронотопом реализации некоторого коммуникативного действия можно считать непосредственную локацию и допустимые в ней (предполагаемые ею) способы деятельности, а расширенным хронопом того же действия хронотоп данной культуры вообще (в отличие от какой-то иной культуры и предписываемыми ею действиями). См. также пример расширения хронотопа в диахроническом аспекте в: [Spitzmüller 2015].

Третий возможный способ осмысления коммуникативной ситуации — в терминах когнитивных моделей контекстов, традиционно ассоциируемых с работами Т. Ван Дейка. Одной из отправных точек рассуждений Ван Дейка [van Dijk 2006b] является то, что объективный контекст (как контекст ситуации, так и контекст культуры) вряд ли следует считать напрямую предопределяющим коммуникацию. Между контекстом, который фактически может быть безграничным, и непосредственным текстом находится когнитивная модель контекста, предопределяющая продуцирование и интерпретацию текста в конкретном акте коммуникации (и — попутно — являющаяся механизмом редукции упомянутой безграничности). Модель контекста фактически является «контролирующим устройством», предопределяющим «структуры дискурса» (если придерживаться терминологии Ван Дейка), включая содержание и специфическое лексико-грамматическое оформление [van Dijk 1997: 203–214].

Иными словами, фактически коммуникацией управляет не объективно существующий контекст (коммуникативная ситуация в ее связи с контекстом культуры вообще), а субъективное представление об этом контексте каждого из коммуникантов.

Одной из релевантных в случае с жанром переменных контекста является коммуникативная технология (некоторые исследователи даже предлагают

рассматривать ее как часть жанра; см.: [Askehave, Nielsen 2005]; ср. однако: [Lüders, Prøitz, Rasmussen 2010]). Даже поверхностный взгляд на современный пейзаж популярных (онлайн-)жанров позволяет предположить, что многие из них предопределены технологией и с какой-то вероятностью могли бы не существовать вовсе, если бы такая технология не была доступна. Например, к таким жанрам можно было бы отнести жанр «блог» (см., например: [Miller, Shepherd 2004]).

Итак, независимо от того, включается ли контекст коммуникативной ситуации (или какой-либо из его компонентов) в само понятие жанра, следует исходить из того, что «организующее начало», управляющее в том числе и жанровым форматированием, расположено в контексте. Во всех подходах фигурирует «контекст среднего уровня» — ситуативный контекст или хронотоп, который характеризуется рядом свойств. Во-первых, такой контекст предполагает пространственно-временную конфигурацию коммуникативного события в совокупности с некоторой социальной конфигурацией. Многие релевантные параметры конкретного хронотопа, тем не менее, являются скорее конкретизацией различных трансситуативных структур. Во-вторых, такой ситуативный контекст предполагает определенные способы форматирования текста (и — шире — формы поведения и деятельности вообще). Одним из таких способов форматирования как раз и является жанр. Однако любые другие варианты группировки содержательных, лексико-грамматических элементов (и, возможно, композиционных) в речевые системности (которыми управляют нормы и правила коммуникации, вмонтированные в хронотоп), не относимые к собственно жанровым (см. ниже), также могут быть рассмотрены как способы форматирования.

Такая модель (коммуникации и использования языка), в которой жанр как форматирование имеет лишь вероятностную привязку к коммуникативной ситуации, позволяет избежать некоторых методологических сложностей в

исследовании ряда известных эмпирических эффектов. Первый из таких эффектов был отмечен ранее — то, что тексты часто формулируются не «в» одном жанре, поскольку (условно) один текст, вмонтированный в (условно) одну коммуникативную ситуацию, может быть оформлен в ряде жанров как прототипически связанных с данным контекстом ситуации (т. е. максимально вероятных в нем), так и «допускаемых» таковым.

Вторым эффектом является наблюдение, что не только контекст предопределяет речевую структуру, но и речевая структура имеет способность модифицировать и создавать ситуативный контекст. Эта же самая идея может быть выражена и в терминах когнитивно-ориентированного подхода Ван Дейка. Так, Т. Ван Дейк среди прочего подчеркивает, что модель контекста подвергается постоянным корректировкам с целью наиболее правильного отражения динамики разворачивающегося социального взаимодействия [van Dijk 1997b: 194]. Таким образом, какой-либо элемент текста (любого уровня) может инициировать модификацию ситуативного контекста.

Апелляция к некоторому жанру, таким образом, также способна инициировать модификацию контекста путем привнесения в актуальный контекст элементов другого контекста, прототипически связанного с этим жанром: типичного для него хронотопа, типичных коммуникативных целей, потенциальных личных интенций, конфигураций социальных отношений, социальных ролей, возможностей апелляции к дискурсам-репрезентациям и т. п.

3.3 Лингвистические методы описания жанровых моделей и компоненты жанровой речевой системности

Отправной точкой в **моделировании** жанра должно быть его позиционирование как нечеткого множества [Lakoff 1987; Steen 1999] или индуктивно-эмпирической категории [Никитин 2009: 51–53] — аналитического

построения, характеризующегося наличием более или менее вероятных признаков.

Именно таким образом, к примеру, представляет жанр Дж. Суэйлз. Коммуникативная цель постулируется Суэйлзом как «привилегированный» признак жанра, а такие признаки, как форма, структура и ожидания реципиентов, — как могущие в большей или меньшей степени отклоняться от прототипа [Steen 1999: 111; Swales 1990: 52]. Исходя из такого представления, первым шагом анализа должно быть отнесение разных текстовых образцов к вариациям одного жанра на основании экстралингвистических принципов — коммуникативной цели (по Суэйлзу) и/или актуализации одного и того же социального действия (по Миллер). Вторым шагом, соответственно, может (или должно) быть исследование формы. На практике речь, однако, идет скорее об одновременной реализации этих шагов с постоянной осцилляцией между ними (ср.: [Moreno, Swales 2018: 41–42]).

Что касается собственно формы, т. е. речевой реализации жанра, то к ней также применим принцип прототипа и формулирования идеальной модели (ср. также: [Fairclough 1995: 13–14]). В этом плане одним из иллюстративных и отработанных методов видится опять же анализ жанра по Дж. Суэйлзу. Так, в отобранном массиве (предположительно относимых к одному жанру в том числе и по контекстуальным параметрам) маркируются все возможные коммуникативные ходы и выводятся наиболее вероятные из них (см. например: [Skalicky 2013]); модель, включающая такие наиболее вероятные ходы, может считаться (идеальной) моделью жанра, а тексты, которые в реальности воспроизводят ее с наименьшими отклонениями, — прототипами жанра.

В случае с относительно предсказуемыми и стабильными жанрами возможен альтернативный или комплементарный путь. Если прототипы существуют в виде негибридизированных экземпляров, то такие экземпляры рассматриваются как реализующие идеальную модель, а все остальные

возможные образцы опять же как более или менее отклоняющиеся от нее. Если некоторый искомый жанр реализован преимущественно в гибридных текстах, то применение описанного метода также видится возможным при условии введения в анализ некоторой предварительной фазы отделения элементов искомого жанра от элементов прочих жанров, реализуемых в том же тексте.

Помимо (синхронической) жанровой гибридности в конкретных текстах и отклонений реальных текстов от прототипов или идеальных моделей, эмпирическое исследование жанра также осложняется (диахронической) текучестью самих моделей. Как известно, в исследованиях жанров всегда подчеркивалась их нестабильность и изменчивость с течением времени. Такая ситуация, как полагают некоторые исследователи, усугубилась с релокацией жанров в цифровую среду [Devitt 2009; Giltrow, Stein 2009].

Несмотря на то, что жанры вряд ли возможно считать даже «временно стабилизировавшимися» (см./ср.: [Devitt 2009: 39]), в том числе исходя из изложенных ранее принципов диалогичности, по крайней мере в целях реализации практического анализа следует допустить, что точки стабилизации все же выделимы. Когда такая точка стабилизации найдена или — точнее — выбрана, в случае с гибридными текстами существует как минимум два варианта решений относительно «чистой» жанровой модели. Первый вариант — признание того, что тексты актуализируют новую гибридную модель (ср.: [Bhatia 2005]), второй — того, что это окказиональная комбинация нескольких дискретных жанров.

Поскольку под жанром понимается модель схематической организации целостного текста в сочетании с некоторыми лексико-грамматическими особенностями, не вся коммуникация, как представляется, будет без остатка «отливаться» в жанровые формы (см./ср.: [Günthner, Knoblauch 1995: 5; Swales 1990: 58–61]).

Наличие метапрагматического термина для обозначения речевого оформления некоторого коммуникативного действия (см., например: [Дементьев 2016]) также не всегда является достаточным основанием отнесения такого действия к жанру. Наличие используемого языковым сообществом или исследователями МПТ свидетельствует лишь в пользу того, что для представителей такого сообщества (или исследователя) существует минимальное узнаваемое речевое форматирование и/или комплекс иных семиотических средств, соотносимых с некоторым социальным действием и/или хронотопом. Образуется ли такое форматирование собственно жанр должно быть предметом конкретной эмпирической проверки для каждого конкретного случая [Günthner, Knoblauch 1995: 9].

Будем также считать, что принадлежность некоторого форматирования к жанровому также подчиняется правилу нечеткого множества — принадлежность к одному из двух полюсов («жанр — не жанр») может быть обозначена как лежащая в диапазоне от 0 до 1 (см.: [Lakoff 1987]). В каких-то случаях объяснение специфики речевой системности действительно наиболее оправдано в жанровых терминах, в других же оптимальным будет объяснение этой специфики в терминах иных типов речевой системности (например, в терминах речевых актов или регистров) или же их комбинации. С другой стороны, саму жанровую системность также можно представить как наложение более частных системностей разного масштаба.

3.3.1 Жанр и риторическая структура текста

Помимо моделирования жанра в терминах коммуникативных ходов и шагов «композиционное построение» можно проанализировать и в терминах иных возможных структур текстов, которые (а) будут накладываться на первичную жанровую схематическую структуру, (б) дополнять ее или (в)

являться альтернативным способом анализа композиционного построения вообще.

Первой структурой в таком ряду может быть то, что иногда фигурирует под термином «тип текста». В отличие от немецкой традиции и/или традиции классификации типов текста в переводоведении (см. например: [Кафискина 2017]), где под типом текста может в том числе пониматься и явление, сопоставимое с жанром, в англоязычной традиции данному термину часто отводится отдельное место (см.: [Virtanen 2010]). В отличие от анализа жанра с акцентом на контекстуальных переменных (коммуникативная цель, социальное действие, дискурсивное сообщество), *анализ в терминах типа текста ориентирован на сам текст и его внутреннюю логику организации* [Lee 2001; Paltridge 1996; Virtanen 2010].

Еще одной особенностью типов текста (в намеченном смысле) является то, что их список часто рассматривается как закрытый. Одной из распространенных типологий является деление на четыре традиционных типа — повествование, описание, рассуждение и аргументация [Fairclough 2003: 68–69; Lee 2001: 41; Steen 1999; Virtanen 2010; Полетаев 2012].

Анализ структуры текста в терминах его внутренней логики, как известно, был популяризован и Т. Ван Дейком [van Dijk 1980]. Уделяя основное внимание анализу семантических **макроструктур**, Ван Дейк, тем не менее, замечает, что многие тексты бывают организованы в соответствии со стандартными схемами, имеющими функциональные слоты, которые могут заполняться типичными для слота (макро)пропозициями. Примерами таких схем (семантических **суперструктур**), приводимых Ван Дейком, являются опять же нарратив и аргументация. Говоря о слотах или категориях суперструктур, Ван Дейк акцентирует тот факт, что принцип их выделения — функциональные отношения между фрагментами текста.

Собственно суперструктуры предполагают отношения между большими фрагментами текста, вроде вступления, проблемы, оценки и заключения [van Dijk 1980: 11]. Поскольку, далее, такие отношения, как отмечает Ван Дейк, аналогичны отношениям, возникающим между отдельными пропозициями (вроде сравнения, уточнения, противопоставления [Там же: 108]), такие структуры следует рассматривать (и как) отражающие внутреннюю логику организации текста. Помимо этого, моделируемая таким образом схема является достаточно абстрактной (в отличие от моделирования в терминах коммуникативных ходов) и может *накладываться на различные жанры*.

Похожие принципы моделирования структуры текста обнаруживаются в так называемых исследованиях **риторической структуры текста**, например, в терминах схем и макроструктур Р. Лонгакра [Longacre 1992] или структур высшего уровня (top-level structures) Б. Мейер [Meyer 1992]. Модели текстов в этих направлениях также рассматриваются как иерархические и, как правило, предполагают три уровня (см. опять же: [Longacre 1992; Meyer 1992], а также: [Martin, Rose 2007]) — высший (глобальная структура текста), средний (отдельные фрагменты и их отношения) и низший (как правило, отношения между отдельными пропозициями). То же самое справедливо и для жанрового моделирования. Например, научная статья может быть представлена на глобальном уровне как состоящая из субжанров (вступление, методы, материал и анализ, результаты, обсуждение, заключение), каждый из которых реализуется набором ходов, а каждый ход в свою очередь набором шагов.

Моделирование внутренней логики текста также может быть предпринято в терминах СФЛ как анализ **логико-семантических отношений** между группами слов в составе предикаций, предикациями и группами предикаций (предложениями) в тексте. Так, М. Хэллидей выделяет несколько глобальных типов отношений, пересекающих всю языковую систему. К таковым относятся: проекция двух типов — «локуция» и «идея» и три подтипа отношений

расширения — уточнение (*elaboration*), добавление (*extension*) и модификация (*enhancement*; [Halliday, Matthiessen 2004: 363–482; Martin, Rose 2007: 115–152]). Последние три подтипа в свою очередь делятся еще на несколько более специфических подтипов. Эти виды логико-семантических отношений, далее, накладываются на два возможных типа связи между предикациями внутри группы предикаций (сложного предложения) — сочинение и подчинение. Эти же типы связи обнаруживаются и сфере когезии, понимаемой как связь между отдельными (сложными) предложениями в составе целого текста.

Однако не все логико-семантические связи стоит однозначно относить именно к жанровой системности. Так, например, некоторые связи, выстраиваемые дискурсом, следует отнести к дискурсивной/репрезентативной системности, поскольку такие связи — часть дискурсивной репрезентации практик в том числе и с идеологических позиций.

Один вариант демаркации жанровой и дискурсивной системности в рамках таких связей — дифференциация внутренней и внешней связности. Так, Дж. Мартин и Д. Роуз рассматривают **конъюнкцию** (*conjunction*) как единую текстовую систему, включающую связь простых предложений в сложные (предикаций в группы предикаций) и когезию между отдельными предложениями. Конъюнкция по Мартину и Роуз, далее, бывает двух видов — внешняя и внутренняя. Функция **внешней конъюнкции** — моделировать экстралингвистическую реальность в плане идеационной метафункции как последовательность некоторых эпизодов (про фигуры и эпизоды см. подробнее в: [Halliday, Matthiessen 1999]). Функция **внутренней** — организация самого текста как сменяющих друг друга сегментов информации [Martin, Rose 2007: 116–117]. При такой дифференциации внешнюю конъюнкцию следует отнести к дискурсивной системности, отвечающей за репрезентацию некоторого фрагмента мира с некоторой позиции, а внутреннюю — к жанровой, организующей текст как коммуникативное действие.

Между выделением фрагментов текста (какими бы они ни были) с точки зрения внутренних отношений между этими фрагментами и/или отношений фрагмента к текстовому целому и выделением фрагментов по принципу того, какое социальное действие они реализуют (жанровая схематическая структура), нет четкой границы. В качестве примера можно вновь привести теорию макроструктур Ван Дейка. Так, помимо (семантических) макроструктур и (семантических же) суперструктур Ван Дейк также предлагает альтернативный вариант анализа текста в терминах того, что он называет **прагматическими суперструктурами**. Неоднозначная дифференцируемость схематических и прагматических суперструктур, далее, отмечается самим Ван Дейком (см./ср. [van Dijk 1980: 184, 196]): например, такие слоты семантической суперструктуры, как «заключение» в аргументативной структуре или «обсуждение» в научной работе, предполагают одновременно и то, что автор реализует определенное социальное действие — «подводит итог» или «обсуждает».

3.3.2 *Жанр и речевой акт*

Как известно, типичное для некоторых (условно простых) речевых действий вербальное оформление закреплено на уровне грамматики предикации. Так, в СФЛ стандартным является выделение четырех типов действий — **речевых функций** (speech functions): предложения (offer), требования (command/demand), утверждения (statement) и вопроса (question; [Halliday, Matthiessen 2004: 106–111]). Такое деление производится на основании грамматико-функциональных признаков в рамках межличностной метафункции, которая позиционирует предикацию как единицу диалога (clause as exchange). Как и в других случаях, рассматриваемых в СФЛ, конкретная речевая функция может быть выражена конгруэнтно, т. е. специфической закрепленной за ней в грамматике формой (например, изъявительным наклонением для утверждений,

повелительным для требований и вопросительной формой для вопросов), и метафорически, т. е. в принципе любыми лексико-грамматическими средствами.

Данная система может быть релевантна и для анализа жанра (ср.: [Fairclough 2003]). Например, можно продемонстрировать, что некоторый коммуникативный ход в составе жанровой модели с большой вероятностью реализуется одним из типов таких речевых функций.

Более развернутая классификация речевых действий, как известно, традиционно обсуждалась в теории **речевых актов** (РА). В рамках предлагаемой в работе метапрагматической перспективы речевой акт фактически сближается с жанром (ср.: [Кожина 1999]), по крайней мере в двух аспектах: РА, как и жанр, (а) является вербальным оформлением некоторого социального действия и (б) также часто идентифицируется имеющимся в сообществе (наивном и/или научном) метапрагматическим термином, схватывающим релевантную сторону (мета)прагматики некоторого разворачивающегося (фрагмента) текста.

Будем считать, что РА является более элементарной единицей, сопоставимой по объему с «первичными речевыми жанрами» М. М. Бахтина (ср.: [Там же: 199]) и прототипически реализуемой одним предложением. Речевые акты можно (в зависимости от задач и установок исследования) рассматривать как отдельные способы форматирования или же как компонент жанров. Имеющаяся номенклатура типичных РА или — точнее — один из принципов их выделения (т. е. подбор метапрагматического термина для изолируемого элементарного коммуникативного действия) может быть операционализирован для разбивки на фазы в комплексных (устных) жанрах (см./ср.: [van Dijk 1980: 184, 196; Ventola 1989: 137]).

Аналогичный по своей сути принцип используется и для именованя коммуникативных ходов в комплексных письменных текстах (например, научной статье), где коммуникативный ход — это тот же речевой акт, только (а) специфический для определенной социальной практики и определенного

комплексного жанра, (б) часто имеющий протяженность более одного предложения, (в) часто не имеющий «готового» однозначного метапрагматического термина и (г) часто не настолько однозначный в плане заложенной в нем прагматики, как речевой акт.

Стоит заметить, что к речевым актам также применимы сделанные выше замечания относительно условности метапрагматического термина и фактической многогранности (мета)прагматики разворачивающегося текста: возможность более или менее однозначного отнесения какого-то фрагмента текста к определенному типу РА вовсе не означает, что данный фрагмент одновременно не «делает что-то еще» в (мета)прагматическом смысле (см.: [Молодыченко 2021, 2022b]).

3.3.3 *Жанр, регистр и языковой стиль*

Одним из аспектов анализа жанра и фаз его «композиционной структуры» будет анализ коррелирующего с этими фазами лексико-грамматического оформления. Основным вариантом описания (регулярно повторяющихся) особенностей речевого оформления вообще является использование терминов «регистр» и/или «стиль» (ср.: «языковой стиль» по М. М. Бахтину).

Как известно, проблема демаркации терминов «регистр» и «стиль» (как, впрочем, и терминов «регистр» и «жанр»; см., например: [Lee 2001] или «функциональный стиль» и «дискурс»; см., например: [Кожина 2004; Орлова 2013; Чернявская 2014a]) никогда не переставала быть предметом дискуссий. В рамках данной работы будем исходить из того, что как термин «регистр», так и термин «стиль» должны использоваться для теоретических обобщений и эмпирического анализа в несколько иной плоскости, нежели та, которая исследуется при использовании термина «жанр». При этом сами термины «регистр» и «стиль» обозначают разные «концы» одного и того же явления или

— иначе — обусловлены разными, но взаимосвязанными переменными контекста (см. также: [Молодыченко 2022a]).

Регистр должен покрывать вариативность использования языка, связанную с тем, что можно было бы назвать «социальными сферами», или «сферами деятельности» (ср.: *language tied to certain broad societal situations*; [Lee 2001: 46]). Регистр и жанр в таком случае при их прямом со- или противопоставлении будут отличаться как минимум по следующим параметрам. Во-первых, по степени масштабности явления контекста, с которым напрямую связывается вид речевой системности, жанр рассматривается как коррелирующий с социальным действием, регистр же — с коммуникативной ситуацией, социальной практикой или сетью таковых (в зависимости от задач и установок исследования). Во-вторых, жанр (как и риторическая структура текста) связан с вертикальным оформлением всего текста в его пошаговой реализации (например, вступление, основная часть, заключение), а анализ текста в разрезе жанра демонстрирует текстоцентрическую ориентацию в том смысле, в котором она была определена ранее. Регистр же покрывает «горизонтальный» срез различных ситуаций и описывает особенности использования языковых форм, прототипически связанных с целой практикой или типом коммуникативной ситуации не обязательно с привязкой к конкретным коммуникативным ходам и шагам ([Biber, Conrad 2012: 2, 6, *passim*; Lee 2001: 46]; ср. также: [Martin, White 2005: 162–163]). В-третьих, данные термины отличаются еще и тем на каких лингвистических элементах прежде всего делается акцент при их изучении. Жанр — на схематической структуре и/или некотором наборе коммуникативных ходов (в определении которых первичную роль может играть семантика или (мета)прагматика). Регистр же прежде всего ставит акцент на лексико-грамматических и синтаксических особенностях [Biber et al. 2002; Lee 2001: 47] или — иначе — на том, что иногда (некритично) называют «языком» или

«дискурсом» некоторой практики или сферы деятельности (например, «язык/дискурс политики», «язык/дискурс рекламы»).

Регистры, далее, существуют на разных уровнях обобщения. Примером регистров высокого уровня обобщения или — иначе макростилей — являются функциональные стили, изучаемые в рамках отечественной функциональной стилистики (например: [Кожина 2002]). При этом, по мнению В. А. Салимовского, на более низких уровнях абстракции функциональные стили предстают в форме жанров (см., например: [Салимовский 2002: 47, *passim*]). Однако исходя из представления о жанрах и регистрах как разных перспективах, более правильным видится постулирование того, что уменьшением абстракции регистра является рассмотрение менее абстрактного, но также регистра, а не жанра [Biber, Conrad 2012: 124]. Например, научный регистр далее может быть проанализирован как регистр отдельной области исследования (см., например: [Hyland 2008]) или даже как регистр отдельных секций научной статьи [Biber, Conrad 2012: 129–131], но не как конкретная (суб)жанровая форма, вроде модели CARS для вступления к научной статье.

Жанровая форма (понимаемая прежде всего как схематическая структура) может, таким образом, предполагать использование определенного регистра. Так, например, такой (суб)жанр, как вступление к научной статье с большой вероятностью будет демонстрировать лексико-грамматические характеристики, свойственные письменным академическим регистрам [Biber et al. 2002], регистрам научной статьи (например: [Biber, Conrad 2012: 126 ff]) и регистрам статей по данному конкретному направлению исследования (см., например: [Conrad 2017; Egbert 2015]). Аналогичным образом, жанр «лекция» будет с какой-то вероятностью востребовать лексические пучки (*lexical bundles*), типичные для устного академического регистра (например: [Biber, Barbieri 2007]). Особым видом анализа, в котором перспектива регистра пересекается с жанровой перспективой, является анализ (статистической вероятности) ламинирования

некоторых лексико-грамматических средств на некоторую фазу (ход или шаг) схематической структуры (см., например: [Cortes 2013; Pho 2008; Wannaruk, Amnuai 2015]).

3.3.4 Жанр и «регистр» языковой оценки

Одним из видов речевой системности, рассматриваемой как ламинирующуюся на жанровую, позиционируется **оценочная системность текста**. При этом преимущественно с жанром связываются такие параметры оценки, как общая «насыщенность» текста оценкой, допустимые типы оценки (см. ниже) и ее категоричность/безапелляционность. Такие параметры, как аспект оценки и ценности, к которым ее маркеры апеллируют, рассматриваются как относимые преимущественно к дискурсу-репрезентации, поскольку они играют важную роль в репрезентации и конструировании некоторой практики и — шире — фрагмента мира под определенным углом зрения.

Один из вариантов теоретического осмысления оценки и типологизации ее различных проявлений — модель оценки Appraisal, разработанная Дж. Мартином и П. Уайтом [Martin, White 2005] в рамках СФЛ. В данной модели оценка рассматривается как система, располагающаяся на уровне семантики текста (discourse semantics) и реализующаяся широким спектром лексико-грамматических средств в трех взаимодействующих подсистемах: отношении (attitude), градуировании (graduation) и включении (engagement). Отношение в свою очередь подразделяется на три функционально-семантические области — аффект (affect), осуждение (judgement) и значимость (appreciation). Термином «аффект» описываются актуализации эмоциональных реакций, «осуждение» включает в себя языковые ресурсы, используемые для оценки поведения людей, «значимость» охватывает языковые ресурсы описания ценности объектов, явлений и ситуаций (см. также: [Молодыченко 2014, 2016]).

Особенностью выражения оценки (отношения — attitude) в тексте, как известно, является то, что она может быть выражена как эксплицитно (с различной интенсивностью; см. ниже), так и имплицитно. Дж. Мартин и П. Уайт предлагают рассматривать степень эксплицитности также в виде таксономии. Так, на первом уровне оценка подразделяется на эксплицитную (авторы используют термин *inscribed*) или имплицитную (*invoked*). Имплицитная оценка далее делится на два типа — вероятная (*provoked*) и возможная (*invited*). Возможная оценка также в свою очередь бывает двух видов — сильная (*flag*) и слабая (*afford*; [Martin, White 2005: 61–68]).

Средства системы градуирования используются для интенсификации и деинтенсификации отношения и включают два способа (де)интенсификации — силу (*force*) и фокус (*focus*; [Там же: 35–36]; ср. также: [Вольф 2014: 45, 108–115]).

Третья подсистема — включение (*engagement*) — предполагает рассмотрение текста в **диалогической перспективе** (по М. М. Бахтину). Согласно такому представлению, текст, выражающий оценочную позицию, всегда апеллирует к другим текстам и дискурсам («дискурсу 2» и «дискурсу 3») и к другим мнениям и оценкам. Анализ средств включения позволяет описать как минимум два параметра. Во-первых, то, каким образом автор данного текста взаимодействует (*engages*) с другими авторами и их текстами. Во-вторых, интерпретировать закодированное в тексте представление об идеальном адресате и той оценочной позиции, которую ему предлагается принять ([Martin, White 2005: 92–135]; см. также: [Молодыченко 2014b, 2016, 2019]).

Основной метод операционализации данной модели в эмпирическом исследовании — «глубинный» (часто текстоцентрический) анализ оценки в отдельных текстах. Такой анализ позволяет выявить оценочную позицию автора (*stance*) по отношению к некоторому излагаемому положению вещей [Там же: 186–203]. Режим оценки, свойственный некоторому массиву текстов, Мартин и

Уайт называют тональностью (key; Там же: 161–186), которая характеризуется специфической комбинацией типов используемых оценок, типов интенсификации и способов включения. Такую тональность можно было бы назвать «**регистром оценки**».

3.4 Прагматический фокус: акциональный аспект персуазивности

Помимо идентификации семантических паттернов разных уровней и/или особенностей лексико-грамматического оформления текстов, участвующих в вариативной интерпретации (и конструировании) действительности и «ответственных» за создание тенденциозных репрезентаций, изучение персуазивного эффекта также должно быть нацелено и на рассмотрение элементов акционального аспекта текстов и их потенциального вклада в результирующую метапрагматику текста.

Как было отмечено ранее, отдельные коммуникативные ходы жанра могут рассматриваться как персуазивные (см., например: [Bhatia 2005]). Описанные выше системности, альтернативные и/или комплементарные жанровым схематическим структурам, организующие текст как коммуникативное событие также могут быть рассмотрены как средства реализации акционального аспекта персуазивного текста. То, что подобные структуры имеют непосредственное отношение к персуазивности, подчеркивается тем фактом, что к их рассмотрению прибегают в риторике. В первую очередь здесь следует упомянуть локальные структуры аргументов, выстроенные, например, в форме силлогизма/энтимемы [Cockcroft et. al 2014: 161–171] и/или по так называемой модели Тулмина (см. например: [Мисюк 2010]), а также различные глобальные структуры текста с так называемыми «сильными позициями», помещение в которые некоторых фрагментов содержания также следует рассматривать как

персуазивный прием [Хазагеров 2002: 61–84; Cockcroft et al. 2014: 178–183; Longacre 1992; Meyer 1992].

В акциональной плоскости, как представляется, следует рассматривать различные риторические приемы [Копнина 2010; Хазагеров 2002: 85–162], а также такие приемы, как использование элементов юмора, фразеологизмов, афоризмов, пословиц и поговорок (см.: [Казаков 2013: 89]).

Отчасти к этой группе можно вновь отнести использование определенных регистров. Например, использование определенного регистра как системности, накладывающейся на жанровую, следует в персуазивном ракурсе рассматривать как особый прием, позволяющий актуализировать ассоциации с определенными хронотопами (см.: [Agha 2005]) и/или определенными группами людей, что может быть значимым фактором формирования персуазивного эффекта.

Подобные средства, однако, граничат с теми, которые следует рассматривать как средства проецирования определенного образа коммуниканта (ср. также рассмотрение данного компонента коммуникации в риторике: [Cockcroft et al. 2014: 53–82]), т. е. как часть идентификационного измерения, которое, как представляется, плохо поддается изучению в текстоориентированном анализе. Еще ближе к такому идентификационному измерению будут расположены особенности произношения (для устного модуса). Например, (интуитивно) для какой-то аудитории и каких-то контекстов фонетические особенности, связываемые с престижными произносительными нормами, могут звучать более убедительно, нежели менее престижные (например, региональные диалекты); в иных случаях ситуация может быть противоположной (ср.: [Coupland 2007: 54–81]).

Вариантом комбинирования рассмотрения определенных элементов композиционной структуры текста и используемых риторических средств является рассмотрение таковых в терминах так называемого феномена «выдвижения». Под выдвижением понимаются способы формальной

организации текста, фокусирующие внимание читателя на определенных элементах сообщения (ср.: [Хазагеров 2002: 61–84]). Выдвижение облегчает декодирование сообщения и создает такую упорядоченность информации внутри текста, благодаря которой читатель может расшифровать ранее неизвестные ему элементы кода [Чернявская 2009: 197].

Структурное выдвижение и ряд иных феноменов, которые позволяют акцентировать (foreground) одни семантические паттерны и деакцентировать (background) иные, рассматриваются в настоящей работе как часть явления **прагматического фокуса**. Как отмечает В. Е. Чернявская, понятие «прагматический фокус» предполагает существование в текстовом пространстве центра видения, делающего изображаемый предмет наиболее отчетливым и выпукло «материализованным» в тексте и периферии видения, смещающего акценты в соответствии со значимостью того или иного языкового явления в текстовой системе [Чернявская 2009: 197–198]. В этом смысле ряд описанных ранее средств могут быть рассмотрены либо как средства фокусирования (например, риторические приемы, «тематизация» и/или присвоение роли агенса, «перелексикализация») или дефокусирования (пассивизация, пресуппонирующее). См. также: [van Dijk 1995; van Dijk 2006a].

Выводы к Главе 3

Жанр рассматривается как ключевая категория осмысления, анализа и типизации коммуникативных событий и коммуникативных действий и как определяющая один из ключевых видов речевой системности текстов, реализующих таковые. Ведущим основанием для типизации социального действия является связанная с этим действием усредненная иерархия коммуникативных целей. Реализация жанра в некотором тексте или его

фрагменте, соответственно, рассматривается как ключевой вид оформления его акционального измерения.

Под жанром понимается абстрактная или абстрагированная модель вербального оформления типизируемого социального действия (т. е. текстов или фрагментов текстов, реализующих эти действия), располагающаяся на уровне ниже системы языка. Конкретные тексты рассматриваются, таким образом, как апеллирующие к жанровой модели и воспроизводящие ее с различной степенью отклонения от нее.

Жанровые модели рассматриваются как привязанные к определенным хронотопам, т. е. комбинациям физической и социальной локации разного масштаба, предопределяющим определенные способы деятельности субъектов (и ее оценку), включая коммуникативную деятельность. Как предопределяемые нормативными требованиями, вмонтированными в хронотопы, жанровые модели являются одним из видов и способов речевого форматирования, предписываемых хронотопом как способов оформления. Иными словами, не все формы коммуникации рассматриваются как «отливаемые» именно в жанровую форму: определенные хронотопы предписывают («рекомендуют», «требуют» и т. п.) определенные формы речевого форматирования и только часть такого форматирования может быть продемонстрирована как существующая (описываемая, анализируемая) в форме жанров.

Такое утверждение в частности обусловлено тем, что ведущим основанием рассмотрения речевого оформления, связанным с актуализацией жанровой модели, является схематическая структура жанра («композиционное построение» по Бахтину), моделируемая (и фактически воплощающаяся в тексте) как набор более или менее дифференцируемых фаз текста — коммуникативных ходов и шагов.

В качестве альтернативных или комплементарных (т. е. ламинируемых на жанровую схематическую структуру) категорий и определяемых ими речевых

системностей, также участвующих в реализации акционального аспекта дискурса, рассматриваются речевые акты, риторическая структура текста, тип текста, регистр или (функциональный) стиль и тональность оценки, в особенности режимы диалогичности («безапелляционности») формулирования пропозиций и оценок в тексте.

Жанр рассматривается как сопоставимый с речевым актом поскольку среди прочего также является способом метапрагматической квалификации некоторого (сегмента или фазы) текста при помощи метапрагматического термина, используемого дискурсивным сообществом или вводимым исследователем. В отличие от речевого акта, однако, жанр рассматривается как имеющий комплексную структуру и как реализуемый последовательностью ходов и шагов, которые в свою очередь могут рассматриваться как речевые акты.

Различные способы описания риторической структуры текстов могут рассматриваться как комплементарные или альтернативные способы анализа организации текста как коммуникативного действия, поскольку фиксируют функциональные отношения фаз текста и рассматривают такую организацию как иерархическую, что сопоставимо с делением текстов на субжанры, коммуникативные ходы и шаги.

Регистр (или, как частный случай, — функциональный стиль) рассматривается как способ осмысления речевого форматирования *par excellence*, поскольку таковой подразумевает определенные комбинации лексико-грамматических средств, но не использование определенной схематической структуры и не имеет прямого отношения к композиционному построению текста (кроме потенциальной корреляции определенных регистров с определенными фазами текста). При анализе же текста с позиций жанра регистр следует рассматривать как ламинируемый на жанровую схематическую структуру и как предопределяемый тем же хронотопом, что и использование

определенного жанра, или более широким контекстом социальной практики или их совокупностей.

В отдельную категорию, имеющую непосредственное отношение к реализации акционального аспекта текста и также ламинаруемую на жанровую схему, помещается так называемая тональность оценки — допускаемые или предопределяемые жанром типы оценок и степень их безапелляционности (но не конкретные ценности, к которым оценка апеллирует, поскольку таковые связываются с репрезентативным аспектом текста и дискурсом-репрезентацией).

С метапрагматических позиций квалификация какого-либо (фрагмента) текста как определенного жанра (или речевого акта ввиду схожести данного принципа) идентифицирует самую значимую, но только часть того, что разворачивается в данном коммуникативном событии или его фрагменте (даже с точки зрения только лишь прагматического измерения) и рассматривается как часть комплексной метапрагматики текста или текстов, используемых в данном коммуникативном событии. Вторым значимым компонентом, также входящим в комплексную метапрагматику текста и анализируемым текстоориентированными методами, является содержательный аспект текста, который в рамках данной работы рассматривается в терминах репрезентации.

Вклад элементов акционального измерения текста в общую метапрагматику текста также следует рассматривать в аспекте персуазивности. Во-первых, как имманентно персуазивные могут рассматриваться отдельные коммуникативные ходы жанра. Во-вторых, как таковые должны рассматриваться и некоторые альтернативные системности, также организующие текст как коммуникативное событие. К таковым в первую очередь следует отнести локальные структуры аргументов в форме силлогизма/энтимемы и/или модели Тулмина, а также различные глобальные структуры текста с так называемыми «сильными позициями». В-третьих, как персуазивные приемы, существующие преимущественно в акциональном измерении, следует рассматривать

риторические приемы, а также такие разнообразные приемы, как использование элементов юмора, фразеологизмов, афоризмов, пословиц и поговорок. Одним из вариантов интерпретации вклада таких разнообразных элементов в результирующий персуазивный эффект текстов является их рассмотрение как механизмов «выдвижения», позволяющих акцентировать одни семантические паттерны и деакцентировать иные, помещая их в так называемый «прагматический фокус».

Глава 4 Лайфстайл-жанры в дискурсивной практике лайфстайл

4.1 Социокультурный контекст функционирования дискурсивной практики лайфстайл и лайфстайл-жанров

Исходя из существования двух взаимодополняющих перспектив дискурс-аналитического исследования текстов, отраженных понятиями «дискурс 1» и «дискурс 2», обсуждавшихся в Главе 2, фокусом анализа в данной работе выступают отдельные тексты в аспекте различных предопределяющих их речевое формулирование экстралингвистических факторов и одновременно совокупности текстов, соотносимые с определенной социальной практикой, — дискурсивные практики.

Являющаяся фокусом настоящей главы **дискурсивная практика лайфстайл** как совокупность репрезентирующих ее текстов, апеллирующих к типичным для данной практики жанрам и дискурсам-репрезентациям, является речевым компонентом социальной практикой лайфстайл. Одним из нелингвистических (контекстуальных) факторов, определяющих научный интерес к данной практике, является заявленная исследователями несколько лет назад критическая роль данной практики в регламентации каждодневной активности индивидов [Bell, Hollows 2005; Talbot 2007: 107 ff; *Historicizing lifestyle* 2006] и конструировании идентичности [Raisborough 2011].

С точки зрения преимущественно недискурсивных компонентов данной практики, определяющих тем не менее специфику ее дискурсивного компонента и, соответственно, отдельных изучаемых текстов, данная практика может быть рассмотрена как набор различных (онлайн-)медиа, реализуемых на базе современных коммуникативных технологий. Дискурс таких медиа посвящен обсуждению таких тем, как: стиль, мода, одежда; уход за собой («груминг»);

декорирование жилища, обустройство интерьера и экстерьера; способы проведения свободного времени/досуга; приготовление и употребление еды, диеты; путешествия и туризм; романтические отношения и свидания ([Bell, Hollows 2005: 9–10]; см. также: [Молодыченко 2020]).

Начало активного развития практики лайфстайл принято датировать 70–80 гг. XX века. Данная точка отсчета предсказуемо совпадает с началом эры постфордизма и так называемого гедонистического консьюмеризма [Migone 2007], характеризуемой, среди прочего, наводнением рынка товарами (массового производства) и все большей **коммодификацией**, т. е. приобретением статуса товара и интеграцией в систему товарно-денежных отношений, объектов и явлений, до этого как таковые не рассматривавшихся (см. в этой связи: [Baudrillard 1998; Corrigan 1997] см. также: [Молодыченко 2020]).

Примером расширения влияния консьюмеристских трендов является усиление взаимообусловленности речевого компонента социальных практик и компонента, определяемого товарно-денежными отношениями; одним из радикальных примеров коммодификации является **коммодификация языка и речи**.

Во-первых, рекламные сообщения, которые проникают во все большее количество сфер, практик и физических локаций, — это прежде всего тексты. Следовательно, в количественных терминах необходимо констатировать суммарное увеличение числа текстов и дискурсивных практик с продвигающей функцией и увеличение доли таких текстов в циркуляции текстов вообще, а в качественных — определенные изменения в речевом (мультимодальном) оформлении таких текстов с целью оптимальной реализации персуазивной функции.

Во-вторых, дискурсивную сторону детерминации все большего количества сфер «жизненного мира» рынком можно описать как определенного рода изменения в рефлексивных дискурсах, т. е. текстах и текстовых массивах,

призванных отражать, осмыслять и регламентировать различные социальные практики, включая и те, в которых они сами являются речевым компонентом. Как свидетельствует проведенный анализ (см. ниже), диапазон практик, охватываемых рефлексивными дискурсами, неуклонно растет, а сам способ их рефлексии демонстрирует признаки преимущественной рефлексии через призму товарно-денежных отношений.

В-третьих, в разрезе коммодификации следует, по-видимому, говорить о приобретении языком вообще свойств коммерческого продукта (см.: [Kelly-Holmes 2016]).

Наиболее известным способом осмысления перечисленных выше эффектов применительно к дискурсивным процессам и практикам является так называемая «маркетинговая публичность дискурса», популяризованная Норманом Фэрклафом [Fairclough 1993].

4.1.1 Лайфстайл-дискурс и лайфстайл-жанры в аспекте явления «стиль жизни»

С глобальным распространением интернета развитие практики лайфстайл, в своем речевом аспекте являющейся иллюстрацией обозначенных выше трендов, перешло на новый уровень: интуитивно количество лайфстайл-ресурсов в последние несколько лет растет лавинообразно. Такой рост количества и популярности в совокупности с обозначенными экономическими (постфордизм, экстенсивное потребление) и технологическими (развитие коммуникативных технологий) факторами обусловлен и рядом социокультурных сдвигов (см.: [Молодыченко 2020]). Наиболее релевантным вариантом обсуждения истории и специфики практики лайфстайл (дискурсивной и социальной) представляется рассмотрение ее как части социокультурного явления «лайфстайл» или — иначе

— **стиля жизни**, в его соотношении с культурой потребления и категорией «идентичность».

Стили жизни можно определить как относительно упорядоченные диапазоны объектов и явлений, призванных стать материальным воплощением некоторой формы идентичности. Стили жизни следует рассматривать как занимающие промежуточное положение между (стабильным, статичным и легко узнаваемым) социальным стилем и стремлением индивида к выражению индивидуальности и демонстрации стилистического самосознания, т. е. индивидуальным стилем (см.: [Молодыченко 2022a]).

Под индивидуальным стилем понимается контролируемая или неконтролируемая (например, обусловленная физиологией) вариация способов выражения, являющаяся более или менее уникальной для данного индивида; такие проявления стиля существуют в частности там, где автор нарушает правила и идет в разрез с конвенциями, как это происходит с художниками и мыслителями, выходящими за рамки представлений о типичном (см.: [Machin, van Leeuwen 2005: 580]).

Термин «социальный стиль» подчеркивает социальную обусловленность стиля, в первую очередь в том смысле, что стилистические ресурсы рассматриваются как призванные отражать (или целенаправленно конструировать) социальную принадлежность индивида, которая, в свою очередь, может быть определена в терминах различных (относительно) устойчивых социальных типизаций — возраст, гендер, социоэкономический класс и т. п. [Machin, van Leeuwen 2005: 582–583] или в терминах сфер профессиональной деятельности. Подобные социальные типизации традиционно рассматривались в социолингвистике как «источники» стилей, в которых определенные их элементы черпали свое значение [Coupland 2007: 82–105].

Стиль жизни, таким образом, можно рассматривать как комбинацию индивидуального и социального стиля [Machin, van Leeuwen 2005: 583].

Особенность стилей жизни заключается в том, что они представляют собой вторичные (см., например: [Rössel, Pape 2016]) и в этом смысле более гибкие типизации, нежели более традиционные социальные категории, а также характеризуются преимущественно через шаблоны потребления [Machin, van Leeuwen 2005: 583–584]. Специфической особенностью стилей жизни следует также считать относительную целенаправленность их конструирования, в том числе посредством того, что индивид и проецируемые им формы идентичности рутинно становятся объектом его рефлексии (см.: [Молодыхенко 2020, 2022a]).

Возможность реализации стиля жизни посредством практик потребления предопределяется обсуждаемой в социальных науках идеей приобретения потребительскими товарами дополнительных смыслов: товары (а также услуги и прочие коммодифицированные практики) рассматриваются как маркеры статуса, инструменты достижения идеального имиджа, акцентирования социальных различий и т. п. (см., например: [Corrigan 1997: 17–32]). Аспекты потребления как механизма формирования и выражения идентичности были также изучены и в рамках эмпирически-ориентированных исследований в области социологии, психологии и маркетинга (см., например: [Berger, Heath 2007; Rössel, Pape 2016; Kleine, Kleine, Kernan 1993]).

В условиях распада традиционных институтов, определявших идентичность (материализовавшуюся как социальный стиль), с одной стороны, и усиления компонентов агентивности и рефлексивности [Giddens 1991] в предопределении и формулировании индивидом собственной идентичности, таковая становится своеобразным «проектом формирования себя». Материалом реализации такого проекта в свою очередь становится (в том числе) потребление (например: [Barber 2007; Bauman 2001]; см. также обзор в: [Warde 1994: 878–883]). Стиль жизни, таким образом, позиционируются как одно из ключевых понятий, связывающих потребление и выражение идентичности.

Знаковая функция товаров и коммодифицированных практик, под которой понимается способность товара или практики индексировать определенную социальную типизацию индивида (в терминах традиционных категорий, вроде класса, или же в терминах стилей жизни) и тем самым опосредовать различные виды социальных отношений (см./ср.: [Agha 2011]), рассматривается на тех же основаниях, что и **индексальная функция языковых знаков**, т. е. их способность актуализировать смыслы, не связанные с их денотативным значением.

Иными словами, смыслы, ассоциируемые с товарами и практиками точно так же, как индексальные смыслы языковых знаков, *(а) могут иметь разную степень узнаваемости разными группами индивидов, (б) достаточно подвижны и изменчивы, (в) оптимальным образом наполняются смыслами в составе диапазонов, включающих другие объекты и явления с подобными и аналогичными смыслами, (г) зависимы от контекстуализации в конкретных актах социального взаимодействия* [Молодыхенко 2022а]. Точно так же, как и в случае индексальных смыслов языковых знаков, в формулировании знаковой части материальных **объектов-знаков** (товаров и практик) ключевую роль играют дискурсивные практики, материализующие **этнометапрагматические процессы** (точнее процессы, аналогичные этнометапрагматическим, т. е. таким, которые направлены на рефлексивное осмысление социальных смыслов различной природы, свойственных языковым знакам) — процессы дискурсивного (пере)формулирования смысла таких объектов знаков. Ключевым видом дискурсивной практики, реализующей такую функцию, позиционируется дискурсивная практика лайфстайл.

4.1.2 Ключевые функции лайфстайл-дискурса и лайфстайл-жанров в современной практике лайфстайл

В рамках данной работы принимаются во внимание как минимум следующие три особенности дискурсивной практики лайфстайл, обусловленные описанным выше положением вещей.

Во-первых, ситуация, когда физический мир наводнен множеством товаров и услуг, порождает потребность в информационных ресурсах, помогающих в этом многообразии разобраться и научиться использовать товары надлежащим образом. Несложно заметить, что перечисленные ранее вариации лайфстайл-дискурса как раз имеют такую обучающую или **инструктирующую направленность**.

Во-вторых, непосредственно в тех случаях, когда у определенной группы населения возникает потребность в стилизации, т. е. целенаправленной проекции определенной формы идентичности, тексты лайфстайл выступают инструктирующим ресурсом не только в плане информирования о корректном использовании товаров и реализации практик, но и в плане транслирования более-менее целостных **моделей стилей жизни**.

В-третьих, успех товара как знака (в составе) некоторого стиля жизни во многом обусловлен способностью определенной фракции населения в большей или меньшей степени осознавать его отнесенность к этому стилю жизни [Agha 2007a; Spitzmüller 2015], будь то в целях воплощения этого стиля или его простого распознавания. Такая способность — результат знакомства с моделью данного стиля жизни в том числе и путем взаимодействия с лайфстайл-дискурсом, который, таким образом, рассматривается как инструмент расширения границ узнавания стилей жизни и представлений о возможности и необходимости стилизации вообще (см. также: [Молодыченко 2020]).

Субъектами, «ответственными» за конструирование объекта-знака через дискурс, являются различные группы лиц с различной же мерой заинтересованности. Такие группы могут включать рекламодателей и рекламные агентства [Agha 2011a], владельцев интернет-магазинов [Andersen, van Leeuwen 2017], а также культурных посредников, так сказать, «в чистом виде»: редакторов журналов мод [Moeran 2014], профессиональных лайфстайл-журналистов [Hanusch, Hanitzsch, Lauerer 2015; Machin, van Leeuwen 2005: 584] и, все в большей степени, (относительно) независимых индивидов — так называемых лайфстайл-гуру и/или фэшн-блогеров [Kuleva, Maglevanaya 2017] и прочих авторитетных персон в области моды и стиля [Шульженко, Рябокони, Кузнецова 2021] в сети интернет (см. также: [Молодыченко 2019с]).

Итак, под лайфстайл-дискурсом или — иначе — дискурсивной практикой лайфстайл в рамках данной работы подразумевается речевая составляющая социальной практики лайфстайл, представленной текстами, основной задачей которых является регламентация разнообразных каждодневных жизненных практик индивидов преимущественно с целью их превращения в средство конструирования имиджа и идентичности [Молодыченко 2019а]). В соответствии с представленной ранее моделью «жанр-дискурс» отдельные тексты в составе практики рассматриваются как оформленные в определенных типичных **лайфстайл-жанрах** и апеллирующие к типичному набору дискурсов, рассматриваемых как образующие в совокупности **(мета)дискурс консьюмеризма (ДК)**.

4.1.3 Лайфстайл-жанры и дискурс консьюмеризма в диахронической перспективе

Объектом исследования в данной работе являются тексты, генерируемые в рамках одной разновидности современной социальной практики лайфстайл —

практики **новых онлайн-ресурсов для мужчин** (НОРМ). Данные ресурсы (НОРМ) рассматриваются как существующие в трех основных форматах, обусловленных развитием новых коммуникативных технологий: порталы (т. е. сайты, содержащие большое количество текстов, создаваемых авторским коллективом), блоги (как правило, принадлежащие одному автору) и каналы “YouTube” (как правило, принадлежащие одному автору) [Молодыченко 2020].

Лайфстайл-дискурс в расширенной в диахроническом смысле интерпретации имеет достаточно длинную историю, что обусловлено отмеченным ранее фактом длинной истории самой социальной практики лайфстайл. Собственно НОРМ следует рассматривать как наследников традиционного печатного мужского глянцевого журнала (например, “Playboy”, “Esquire”, “Q&A”, “Maxim”, “Loaded”). Данный вид журналов был изучен как культурный феномен (см. например: [Benwell 2002; Edwards 2003; Hollow 2012; Jackson, Brooks, Stevenson 1999; Jancovich 2006; Stevenson, Jackson, Brooks 2000]). В этих исследованиях мужской журнал преимущественно рассматривается(-лся) как инструмент конструирования маскулинности через призму культуры потребления, и в этом смысле НОРМ реализуют ту же функцию с поправкой на современные социокультурные тренды [Молодыченко 2020].

Культурная (и языковая) характеристика мужских журналов, особенно до массового распространения интернета, имела свою региональную специфику. Так, например, в Британии на момент расцвета печатного жанра принято было говорить о трех вариациях мужских журналов, последовательно сменивших друг друга. Данные вариации выделены на основании трех моделей маскулинности, конструировавшихся в них, — «старый мужчина» (Old Man), «новый мужчина» (New Man) и «новый парень» (New Lad). Все три типа определяются в контрасте к остальным и могут быть охарактеризованы по нескольким параметрам. Такие параметры включают, но не ограничиваются отношением к женщинам, отношением к моде, уходу за собой и потреблению связанных с этим продуктов,

месту профессиональной идентификации в самоопределении и отношению к нетрадиционной ориентации.

Идеальный тип «новый мужчина» появился на британском рынке в середине 1980-х и обычно связывается с выходом первого номера журнала “Arenа” и ряда других журналов, взявших «тот же курс» [Jackson, Brooks, Stevenson 1999: 355; Stevenson, Jackson, Brooks 2000: 367–368]. В журналах данной категории на смену традиционному представлению о маскулинности была предложена модель, опиравшаяся в реализации на потребление статусных товаров, прогрессивные взгляды по отношению к феминизму и роли женщин, мужской моде и уходу за собой, а также «спокойному» отношению к нетрадиционной ориентации. Таким образом, данный вид противостоял более ранним мужским журналам, существовавшим до этого, характеризовавшимся «префеминистским сексизмом», умеренной ролью потребления и акцентированием профессиональной идентификации, т. е. важности карьеры в осмыслении маскулинности [Edwards 2003].

Такое положение вещей — когда идеал маскулинности фактически конструировался через принятие моды, ухода за собой и прогрессивных взглядов в отношении нетрадиционных ориентаций — не было встречено с особым пониманием мужским населением того времени [Edwards 2003; Jackson, Brooks, Stevenson 1999]. Формируется общественный заказ на журналы, конструирующие более «маскулинную» маскулинность. Это привело к созданию нового поколения журналов, вроде “Loaded” и “Maxim”. Данный вид журналов конструирует идеальный тип мужчины, характеризующийся агрессивным сексизмом или игнорированием женщин, открытой неприязнью к нетрадиционным ориентациям и рассмотрением стиля, моды и ухода за собой как антиценностей. При этом, как свидетельствовали опросы, проведенные авторами работы [Jackson, Brooks, Stevenson 1999], многими читателями такой тип маскулинности воспринимался как более правдивый и естественный. Однако,

несмотря на такой поворот, можно сказать, что журналы продолжали выполнять те же функции, что и ранее — регламентировать определенные «правильные» практики, а также стимулировать приобретение товаров, которые теперь фигурировали в рекламных вставках, а не в текстах статей [Benwell 2002; Edwards 2003; Jackson, Brooks, Stevenson 1999; Stevenson, Jackson, Brooks 2000].

Одним из источников лингвистических ресурсов для НОРМ можно также рассматривать (женские) журналы мод. Несмотря на то, что такие журналы и лайфстайл-ресурсы (как традиционные, так и новые) значительно отличаются, существует ряд аспектов, сближающих первые со вторыми. Одним из таких аспектов является специфическая дискурсивная функция формулирования смыслов тех или иных предметов гардероба (т. е. формулирование и переформулирование их «знаковой» части), что можно рассматривать как один из механизмов создания моделей стилей жизни.

Так, Б. Моеран [Moeran 2014] (достаточно подробно изучивший данный культурный и дискурсивный феномен) анализирует особую стратегию данных медиа — создание речевого образа одежды (*written-clothing*) и выделяет три параметра создания такого образа: (а) описание особенностей и свойств предмета одежды на «его» языке/в его «собственных» терминах, (б) оценка предмета одежды и — как отдельный тип характеристики такого — (в) описание возможного контекста использования и ситуативной уместности данного предмета. Т. Андерсен и Т. Ван Люэн (использующие модель Моерана для анализа вебсайта онлайн-магазина одежды) к этому списку добавляют также описание функции предмета одежды с точки зрения его способности придавать форму какой-либо части тела [Andersen, van Leeuwen 2017: 198].

В качестве иных особенностей журналов мод и фэшн-журналистов Б. Моеран также отмечает особое мастерство журналистов — умение замечать и индивидуализировать определенные качества товара и подбирать особые слова для их описания. При этом большая часть используемого ими языка, как

отмечает автор, была бы неуместна для описания того же самого предмета гардероба в обыденном общении [Moeran 2014: 133]. Как демонстрирует анализ, представленный далее, подобные речевые характеристики выделимы и в современных текстах НОРМ.

4.2 Тексты лайфстайл-жанров в контексте ситуации и контексте практики: роль коммуникативной технологии

Согласно изложенным ранее представлениям о социальной практике как совокупности обуславливающих друг друга дискурсивной и недискурсивных составляющих, в данном разделе акцентируется роль такой критической недискурсивной составляющей практики лайфстайл, как коммуникативная технология и — более конкретно — ее роль в контексте типичного коммуникативного события (использования типичного же лайфстайл-жанра), реализуемого благодаря и посредством такой коммуникативной технологии.

Как известно, доля опосредованной (техническими средствами) коммуникации продолжает увеличиваться, приводя в свою очередь к трансформациям социальных практик, включая дискурсивные. Такие процессы в исследовании медиа получили название медиатизации [Schulz 2004; Couldry, Hepp 2013; Hepp 2013]. Коммуникативная технология (КТ) определяется в рамках настоящей работы максимально широко от речевого аппарата и письма (коммуникативные технологии и медиа «первого порядка»; см. далее, а также: [Jensen 2011]) до интернета («мета-медиа» по Енсену [Там же]). Коммуникативная технология делает возможным опосредование коммуникации при помощи материального знака (включая языковые). Такой процесс может трактоваться в англоязычных терминах как «медиация» [Agha 2007a]; такое понимание «медиации», однако, не является самым распространенным (см. ниже, а также [Androutsopoulos 2014: 10]).

Коммуникативные технологии бывают различными и при этом не обязательно взаимоисключающими. Так, устное сообщение, материализованное при помощи речевого аппарата, может далее быть транслировано различными способами как «с отрывом» во времени, так и без такового. Большая часть современной коммуникации опирается на коммуникативные технологии с использованием технических средств разной сложности и с возможностью «поглощения» одних другими — как правило, более старых более новыми [Добросклонская 2020: 27; Нерр 2013: 620–621]. Более сложные коммуникативные технологии (начиная с книгопечатания) трансформировали схемы участия (*participatory frameworks*; [Boyd 2014]), позволяя включать потенциально не ограниченную аудиторию, разделенную любым расстоянием и временем.

Одним из возможных терминов для обозначения таких коммуникативных технологий с использованием технических средств является закрепившееся в англоязычных (и не только) исследованиях слово «медиа». В толковании данного термина, однако, предсказуемо существуют расхождения. Как отмечает Ю. Шпицмюллер [Spitzmüller 2014], можно говорить как минимум о двух толкованиях данного термина. Первое (типичное для немецкоязычной медиалингвистики, как отмечает Шпицмюллер) опирается в первую очередь на идею использования технических средств, обеспечивающих возможность опосредования (медиации). Можно сказать, что такое понимание будет акцентироваться и при использовании и русских переводных эквивалентов для английских *medium* и *media* — «средство/носитель» (информации) и «средства» соответственно. В этом смысле трактовка «медиа» представляется более расширительной. В дальнейшем с целью сведения неоднозначности к минимуму при апелляции к данному значению будут использоваться термины «носитель» или «коммуникативная технология», под которыми, далее, будут

подразумеваться коммуникативные технологии, реализуемые с применением технических средств.

Второе понимание, как далее указывает Шпицмюллер, — это понимание «медиа» как «социальных институтов, включающих более или менее влиятельные группы акторов» (social institutions consisting of more or less powerful groups of actors; [Spitzmüller 2014: 362]; перевод мой. — *E. M.*). Такое понимание, отмечает там же автор, ведет свое начало от культурологических исследований и становится все более распространенным в лингвистических исследованиях. Указанный второй, более специфический, вариант определения медиа, как представляется, по умолчанию предполагает опору на (сложные) КТ (медиа в первом смысле), обеспечивающие возможность специфической схемы участия — потенциально неограниченную целевую аудиторию восприятия сообщения.

4.2.1 Современные цифровые коммуникативные технологии и дискурсивная практика лайфстайл

Одни из терминов, «покрывающих» в том числе и движение от одних типов КТ к другим, является термин «медиазация», активно используемый в исследованиях медиа последние два-три десятилетия [Couldry, Hepp 2013; Hepp 2013] и с относительно недавнего времени в (социо)лингвистике [Androutsopoulos 2014: 3–48]. Под медиазацией в наиболее общем смысле понимаются специфические социокультурные изменения, связанные с развитием, расширением влияния и пролиферацией типов коммуникативных технологий и носителей. Одним из вариантов описания того, что происходит, является предложенная В. Шульцем [Schulz 2004] схема из четырех subprocessов: расширения пространственно временных ограничений (extension), субституции (substitution — замены видов деятельности, не требовавших опосредования через сложные КТ, видами деятельности, опосредованными таковыми, а также

трансформация некоторых видов деятельности благодаря добавлению технического опосредования), амальгамирование (amalgamation — «перемешивание» опосредованных и неопосредованных видов деятельности) и аккомодация (accommodation — приспособление акторов и институтов к факту опосредования).

Одним из аспектов приведенного определения является «пролиферация» типов КТ. Если рассмотреть историю развития КТ, создается впечатление, что способов передачи текста становится больше, при этом старые КТ фактически не заменяются новыми, а скорее новые КТ «инкорпорируют» более старые. В этом смысле интернет является примером поглощения таких (старых) КТ, как радио, телевидение и печатный текст. Иными словами, цифровые технологии следует рассматривать как метатехнологии [Jensen 2011], поскольку таковые воспроизводят и рекомбинируют все существовавшие ранее коммуникативные технологии репрезентации (смыслов в знаковой форме) и взаимодействия коммуникантов на единой материальной платформе, включающей технические средства и программное обеспечение.

Такая «платформа» (интернет) является сверхгибким способом опосредования и рассматривать ее как один монолитный способ или даже как одну коммуникативную технологию, движимую одной «формирующей силой» (moulding force; см. [Couldry, Hepp 2013]), было бы необоснованным общением.

Поэтому в качестве отдельных КТ будут рассматриваться конкретные платформы, приложения и сервисы с их специфическими аффордансами [Дзялошинский 2021]. Особенности каждой платформы будут в том числе предопределять схемы участия, реализуемые с опорой на данные КТ, а также и специфику реализуемого посредством их текста, т. е. выступать как «формирующая сила» или как один из компонентов социальной практики, в какой-то мере предопределяющих ее речевую составляющую.

В данной работе также используется термин «новые медиа» или «новые ресурсы». Используемое понимание новых медиа вытекает из определения медиа, приведенного выше, как социально-институциональных формирований. Поэтому под «новыми» понимается не только и не столько новая (мета)технология в их реализации, но их новизна в плане режимов агентивности, поскольку таковые инициируются новыми культурными посредниками (лайфстайл-гуру, фэшн-блогами и прочими влиятельными персонами).

Итак, новые КТ изменили схему участия как автора, так и аудитории в опосредованном коммуникативном событии [Boyd 2014; Lehti et al. 2016; Szabla, Blommaert 2018]. В первую очередь это касается стандартной функции многих платформ — возможности публикации комментариев и ответов на комментарии, опубликованные другими пользователями. Примером таких КТ является рассматриваемая ниже платформа “YouTube”. Данные изменения в первую очередь по-новому ставят вопрос о том, что фактически следует считать минимально завершенным текстом и какие переменные физического контекста следует рассматривать как потенциально эффектопорождающие.

4.2.2 Текст лайфстайл-инструкции и его смысл в технологически опосредованной коммуникативной ситуации

Основным материалом для анализа в данном разделе послужило видео на одном из самых популярных каналов “YouTube” в лайфстайл-сегменте НОРМ — “alpha m.”¹. Количество подписчиков канала на момент публикации видео насчитывало более 5 млн человек (на момент подготовки данного фрагмента работы — 6,6 млн). Канал принадлежит новому культурному посреднику — «лайфстайл-гуру» Арону Марино. Название видео — *7 Ways to Make A Girl MISS*

¹ URL: <https://www.youtube.com/c/AlphaMconsulting> (дата обращения: 12.06.2022).

YOU! [7 Ways to Make A Girl MISS YOU!]. Видео является последним опубликованным на канале на момент проведения анализа. Выбор диапазона для первичного отбора материала, таким образом, предопределен критерием репрезентативности самого канала, т. е. его популярностью в обсуждаемом сегменте лайфстайл (в сегменте НОРМ). Выбор же самого текста фактически является случайным (см. также: [Молодыченко 2023]).

Если в фокусе исследовательского внимания находится речевая составляющая данного видеоролика, то, согласно представленной ранее модели контекста, в качестве ближайшего контекста, релевантного для ее функционирования как текста и интерпретации эффекта (под которым понимается комплексная метапрагматика текста, включающая акциональные и репрезентативные смыслы) такого текста, следует указать следующие компоненты. Во-первых, сопутствующие модальности и коммуникативную технологию, позволяющие оформить (исходный) текст в форме видео. Благодаря этому, в частности, появляется возможность передать все паралингвистические сигналы, отсекаемые при обращении к транскрипту, или если бы данный текст был реализован в формате статьи. Во-вторых, сопроводительный текст, размещенный под видео в форме текста в письменном модусе. Данный текст включает два основных блока — коммерческий блок (ссылка на продвигаемый продукт, интегрированный в видео, на сайт автора и на продукты его брендов) и краткое содержание видео. Краткое содержание включает авторскую аннотацию видео и пронумерованный список отдельных советов, обсуждаемых в видео. В-третьих — комментарии пользователей или то, что в рабочем порядке будет именоваться коллаборативным текстом. Как сопроводительный текст, так и комментарии (по крайней мере те, которые попадают в топ; см. ниже) следует рассматривать как одну из важных переменных локализации в контексте (т. е. аналитической процедуре, направленной на выявление релевантных параметров контекста, могущих влиять на метапрагматику текста, соответствующей

перспективе «дискурс 1») и контекстуализации текстов таких видео или — в более расширительном смысле — как часть единого результирующего текста, смонтированного в данную коммуникативную ситуацию (см. также: [Молодыченко 2023]).

При всей текучести, которую современные жанры приобрели благодаря миграции в интернет [Andersen, van Leeuwen 2017; Askehave, Nielsen 2005; Devitt, 2009; Giltrow, Stein 2009], тексты видео подобного типа в пределах последних трех-пяти лет характеризуются феноменальной унификацией жанровой формы (см. подробнее ниже). Такую форму они делят с аналогичными по содержанию текстами статей на сайтах онлайн-журналов и даже традиционными печатными версиями [Machin, van Leeuwen 2007: 116 ff]. С точки зрения композиции тексты жанра характеризуются наличием вступления и нескольких пронумерованных фрагментов (как правило, от 5 до 10), оформляющих отдельные советы как микротексты. Помимо непосредственной адвисивной или инструктирующей составляющей в текстах фигурируют и мотивационные и легитимизирующие компоненты различной природы («зачем это делать?», «почему правильно делать именно так?» и т. п.). Мотивационный коммуникативный ход может содержаться в каждом из микротекстов в форме «максимы» [Machin, van Leeuwen 2007: 116 ff], на которой базируется данный совет, или какого-то иного обоснования целесообразности предлагаемого действия, а также во вступлении, в качестве мотивационной и легитимизирующей макропропозиции всего текста (см. также: [Молодыченко 2023]). Ср. текст вступления данного видео (здесь и далее транскрипция моя. — *Е. М.*):

What's up gentlemen? So, the truth is that breakups suck. But they really suck when you don't want it, but the person that you're dating feels that they don't wanna be with you anymore, and so they end it. <...> But does this mean that it's totally over? Most of the time, the answer is yes, but sometimes the answer is no, and today we are going to find out if the old spicy seniorita pants still wants a

piece of that (показывает указательными пальцами на предполагаемого зрителя, контекстуализируя таким образом референциальный индекс *that*. — E. M.).

Как видно из примера, вступление погружает реципиента в релевантный хронотоп: «расторжение отношений в одностороннем порядке» (*breakups suck; you don't want it, but **the person that you're dating** feels that they don't wanna be with you anymore, and so **they end it***); задает тональность общей негативной оценки данного события (*breakups suck; they **really suck***) и формулирует общий мотивационный фрейм прочтения приводимых далее советов: все меры, направленные на преобразование себя к лучшему, потенциально нацелены на возобновление отношений (*we **are going to find out** if the old spicy senorita pants **still wants** a piece of that*).

В соответствии с изложенными ранее представлениями анализ текста в терминах включения (диалогичности) позволяет определить общий режим его безапеллятивности, то, какой тип адресата формулируется как предполагаемый, и то, какие представления и — часто — ценности проецируются на этого адресата.

С точки зрения включения данный фрагмент реализован в типичном для жанра ключе: убеждения, в том числе ценностного характера, формулируются как однозначные: используются категоричные прямые утверждения, вроде *breakups suck* (вместо, скажем, *breakups may suck* или *breakups sometimes suck* и/или вместо вариантов с менее эмотивными оценочными единицами, чем глагол *suck*). Вопросительное предложение *but does this mean that it's totally over* предполагают наличие по крайней мере фракции аудитории, имеющей сомнения насчет окончательности разрыва отношений и потенциально задающую такой вопрос; предложение *we are going to find out if the... senorita... still wants a piece of that* имплицитно предполагает, что по крайней мере фракция аудитории имеет интенцию попытаться восстановить отношения. Текст, таким образом, конструирует «солидарного» адресата, разделяющего и/или готового присоединиться к

формулируемой (аксиологической) позиции, в том числе и к мотивационной макропропозиции (с лежащим в ее основе семантическим паттерном, охарактеризованным ранее; см. также: [Там же]).

Однако обращение к комментариям демонстрирует, что такого присоединения фактически не происходит. Ср. два самых популярных комментария (здесь и далее комментарии представлены с сохранением авторской орфографии; пунктуация в некоторых случаях незначительно скорректирована) на момент проведения анализа:

Dating your ex again is the equivalent of failing a test you already had the answers to

Focus on self-improvement guys! STOP giving women validation!!

Изучение прочих комментариев демонстрирует наличие значительного количества микротекстов, транслирующих аналогичный паттерн:

At the end of the day, you split up for a reason. Usually it's an issue that you can't change. Just move on

Указанные примеры являются утверждениями с транситуативной применимостью. К лексико-грамматическим индикаторам такого режима относится употребление абсолютного настоящего (*dating your ex again is the equivalent, it's an issue that you **can't** change*), недейктического местоимения *you* (*failing a test **you** already had the answers to*) и императивов (*Focus on self-improvement guys; Just **move on***) или обращения, выраженного существительным во множественном числе (*Focus on self-improvement **guys***). Иными словами, комментарии соответствуют транситуативной калибровке текста видео (и текстов в этом жанре в целом) и благодаря этому органично дополняют его. Этот факт можно рассматривать как одну из причин, почему комментарии следует включать в единый с ним результирующий комплексный текст (см.: [Там же]).

Вторая причина связана с функционалом КТ “YouTube”: часть комментариев поднимается алгоритмами платформы “YouTube” вверх, в так называемый топ. Такие комментарии с большой вероятностью просматриваются значительным количеством участников коммуникативного события. Во-первых, они находятся непосредственно под видео и вряд ли не обращают на себя внимание. Во-вторых, подтверждением факта взаимодействия пользователей с данными комментариями является и выставление лайков. Лайки (точнее их количество, как правило, коррелирующее с «топовостью») свидетельствуют в пользу того, что содержание комментария не только было замечено, но и в пользу того, что реципиент присоединяется к озвученной (аксиологической) позиции.

Таким образом, данные комментарии становятся важной надстройкой над исходным текстом и его комбинацию с этими комментариями — результирующий комплексный текст — можно рассматривать как минимальную потенциальную единицу, порождающую комплексный эффект (для предполагаемого реципиента), и в некоторых случаях как минимальную текстовую единицу анализа смысла текстов в пределах одного условного коммуникативного эпизода.

Добавляя к или корректируя какой-либо из содержательных компонентов, комментарии создают дополнительный фрейм интерпретации вокруг исходного текста. В данном примере комментарии не оспаривают релевантность инструктирующей макропропозиции и основного содержания видео вообще (советов по «преобразованию себя к лучшему», предлагаемых автором исходного видео; ср. *focus on self-improvement guys*), но предлагают иную мотивацию для этих мер (*stop giving women validation* — то есть мотивация по принципу «преобразование себя для себя, а не для женщин/ы»). При этом при условно постоянном исходном тексте секция комментариев со временем прирастает

новыми микротекстами, которые могут в том числе менять содержание топа, формируя новый результирующий текст (см.: [Там же]).

Естественно, такой вариант взаимодействия дискурсивного сообщества (т. е. определенной группы населения, рутинно взаимодействующей с некоторым жанром, что и является первичным фактором в определении данной группы) с исходным текстом является лишь одним из возможных в плане присоединения к аксиологической позиции и вычленения конкретных паттернов для их развития в комментариях. Так, например, во многих комментариях формулируется этот же семантический паттерн, но в режиме персонального нарратива, лексико-грамматическим индикатором чего можно считать доминирование местоимений (первого лица и указательных *that*, закоривающих микротекст в конкретном хронотопе жизни данного индивида) ср.:

To get **my** ex back? Nah, **I** pass

But why would **I** want **that** crazy azz back in **my** life?

OH NO!! **I** don't want **that** oversensitive girl in **my** life AGAIN! I'm so much happier without **her**

Еще одним интересным вариантом релевантной коллаборации служит добавление новых идей к инструктирующей фазе исходного текста (в режиме транситуативной применимости, наиболее очевидным лексико-грамматическим индикаторами чего вновь являются императивные формы: *go, turn, make, work, gain*); ср.:

Actually u forgot the most important tips — focus on yourself **go to the gym turn the beast mode ON**, be the better version of yourself every morning when u get up and look yourself in the mirror. **Make money work hard gain knowledge and cash.**

Взаимодействие реципиентов с таким результирующим текстом (т. е. исходным текстом и текстом комментариев) скорее всего носит нелинейный характер, как это происходит в случае с прочими интернет-жанрами [Andersen, van Leeuwen 2017; Askehave, Nielsen 2005]. Так, можно вполне допустить, что часть реципиентов может в первую очередь читать комментарии, нежели смотреть само видео, читать комментарии одновременно с просмотром видео, придавать бóльшую значимость комментариям, чем исходному тексту видео и т. п (см. также: [Молодыченко 2023]).

Итак, в случае с современными текстами в жанре лайфстайл-инструкции и иных лайфстайл-жанрах (см. обсуждение ниже) на платформах, вроде “YouTube”, в качестве минимальной текстовой единицы часто имеет смысл рассматривать то, что было обозначено как **результирующий комплексный текст**. Такой текст представляет собой комбинацию как минимум двух элементов — исходного текста и коллаборативного (т. е. комментариев других представителей дискурсивного сообщества). Взгляд на коллаборативный текст акцентирует идею о том, что смысл и эффект текста не заключен в исходном тексте, но конструируется во взаимодействии с аудиторией. Гипотеза же нелинейного взаимодействия типичного реципиента с таким текстом позволяет предположить и то, что комплексная метапрагматика текста, вмонтированного в данный эпизод, должна конструироваться совокупностью смыслов, извлекаемых как из исходного, так и из коллаборативного текстов (см. также: [Там же]).

С другой стороны, такое взаимодействие в современных медиа, материализованное в форме комментариев и ответов, также дает возможность исследования рецептивной стороны «дискурса 1» для исходного текста и — более конкретно — рецептивного аспекта конструирования метапрагматики (исходных) текстов, поскольку коллаборативный текст также является способом материализации реальных метапрагматических актов, порождаемых дискурсивным сообществом (см. подробнее ниже).

4.3 Акциональное и репрезентативное измерение дискурсивной практики лайфстайл

Цель данного раздела — применение модели «жанр-дискурс» (и «акциональность-репрезентативность-метапрагматика») к анализу конкретных текстов, что предполагает (а) описание текста одновременно как экземпляра определенного жанра (или их гибрида) и как материализации некоторого дискурса-репрезентации (или некоторой их совокупности) и (б) выявление системностей речевого оформления, могущих быть соотнесенными с двумя данными категориями (или с обеими одновременно в той или иной мере).

Для иллюстрации выдвинутых положений был предпринят анализ одного типичного текста из онлайн-журнала для мужчин “AskMen” [AskMen — Become a Better Man]. Причиной для выбора именно этого интернет-ресурса является его позиция лидера в данном лайфстайл-сегменте, что подтверждается статистикой посещений сайта. Так, меди-кит сайта гласит, что число посетителей сайта за месяц только в США достигает 14 000 000, что позволяет авторам утверждать, что сайт является ресурсом «номер один в мире лайфстайл-публикаций для мужчин» (перевод мой. — *Е. М.*; данная информация была доступна по ссылке <http://mediakit.askmen.com/> на момент проведения исследования; на момент подготовки данного текста страница более недоступна). Исходя из этого, было сделано предположение, что публикации на данном сайте должны наилучшим образом отражать срез лайфстайл-тенденций (западного мира), включая те, что имеют непосредственное отношение к речевой составляющей лайфстайл-практики (см. также: [Молодыченко 2019с]).

Одной из типичных разновидностей интернет-текстов, встречающихся как на указанном ресурсе, так и на других ресурсах категории «лайфстайл», являются тексты, оформленные по модели **лайфстайл-инструкции** (см.: [Молодыченко 2019а, 2019с]). Возможность применения такого термина для характеристики

данного жанра определяется его схожестью с другими, более традиционными, видами инструкций, если наиболее типичными и жанрообразующими характеристиками последних считать прескриптивную концептуально-тематическую составляющую и особый инструктивный способ изложения [Хорохордина 2013]. Как будет показано далее, лайфстайл-инструкция характеризуется коммуникативной установкой на коррекцию поведения адресата (которую можно рассматривать в том числе и как персуазивную), реализующуюся через особый комплекс лексико-грамматических и композиционных средств, обнаруживаемый и в инструкциях более традиционного типа (см./ср. [Хорохордина 2013; Fowler et al. 1979: 26–45]).

Поскольку в работе утверждается, что такой жанр реализуется более или менее единообразно как в письменном, так и устном модусе, после анализа текста в письменном модусе предлагается также краткий анализ текста в устном модусе. Основным материалом для такого анализа устного модуса вновь послужило видео на канале «alpha m.»¹. Название анализируемого видео — *10 Things That Make You Look Like A DUMBASS!* [10 Things That Make You Look Like A DUMBASS!]. Для анализа и иллюстрации положений, как и ранее, было выбрано последнее опубликованное видео на момент проведения исследования (которое, тем не менее, по совокупности признаков является тем, что ранее было обозначено как прототипический экземпляр жанра).

Все суждения обобщающего характера основаны на опыте изучения НОРМ в течение нескольких лет и дополнительно подкрепляются примерами дискурсов, отобранных специально по нужному критерию (т. е. с целью проиллюстрировать конкретную обсуждаемую особенность жанровой модели в ее ламинировании на дискурс консьюмеризма — ДК).

¹ URL: <https://www.youtube.com/c/AlphaMconsulting> (дата обращения: 12.06.2022).

4.3.1 *Жанр лайфстайл-инструкции и дискурс консьюмеризма:
ламинирование акциональных и репрезентативных системностей*

В тексте [10 Things You Can't Wear In Your 30s] обсуждается ряд правил, рекомендуемых к выполнению мужчине в возрасте от 30 до 40 лет. Каждый совет оформлен в отдельный микротекст и сопровождается графической иллюстрацией ошибки, исправлению которой он посвящен. Макротекст содержит десять таких микротекстов и предварен общим вступлением. Такая текстовая организация является типичной для жанра и может быть обусловлена используемой КТ, для которой характерно деление онлайн-статьи на небольшие пронумерованные фрагменты (ср.: [Дементьев 2020]), располагающиеся на отдельных веб-страницах.

С точки зрения внутренней композиции, каждый микротекст, во-первых, характеризуется реализацией шаблона типа «проблема — решение». В первой фазе микротекста определяется типичная для данной возрастной категории проблема, которая в исследуемом тексте представляет собой либо ситуацию из предполагаемого прошлого адресата, либо предполагаемое текущее положение вещей. После этого всегда следует изложение «решения», представляющее собой более адекватный с точки зрения автора сценарий действий (см.: [Молодыченко 2019a]). Переход от проблемы к решению маркирован обстоятельством времени, подчеркивающим важность текущего момента, например, *by now, during this decade, these days, now that (два раза), now that... it's time, in this round of life*. Ср. типичный пример микротекста, реализующего описанную выше модель (названия микротекстов даны в квадратных скобках):

[Anything Graphic or Novelty] **Still sporting** graphic tees with allegedly ironic phrases or novelty ties with cartoon characters? Life's a bit more serious **these days**. Grow up and go for solids or subtle patterns on your T-shirts and similarly sophisticated ties in cotton, wool or knitted silk.

Можно предположить, что описанная организация является наиболее удачной для прагматического фокусирования необходимых паттернов и/или для оптимального восприятия и запоминания информации: текст имеет прозрачную макроструктуру, в которой название каждого из микротекстов по сути является его макропропозицией (ср.: *Rented Tuxedos, Anything Graphic or Novelty* и т. д.), относящейся к макропропозиции высшего уровня — названию всего текста (*10 Things You Can't Wear in Your 30s*). Описанные композиционные особенности следует интерпретировать как часть жанровой схематической структуры подобного класса текстов [Там же].

Анализ актантной схемы текста, далее, позволяет смоделировать то, как отражена в тексте некоторая практика в разрезе реализующих эту практику субъектов. Такая структура позиционируется как относящаяся преимущественно к репрезентативному измерению текста. Наиболее типичной характеристикой данного текста является то, что семантическая роль агенса в большинстве случаев заполнена адресатом текста посредством использования местоимения второго лица; адресат является главным и самым важным субъектом, представленным в тексте. Следствием такого использования в акциональном разрезе является то, что можно было бы назвать особым «риторическим фокусом» на адресате сообщения (ср.: [Skalicky 2013]).

Рассмотрим два фрагмента — введение и первый из десяти микротекстов:

[Introduction] Congratulations. This is the decade that you're **likely to get** married, **have** a couple of kids and **realize** you're officially too old **to appear** in every MTV reality show. On the bright side, you finally **have** an extra buck in your back pocket, which makes you **feel** less like a takeout-dependent 20-something with a freezer full of Rolling Rock and more like a full-fledged adult who **stocks up** on Fiber One and baby formula (or something like that). Fortunately, the extra cash should also come in handy as you **start to dress** the part by **burning** the cheap stuff and **buying** investment items.

[Rented Tuxedos] You **got away** with this one at prom and probably **snuck in** some weddings a few years back, too. By now, you **could have** just **owned** the damn thing outright, which is precisely what we recommend **doing** during this decade of upgrades. You **can** also **skip** the senior year special complete with backless vest and premade tie in favor of gentlemanly braces and a proper bow tie (read: not a clip-on).

В представленном фрагменте 21 глагольная форма; для 15 из них непосредственный адресат (*you*) является агенсом/первым актантом. Глагольные формы и их актанты, в том числе «латентные» (указаны в квадратных скобках), приведены в таблице 1.

Таблица 1. Актантная структура введения и первого микротекста

No.	агенс/ первый актант	предикат/ процесс	второй актант/ прочие элементы
1.	you	are likely to get	married
2.	you	are likely to have	a couple of kids
3.	you	are likely to realize	[придаточное предложение]
4.	you	are	too old
5.	[you]	to appear	in every MTV... show
6.	you	have	an extra buck
7.	you	feel	less like a... 20-something
8.	you	start to dress	the part
9.	[you]	burning	the cheap stuff
10.	[you]	buying	investment items
11.	you	got away	with this one
12.	[you]	snuck in	some weddings
13.	[you]	could have owned	the damn thing
14.	[you]	Doing	during this decade
15.	you	can skip	the senior year special

Как видно из таблицы 1, в девяти случаях адресат представлен в поверхностной структуре. В остальных сочетаниях адресат подразумевается, так как предикация является нефинитной (например, *by **burning** the cheap stuff and **buying** investment items* → *you should/must burn the cheap stuff; you should/must buy investment items*). Такая грамматическая реализация, выявленная в первых двух абзацах, является характерной и для всего текста [Молодыченко 2019а].

Данную лексико-грамматическую особенность можно также рассматривать и как часть акционального измерения: постоянное обращение к реципиенту через второе лицо созвучно императиву, а сам текст напоминает инструкцию как с точки зрения интенциональной и содержательной составляющей, так и с точки зрения используемых форм выражения. Действительно, в оставшихся частях изучаемого текста есть и собственно императивные формы, ср.:

Grow up and **go** for solids or subtle patterns on your T-shirts and similarly sophisticated ties in cotton, wool or knitted silk;

Just **loosen up** a bit with denim in a fit that's slim or straight;

kindly **take** a match to your collection of white ankle socks;

take it as a sign to say goodbye to your V-neck T-shirts;

but **face** the facts: You became a man long ago.

Как и в случае с традиционными инструкциями, в лайфстайл-инструкции автор как бы наделен полномочиями «управлять» адресатом. При этом описанная текстовая стратегия отражает это «распределение власти» наилучшим образом и фиксирует его в такой жанровой форме [Fowler et al. 1979]. Эта же особенность обнаруживает сходство (по акциональной линии) и с рекламными жанрами, также наделенными правом прямого обращения к адресату и в некоторой мере «манипулирования» им (ср.: [Bhatia 2005; Machin, van Leeuwen 2005]).

Интересно отметить, что все действующие лица и связанные с ними активности относятся к одной из двух общих категорий: практике «зрелых» и практики «незрелых» индивидов. Основная практика, отраженная в данном тексте, — «зрелая» практика тридцатилетнего мужчины, определяемая тем, *что* он делает, *что* покупает и во *что* одевается (ср. *10 Things You Can't Wear in Your 30s*). Данная практика противопоставляется «незрелой» практики в ее двух вариациях. Первая связана с активностью самого адресата в его «незрелом» хронотопе и представлена в анализируемом отрывке рядом активностей, ср.:

[you] to appear in every MTV reality show

you got away with rented tuxedo

[you] snuck in some weddings

Во многих случаях активности, представляющие такую практику, реализуются через пресуппозиции и импликации, что создает пространство допущений («поперечный дискурс» по М. Пешё) относительно того, что делал адресат. Ср. пропозиции из текста и варианты извлекаемых имплицитных смыслов:

you're likely to get married → you were single;

have a couple of kids → you didn't have kids;

you're officially too old to appear in every MTV reality show → you appeared in every MTV reality show;

you finally have an extra buck in your back pocket → you didn't have extra money;

which makes you feel less like a takeout-dependent 20-something → 20-somethings depend on takeouts; you were a takeout-dependent 20-something;

with a freezer full of Rolling Rock → 20-something's freezer is full of Rolling Rock;

and more like a full-fledged adult → a 20-something is not a full-fledged adult;

you start to dress the part → you didn't dress the part;

by burning the cheap stuff → you owned cheap stuff;

and buying investment items → you didn't buy/own investment items;

you can also skip the senior year special complete with backless vest and premade tie in favor of gentlemanly braces and a proper bow tie → you bought/are thinking of buying senior year specials instead of gentlemanly braces and a proper bow tie.

Интересно отметить, что в случае «зрелой» практики используется меньшее количество пресуппозиций. Ср. пресуппозиции, обнаруженные в анализируемом отрывке, относящиеся к этой практике:

a full-fledged adult who stocks up on Fiber One and baby formula (or something like that) → a 30-year-old stocks up on Fiber One and baby formula;

during this decade of upgrades → this is the decade of upgrades.

Описанную особенность можно вновь интерпретировать двояко. С одной стороны, содержание пресуппозиций и транслируемые ими семантические паттерны составляют часть дискурса-репрезентации (часть ДК). *Для такого дискурса характерно установление семантических связей между идентичностью и материальными средствами ее выражения, что можно рассматривать как один из наиболее абстрактных семантических паттернов дискурса консьюмеризма.*

Так, представленный здесь текст создает субъектную позицию зрелого тридцатилетнего мужчины, получающую материальное воплощение в приобретаемых товарах и/или реализуемых им «правильных» практиках. Такое видение мира характерно для культуры потребления [Barber 2007]. Общая же «безапелляционная» стратегия, характеризуемая вынесением большей части суждений о практиках адресата в пресуппозиции и импликации («дефокусирование»), является частью акционального измерения и позиционирует данный экземпляр как реализацию жанра лайфстайл-инструкции [Молодыченко 2019а].

Еще одна типичная характеристика изучаемых текстов — *создание оппозиции по типу «свои — чужие»*. В текстах лайфстайл-дискурса чужие — это чужие в области стиля, представители чуждых взглядов и носители чуждых практик. Например, в некоторых микротекстах «неправильная» практика реализуется не самим адресатом, а другими обобщенными субъектами, такими как *some guys* и *[someone who] lives in Williamsburg and was born after 1990*, ср.:

[Skinny Jeans] Yeah, we know it took you a few years to slim down your blues from bootcut to skinny. The problem is that **some guys** took things too far. And frankly, if there's **anyone** who's actually able to squeeze into a pair, let alone pull them off, **he lives in Williamsburg and was born after 1990**. We're not saying you should go back your baggy ways. Just loosen up a bit with denim in a fit that's slim or straight.

Путем такого противопоставления более точно артикулируется «правильная» субъектная позиция, предлагаемая данным лайфстайл-ресурсом.

Языковые средства оценки также участвуют в конструировании «правильных» практики и предлагаемых субъектных позиций. Рассмотрим уже представленное ранее введение с точки зрения данного параметра:

This is the decade that you're likely to get married, have a couple of kids and realize you're officially too old to appear in every MTV reality show. **On the bright side**, you finally have an extra buck in your back pocket, which makes you **feel** less like a takeout-dependent 20-something with a freezer full of Rolling Rock and more like a **full-fledged** adult who stocks up on Fiber One and baby formula (or something like that). **Fortunately**, the extra cash should also come in handy as you start to dress the part by burning **the cheap stuff** and buying **investment items**.

Примеры с явными маркерами оценки в данном фрагменте немногочисленны (выделены жирным шрифтом). К ним относятся следующие:

too old — интенсификация, выдвижение семы «зрелость»;

every reality show — интенсификация;

bright side — оценка всей пропозиции как положительной;

full of — интенсификация;

full-fledged — интенсификация;

fortunately — оценка всей пропозиции как положительной;

cheap stuff — оценка, выдвижение семы «качество»;

investment items — оценка, выдвижение семы «качество».

По представленным явным маркерам оценки, однако, сложно определить общую оценочную позицию данного фрагмента. Эта задача может быть решена путем включения в интерпретацию имплицитной оценки, выводимой из сочетаний дескриптивных средств (подчеркнуты в примере). Ср. вариант такой интерпретации:

too old to appear in every MTV reality show — положительная оценка нынешней практики адресата (сема «зрелость»);

You have an extra buck in your back pocket — положительная оценка нынешней практики адресата (сема «зрелость»);

a takeout-dependent 20-something — негативная оценка прошлой практики адресата (сема «незрелость»);

with a freezer full of Rolling Rock — негативная оценка прошлой практики адресата (сема «незрелость»);

a full-fledged adult — положительная оценка нынешней практики адресата (сема «зрелость»);

who stocks up on Fiber One and baby formula — положительная оценка нынешней практики адресата (сема «зрелость»);

the extra cash — положительная оценка нынешней практики адресата (сема «зрелость»).

Исходя из представленного анализа, можно сделать вывод, что ключевым основанием (аспектом), относительно которого выносятся оценка, является «не/зрелость». При этом «зрелость» преподносится как нечто желанное, ожидаемое, ср. употребление таких маркеров, как *officially*, *finally*, *fortunately*, выражающих положительное отношение к содержанию суждения [Там же].

Из других фрагментов текста также становится ясно, что оценке подвергается не только поведение, но и вещи — материальное выражение идентичности, ср.:

[Cheap suits] So the inexpensive, off-the-rack suit you had nipped and tucked at the tailor in your 20s ain't gonna cut it anymore. In this round of life, you'll need

to pay attention to **the richness** of the fabric (it should probably come from Italy) and the construction of the garment (full canvas **is king**).

Единственный явный маркер оценки в представленном фрагменте — номинализация признака *richness*, используемая для передачи позитивной оценки ткани (*fabric*), а также выражение *is king* для оценки покроя костюма (*the construction of the garment*). Имплицитная оценка усматривается в сочетании дескриптивных языковых средств *inexpensive* и *off-the-rack* (негативная оценка по основанию «качество»). Аналогичным образом положительная оценка прочитывается в сочетаниях *the richness of the fabric* и *it should probably come from Italy*.

С одной стороны, параметр качества одежды может быть ценностью сам по себе. С другой — в данном контексте оценка качества товаров наполняется смыслом в более широкой системе интерпретации: в конечном счете, все товары оцениваются исходя из того, насколько полноценно они могут стать материалом реализации «правильной» идентичности. Ср., например, следующее:

[Anything Graphic or Novelty] Still sporting **graphic tees** with allegedly **ironic phrases** or novelty ties with **cartoon characters**? Life's a bit more serious these days. Grow up and go for **solids** or **subtle patterns** on your T-shirts and similarly **sophisticated ties in cotton, wool or knitted silk**.

В приведенном примере оценка выражается имплицитно через дескриптивную лексику (*graphic tees, ironic phrases, cartoon characters, solids, subtle patterns, sophisticated ties, cotton, wool, knitted silk*) и интерпретируется в системе координат «зрелый — незрелый».

Такая специфическая оценочная позиция текста — часть его репрезентативного измерения [Там же]. Ценности, наподобие качества и цены, а также оценка товаров с точки зрения их способности конструировать правильную идентичность является частью особого видения мира,

реплицируемого в лайфстайл-дискурсе и, как представляется, характерного для культуры потребления [Barber 2007]. С другой стороны, такой параметр текста, как насыщенность оценкой безотносительно к ее типу и конкретным ценностным смыслам, можно рассматривать и как часть акциональной системности и особенность жанра, общую для жанра лайфстайл-инструкции и, например, различных жанров рекламной направленности [Bhatia 2005].

Как уже стало ясно из приведенных выше примеров, автор текста как субъект суждений и оценок в поверхностной структуре текста представлен редко: всего в четырех случаях автор в форме первого лица множественного числа фигурирует как субъект, дающий рекомендацию, что в некоторой мере снижает ультимативность директивных речевых актов и категоричность утверждений ср.:

we suggest fashioning yourself with a full-on beard;

which is precisely what **we recommend** doing during this decade of upgrades;

We're not saying you should go back your baggy ways;

we know it took you a few years to slim down your blues from bootcut to skinny.

Фактически только указанные фрагменты читаются как рекомендация или совет, а не как инструкция. Обращает на себя внимание и выбор местоимения множественного числа: суждения, оценки и рекомендации выражают не мнение автора, а скорее позицию журнала в целом и/или всего лайфстайл-сообщества (что наблюдается даже в том случае, если ресурс фактически представлен одним культурным посредником; см. ниже).

Аналогичным образом, только в нескольких случаях «диктумная» часть высказывания смягчена модальностью (эпистемической для утверждений и деонтической для директивных речевых актов, а также их комбинацией), ср.:

you're **likely** to get married;

the extra cash **should** also come in handy;

you **can** also skip the senior year special;

you'll **need to pay** attention;

men of all shapes (and sizes) **should** protect their prized possession;

it **should probably** come from Italy;

you, on the other hand, **should probably** play it safe here;

you **should** keep blatant branding to a minimum

Итак, данный подраздел иллюстрирует типичный лайфстайл-текст в разрезе того, как в одной поверхностной структуре ламинируются две системности — одна связана с жанром как способом оформления социального (взаимо)действия (с потенциальным реципиентом), вторая — с дискурсом-репрезентацией как способом отражения мира.

К акциональным особенностям текста следует отнести его внутреннюю и внешнюю композицию, обусловленную в том числе спецификой реализующей его КТ [Молодыченко 2019а]. Тексты данного жанра характеризуются наличием четкой макроструктуры, где название играет роль макропропозиции высшего уровня, организующей нижележащие макропропозиции, выраженные в поверхностной структуре текста в форме подзаголовков или озвучиваемые автором видео при переходе к следующему микротексту. Как правило, подзаголовки пронумерованы (см.: [Дементьев 2020]), а их количество отражено в названии текста.

Такой формат заголовка является типичным для лайфстайл-дискурса в целом, что может быть проиллюстрировано названиями текстов,

опубликованных на этом же канале, подобных ему и дискурсов, опубликованных с использованием иной платформы. Ср.:

5 Tips To Get An AWESOME Haircut From Your Barber (youtube/alpha m.¹);

10 Transitional Staples Men Need In Their Wardrobe/Men's Between Seasons Clothes (youtube/The Style O.G.²);

10 Things Men SHOULD NEVER Wear! (youtube/Teachingmensfashion³);

5 Hacks To Whiten Teeth Without Pain (youtube/Real Men Real Style⁴);

10 Autumn Pieces Worth Adding to Your Wardrobe (www.fashionbeans.com⁵).

Представляется, что такая особенность обусловлена в том числе и персуазивной интенцией, в том числе и интенцией улучшения запоминания информации потенциальным адресатом (ср.: [van Dijk 2006a]).

Полученные результаты также позволяют сделать ряд более общих выводов об акциональном и репрезентативном измерении, их комбинации в рамках лайфстайл-инструкции, а также функционировании рассмотренного жанра в лайфстайл-дискурсе.

Репрезентативное измерение данного текста и подобных ему актуализирует дискурс консьюмеризма (ДК). В первом приближении такой дискурс определяется двумя показателями — специфическим способом конструирования идентичностей и специфическим способом оценки. Идентичности в ДК — это идентичности, поддающиеся сознательному формированию путем включения в

¹ URL: <https://www.youtube.com/c/AlphaMconsulting/videos> (дата обращения: 27.07.2022).

² URL: <https://www.youtube.com/c/TheStyleOG/videos> (дата обращения: 27.07.2022)

³ URL: <https://www.youtube.com/c/Teachingmensfashion/videos> (дата обращения: 27.07.2022).

⁴ URL: <https://www.youtube.com/c/Realmenrealstyle/videos> (дата обращения: 27.07.2022).

⁵ URL: <https://www.fashionbeans.com> (дата обращения: 27.07.2022).

правильные практики и/или приобретения правильных потребительских товаров [Молодыченко 2019а]. Такое положение вещей предопределяет и использование оценки: объектом оценки становится адресат и его деятельность, с одной стороны, и потребительские товары, с другой. Эти дискурсивные тенденции коррелируют с характеристиками культуры потребления и особенностями процесса формирования идентичностей в эпоху постмодерна (см. выше).

Что касается акционального измерения, то следует в первую очередь отметить, что отнесение текстов, оформляющих это измерение описанным выше образом, к инструкциям не является самоочевидным. Дискурсивное сообщество, например, склонно (метапрагматически) категоризировать подобные тексты как адвисивы (см. ниже). Однако данный жанр все же следует считать инструкцией по ряду причин [Там же].

Одним из базовых критериев выделения жанра является набор решаемых с его помощью коммуникативных задач. Коммуникативная задача прототипической инструкции может быть определена как регламентация порядка действий с целью обеспечения надлежащего использования предмета или правильного выполнения процедуры. Подобная задача явно прослеживается и в лайфстайл-инструкции, что иллюстрируется представленным выше анализом. Следует, однако, отметить, что, будучи одной из основных, задача регламентации порядка действий не является для данного жанра единственной.

Производство текстов лайфстайл определяется целым комплексом мотивов. Полноценно такой комплекс может быть описан путем анализа самой социальной практики лайфстайл с использованием методов, не входящих в стандартный набор текстоориентированных методов. Однако думается, что в первом приближении к такому комплексу задач следует отнести задачу создания привлекательности и продвижения издания (журнала, блога, канала “YouTube”), завоевания читательской и/или зрительской аудитории, а также задачу рекламирования конкретных (спонсорских) товаров. Все подобные

задачи в комбинации с описанными выше особенностями речевой структуры также позволяют квалифицировать подобные тексты как персуазивные.

В тематической, композиционной и лексико-грамматической структуре лайфстайл-инструкции и традиционной инструкции также обнаруживаются сходства. Очевидно, что тематический пласт прототипической инструкции отражает ту область опыта, к которой эта инструкция применима, и те практики, которые она регламентирует. Такое наблюдение справедливо и в случае с лайфстайл-инструкцией. С точки зрения выделения функциональных компонентов и их композиционной организации лайфстайл-инструкция является образцом типичной инструкции: в ней также могут быть выделены экспозиционный, мотивирующий, комментирующую и собственно инструктирующие коммуникативные ходы. Лексико-грамматическое оформление инструктирующего компонента в лайфстайл-инструкции во многом совпадает с наиболее частотным лексико-грамматическим оформлением инструктирующих ходов в традиционной англоязычной инструкции, где таковой является форма императива [Безукладникова 2021; Цокало 2012; Заболотская 2014]. В исследуемом фрагменте в пяти из десяти микротекстов по крайней мере часть собственно инструктирующего компонента оформлена в виде императива. В остальных случаях используются косвенные директивы (например, *it's time to make sure your socks can sop up sweat without being seen* → *make sure your socks can sop up sweat without being seen*) или формы, содержащие указание на авторскую субъективность (*we recommend, we suggest, you... should probably* и т. п.). Такие формы, сохраняя определенную меру директивности, сближают рассматриваемый текст с адвисивами [Молодыченко 2019a].

Что касается специфики функционирования описанного жанра в дискурсивной практике лайфстайл вообще, то здесь следует выделить две особенности — нестабильность и гибридность. Очевидно, что примененная модель «жанр-дискурс» способна генерировать несколько вариантов реализации,

даже если допустить, что жанровая «форма» и дискурсивное «наполнение» во всех случаях остаются более-менее постоянными. К примеру, рассмотренная комбинация жанра лайфстайл-инструкции с дискурсом консьюмеризма является распространенным, но при этом лишь одним из вариантов реализации этого жанра в лайфстайл-медиа. Идентичная жанровая форма может комбинироваться и с тем, что можно было бы назвать «антиконсьюмеристским» дискурсом [Там же].

В качестве примера в данном случае можно привести дискурсы, опубликованные на сайте “becomingminimalist.com”, «продвигающем» так называемый минимализм (который можно считать разновидностью этического потребления и антиконсьюмеристского дискурса или его субдискурсом). Ср. названия текстов из «топ 5» раздела «Наиболее популярное»:

The 10 Most Important Things to Simplify in Your Life;

35 Gifts Your Children Will Never Forget;

15 Clutter Busting Routines For Any Family;

A Practical Guide to Owning Fewer Clothes;

How to Declutter Your Home: 10 Creative Ways to Get Started. [Becoming Minimalist’s Most Popular Articles]

Как видно из названий, автор(ы) следует тем же конвенциям именования, что были обозначены для лайфстайл-инструкции; аналогичным образом сами тексты композиционно также вписываются в описанную жанровую форму.

Еще одним вариантом трансформации подобных дискурсов является трансформация как репрезентативной, так и акциональной составляющей. Пример такой трансформации — тексты, внешняя композиция которых соответствует лайфстайл-инструкции, но каждый из микротекстов в их составе

при этом посвящен описанию конкретного потребительского товара, а не обобщенной группы товаров или проблемы. В таких текстах наблюдается закономерный сдвиг ключевых категорий, выделенных выше: описательный компонент «берет верх» над инструктирующим, в позиции первого актанта чаще появляются сами товары, а оценка смещается в сторону положительной характеристики продукта (о жанре «обзор» см. ниже). Подобные изменения можно рассматривать как гибрид инструктирующего жанра с рекламным [Молодыченко 2019а].

В совокупности особенности первого вида системности (композиция, четко выделяемая макроструктура, риторический фокус на адресате, безапелляционность) и второго (репрезентации товаров как способных соответствовать некоторой форме идентичности и их оценка исходя из такой способности) позиционируются как формирующие целостную комплексную метапрагматику, могущую быть представленной как (персуазивный) эффект подобного текста. Таковой выражается в том числе в том, что (потенциально) увеличивается потребление различных товаров а также подобного контента как такового, а в более широкой перспективе — интенсифицируется коммодификация и различные социокультурные процессы, связанные с постмодерном и культурой потребления, намеченные ранее, включая негативные (см.: [Barber 2007]).

4.3.2 Особенности акциональной системности текстов лайстайл-инструкции в устном модусе

Основным материалом анализа и источником примеров для иллюстрации выдвигаемых положений в данном подразделе послужило видео [10 Things That Make You Look Like A DUMBASS!].

Как было отмечено ранее, типичный текст в данном жанре расчленен на несколько тематических фрагментов (как правило в диапазоне от 5 до 10), предваряемых вступлением (как правило 1–4 параграфа в письменном модусе). Каждый из фрагментов — микротекстов — освещает один из аспектов макротемы — один вид товаров, одну проблему, одно правило, одну ошибку и т. п. Как показывает опыт наблюдения за реализацией жанра на лайфстайл-каналах “YouTube”, задачу категоризации подобных аспектов авторам облегчает использование «универсальной нечеткой категории» *thing* (см. пример ниже). Отчасти, как представляется, это объясняется тем, что хронотоп платформы “YouTube” (и соответствующий преимущественно устный модус) позволяет оперировать разговорным и неформальным регистром в большей степени, нежели в случае хронотопа статьи на сайте (и соответствующий письменный модус) [Молодыченко 2019с].

В письменном модусе, как было отмечено выше, микротексты снабжены названиями — подзаголовками; в устном же модусе переход к следующему фрагменту, как правило, маркирован специфическим лексико-грамматическим оформлением, сопоставимым с подзаголовком письменного модуса, а также сменой кадров (см. ниже). Как и ранее, название текста в совокупности с названиями нижележащих микротекстов образуют четкую макроструктуру: название играет роль макропропозиции высшего уровня и организует нижележащие макропропозиции — названия микротекстов.

Текст *10 Things That Make You Look Like A DUMBASS!* (здесь и далее сохранены особенности оригинального оформления текстовых фрагментов) предсказуемо [Дементьев 2020] содержит десять фрагментов, переход между которыми маркирован специальными лексико-грамматическими средствами (ср.: *Number three — too many buttons...; The fourth thing that makes you look like a dumbass...*), а также явной «стыковкой» кадров видеоролика. Список всех микротем, освещаемых в тексте, представлен в описании видеоролика —

сопроводительном тексте: 1. *Pop your polo collars*; 2. *Say ignorant sh!t*; 3. *Have too many buttons undone*; 4. *Park in a handicap spot when you're not handicap*; 5. *Wear big, monstrous, oversized watches*; 6. *Fight on Facebook*; 7. *Wear sunglasses inside*; 8. *Sag your pants*; 9. *Cheat on your girlfriend*; 10. *Talk trash about other people*.

Как и тексты в письменном модусе, тексты подобных видео характеризуются наличием прескриптивной содержательной составляющей, демонстрируют особый инструктивный способ изложения, специфическую композицию, а также общую коммуникативную задачу информирования и корректировки поведения адресата [Молодыченко 2019а, 2019с, 2020, 2023]. Так, например, фрагмент номер девять из рассматриваемого дискурса имеет следующее содержание:

The ninth thing that makes you look like a dumbass is cheating on your girlfriend or boyfriend. There's absolutely no excuse to cheat. If you're unhappy in your relationship and you're like tempted to go and like... like get some sassy seniorita sexed up, then you shouldn't be with your current spicy seniorita ... or senior, whatever you're into. Do the responsible honorable thing: break up before you cheat (здесь и далее транскрипция текста моя. — *E. M.*).

Как видно из примера, микротекст содержит явную прескриптивную фазу (*you shouldn't be with your current spicy seniorita... or senior <...>. Do the responsible honorable thing: break up before you cheat*) и мотивационный и легитимизирующий компонент (ср.: *There's absolutely no excuse to cheat. If you're unhappy in your relationship and you're like tempted to go and like ... like get some sassy seniorita sexed up...*), также характерный для традиционных инструкций. Типичным для инструкции будет и лексико-грамматическое оформление прескриптивной фазы: в данном фрагменте это императив *do* и *break up* и смягченный модальностью директив *you shouldn't be*. Очевидно также и то, что одной (но не единственной) из коммуникативных задач данного текста является

предписание надлежащего способа выполнения чего-либо (в данном случае — реализации отношений с партнером).

Предписание надлежащего образа действия как коммуникативная задача прослеживается во многих дискурсах НОРМ, реализуемых на платформе “YouTube”, и выявляется даже при поверхностном контент-анализе. Ср., например, типичные названия дискурсов: *How To Become A Millionaire In Your Teens*; *How To Have Healthy Hair*; *7 Easy And Affordable Ways To Improve Your Style*¹; *How To Wear Chinos Spring 2019/4 Chino Outfits*; *How To Wear a Crew Neck Sweater*² и т. п.

Основными лексико-грамматическими средствами экспликации такой инструктивной функции, как видно из примеров, являются инвариантные лексические пучки, вроде *how to + verb* и *ways to + verb*.

Еще одной характеристикой, относимой к акциональности в лайфстайл-инструкциях, является акцентированное ранее повсеместное использование местоимения второго лица [Молодыченко 2019а, 2019с, 2023]. (В данном случае, однако, в эту группу не включаются формы повелительного наклонения, в которых присутствие местоимения второго лица может рассматриваться как обнаруживаемое в «латентной» форме.)

Хотя эта характеристика не является типичной для традиционных инструкций [Безукладникова 2021; Заболотская 2014; Саттарова, Мартыненко 2019], в лайфстайл-инструкции как в формате статьи, так и в формате видео она неотъемлемый элемент ее лексико-грамматического оформления. Ср., к примеру, начало четвертого фрагмента в анализируемом видео:

¹ Канал “Teaching Mens Fashion”. URL: <https://www.youtube.com/c/Teachingmensfashion/videos> (дата обращения: 13.06.2022).

² Канал “The Style O.G.”. URL: <https://www.youtube.com/c/TheStyleOG/videos> (дата обращения: 13.06.2022).

The fourth thing that makes **you** look like a dumbass... This one ... this one makes me wanna freaking kill somebody ... is when **you** park in a handicap spot and **you**'re not fucking [«запикано», но распознаваемо. — *E. M.*] handicap...

При этом в описанном использовании второго лица обнаруживается одна примечательная особенность. Эта особенность — диссонанс между прототипической дейктической функцией таких местоимений и их фигурированием в качестве актанта процессов в описаниях общего характера, что несколько противоречит такой прототипической функции [Молодыхенко 2019с].

В примере выше автор описывает типичную ситуацию, в которой наиболее уместно было бы использование третьего лица в сочетании с неопределенной референцией, ср.: *when a person parks in a handicap spot and they are not handicap.*

Такой риторический фокус на реципиенте в НОРМ также может рассматриваться как отражение общих «интимизирующих» трендов [Там же], вроде «синтетической персонализации» Нормана Фэрклафа [Fairclough 1989], «синтетической сестринской солидарности» Мэри Талбот [Talbot 1995] и ее же «ложного фаллического братства» [Talbot 2007: 51].

Специфической жанровой особенностью реализации лайфстайл-инструкции на каналах платформы “YouTube” является интеграция в жанр инструкции **рекламного жанра**. В данном случае речь идет не о «колонизации» рекламным дискурсом дискурса лайфстайл или — шире — маркетинга публичного дискурса, обсуждавшихся ранее, поскольку это явление скорее предполагает общее «равномерное окрашивание» различных текстов в продвигающую тональность, т. е. то, чем современный лайфстайл-дискурс характеризуется по определению. В данном случае имеется в виду интеграция жанра «рекламной паузы» в текст видео, являющаяся типичной практикой на каналах данного сегмента [Молодыхенко 2021, 2022b, 2023].

Типичным способом интеграции рекламной вставки является тематическая привязка одного из микротекстов к товару или услуге, составляющей часть решения проблемы, на которой фокусируется фрагмент (или весь текст). Ср., например способ интеграции и реализации рекламной вставки в качестве одно из советов (микротекстов), посвященного проблеме ухода за кожей лица (и предлагаемому решению таковой) в структуре рассмотренного ранее видео *7 Ways to Make A Girl MISS YOU!*. Непосредственный переход к продвижению коммерческого продукта имеет следующий вид:

Once you're stylish, now it's time to get more handsome by clicking that link down below and checking out Tieg Hanley. [7 Ways to Make A Girl MISS YOU!]

В дифференциации такого интегрируемого жанра будем опираться на два базовых показателя — общую коммуникативную цель жанра и ключевую для жанра коммуникативный ход. Коммуникативная цель продвижения конкретного товара в данном фрагменте более чем прозрачна и вряд ли нуждается в обсуждении. Ключевым коммуникативным ходом будем считать то, что В. Батиа называет дифференциацией продукта [Bhatia 2005: 216], т. е. *информирование об уникальности и/или положительных качествах продукта на фоне других аналогичных продуктов*. В данном случае одним из примеров такого коммуникативного хода можно считать следующее:

...**the beautiful thing** about Tieg Hanley — we have taken all of **the guesswork** out of looking incredible.

В данном примере выделимы две пресуппозиции, реализующие обсуждаемый коммуникативный ход. Первая имеет примерно следующее содержание: «в системах ухода за мужской кожей сложно разобраться и приходится действовать „наобум“» (ср. *we have taken all of the guesswork out of*

looking incredible → *guesswork is involved in looking incredible*). Вторая — «наша система ухода является уникальной» (*the beautiful thing about Tiegé Hanley* → **there is a beautiful thing about Tiegé Hanley*).

Стоит, однако, также заметить, что помещение данной информации в пресуппозицию не является особенностью реализации коммуникативного хода на данном канале (и в лайфстайл-сегменте вообще): в других видео этот же автор озвучивает данное представление в форме полноценного утверждения [Молодыченко 2023].

Такая специфическая жанровая гибридность в рамках данной работы интересна в связи с ее потенциальной ролью в контекстуализации данного текста (и как следствие в формировании его метапрагматики). Поскольку для подобных видео интеграция рекламы является типичной, можно предположить, что коммуникативная цель рекламного фрагмента — продвижение конкретного продукта — занимает далеко не последнее место и в иерархии коммуникативных целей исходного текста (видео) как такового, что может влиять на эффект такого текста для его потенциального реципиента [Молодыченко 2021, 2022b].

4.4 Дискурсивное сообщество и метаперспектива в анализе лайфстайл-жанров и дискурса консьюмеризма

Одним из возможных подходов к определению **метапрагматики как комплексного эффекта** дискурса, слагаемого из различных видов ламинированных системностей (акциональной и репрезентативной в рамках данного исследования), является попытка реконструкции такой метапрагматики путем детального изучения таких системностей и реконструкции предположительной метапрагматики текста на его основе, что иллюстрируется представленным ранее анализом и является примером того, что можно назвать

перспективой аналитика, и того, что отражает выделенный ранее генеративный аспект «дискурса 1».

Вторым методом изучения комплексной метапрагматики является изучение метапрагматических текстов, генерируемых дискурсивными сообществами по поводу некоторого исходного текста, что сегодня является возможным и реализуемым благодаря режиму функционирования дискурсивной практики лайфстайл с опорой на современные КТ с их аффордансами (например, в виде возможности комментировать исходные тексты). Для обозначения такого способа существования (и изучения) метапрагматики используется термин «рецептивная проекция». Такой подход иллюстрирует выделенный ранее рецептивный аспект перспективы «дискурс 1».

Основным материалом для иллюстрации выдвигаемых положений и анализа послужили девять видео: одно видео, опубликованное на канале “YouTube” “Stridewise”¹, и восемь видео, опубликованных на канале “alpha m.”, а также — с целью исследования метапрагматики исходных текстов в рецептивной проекции — комментарии под видео, т. е. то, что ранее было обозначено как «коллаборативный текст». Выбор канала “Stridewise” как диапазона для поиска иллюстративного материала основан на том факте, что данный канал располагается в лайфстайл-сегменте НОРМ и, что наиболее важно, преимущественно использует не рассмотренную ранее жанровую форму «обзор» в достаточно жестко структурированном виде (т. е. анализируемый экземпляр может расцениваться как прототипический). Выбор канала “alpha m.” как диапазона был обоснован ранее (см. также: [Молодыченко 2021]).

Анализируемые видео соответствуют следующему списку:

¹ URL: <https://www.youtube.com/c/Stridewise/featured> (дата обращения: 15.06.2022).

Stridewise / Review: why Thursday's Captain boot is my favorite shoe
[REVIEW: Why Thursday's Captain Boot Is My Favorite Shoe];

alpha m. / 7 things about girls I wish I knew sooner! [7 THINGS ABOUT
GIRLS I WISH I KNEW SOONER!];

alpha m. / A day in the life of alpha m. [A Day In The Life Of Alpha M. | 24
Hours With Aaron Marino];

alpha m. / My new daily routine & diet (a day in the life of Aaron Marino) 24-
hour vlog [My NEW Daily Routine & Diet (A Day in the Life of Aaron Marino)
24 Hour Vlog];

alpha m. / I'm totally f**ked! [I'M TOTALLY F**KED!].

alpha m. / Losing My Virginity (Brutally Honest Story) [Losing My Virginity
(BRUTALLY HONEST Story)];

alpha m. / Losing Everything! [LOSING EVERYTHING!];

alpha m. / I'm Done [I'M DONE!];

alpha m. / Dealing with Coronavirus (COVID-19) [Dealing With Coronavirus
(COVID-19)].

4.4.1 Рецептивная проекция метапрагматики текстов и дифференциация лайфстайл-жанров

Задачей данного подраздела является анализ того, каким образом жанровая специфика исходных видео рефлексирована в комментариях под этими видео и какие выводы на основании этого можно сделать о функционировании используемых жанров в дискурсивном сообществе и о роли акциональности в результирующей метапрагматике текстов (см. также: [Молодыченко 2021]). В

рабочем порядке будем исходить из того, что лайфстайл-сегмент опирается на четыре ключевых жанровых модели: лайфстайл-инструкция, влог, обзор [Текутьева 2016: 109] и реклама (в разнообразии жанровых вариаций [Cook 2001]) или — иначе — продвигающий жанр (опять же в разнообразии своих вариаций [Bhatia 2005]). Под влогом в данном случае понимается не видеоблогинг как формат и явление, а специфический жанр «повседневный влог» (ср.: [Лушиков, Терских 2018: 58; Текутьева 2016: 110]).

Первым примером для рассмотрения был выбран дискурс в жанре (негибридизированного) **обзора** [REVIEW: Why Thursday's Captain Boot Is My Favorite Shoe]. Основными признаками обзора является выделение категорий описания, в том числе предопределяющих схематическую структуру текста высшего уровня, наличие вступления, погружающего в нужный хронотоп и предваряющего описание по выделенным категориям, и коммуникативного хода «рекомендация» по (не)приобретению товара или услуги. Для рассматриваемого текста категориями описания являются *First Glance; Overview; Leather; Leather Care; Sole; Fit & Sizing; Price; Why I'd Buy; Why I Would't Buy; Final Thoughts*. Вступлением в данном случае является фаза текста *First Glance* и вступительный фрагмент видео (до фазы *First Glance*), не имеющий своего названия, отдельно обозначенного в тексте видео. Коммуникативный ход «рекомендация» реализован в фазе *Why I'd Buy; Why I Would't Buy*.

К признакам обзора можно также отнести специфические коммуникативные ходы и шаги, направленные на преобразование визуальной информации в вербальную, сопоставимые с теми, что использовались в журналах мод (см. выше), и концентрированное использование лексических оценочных средств подсистемы «значимость» (*appreciation*).

Первым шагом является определение того, насколько часто коммуниканты упоминают жанровую типизацию исходного видео в текстах комментариев и в каком ко-текстовом окружении используются подобные отсылки. На момент

проведения исследования под видео содержится 610 комментариев первого уровня. Из них комментаторы оперируют МПТ в 65 случаях. Наиболее популярным метапрагматическим термином предсказуемо является *review* в форме существительного, реже — в форме глагола и в одном случае в форме агентивного существительного *reviewer* (с отсылкой к автору видео; можно считать косвенным обращением к жанровой форме). Вторым используемым термином, не обладающим, однако, таким жанровым типизирующим свойством, является *video*. Ср.:

Awesome **review**, man!

Great **review**, my good man!

Thank you for another great **review**, Nick

...you are the best boot guy **reviewer** on the internet; subbed!

Awesome, informative **videos** especially for a novice boot guy like myself!

С первого взгляда ситуация с данным жанром представляется практически тривиальной: дискурс оформлен по канонам жанра и для его именованья используется однозначный жанровый МПТ — как дискурсивным сообществом, так и исследователями (ср.: [Текутьева 2016: 109]). Однако такая, на первый взгляд очевидная, однозначность в связке «одна (более или менее) стандартизированная форма» — «один термин» — «одна коммуникативная цель» ставится под сомнение при дальнейшей работе с метапрагматическим измерением в его рецептивной проекции (см. ниже, а также: [Молодыхенко 2021]).

Приведенные комментарии акцентируют и другую особенность использования жанровых МПТ: несложно заметить, что МПТ здесь используются в ко-текстовом окружении положительной оценки. Оценка может

быть по линии значимости (*appreciation*), если оценивается сам семиотический продукт (ср.: *awesome review*; *great review*), или по линии осуждения (*judgment*), если оценивается деятельность автора с точки зрения его профессионализма (*the best boot guy reviewer*). Оценочное окружение в одном из двух таких режимов будет присутствовать в большинстве изученных случаев обращения к жанровой метапрагматике [Там же].

Вторым этапом анализа является выявление того, каким образом в метапрагматических текстах рефлексирована жанровая «неоднозначность», в частности злободневный тренд маркетизации публичного дискурса, затронутый ранее.

С продвигающими жанрами, текстами и дискурсами у лайфстайл-дискурса есть несколько точек соприкосновения [Там же]. Во-первых, исторически социальная практика лайфстайл существовала за счет и благодаря рекламе [Corrigan 1997; Machin, van Leeuwen 2007; Talbot 1995]. Сегодня такое партнерство, конечно же, продолжает быть актуальным. Во-вторых, в какой-то мере реклама и лайфстайл-дискурс выполняют одну и ту же социокультурную функцию. Одной из глобальных функций рекламы считается формирование потребителя и стимулирование потребления [Agha 2011a; Corrigan 1997: 66]; тот же функционал можно приписать и лайфстайл-дискурсу, даже если конкретные тексты ничего не рекламируют (как это было продемонстрировано при анализе специфики лайфстайл-инструкции в ее ламинации на ДК). В-третьих, в описанной ситуации было бы логичным предположить, что новый лайфстайл-дискурс (в частности НОРМ) будет в первую очередь затронут процессами упомянутой ранее маркетизации, если допустить, что современные независимые лайфстайл-медиа ведут начало от личных блогов [Miller, Shepherd 2004] и — позже — лайфстайл-блогов [Hopkins 2016].

Как показывает наблюдение за комментариями и использованием МПТ авторами видео, с точки зрения метапрагматики в лайфстайл-сегменте для

аудитории критичны минимум три контекстуальных параметра: (а) в какой степени данный жанровый экземпляр является рекламой и/или (б) в какой момент своего развертывания данный текст становится рекламой и/или (в) насколько коммерческий интерес (потенциально) доминирует в иерархии коммуникативных целей жанра и жанрового экземпляра в частности [Молодыченко 2021].

В терминах рассуждений, предложенных в данном подразделе, можно описать минимум два случая. Во-первых, весь текст в той или иной мере рефлексится скорее как экземпляр рекламного жанра, нежели одного из «легитимных» лайфстайл-жанров. Во-вторых, текст видео рефлексится как преимущественно реализуемый в одном из легитимных лайфстайл-жанров (например, как инструкция, обзор, влог или «откровенный разговор»), но при этом включает и, так сказать, «рекламную паузу» или — иначе — рекламную интеграцию. Последний случай также может стать причиной рефлексий относительно того, какую роль в иерархии коммуникативных целей (данного конкретного) текста и жанра занимает коммерческий интерес. Ожидаемо, любая возможная типизация в обозначенных координатах вряд ли будет нейтральной в плане аксиологических позиций и оценки [Там же].

Первым более или менее прозрачным примером, порождающим рефлексии бинарного свойства (связанные с коммерциализацией), будут тексты в жанре «обзор». Для обзоров, как показывает анализ, критической переменной контекста, кардинально влияющей на результирующую метапрагматику, является его потенциальная оплаченность рекламодателем. Возможно, именно такая ситуация породила две вариации МПТ, используемые как авторами, так и реципиентами. Такими вариациями являются «честный обзор» и противопоставленный ему «оплаченный обзор» [Там же].

На то, какая метапрагматика в результате будет наиболее вероятной для аудитории, влияет ряд факторов. Один из факторов — наличие или отсутствие

соответствующего МПТ в исходном тексте. В поверхностной структуре обзора (и сопутствующих модальностях) может не содержаться индексов, способных недвусмысленно направить рефлексиию в сторону формирования «честной» или «оплаченной» метапрагматики. В терминах обозначенного ранее разграничения прагматики и метапрагматики можно сказать, что в таких случаях прагматики (термин, который в данной работе используется для обозначения измерения коммуникации вообще и функции, выполняемое отдельными сегментами речевой структуры) недостаточно для того, чтобы «запустить» правильную метапрагматику (т. е. репрезентацию целостного контекстуализированного текста).

То, что́ следует считать «правильной» метапрагматикой, является вопросом, не имеющим однозначного ответа, среди прочего ввиду чрезвычайной комплексности процессов контекстуализации. В рабочем порядке будем считать, что «правильная» метапрагматика — это та репрезентация или тот эффект, которые хотел бы «видеть» при контекстуализации текста потенциальным адресатом его автор [Там же].

Для иллюстрации этих положений вернемся к тексту [REVIEW: Why Thursday's Captain Boot Is My Favorite Shoe]. В самом названии видео содержится МПТ, формулирующий жанровую принадлежность текста (*review*). Одним из вариантов объяснения такого использования как раз и является отсечение вероятности формирования неправильной метапрагматики. Данный МПТ, однако, не вполне справляется с этой задачей, поскольку, среди прочего, не уточняет, в какой из двух вариаций будет исполняться данный жанр. Такая ситуация предсказуемо порождает ряд комментариев, ставящих под вопрос честность обзора. В наиболее безапелляционном ключе нежелательная типизация данного текста предлагается в следующем комментарии:

This is definitely **a sponsored video**. I would hope someone with your knowledge **would be more transparent**

В этом же комментарии помимо типизации вновь обращает на себя внимание и (предсказуемое) наличие негативной оценки по линии осуждения (*I would hope someone with your knowledge would be more transparent*). Такой режим реализации оценки подтверждает статус типизации «реклама/оплаченный обзор» как негативно оцениваемой дискурсивным сообществом.

Указанный выше комментарий является единственным случаем, где комментатор безапелляционно относит данный обзор к рекламе. Авторы прочих комментариев, обращающихся к такой типизации, формулируют свои высказывания в форме вопроса:

Are you **sponsored** by them?

Are you **sponsored** by any of the boot companies you review?

Такие примеры подкрепляют предлагаемую метафору: жанровая принадлежность дискурса определяется в процессе контекстуализации через метапрагматический диалог между автором и его аудиторией, а также подтверждают сделанные ранее выводы о важности коллаборативного текста (совокупности микротекстов комментариев) и его критической роли в формировании метапрагматики исходных текстов (см.: [Молодыченко 2021]).

Использование собственно МПТ «реклама» (*advertisement/advertising*) выявлено только в одном случае. При этом автор комментария, опять же, не формулирует типизацию в форме прямого утверждения, а ставит ее под сомнение через сослагательное наклонение, ср.:

I would be really disappointed if this was just another one of those “paid **advertisements**”

Контекстуальным антонимом «спонсорский» является «честный» (*honest*):

...now I'm confused... I would like your **honest opinion**, like, **unbiased** due to **sponsorship** etc. ...

Какой-то вариант МПТ «честный обзор» может изначально использоваться автором обзора (часто в названии текста — первые два примера ниже) и, что интересно, может даже входить в название канала, являясь, так сказать, «мета-метапрагматикой» и своеобразным контекстуализирующим сигналом всех публикуемых на канале текстов (последний из трех примеров ниже):

The **Honest** 2020 iPad Pro Review¹

Surface Go 2 **Honest** Review — Why I almost threw it out...²

Painfully Honest Tech³

Конечно же, оплаченность или неоплаченность обзора должна менять и иерархию коммуникативных целей, ассоциируемых с жанром или жанровым экземпляром: в случае с оплаченным обзором можно было бы предположить, что ведущим мотивом с какой-то вероятностью является получение финансового вознаграждения, а не искренняя интенция информирования и инструктирования аудитории (см.: [Там же]).

Рассмотрение подобных кейсов также может пролить свет на то, что на уровне прагматики может гипотетически являться сегментами, в совокупности порождающими ту или иную метапрагматическую модель. Думается, что в тексте [REVIEW: Why Thursday's Captain Boot Is My Favorite Shoe] метапрагматика «оплаченный обзор» может в частности быть сгенерирована

¹ Видео на канале “Max Tech”. URL: <https://youtu.be/26aOHGI0Te8> (дата обращения: 15.06.2022).

² Видео на канале “Max Tech”. URL: <https://youtu.be/h4a1ucNz1AU> (дата обращения: 15.06.2022).

³ Название канала — Painfully Honest Tech. URL: <https://www.youtube.com/c/PAINFULLYHONESTTECH/featured> (дата обращения: 27.07.2022).

большим количеством эксплицитных и имплицитных маркеров положительной оценки, что, как известно, является одним из признаков истинных продвигающих жанров и дискурсов. Ср. формулировки, содержащиеся в исходном тексте видео:

The leather itself is Thursday Chrome, which is **really handsome** (+; интенсификация)

...it's **simple**, it's **understated**, but I really think it **does work well in the shoes' favor** (+; интенсификация)

...Goodyear welts are **really widely seen as a great mark of quality** with boots (+; интенсификация)

My **favorite thing** about these boots, though, I gotta say, there were **no quality control issues** (+)

...I think the way these have put up with the damage is **really very impressive** (+; интенсификация)

The leather is **really very good quality** (+; интенсификация)

Такая насыщенность текста обзора маркерами положительной («+») оценки в комбинации с частой интенсификацией может быть одной из речевых (под)системностей, потенциально приводящих к интерпретации целостного текста как примера оплаченного обзора (см.: [Молодыченко 2021]).

Эти же элементы поверхностной структуры могут, конечно же, указывать и на то, что автору искренне нравится данный продукт. Ср. в этой связи ответ автора на один из вопросов (*Are you sponsored by any of the boot companies you review?*), ставящих под сомнение его искренность и жанровую принадлежность текста:

Nah. I make lots of positive reviews and lots of negative reviews. **I just really value** versatility and cost, and these guys are **a slam dunk, imo**

В качестве альтернативной интерпретации результирующего из такой концентрации маркеров положительной оценки реципиенту «предлагается» сформировать эффект в виде паттерна «автору действительно нравится продукт» (*I just really value*) и «продукт является удачным» (*a slam dunk* — разговорное выражение, обозначающее что-то оцениваемое как удачное исполнение и т. п.).

Второй вариант движения жанра в сторону коммерциализации — интеграция спонсорского фрагмента в видео, условно не являющееся рекламой и условно же произведенное с иными целями: инструктирующими, обучающими, образовательными, развлекательными, культурно-посредническими и прочими, которые потенциально можно приписать дискурсам лайфстайл-сегмента НОРМ новых онлайн-медиа. Данный способ производства дискурсов является ведущим на канале “alpha m.” и других каналах, работающих в том же формате и активно использующих жанровую модель «лайфстайл-инструкция» (см.: [Молодыченко 2019а, 2019с, 2020, 2021]).

Если инструкция комбинируется с рекламой, то чаще всего один из микротекстов является рекламной вставкой, как это и происходит с видео [7 THINGS ABOUT GIRLS I WISH I KNEW SOONER!]. Видео [A Day In The Life Of Alpha M. | 24 Hours With Aaron Marino] и [My NEW Daily Routine & Diet (A Day in the Life of Aaron Marino) 24 Hour Vlog] апеллируют к модели «влог»; видео [I’M TOTALLY F**KED!] — к модели «откровенный разговор» (с элементами инструкции).

В таких видео также имеются рекламные вставки, однако они не обязательно будут оформлены как один из советов/микротекстов (поскольку сама жанровая форма может не предполагать такой разбивки, как это, в частности, происходит в случае с влогом). Например, в видео [A Day In The Life Of Alpha M. | 24 Hours With Aaron Marino] рекламируемый продукт используется и описывается (фактически в режиме обзора) в течение всего видео — автор показывает, как данный продукт встраивается в его ежедневный распорядок.

Аналогичным образом интеграция выполнена и в видео [My NEW Daily Routine & Diet (A Day in the Life of Aaron Marino) 24 Hour Vlog].

Одной из особенностей оформления таких рекламных вставок является то, что они чаще всего метапрагматически отмечены как спонсорский контент. Типичным примером здесь является следующий переход к рекламной вставке в видео [I'M TOTALLY F**KED!]:

...and **that is one of the reasons** why I love today's video sponsor Skillshare...

Инвариантным лексико-грамматическим шаблоном такого перехода можно считать использование дейктического местоимения (*that, this*) для отсылки к сформулированным ранее семантическим паттернам в лексико-грамматической конструкции с идентификационным процессом (глагол *to be*) для идентификации такого шаблона с причиной или необходимостью использования продвигаемого продукта или практики.

Данный переход также дополнительно маркируется текстом *video sponsor* в углу экрана и демонстрацией логотипа *Skillshare*. В видео [7 THINGS ABOUT GIRLS I WISH I KNEW SOONER!], напротив, реклама не имеет метапрагматической маркировки (одной из причин может быть переменная контекста, не имеющая прямого отношения к жанровым особенностям, — то, что данный продукт производится компанией, владельцем которой является автор видео, и, по всей видимости, не требует специальной маркировки, как это происходит в случае с внешним спонсором), но тем не менее определяется аудиторией как таковая (см. комментарии ниже).

Комментарии, рефлексирующие использование рекламы в подобных видео, часто характеризуются общим негативным оценочным зарядом и/или иронической тональностью. Ср. разные степени негативности в следующих комментариях:

Damn, bro! This guy is always advertising something... Can't watch this channel anymore (резко негативная оценка) — комментарий к видео [7 THINGS ABOUT GIRLS I WISH I KNEW SOONER!]

Leave it to alpha to make a 4-minute advertisement in a 13-minute video (негативная оценка/негативно-ироническое отношение) — комментарий к видео [A Day In The Life Of Alpha M. | 24 Hours With Aaron Marino]

Spends a quarter of the video talking about an ad. This really is a daily routine (негативная оценка/негативно-ироническое отношение) — комментарий к видео [My NEW Daily Routine & Diet (A Day in the Life of Aaron Marino) 24 Hour Vlog]

I actually laughed out loud when he brought out the Athletic Greens at the end of the video. Genius advertising (ироническое отношение; одним из контекстуализирующих сигналов является использование смеющегося эмодзи, уточняющего метапрагматику высказывания) — комментарий к видео [My NEW Daily Routine & Diet (A Day in the Life of Aaron Marino) 24 Hour Vlog]

Right when I thought this was a video without a sponsor. Nope, lol (ироническое отношение; одним из контекстуализирующих сигналов является использование смеющегося эмодзи) — комментарий к видео [I'M TOTALLY F**KED!]

Анализ комментариев также показывает, что метапрагматика одного и того же текста может быть кардинально различной для разных коммуникантов. Для большей части дискурсивного сообщества, по всей видимости, рекламная интеграция не является значимым фактором при формировании метапрагматики: в преобладающем большинстве комментариев «то, что делает» автор, и «то, что происходит» в данном коммуникативном эпизоде, не рефлексировается в терминах

рекламной/продвигающей типизации. Интересно также отметить и то, что бóльшая часть оценки прагматики коммуникативного события осуществляется в гиперболизированно положительном оценочном ключе (*I ended up crying in the end; you're incredible* в примерах ниже). Какая-то часть аудитории рассматривает рекламную вставку как инородный элемент (так сказать, «необходимое зло»), но при этом все же наделяет видео ценностью (*Good vid, though, still* ниже). Естественно, какая-то часть аудитории также считает такую гибридизацию неприемлемой и нивелирующей ценность всего видео (*I really thought he cared* ниже, а также *Can't watch this channel anymore* и *Spends a quarter of the video talking about an ad* в примерах выше).

Особой формой взаимодействия с такими гибридами также является указание в комментариях таймкодов для «перепрыгивания» рекламной вставки (*Ad ends at 5:54; 5:51* ниже). То, что данная стратегия является типичной, иллюстрируется следующим примером: *You know you're early when you don't find the ad-skip guy.* (Суть высказывания в том, что под каждым таким гибридизированным видео по крайней мере один пользователь, как правило, указывает таймкоды для «перепрыгивания» (*skip*) рекламной вставки.)

Ср. следующие примеры:

I ended up crying in the end. Thank you, alpha! This was something I really needed — комментарий к видео [I'M TOTALLY F**KED!]

Alpha, you're incredible, and I needed clarity. This video inspired me. Thank you! — комментарий к видео [I'M TOTALLY F**KED!]

Still going hard with the sponsors. I see. Good vid, though, still — комментарий к видео [I'M TOTALLY F**KED!]

Ad ends at 5:54. You're welcome — комментарий к видео [7 THINGS ABOUT GIRLS I WISH I KNEW SOONER!]

5:51. Thank me with a blue button — комментарий к видео [7 THINGS ABOUT GIRLS I WISH I KNEW SOONER!]

I really thought he cared until his sponsors [sponsor's. — *E. M.*] name popped up — комментарий к видео [I'M TOTALLY F**KED!]

Часть подобных комментариев можно рассмотреть и как ставящие под вопрос иерархию коммуникативных целей данного видео и жанра в целом: одним из паттернов комментариев является предположение, что автор создает видео и/или формулирует тексты таким образом, чтобы наиболее эффективно интегрировать в него рекламный элемент:

It's amazing how he is able to **make a whole video to relate the video's sponsor** — комментарий к видео [I'M TOTALLY F**KED!]

Remember the old days, when **Aaron's videos weren't 50% commercials** for sponsors? — комментарий к видео [I'M TOTALLY F**KED!]

6–8 mins videos and **2–3 mins of sponsorship. It's like watching TV** on YouTube — комментарий к видео [7 THINGS ABOUT GIRLS I WISH I KNEW SOONER!]

В качестве еще одного специфического режима рефлексии можно выделить высказывания на тему «изящности/неизящности» перехода к рекламной интеграции (*I sensed the ad coming our way; when the ads are coming up; smelled that EDP fragrance coming*) от основного содержания видео. Такую рефлекссию можно рассмотреть как направленную на один из коммуникативных ходов, стандартных для данного гибридизированного жанра [Молодыченко 2019а, 2019с, 2021]. Ср. следующие примеры:

When he said dress good, **I sensed the ad coming our way**. Well put though. I'll give you a like for that — комментарий к видео [7 THINGS ABOUT GIRLS I WISH I KNEW SOONER!]

I've developed a sixth sense from **when the ads are coming up...** — комментарий к видео [7 THINGS ABOUT GIRLS I WISH I KNEW SOONER!]

I smelled that EDP fragrance coming (поскольку в данном случае рекламная интеграция была посвящена парфюмерной воде (EDP — eau de parfum), комментарий следует интерпретировать, скорее всего, как метафору: «почувствовал, что сейчас будет реклама парфюмерной воды») — комментарий к видео [7 THINGS ABOUT GIRLS I WISH I KNEW SOONER!]

I always wait for the product you represent in every video. Because you always relate every product with your dialogues so perfectly — комментарий к видео [7 THINGS ABOUT GIRLS I WISH I KNEW SOONER!]

Интересно еще раз отметить, что рефлексии данного коммуникативного хода в приведенных примерах по большей части формулируются в тоне положительной оценки (ср.: *well put though; give you a like for that; always relate every product with your dialogs so perfectly*) [Молодыченко 2021].

4.4.2 *Рецептивная проекция метапрагматики текста как «холистической» репрезентации*

В соответствии с выдвигаемыми в работе положениями метапрагматика текста рассматривается как возникающая в конкретных —

контекстуализированных — текстах для конкретных участников коммуникативных событий, в которые такие тексты вмонтированы.

Как также было отмечено ранее, язык вряд ли располагает запасом метапрагматических средств (вроде названий жанров и названий РА), способных (метапрагматически) отразить все тонкости прагматики разворачивающихся коммуникативных событий. Следует также вновь подчеркнуть и то, что (а) никакой МПТ не способен без остатка «схватить» комплексную прагматику текста и коммуникативного события, к которому он отсылает, и то, что (б) наличие и отсутствие метапрагматического термина (как в самом тексте, так и в ротации в языковом коллективе вообще) не должно кардинально влиять на формирование метапрагматики конкретного текста. Как будет показано далее в анализе, (не)доступность коммуникантам однозначного (жанрового) МПТ для отсылки к внешнему («исходному») тексту вряд ли способна сильно повлиять на формирование метапрагматики данного текста и на формулировку метапрагматических актов, отсылающих к нему.

Одним из основных факторов, могущих обусловить бóльшую (по сравнению с ситуацией, скажем, 10–15 лет назад) «заметность» метапрагматических актов и более активную циркуляцию метапрагматических знаний в случае с современными онлайн-жанрами, является возможность существования того, что ранее было названо коллаборативным текстом.

Анализ коллаборативных текстов (в частности представленный ранее) показывает, что режимы, в которых пользователи взаимодействуют с исходным текстом, могут быть различными. Помимо собственно коллаборативного режима, когда авторы комментариев дополняют и исправляют содержательную составляющую исходного текста, достаточно частым является и, так сказать, метапрагматический режим — выражение жанровой рефлексии и/или формулирование прочих метапрагматических актов.

Для верификации намеченного ранее «жанрового пейзажа» (инструкция, влог, обзор, откровенный разговор, реклама) данного вида НОРМ был проведен анализ жанровой принадлежности последних 100 видео (на момент проведения исследования), опубликованных на канале “alpha m.”. В соответствии с ожиданиями бóльшая часть текстов апеллирует к жанровой модели лайфстайл-инструкции (87 из 100 видео). Четыре видео можно отнести к жанру, который предлагается обозначить как «откровенный разговор», три видео апеллируют к жанровой модели «влог», два видео к модели «соревновательная закупка» (shopping challenge), одно видео к модели «тур по дому» (home tour), одно видео к модели «формирование нового имиджа» (makeover) [Молодыченко 2022b].

Как видно из «контрольного среза», жанры «обзор» и «реклама» не представлены в диапазоне. Данный факт объясняется тем, что эти две жанровые модели на каналах подобного формата не реализуются в чистом виде, но присутствуют во многих текстах как элементы гибридизации. Элементы обзора можно обнаружить, к примеру, в том случае, когда микротексты в составе лайфстайл-инструкции (см. выше) посвящены обсуждению конкретных (групп) товаров; рекламный жанр представлен в «рекламных вставках», обнаруживаемых практически во всех видео на популярных каналах рассматриваемого типа, как было отмечено ранее (см. также: [Там же]).

Последнее видео на канале, апеллирующее к модели «лайфстайл-инструкция», на момент контрольного среза — видео [7 THINGS ABOUT GIRLS I WISH I KNEW SOONER!]. Несмотря на наличие такой стандартизированной жанровой формы, в реальном дискурсивном сообществе не используется специфицированный метапрагматический термин для ее именованья: в найденных примерах комментаторы оперируют неспецифическими терминами *advice* или *tips* (подчеркивающими интерпретацию таких текстов скорее как адвисивов, нежели инструкций). Также анализ комментариев показывает, что использование жанровых МПТ и акцентированное обращение к жанровой

метапрагматике для данного жанра — явление не самое частое. Так, из первых 200 комментариев под данным видео (из 1318 имеющихся под видео на момент «контрольного среза») первое использование МПТ встретилось только в комментарии номер 92 (*I appreciate **all the advice*** — см. ниже) по порядку (при использовании стандартного метода сортировки комментариев по популярности). В последующих 108 комментариях (здесь и далее комментарии приводятся с незначительно откорректированной орфографией, пунктуацией и форматированием) апелляция к метапрагматике встретилась шесть раз с использованием названных выше терминов: *advice* используется для отсылки ко всем видео на канале в форме «лайфстайл-инструкции» (*I appreciate **all the advice**; valuable advice*); *tips* — для отсылки к конкретным микротекстам в составе исходного текста (*life tips; the “cute but sassy” tip*). Ср.:

Uncle Alpha I appreciate **all the advice**; I wish you were around when I was a teenager <...>

Absolutely love these life **tips**!

Call me weak, but the “cute but sassy” **tip** didn’t sit too well with me

By the way, you are doing a terrific job giving valuable **advice** to young (and sometimes older) guys!!!

Далее обратимся к рассмотрению жанровой формы, не вполне типичной для конкретного отдельно взятого канала. В такой ситуации было бы логичным предположить, что нетипичность будет рефлексироваться в коллаборативном тексте. Как показывает анализ комментариев под видео в жанре «влог», это действительно так (см. также: [Молодыхенко 2022b]). Например, один из комментариев для видео [A Day In The Life Of Alpha M. | 24 Hours With Aaron Marino] имеет следующее содержание:

You would be a great **daily vlogger**

Данный комментарий на момент контрольного среза располагается 50-м по счету (из 3373 при режиме сортировки по популярности) и имеет 1,5 тысячи лайков, что может являться одним из показателей популярности подобных семантических паттернов (*You = a great daily vlogger*) в дискурсивном сообществе.

Рассмотрение данного комментария также позволяет сформулировать ряд наблюдений. Во-первых, комментатор использует вполне однозначный и не вызывающий сомнения МПТ. Во-вторых, комментатор отмечает нетипичность данного жанра для канала (ср. использование сослагательного наклонения в *you would be*). В-третьих, комментарий не нейтрален в плане оценки: эксплицитные оценочные средства (*great*) реализуют положительную («+») оценку по линии осуждения. Как продемонстрируют приводимые далее примеры, наличие оценки в ко-текстовом окружении МПТ является частым явлением (см. также: [Молодыченко 2022b]).

Так, указанный комментарий порождает цепочку комментариев второго уровня (для видео [A Day In The Life Of Alpha M. | 24 Hours With Aaron Marino]), в которых метапрагматические акты также формулируются в оценочном фрейме, ср.:

Would you like to **see the same things every video**? (значимость; –)

This **vlogging** is **the stupidest idea** homo sapiens invented (значимость; –)

Omg, I agree with you – **he would be amazing** (значимость; +)

Как видно из примеров, не все комментаторы однозначно положительно (+) оценивают жанр «влог» (ср. *vlogging is the stupidest idea* — явная оценка со знаком «–»). Также комментарии фиксируют рефлексии относительно специфики самой жанровой модели «влог»; ср.: *see the same things every video*, т. е. одна из

жанровых особенностей влога, по мнению представителя дискурсивного сообщества, — показывать «одно и то же в каждом видео».

Жанровая рефлексия обнаруживается не только в коллаборативном тексте: авторы исходных текстов также используют МПТ для типизации своих видео. Последнее на момент проведения исследования видео в жанре «влог», размещенное на канале (видео [My NEW Daily Routine & Diet (A Day in the Life of Aaron Marino) 24 Hour Vlog]), содержит соответствующий МПТ в самом названии; ср.: *My NEW Daily Routine & Diet (A Day in the Life of Aaron Marino) 24 Hour Vlog*. Метапрагматический комментарий, однако без использования специфического МПТ, есть и в самом тексте видео:

<...> this is gonna be a **day-in-the-life type** of video <...> [My NEW Daily Routine & Diet (A Day in the Life of Aaron Marino) 24 Hour Vlog]

Данное видео так же, как и ранее, сопровождается обсуждением жанровой метапрагматики в комбинации с оценкой. Ср. следующие комментарии:

This video was **clever**, especially when you showed those moments of you filming other videos and editing them. **Amazing vlog**, we **definitely need more of these** (значимость; +) — комментарий к видео [My NEW Daily Routine & Diet (A Day in the Life of Aaron Marino) 24 Hour Vlog]

I **really like** these kinds of **vlogs**. They show the life of an entrepreneur and a working man. The diet consistency is **something I wish I could do** but make it vegetarian, **lol** (аффект; значимость; +) — комментарий к видео [My NEW Daily Routine & Diet (A Day in the Life of Aaron Marino) 24 Hour Vlog]

Еще одной возможной причиной появления жанровой рефлексии в коллаборативном тексте может быть отклонение от жанрового прототипа и/или специфический способ жанровой гибридизации [Молодыхенко 2022b]. Так, например, гибридизация «лайфстайл-инструкции» (*an advice/list style*; ср. с

анализом примеров для видео [7 THINGS ABOUT GIRLS I WISH I KNEW SOONER!]) и «влога» рефлексивруется следующим образом:

What I really love about these videos is **the unique style**. You have **a vlog style**, while also having **an advice/list style** video. <...> This is pretty unique as far as I've seen, and I really appreciate your approach¹.

Как и ранее, комментарий включает метапрагматическую отсылку в связке с оценкой: *I really love* (аффект; +); *unique style* (значимость; +); *I really appreciate your approach* (значимость/осуждение; +).

Приведенные примеры хотя и акцентируют нетипичность жанровой формы для конкретного источника, тем не менее, оперируют более-менее стандартными жанровыми МПТ — *vlog, advice, tips*. Особый интерес с точки зрения жанровой рефлексии, однако, представляют жанры, нетипичные для источника и (предположительно) не имеющие на данный момент закрепившейся модели и/или жанрового МПТ. К такому случаю следует отнести коллаборативные тексты, апеллирующие к жанру, который был обозначен как «откровенный разговор». Как показывают цифры, приведенные ранее, данный жанр не является типичным для канала (не является он типичным и для других каналов, работающих в этом же сегменте) [Молодыхенко 2022b]. Сам автор предваряет одно из таких видео типизацией следующего содержания:

Today's video **falls under the category** of “**why the hell am I telling you this?**” [Losing My Virginity (BRUTALLY HONEST Story)]

Подобная метапрагматическая неопределенность (ср.: **falls under the category** of “**why the hell am I telling you this?**” — «видео из серии „какого черта

¹ Комментарий к видео на лайфстайл-канале “HowToBeast”. URL <https://www.youtube.com/user/how2beast> (дата обращения: 28.07.2022).

я вам это рассказываю?“») наблюдается и в дискурсивном сообществе: в комментариях не было обнаружено ни одного сколько-либо стандартизированного термина для данного жанра. В тех случаях, когда «типизирующая» отсылка необходима (например, с целью реализации оценочного акта), используется слово «видео», которое можно отнести к МПТ чисто условно [Молодыхенко 2022b]. Это все, однако, *не означает, что комментарии свободны от типизирующей рефлексии*: ср. следующие примеры:

I love these videos. Sometimes we need to have these **conversations!** — комментарий к видео [Losing My Virginity (BRUTALLY HONEST Story)]

Love the **story time**, alpha! — комментарий к видео [Losing My Virginity (BRUTALLY HONEST Story)]

The fact that he **speaks out about his life** has my full respect — комментарий к видео [Losing My Virginity (BRUTALLY HONEST Story)]

Aaron, you should do more of these **personal talks** — комментарий к видео [LOSING EVERYTHING!]

What do I need? I need more jokes or a **story time** from Alpha M. — комментарий к видео [LOSING EVERYTHING!]

This sounds like an overheard **phone conversation** on the subway — комментарий к видео [I’M DONE!]

Loved this **lesson** my friend. Thank you — комментарий к видео [I’M DONE!]

Thank you for being open and **sharing your story** — комментарий к видео [I’M DONE!]

Thanks for **reaching out**. I was relieved to see your video today — комментарий к видео [I’M DONE!]

Как видно из примеров, используемые МПТ (предположительно) подчеркивают типологическую близость жанра с бытовым разговором (*personal talks, phone conversation, these conversations*), автобиографическим нарративом (*story time, sharing your story, speaks out about his life*), советом (*this lesson*) и откровением (*reaching out; speaks out*).

Эти же примеры иллюстрируют и еще два положения, обозначенные ранее. Во-первых, они заостряют внимание на том, что жанровая рефлексия является разновидностью метапрагматического акта и рефлексии вообще, а жанровые МПТ используются дискурсивным сообществом точно так же, как и иные МПТ, которые исследователи-жанроведы вряд ли отнесли бы к жанровым (ср.: *reaching out; speaks about his life*). Во-вторых, они подчеркивают то, что жанровая типизация является лишь одним из вариантов (мета)прагматической интерпретации того, что (а) делает автор и/или того, что (б) происходит в межличностном измерении данного коммуникативного события (см. также: [Молодыченко 2022b]).

Так, в комментариях к этим же видео можно обнаружить множество других рефлексий, которые можно отнести к метапрагматическим, но не обязательно к жанровым. Типичным семантическим паттерном таких рефлексий является то, что автор в данном коммуникативном эпизоде предстает как честный, открытый, искренний, прямолинейный, выражает неподдельные эмоции, не боится показаться уязвимым, показывает свою духовную сторону:

This is my favorite video you've ever made; I really dig **the honesty** (честность) — комментарий к видео [Losing My Virginity (BRUTALLY HONEST Story)]

Dude, you're a **straight up** dude. Keep up this **genuine stuff**, man (честность; прямолинейность; неподдельность) — комментарий к видео [Losing My Virginity (BRUTALLY HONEST Story)]

... it was nice hearing you **open up** (откровенность) — комментарий к видео [Losing My Virginity (BRUTALLY HONEST Story)]

I've got to say these are my favorite videos you do, when it's just you **being yourself, being honest**. Sure, the ones where you are being "Alpha" teaching us to hit on girls or whatnot are entreating; these are the ones that are **truly Alpha** (неподдельность; честность) — комментарий к видео [LOSING EVERYTHING!]

Appreciate your **realness** with this all, man (честность) — комментарий к видео [LOSING EVERYTHING!]

Love that this is **so real** man. Stay positive (честность) — комментарий к видео [LOSING EVERYTHING!]

The guy can **share** his difficult emotions **openly** — an example of a true alpha (откровенность) — комментарий к видео [I'M DONE!]

... this **guy stands on his word**. He is not the guy who acts on camera, **he is who he is** (неподдельность; искренность) — комментарий к видео [I'M DONE!]

Wow, for the first time I feel like **he's being genuine** (неподдельность) [I'M DONE!]

This level of **authenticity** is so hard to come by. We appreciate you **being real** with us bro ... (неподдельность; честность) — комментарий к видео [I'M DONE!]

I love these videos; they are so **honest and raw** (честность; прямолинейность) — комментарий к видео [I'M DONE!]

I love the **spiritual side** he brings out very smoothly (духовность) — комментарий к видео [Dealing With Coronavirus (COVID-19)]

Какая-то часть комментаторов отмечает адвисивную составляющую данных видео, что предсказуемо, учитывая общую инструктивную направленность канала:

Preach it, brother (наставление) — комментарий к видео [I'M DONE!]

I loved **this lesson**, my friend (урок) — комментарий к видео [I'M DONE!]

This video and **advice** came at a great time in my life (совет) — комментарий к видео [I'M DONE!]

Amazing **tips and support!** (совет; поддержка) — комментарий к видео [Dealing With Coronavirus (COVID-19)]

Great **motivation** (мотивация) — комментарий к видео [Dealing With Coronavirus (COVID-19) 2020]

What **wonderful advice** ... (совет) — комментарий к видео [Dealing With Coronavirus (COVID-19) 2020]

При этом следует заметить, что само видео не обладает стандартными для лайфстайл-инструкции характеристиками, намеченными выше, и не является экземпляром данного жанра пусть даже с разумно допустимыми вариациями [Молодыченко 2022b].

Отдельно следует отметить рефлексии, одновременно подчеркивающие (а) мультимодальную природу жанра и, соответственно, (б) метасемиотический статус МПТ. Под всеми четырьмя видео («откровенный разговор») можно найти комментарии с одним и тем же паттерном: «Если автор сидит на фоне кирпичной стены, значит разговор будет серьезным». Иными словами, отнесенность данного

видео к рассматриваемому жанру (даже при отсутствии однозначного МПТ) индексируется определенным параметром физического контекста:

He's sitting in front of **the wall**, so it's **serious** — комментарий к видео [LOSING EVERYTHING!]

The **brick wall**... This is about to be **serious** — комментарий к видео [LOSING EVERYTHING!]

You know the topic is **important** if he's sitting in front of the **brick wall** — комментарий к видео [Dealing With Coronavirus (COVID-19)]

Аналогично может рефлексироваться и отсутствие типичных жанровых элементов — «интро» (стандартной заставки, используемой практически в каждом видео на канале) и рекламной интеграции, отсутствующей в трех из четырех данных видео:

You know it's **serious** when there is **no intro** (нет заставки) — комментарий к видео [Dealing With Coronavirus (COVID-19)]

You know it's **serious** when he **didn't try to sell us anything!!!** (нет рекламной интеграции) — комментарий к видео [Dealing With Coronavirus (COVID-19)]

Выводы к Главе 4

Рассмотрение типичного текста в одном из лайфстайл-жанров (или их комбинации) как части дискурсивной практики лайфстайл и — шире — социальной практики лайфстайл требует учета ряда составляющих данной практики, а также ее истории, имеющих непосредственное отношение к

наблюдаемым особенностям создания и использования текстов в составе данной дискурсивной практики.

Первым ключевым вектором рассмотрения практики лайфстайл является рассмотрение самого явления «лайфстайл» — стиля жизни как специфической социокультурной формы. Под стилем жизни понимается более или менее упорядоченный набор предметов и объектов, находящихся во владении индивида, и практик, им реализуемых, при рассмотрении этих объектов и практик через призму их способности более или менее целенаправленно и конгруэнтно проецировать некоторую форму идентичности.

Возросшая потребность в стилизации собственной идентичности, с одной стороны, и пролиферация продуктов, услуг и коммодифицированных практик (как в связи с их способностью проецировать формы идентичности, так и независимо от таковой), с другой, формируют социальный заказ на дискурсивные практики и тексты, решающие следующие задачи. Во-первых, сугубо инструктирующую задачу, вытекающую из пролиферации коммерческих продуктов и услуг. Во-вторых, конструктивную или — иначе — конструирующую в плане (а) формулирования и переформулирования смыслов объектов-знаков и (б) в плане формулирования и переформулирования более или менее целостных и конгруэнтных «набросков» определенных стилей жизни. Материализация такой конструирующей функции в дискурсе анализируется в настоящей работе в терминах метасемиотических проектов, под которыми понимается дискурсивный процесс конструирования смыслов объектов и практик и одновременная их типизация как воплощения некоторого стиля жизни и/или иной социальной типизации.

В соответствии с подходом, обозначенным термином «дискурс 1», типичный текст в одном из лайфстайл-жанров в контексте типичной коммуникативной ситуации, которую он оформляет, и контексте лайфстайл-практики вообще рассматривается как во многом детерминированный

коммуникативной технологией (например, платформой “YouTube”), обусловившей возможность реализации такой коммуникативной ситуации. Рассмотрение роли коммуникативной технологии и ее роли в функционировании лайфстайл-текстов акцентирует статус текста (а) как компонента сложного семиотического факта, состоящего из такого текста и иных релевантных модальностей, участвующих в реализации коммуникативного события, (б) как явления, вплетенного в процессы взаимодействия с ним коммуникантов, что, в свою очередь, (в) позволяет интерпретировать границы таких лайфстайл-текстов как подвижные и (г) постулировать существование потенциально сложных и не всегда предсказуемых эффектов или — иначе — метапрагматики таких текстов.

Роль текста как компонента сложного семиотического факта акцентируется в частности тем, что речевая структура поддается лишь искусственному изолированию в общем потоке визуальной и аудиальной информации, из которой состоит видео (как основной формат на платформе “YouTube”), которая, безусловно, должна рассматриваться как один из элементов комплексного эффекта таких текстов. Изучение роли таких сопутствующих модальностей методами текстоориентированного дискурс-аналитического исследования, однако, представляется проблематичным.

Другим значимым компонентом коммуникативных событий, в которых реализуются лайфстайл-тексты и который также предопределен спецификой коммуникативной технологии, являются комментарии пользователей платформы, генерируемые в ответ на исходный текст. Анализ комментариев показывает, что данная форма взаимодействия является важным компонентом типичного коммуникативного события в составе практики лайфстайл. Такие (микро)тексты в виде комментариев могут, с одной стороны, рассматриваться как часть смонтированного в коммуникативную ситуацию текста и, с другой, — как также участвующие в формировании комплексного эффекта такого текста для потенциального реципиента, поскольку, среди прочего, могут дополнять,

вступать в конфликт или являться дополнительным или альтернативным фреймом интерпретации исходного текста.

Ключевыми — «ядерными» — жанрами исследуемого типа дискурсивной практики позиционируются лайфстайл-инструкция, обзор и реклама (в виде «рекламной паузы» или — иначе — «рекламной интеграции»), а также различные гибриды трех данных моделей.

Лайфстайл-инструкция в ее прототипическом варианте реализуется в форме типичных текстов, ламинирующих реализацию такой специфической инструктирующей жанровой формы и специфический дискурс-репрезентацию — дискурс консьюмеризма. Одной из наиболее характерных черт акционального оформления текстов в данном жанре является «наставнический тон» автора текста. Это выражается, во-первых, в постоянном обращении к адресату во втором лице и в использовании императивных форм. Две данные лексико-грамматические особенности также рассматриваются как характерный для акциональности таких текстов риторический фокус на адресате. Во-вторых, этот же тон выражается и в общей безапелляционной ориентации текста: большая часть суждений и оценок реализуется через категоричные утверждения и/или оформляется в виде пресуппозиции, предсказуемо актуализирующих различные семантические паттерны, связываемые с дискурсом консьюмеризма. При этом количество случаев текстовой актуализации автора как субъекта рекомендаций, суждений и оценок, а также количество случаев модального «смягчения» диктумной части высказываний минимально.

Вторым релевантным жанром дискурсивной практики лайфстайл является жанр «обзор». Основными признаками обзора следует считать выделение категорий описания, в том числе предопределяющих схематическую структуру текста, наличие вступления, актуализирующего нужный хронотоп, в котором приобретение или использование соответствующего товара или услуги является ожидаемым социальным действием, и предваряющего описание по выделенным

категориям, и коммуникативного хода «рекомендация» по (не)приобретению товара/услуги. Одной из ключевых особенностей жанра «обзор» следует считать общую насыщенность языковыми средствами выражения оценки.

Анализ метапрагматических компонентов текстов комментариев является способом экспликации так называемой рецептивной проекции метапрагматики текстов, т. е. реально выраженных метапрагматических актов участников коммуникативных событий, сформулированных как реакция на исходные лайфстайл-тексты. В соответствии с формулируемой в данной работе моделью основным компонентом акционального аспекта существования текстов и — шире — их прагматики является реализация текстом некоторой жанровой формы. Проведенный анализ комментариев и метапрагматических актов, сформулированных в них, демонстрирует, что члены дискурсивных сообществ рутинно формулируют различные рефлексии, связанные с жанровой принадлежностью дискурсов и спецификой функционирования жанров вообще. Такие формулировки, однако, составляют лишь часть массива смыслов, имеющих отношение к метапрагматике, что вновь иллюстрирует тезис о том, что метапрагматика является комплексным явлением, интегрирующим смыслы, генерируемые в результате развертывания текста как в семантическом, так и прагматическом режиме.

В частности, анализ демонстрирует то, что собственно жанровая метапрагматика в ее рефлексиирующем аспекте переплетается с «околожанровой» и «нежанровой»: часто можно наблюдать ситуацию, когда в дополнение к или совместно с жанровыми метапрагматическими терминами (МПТ) дискурсивное сообщество в аналогичном режиме оперирует и МПТ, которые вряд ли могли бы претендовать на звание жанровых, но в употреблении которых, тем не менее, можно усматривать рефлексии акциональной стороны развертывания текста. Как жанровые, так и «околожанровые» термины также переплетаются в пределах метапрагматических актов с «нежанровыми», значительная часть которых

рефлексирует то, кем автор «предстает» в этом коммуникативном событии. Такой аспект развертывания текста можно было бы назвать (по аналогии с репрезентативным и акциональным) идентичностным. Как и в случае с ролью иных модальностей, изучение специфики реализации такого аспекта в развертывании текста и его вклада в общую метапрагматику текста дискурс-аналитическими методами представляется затруднительным.

Анализ метапрагматических актов, реализуемых в комментариях, позволяет сделать ряд выводов, релевантных для исследования собственно жанров и жанровых моделей, функционирующих в рамках дискурсивной практики лайфстайл.

Во-первых, сформулированные дискурсивным сообществом представления о метапрагматике текстов могут быть ключом к пониманию явления жанровой гибридности. Так, чтобы понять, что во время развертывания некоторого текста один жанр «перешел» в другой, как в случае с рекламной интеграцией, могут понадобиться специальные метапрагматические маркеры. Примером таковых в приводимом анализе является эксплицитное указание автором текста на то, что данный фрагмент является рекламным. Без подобных маркеров поверхностная структура может однозначно не сигнализировать о таком переходе.

Во-вторых, в случае с рекламными интеграциями «итоговая» типизация жанра лайфстайл-инструкции не является однозначной: часть дискурсивного сообщества видит интеграцию как делегитимизирующую весь жанр, другая часть рассматривает интеграцию как инородный элемент, не меняющий, однако, иерархию коммуникативных целей жанра и не уменьшающий его ценность. Данное наблюдение оставляет открытым вопрос о том, следует ли считать подобные жанры новыми самостоятельными жанрами, в которых рекламная интеграция уже является ключевым жанрообразующим элементом.

Анализ жанра «обзор», потенциально существующего в двух вариациях — оплаченной и так называемой «честной», демонстрирует, что итоговая

интерпретация некоторого текста как одной из двух вариаций может определяться лишь тем, уточняет ли это метапрагматически сам автор и/или насколько «настойчиво» данные смыслы формулируются в комментариях. Сама речевая форма (прагматика) никаких однозначных подсказок на этот счет может не давать. Иными словами, (а) формальные признаки у двух вариаций могут быть одинаковыми, но критические параметры контекста могут различаться; (б) эффект такого текста (жанрового экземпляра) для разных реципиентов при условии заполнения данного контекстуального слота реальным значением (оплаченный/неоплаченный) также может быть различным.

Глава 5 **Дискурс консьюмеризма в дискурсивной практике лайфстайл: механизмы, смыслы, ценности**

5.1 **Регламентирующая функция лайфстайл-жанров и дискурс консьюмеризма**

Регламентирующую и «конструирующую» функцию лайфстайл-дискурса, которая является второй значимой функцией этой практики, выделяемой в данной работе, можно представить в виде двух взаимосвязанных процессов — процесса превращения предметов потребления в семиотические ресурсы выражения идентичности (в **объекты-знаки**) и процесса агрегации этих ресурсов в готовые лайфстайл-проекты или — иначе — лайфстайл-модели.

Первой критической функцией лайфстайл-дискурса, как было замечено ранее, в рамках настоящего исследования позиционируется инструктирующая. Такая инструктивность является инструктивностью в узком смысле, подчеркивающая аспект “how-to” подобных текстов и сближающая их с другими — более традиционными — типами инструкций. Однако лайфстайл-дискурс играет важную роль и в еще одном процессе — в наполнении объекта-знака соответствующим социальным смыслом (см.: [Молодыченко 2020]).

Традиционно в течение «жизненного цикла» товара одним из первых дискурсов, решающих задачу такого формулирования, является (являлась) реклама. В семиотических терминах цель рекламы — создание из товара привлекательного объекта-знака для преодоления товаром фазы товарно-денежного обмена [Agha 2011a]. Хотя реклама не позиционируется как являющаяся частью лайфстайл-дискурса в обсуждаемом в работе смысле (реклама есть самостоятельная дискурсивная практика), нельзя отрицать, что современная реклама включает в себя элементы лайфстайл-проектов. Большая часть такой рекламы вместе с рекламируемым предметом потребления также

интегрирует в текст некоторую совокупность прочих знаков. Это позволяет (а) наполнять содержанием рекламируемый объект-знак в терминах какого-то стиля жизни, а также (б) предлагать «импрессионистский» набросок этого стиля жизни для реализации индивидом в фазе владения товаром. Второй аспект позволяет также приписывать рекламе элемент инструктивности, но уже в чуть более широком смысле. Такая инструктивность выражается в информационной и «обучающей» направленности рекламы, т. е. в ее функции формулирования более или менее целостных лайфстайл-проектов. Первый же аспект позволяет говорить о метасемиотической функции рекламной дискурсивной практики [Молодыченко 2020].

Как в рекламе, так и лайфстайл-дискурсе уподобляются друг другу (типизируются) разнородные объекты-знаки в их функции выражения определенного социального смысла. Для обозначения такого социального смысла используется метасемиотический термин, выступающий гиперонимом по отношению к этим объектам-знакам. Как было отмечено ранее, в рамках данного исследования такой социальный смысл определяется реальной или заявляемой принадлежностью субъекта к определенному стилю жизни или социальной типизации.

Набор стилей жизни и связанных с ними социотипов и форм идентичности, как представляется, потенциально безграничен [Там же]. В данной работе акцент делается на рассмотрении наиболее типичной формы для изучаемых НОРМ, которая в наиболее общем смысле определяется принадлежностью к одному из полюсов дихотомии «стильный — нестильный», что в свою очередь можно также рассматривать как свойственную данной практике и данному дискурсу-репрезентации вариацию оппозиции «свои — чужие» (см. также: [Там же]). Хотя инструктивная “how-to” составляющая также будет очевидна во всех приводимых примерах, в данном подразделе внимание сосредоточено только на метасемиотической функции.

5.2 Метасемиотический проект как базовый лингвистический механизм (реализации) дискурса консьюмеризма

Материалом основной части анализа, предложенного ниже, послужили тексты портала “Primer” [Primer]. Для иллюстрации отдельных утверждений и при демонстрации интертекстуальных связей дополнительно используются примеры, взятые с нескольких каналов “YouTube” (к основным из них относятся: “alpha m.”, а также “Real Men Real Style” и “Teachingmensfashion”, все из которых являются примерами НОРМ и были использованы в качестве источников иллюстративного материала ранее).

Как показывает анализ отобранных текстов (см. также: [Молодыченко 2020]), на роль метасемиотического термина должны претендовать формулировки, выражающие паттерны «маскулинность», «стильный» и «простой/обычный», что иллюстрируется макропропозициями высших уровней, например, заголовком домашней страницы на сайте “Primer”:

A GUY’S GUIDE TO GROWING UP. Affordable style, self-development, how-tos, and apartment DIY for the aspiring gentleman. [Primer]

Помимо акцентирования адресованности простому стильному мужчине (*guy’s guide*, *affordable style*) и инструктирующей функции (*guide*; *how-tos*, *DIY*, т. е. *do it yourself*), приведенный текст интересен еще и тем, что подчеркивает процесс трансформации идентичности от «незрелого» к «зрелому» (*a guy’s guide to growing up*) и от более «грубого» к «более утонченному» (*aspiring gentleman*).

Из приведенного примера также очевидно, что слово *gentleman* может претендовать на роль одного из ключевых метасемиотических терминов. Действительно, рассмотрение текстов аналогичных ресурсов подтверждает его популярность. Это утверждение вновь иллюстрируется макропропозициями наивысшего уровня — названиями некоторых каналов “YouTube” данного типа,

например *Gent's Lounge*¹, *Gentlemen's Gazette*², *The Effortless Gent*³. Дальнейший обзор названий конкретных текстов показывает, что в роли метасемиотических терминов фигурируют и другие «ярлыки» [Молодыхенко 2022]. Все они, однако, выражают разные «ипостаси» маскулинности, противопоставляемые по нескольким векторам:

(а) по линии «зрелость/незрелость»: kid/child vs. man/grown up, ср.: *Clothes That Make Men Look Like Boys (Real Men Real Style)*; *10 Back to School Style Essentials Every Student NEEDS* (Teachingmensfashion);

(б) по линии «утонченность/изысканность»: man/guy vs. gentleman (см. выше);

(в) по линии «крутость/уверенность/агрессивность»: man/guy vs. bad boy/bad ass ср.: *Bad Boy Summer Style: How to Look Like A Bad Boy* (alpha m.);

(г) по линии «социальной одобряемости»: например, gentleman/badass vs dumbass/jerk и т. п. (см. также: [Там же]).

То, как различные объекты, явления и действия формулируются как объекты-знаки, связанные с типажом «антигероя» (разновидностью «чужого» в рамках лайфстайл), можно проиллюстрировать на примере использованного ранее видео *10 Things That Make You Look Like A DUMBASS!* [10 Things That Make You Look Like A DUMBASS!], где метасемиотический термин заявлен прямо в названии. Данная «ипостась» маскулинности, в отличие от созвучного *badass* (ср.: *badass — someone or something that you admire or find impressive*), является

¹ URL: <https://www.youtube.com/c/gentslounge> (дата обращения: 27.07.2022).

² URL: <https://www.youtube.com/c/Gentlemansgazette> (дата обращения: 27.07.2022).

³ URL: <https://www.youtube.com/c/EffortlessGentTV> (дата обращения: 27.07.2022).

«нежелательной». Соответственно, все объекты-знаки, покрываемые этим термином, относятся к негативным семиотическим ресурсам. Примерные комбинации объектов-знаков, попадающих в охват этого термина, ясны из макроструктуры; ср. экспликацию макроструктуры самим автором в сопроводительном тексте (т. е. описании, сопровождающем тексты в форме видео на каналах “YouTube”):

1. Pop your polo collars;
 2. Say ignorant sh!t;
 3. Have too many buttons undone;
 4. Park in a handicap spot when you're not handicap;
 5. Wear big, monstrous, oversized watches;
 6. Fight on Facebook;
 7. Wear sunglasses inside;
 8. Sag your pants;
 9. Cheat on your girlfriend;
 10. Talk trash about other people.
- [10 Things That Make You Look Like A DUMBASS!]

В этом смысле четкая макроструктура, свойственная данному типу текста и являющаяся ключевым компонентом его жанрового оформления (в акциональном измерении), является важным речевым средством реализации и метасемиотической функции (в репрезентативном измерении), выступая в качестве «наброска» метасемиотического проекта [Молодыченко 2019а, 2019с, 2020]). Из этого же примера понятно, что типизируемыми знаками становятся ресурсы различных (ставших семиотическими) систем — физическое (ср. *pop your polo collars* — т. е. поднятие воротника у рубашек «поло») и вербальное поведение (ср. *say ignorant sh!t* — «говорение глупостей»), простое обладание определенными товарами (*big, monstrous, oversized watches* — огромные часы) и способы их использования (*wear sunglasses inside* — ношение темных очков в помещении).

Как и в случае с женскими журналами [Corrigan 1997: 84], одной из основных характеристик традиционных мужских журналов и НОРМ является то, что со временем все большее количество практик «охватывается» текстами, регламентирующими надлежащий образ реализации этих практик [Молодыченко

2019а, 2019с, 2020]. Так, еще в 2003 году Т. Эдвардз, исследовавший традиционные мужские журналы в Британии, отмечал, что открытое обсуждение таких вопросов, как например, уход за кожей, сохранение ее молодости и увеличение мужской привлекательности вообще, было практически невозможно, а (метасемиотические) термины «стиль» или «мода» употреблялись с большой осторожностью [Edwards 2003: 200]. Сегодня же таким темам посвящена значительная часть публикуемых в НОРМ материалов. Например, на канале “alpha m.” данным темам посвящен отдельный плейлист *Grooming Tips & Hacks*¹. В плейлист включены видео с такими названиями, как *5 Grooming Secrets ONLY Handsome Men Know*, *5 Surprising Things that Will PERMANENTLY Make You LESS Attractive; Should Guys Shave or Trim Their Legs?* А видео *How to look more attractive in 30 days* за шесть дней с момента публикации (т. е. на момент контрольного среза для данной фазы исследования) набрало 276 тысяч просмотров (см. также: [Молодыченко 2020]).

Насколько «далеко может заходить» дискурс в рефлексии и регламентации практик и включении объектов-знаков в метасемиотический диапазон можно также проиллюстрировать следующим списком возможных *how-to*: *Hold Your Phone Like A Bad-Ass (Real Men Real Style)*; *How To Be A Gentleman: Public Cell Phone Etiquette (alpha m.)*; *How To Eat An Ice Cream Cone Like A Gentleman! (alpha m.)*; *How to walk like a BADASS! (alpha m.)*. То есть в охват метасемиотического термина (*bad-ass, gentleman*) включаются такие практики, как обращение с телефоном (*hold your phone; public cell phone etiquette*), употребление мороженого (*eat an ice cream cone like a gentleman*) и походка (*how to walk*) [Там же].

¹ URL: https://www.youtube.com/watch?v=_5YhteM26jY&list=PLyqPLT4V7ooI5E6C9BylphLHkNj00oc78 (дата обращения: 27.07.2022).

5.2.1 Метасемиотический термин и диапазоны объектов и практик, охватываемых метасемиотическим проектом

Анализируемый далее текст [9 Menswear Myths Debunked] также взят с портала “Primer” и является примером «переформулирующего» субжанра (разновидности лайфстайл-инструкции). Тексты такого субжанра посвящены обсуждению «ошибок» стиля: отдельные предметы или их комбинации признаются нестильными или же наоборот — нестильным предметам и их комбинациям возвращается статус стильных. Рассматриваемый текст относится ко второму типу.

В тексте обсуждается девять мифов о нестильных вещах и их комбинациях. Рассматриваемый экземпляр имеет типичную для текстов НОРМ структуру, соотносимую с жанровой моделью лайфстайл-инструкции. Такая структура в данном случае характеризуется наличием вступления и девяти микротекстов. Каждый микротекст освещает один из аспектов макротемы — один из так называемых «мифов». Микротексты также снабжены подзаголовками, называющими конкретный миф (см. также: [Молодыченко 2020]). Так, структура рассматриваемого текста имеет следующий вид:

9 Menswear Myths Debunked

Myth: Only skinny guys can wear a double-breasted suit

Myth: Button-down collars are too informal to wear with a suit and tie

Myth: Boots are not professional to wear with a suit and tie

Myth: Tie width should be relative to a man’s frame

Myth: You should not wear jeans with a tie

Myth: Dive watches are too sporty to be worn with a suit

Myth: Your socks must match your trousers

Myth: You must own a pair of black shoes

Myth: You really don't need to own a black suit.

Такая особенность текстов лайфстайл-дискурса интересна тем, что макроструктура четко и лаконично формулирует суть метасемиотического проекта. Так, из структуры очевидны объекты-знаки и/или их комбинации, попадающие в диапазон переформулирования. Например, в данном случае к таковым относятся двубортные костюмы (*double-breasted suit*), рубашки с воротниками на пуговицах в сочетании с костюмом (*button-down collars*) и проч. Также становится очевидно, что текст принципиально диалогичен и опирается на предтекст, где предположительно формулировались оспариваемые здесь правила: слово *myth* в данном случае как раз сигнал обращения к такому интертексту (или — иногда — интердискурсу, см. ниже).

Во вступлении ожидаемо вводится ключевой метасемиотический термин, реализуемый здесь лексемой *style* и лексемой *men*, ср.:

Thus, it's important to explore and reevaluate these *style norms* and bust some of the stuffer rules that have no business informing *men's style in 2018*.
[9 Menswear Myths Debunked]

Анализ текста подтверждает и уточняет сформулированный ранее тезис: предметы-знаки и их комбинации в дискурсе НОРМ наполняются смыслом путем соотнесения с определенными формами **идентичности** и с определенными **хронотопами**. Причем обе категории предполагают друг друга: формы идентичности приобретаются и выражаются в определенных хронотопах, а отдельные хронотопы связаны с видами деятельности и формами идентичности (что, в свою очередь, также отсылает к сформулированному ранее базовому определению хронотопа как комбинации физического и социального контекста)

[Молодыченко 2020]. То, какие хронотопы становятся актуальны при обсуждении форм идентичности и какие социальные типы при обсуждении хронотопов, зависит от конкретного текста и дискурсивной практики, ср.:

[Myth: You should not wear jeans with a tie]. Busted: If you're not in a **professional business environment**, there's no reason not to explore with balancing class and comfort for **a first date**, **coffee with an old friend**, or a spruced-up approach to **casual Friday** in your **creative office**. The trick to not looking like you stepped off the **set of a 90s sitcom** is to incorporate elements that work together, dressing down the tie with casual knit neckwear and dressing up the jeans by wearing a slim, dark pair.

В приведенном фрагменте правильность комбинации объектов-знаков определяется как минимум двумя хронотопами разного масштаба. Первый хронотоп назовем ситуативным; это, так сказать, «короткий» хронотоп, определяемый непосредственным контекстом. Так, в приведенном выше фрагменте комбинация «джинсы с галстуком» рассматривается как уместная в следующих ситуативных хронотопах: «профессиональный бизнес контекст» (*professional business environment*), «первое свидание» (*a first date*), «кофе со старым приятелем» (*coffee with an old friend*) или так называемой «неформальной пятницы» (*casual Friday*) в «креативном офисе» (*creative office*).

Однако помимо ситуативного хронотопа выделим и еще один — расширенный хронотоп смены моды и стиля (так сказать, более медленный «исторический» хронотоп). Как видно из примера, правильность комбинации объектов-знаков уточняется путем противопоставления текущего хронотопа хронотопу 1990-х (*90s sitcom*). Использование подобного хронотопа является типичным в НОРМ [Молодыченко 2019а, 2020]).

Третий хронотоп, также популярный в данном виде дискурса, — хронотоп возраста самого индивида, т. е. «личный» хронотоп. Таким образом,

правильность выражения идентичности «стильный мужчина» в каждом конкретном моменте будет определяться комбинацией как минимум трех хронотопов разного масштаба — личного хронотопа, исторического и ситуативного.

Приведенный фрагмент иллюстрирует и вторую часть утверждения, сформулированного выше: хронотопы предполагают определенные формы идентичности и/или социальные типизации. Так, сегмент *90s sitcom* оформлен как гиперссылка на статью про Джерри Сайнфелда — героя и одного из создателей популярного комедийного сериала 80–90х. В статье обсуждается его стиль, который иллюстрируется фотографией Сайнфелда того периода. Иными словами, хронотоп 1990-х, взятый в аспекте стиля и моды, предполагает социотипы, прототипом которых в данном случае может служить Джерри Сайнфелд.

Приведенный фрагмент, далее, иллюстрирует и утверждение о том, что семиотические процессы способны «отделить» идентичность определенного индивида, в том числе и художественного героя, и превратить ее в «типаж» (ср.: [Agha 2011], а также: [Карасик, Дмитриева 2005]). Такой типаж может «эксплуатироваться» любым, кто знаком с его семиотическим диапазоном и хочет интегрировать его путем стилизации в выражение идентичности. Так, в рассмотренном выше примере в типаж «герой ситкома 90-х» превращается форма идентичности Джерри Сайнфелда.

Еще более убедительно это положение иллюстрирует эксплуатация одного из самых известных художественных героев — Джеймса Бонда. В рассматриваемом тексте Джеймс Бонд эксплуатируется в трех случаях. Фотография Джеймса Бонда в исполнении Д. Крейга используется для иллюстрации микротекста *Myth: Boots are not professional to wear with a suit and tie*; на ней Бонд демонстрирует сочетание костюма и высоких ботинок (*boots*).

Для иллюстрации же следующего фрагмента персона Бонда используется дважды, ср.:

[Myth: Dive watches are too sporty to be worn with a suit.] Busted: Two words: James Bond. (Not that 007 is an infallible source of sartorial wisdom.) While the sporty and functional origins of dive watches may send purists into a tizzy, the classic aesthetic of a timepiece like the Rolex Submariner, Omega Seamaster, or their more affordable cousins from Invicta, Orient, and Seiko can't be denied.

На фотографии, сопровождающей микротекст, запечатлен Джеймс Бонд в исполнении П. Броснана в костюме с «дайверскими» часами “Omega” на руке. Данная фотография является иллюстрацией применимости метасемиотического термина «стильный» к такой комбинации. Текстовый фрагмент *Not that 007 is an infallible source of sartorial wisdom* оформлен как гиперссылка и отсылает к фотографии Джеймса Бонда в исполнении Р. Мура, являющейся иллюстрацией того, как тот же самый герой может быть и «антимodelью» — вариантом «чужого» в области моды и стиля.

Джеймс Бонд таким образом является типажом, отделяемым от художественного героя и пригодным для рекомбинации и «стилизации» идентичности. Это утверждение подтверждается иными текстами в рамках той же практики: в других текстах обсуждается, к примеру, как можно интегрировать элементы стиля Джеймса Бонда в свой образ путем использования определенных объектов-знаков [Молодыченко 2020]. Ср. названия следующих видеороликов: *James Bond Summer Style Essentials | Dress Like 007 (Real Men Real Style¹)*; *Summer Style Tips From James Bond | Dress Like 007 Hot Weather Casual Clothing (Real Men Real Style)*.

¹ URL: <https://www.youtube.com/c/Realmenrealstyle/videos> (дата обращения: 20.08.2022).

5.2.2 *Интертекстуальные и интердискурсивные связи в реализации метасемиотического проекта*

В качестве дополнительного примера актуализации интертекстуальных связей можно вновь привести фрагмент номер пять (рассмотренного ранее) видео *10 Things That Make You Look Like A DUMBASS!* (ср.: *Wear big, monstrous, oversized watches*). Связь формы, дизайна, размера и стоимости часов, а также факта обладания ими вообще и определенной вариации идентичности стильного мужчины — одна из постоянных тем на каналах и в изданиях НОРМ. Ср.: *10 Biggest Mistakes Men Make Wearing Watches*¹ (канал “The Style O.G.”)

Этот же микротекст, однако, актуализирует и то, что следует назвать **интердискурсивными связями**. В интерпретации того, что есть «надлежащие» часы для стильного индивида, дискурс «мейнстримовых» НОРМ (которые являются объектом анализа в настоящей работе) «конфликтует» с дискурсом «любителей часов» (один из примеров такого канала — “The Urban Gentry”²) и/или так называемых «часовых снобов», что в соответствии с изложенными ранее принципами осмысления дискурсов-репрезентаций и дискурс-анализа вообще можно было бы охарактеризовать как борьбу противопоставленных дискурсов за правильную артикуляцию данного фрагмента реальности [Молодыченко 2020].

Приведенные примеры также акцентируют внимание на важной особенности таких (пере)формулирующих текстов — роли интертекстуальности в реализации метасемиотического проекта. В этом смысле каждый из микротекстов не является замкнутым, но перекликается с множеством других «голосов» (в соответствии с представлениями о формах диалогичности,

¹ URL: https://www.youtube.com/watch?v=AdLH_spXY6g (дата обращения: 27.07.2022).

² URL: <https://www.youtube.com/user/theurbangentry/videos> (дата обращения: 27.07.2022).

изложенными ранее), существующих в практически бесконечным массивом лайфстайл-дискурса НОРМ, лайфстайл-дискурса в иных подвидах данной практики, традиционных мужских журналах прошлого и иных дискурсах-репрезентациях и дискурсивных практиках — в том, что в соответствии с изложенными ранее представлениями (в особенности положениями школы французского АД) можно назвать **интердискурсом**. Как минимум каждый из микротекстов в рассматриваемом примере переформулирует правило, предположительно сформулированное «где-то еще», даже если интертекстуальность никак не маркирована в поверхностной структуре. Явной, но, тем не менее, генерализованной отсылкой к такому «где-то еще» служит слово *myth*, неоднократно используемое в тексте [Там же].

Интересным вопросом является то, был ли такой миф на самом деле сформулирован в интердискурсе. В случае с комбинацией «джинсы — галстук» найденные дискурсы формулируют ее как стильную примерно с такими же параметрами, как в приведенном здесь примере. Один из наиболее «старых» дискурсов (2003 г.) формулирует данную комбинацию как ограниченно допустимую, но, тем не менее, допустимую (см.: [Wearing a Tie with Jeans]).

С другой стороны, особенностью изучаемых текстов НОРМ вообще и данного экземпляра в частности является и маркирование интертекстуальных связей. Механизм такого маркирования — использование гиперссылок. Так, например, микротекст *Myth: Tie width should be relative to a man's frame* сопровождается гиперссылкой на текст *11 Out-of-Style Trends You Should Phase Out of Your Wardrobe* и *The 8 essential ties for any (and all) occasions*. Маркированная гиперссылкой интертекстуальность может даже являться необходимым условием для интерпретации микротекста. Так, например, содержание последнего из девяти микротекстов (Myth: You really don't need to own a black suit) сводится к трем предикациям: *Bust... actually, never mind, we're still pretty sure about this rule*. Фрагмент *we're still pretty sure* отсылает к

отдельной статье, где подробно обсуждаются правила выбора цвета костюма [Молодыченко 2020].

Такая особенность наилучшим образом иллюстрирует динамический характер интертекстуальной (в рамках дискурсивной практики) и интердискурсивной (в обозначенном ранее смысле) «работы»: один и тот же элемент и их комбинации вплетаются в бесконечную цепочку текстов, потенциально способных каждый раз наполнять их новым социальным смыслом (т. е. в данном случае способностью быть выразителем формы идентичности).

5.3 Структура и содержание дискурса консьюмеризма в их лингвистическом отражении: типичные паттерны и ценности

Как было заявлено ранее, дискурс консьюмеризма (ДК) следует рассматривать как основной дискурс(-репрезентацию) или — иначе — метадискурс, «пронизывающий» тексты лайфстайл-практики и предопределяющий остальные возможные (суб)дискурсы, к которым такие тексты могут апеллировать. Базовый семантический паттерн, лежащий в основе ДК, можно определить как представление о возможности и необходимости конструирования идентичности посредством реализации коммодифицированных практик и приобретения товаров.

Для иллюстрации того, как данный дискурс, а также ряд сопутствующих дискурсов, которые будут обозначены далее, актуализируются в рамках типичного текста в составе лайфстайл-практики, вновь обратимся к ранее использованному видео *7 Ways to Make A Girl MISS YOU!* [7 Ways to Make A Girl MISS YOU!] (см. также: [Молодыченко 2023]). Для навигации по микротекстам в составе текста приведем здесь список советов, сформулированный автором видео в сопроводительном тексте:

1. Stop calling & texting her as well as stalking her on social media — allow for space and privacy so she may allow for a 2nd chance.
2. Stop drinking and/or smoking pot — if you're sad & emotional, for 30-days focus on yourself instead.
3. Channel the pain and hurt into yourself — worry about you and do things to be a better dude.
4. Find new hobbies, make new friends, and connect with old friends — be with people you love and do new things.
5. Give yourself an Alpha M makeover and post pictures — reinvent yourself and feel incredible about who you are. Get a haircut, buy some new clothes (grab a stylish friend), take pictures of yourself and post on social media.
6. Deal with your issues — take care of your emotional issues with counseling or therapy so you'll be right for someone.
7. Start to date — this doesn't mean to sleep around! Be social and get back out there to see that others find you attractive.

В наиболее прозрачной форме ДК, как представляется, актуализируется в микротексте номер 5, например, во фрагменте *reinvent yourself and feel incredible about who you are* → *get a haircut, buy some new clothes*, где второе предложение связано (бессоюзной связью) с первым отношениями распространения/уточнения (elaboration), а предикации *get a haircut* и *buy some new clothes* являются гипонимами по отношению к гиперонимическому *reinvent yourself*.

Аналогичные паттерны и семантические связи реализуются и в самом тексте видео, ср.:

...go get a new fresh cut because everybody feels better about themselves after a haircut

Императив *go get a new fresh cut* связан причинно-следственной связью с предикаций *everybody feels better about themselves after a haircut*, формулирующей то, что ранее было названо мотивационной максимой (разновидность коммуникативного хода, легитимизирующего, объясняющего и т. п., почему что-то следует делать именно таким образом).

Как ламинируемый на дискурс консьюмеризма, но все же аналитически отделимый от него, можно указать «дискурс целенаправленного самопреобразования». Базируясь на идее «освобожденных» постмодерном идентичностей (обсуждавшейся ранее), такой дискурс в качестве ключевого семантического макропаттерна имеет представление о возможности и необходимости постоянного целенаправленного преобразования себя [Giddens 1991]. Квинтэссенцией актуализации такого представления являются тексты, иногда именуемые «селф-хелп» [Currell 2006]. Такой дискурс (целенаправленного самопреобразования), как уже могло стать понятно из приведенных примеров, также пронизывает исследуемый текст, в том числе формирует и инструктирующую макропропозицию (см. также: [Молодыхенко 2023]). Ср. фрагмент авторской аннотации (часть сопроводительного текста):

If you **work on you and create on the man** she fell in love with, she may fall back in love with you

В плане эксклюзивной апелляции к такому дискурсу наиболее иллюстративными являются пункты номер 3 и 6 в тексте видео:

[пункт 3; фрагмент текста видео] ... you need to **focus on yourself** which is number three. You [неразборчиво. — *E. M.*] take all that pain all that hurt and

channel it into yourself! You've gotta **make you a priority** and do things that are going to **benefit you** and **make you a better person**.

Точно так же, как и в примерах выше, макропропозиция данного фрагмента *you need to focus on yourself* связана отношениями распространения/уточнения (elaboration) с последующими предложениями, а *focus on yourself* выступает гиперонимом по отношению к *take all that pain <...> and channel it into yourself; make you a priority* и *do things that are going to benefit you*.

Если рассмотреть текст видео в тематической дискурсивной разбивке или — в данном случае — с точки зрения конкретных регламентируемых (каждодневных) практик, то следует указать, что он апеллирует к таким типичным для лайфстайл-практики дискурсам(-репрезентациям), как:

- **мода/стиль** (в первую очередь пункт номер 5; *buy some **new clothes**; grab a **stylish friend***);
- **груминг/уход** за собой (большая часть пункта номер 5, который одновременно является рекламной интеграцией, как это обсуждалось при анализе жанровой специфики таких текстов);
- **взаимоотношения с противоположным полом/свидания** (мотивационная макропропозиция всего видео, пункт 7 и отчасти пункт номер 1, например: *texting her, stalking her, date; sleep around; social; find you attractive* и т. д.).

Одним из типичных дискурсов в лайфстайл-практике является также «дискурс фитнеса и физического преобразования тела» (см./ср. апелляцию к аналогичным дискурсам в тематической разбивке высшего уровня — навигационную панель вверху страницы — на портале “AskMen.com” [AskMen — Become a Better Man]), популяризацию которого также часто связывают с культурой потребления [Baudrillard 1998] (см. также: [Молодыхенко, 2019а, 2019с, 2023]). Из представленного списка микротекстов, однако, видно, что данный дискурс не актуализируется в видео. Как уже было продемонстрировано

выше, этот «недочет» исправляется одним из комментаторов в коллаборативном тексте (ср.: *go to the gym turn the beast mode ON*).

В соответствии с заявленными ранее положениями в качестве одного из компонентов дискурса-репрезентации рассматриваются «вмонтированные» в него ценности. Следовательно, анализ типичных текстов лайфстайл-дискурса в терминах оценки и ценностных смыслов также является вариантом описания актуализируемых (суб)дискурсов, предопределяемых общим (мета)дискурсом консьюмеризма. Также в соответствии с представленной ранее моделью «жанр-дискурс» к разворачиванию репрезентативного измерения относится использование оценочных смыслов и те потенциальные ценности, к которым они отсылают (тезаурус которых и рассматривается как часть соответствующего дискурса-репрезентации), сам же способ реализации оценки (допустимые типы оценки и ее безапелляционность) соотносится с акциональным измерением и идентифицируется как одна из жанрообразующих черт лайфстайл-жанров и в частности лайфстайл-инструкции — ключевого жанра практики лайфстайл.

Материалом для представленного ниже анализа вновь послужили тексты портала “Askmen” [AskMen — Become a Better Man]. В качестве иллюстрации того, какие ценностные смыслы актуализируются текстами и каким именно образом, представлен анализ системы оценки в двух текстах, регламентирующих две различные социальные практики, соответствующие двум типичным тематическим рубрикам — «груминг/уход за собой» (grooming) и «взаимоотношения с противоположным полом/свидания» (dating) [Grooming Basics — AskMen; How Do You Exude Confidence When Dating Someone New? — AskMen]. Данные тексты, таким образом, можно рассматривать как актуализирующие специфические (суб)дискурсы (выделенные преимущественно по тематическому принципу), входящие в метадискурс консьюмеризма.

Ниже приведен пример детального анализа в заданных выше координатах одного типичного фрагмента текста, относящегося к рубрике «груминг» (см. также: [Молодыченко 2015, 2016]).

Cleansing removes **debris** and **dead skin cells** from pores along with **a whole host** of other microscopic **gunk**. To get the job done properly, opt for a dedicated face wash used with lukewarm water. The standard soap and cold water combo might seem cheap and harmless but it's far too alkaline and will disrupt the skin's natural balance [Grooming Basics — AskMen].

При детальном анализе становится очевидна многослойная структура оценки. Так, кожные выделения оцениваются как нечто негативное и нежелательное путем использования номинаций *debris* и *gunk* (ср.: *gunk* — unpleasantly sticky or messy substance); во втором случае оценка также усиливается одним из способов интенсификации — квантификацией *a whole host of (gunk)*. Принимая во внимание «просодическую» природу оценки [Martin, White 2005: 18 ff], окрашивающей целые фазы текста, в данном контексте оценочное прочтение следует усматривать и у прилагательного *dead (skin cells)*. Негативная оценка, создаваемая обозначенными лексемами, одновременно создает положительную оценку процедуры очистки лица (*cleansing*) как помогающей устранить (*removes*) описанные нежелательные элементы (т. е. *gunk, debris, dead skin cells*). Предположительными ценностными смыслами, стоящими за данными маркерами, будут «здоровье», «здоровый внешний вид», что в целом соотносится с представлениями о важности внешнего вида, преобразования тела и т. п., характерными для культуры потребления [Молодыченко 2015, 2016, 2023].

Следующим оценочным маркером является наречие *properly*, оценивающее практику очищения кожи (*cleansing — the job*) и проецирующее ценностный смысл, который в данном контексте можно интерпретировать как «соответствие

определенным стандартам качества». Такой маркер оценки можно интерпретировать как транслирующий представление об идеальном адресате — субъекте, обладающем высокими притязаниями, высокими стандартами. Проекция подобного смысла усматривается и в определении *dedicated* в сочетании *face wash*.

Следующая фаза оценки — *cheap and harmless* — также имеет комплексную структуру. Во-первых, несмотря на то, что оцениваются «мыло и холодная вода» (*soap and cold water combo*), объектом оценки является скорее «контрпрактика» — неправильный способ проведения описываемой процедуры (введение таких «контрпрактик» является, как представляется, еще одним способом актуализации оппозиции «свои — чужие» в лайфстайл-дискурсе.). Во-вторых, проецируемая лексемами оценка *cheap and harmless* (положительная оценка) аннулируется ближайшим лексико-грамматическим окружением (*might seem* — «может показаться, но на самом деле не является таковой») и последующим актом негативной оценки (ср. *but it's far too alkaline and will disrupt the skin's natural balance*). В данном контексте оценочное прочтение имеют дважды интенсифицированное предикативное прилагательное *far too alkaline* и вся предикация (*it will*) *disrupt skin's natural balance*. Последний акт оценки также имеет многослойную структуру — комплекс *natural balance*, реализующий положительную оценку и проецирующий ценностные смыслы «натуральный», «здоровье», отрицательно оценивает упомянутую выше практику использования мыла и холодной воды (через вербальное *will disrupt*) [Молодыченко 2015, 2016].

Тезаурус описанных при анализе абзаца ценностных паттернов (см. табл. 2 ниже) в целом отражает тезаурус всего анализируемого текста. Ведущими ценностными паттернами являются «качество», «высокие стандарты», «здоровье», «(здоровый) внешний вид», «эффективность» и т. п. (ср. некоторые прочие встречающиеся в тексте маркеры оценки: *the most luxurious lather, unique*

ability, the perfect shave, the right tools, the right techniques, the way skin looks and feels, have an immediate impact и т. д.) [Молодыченко 2015, 2016].

Таблица 2. Маркеры оценки и ценностные смыслы

объект оценки	маркер оценки	тип оценки	(возможные) ценностные смыслы		
skin/debris	debris	значимость «-»	внешний вид	здоровье	
skin/dead cells	dead skin cells	значимость «-»	внешний вид	здоровье	
skin/gunk	gunk	значимость «-»	внешний вид	здоровье	
the job done (правильная практика)	properly	значимость «+»	правильность	здоровье	внешний вид
face wash (правильная практика)	dedicated	значимость «+»	правильность	качество	здоровье/ внешний вид
soap and water (контрпрактика)	might seem cheap and harmless	значимость «-»	здоровье	качество	цена
soap and water (контрпрактика)	far to alkaline	значимость «-»	здоровье	качество	внешний вид
soap and water (контрпрактика)	disrupts skin natural balance	значимость «-»	здоровье	качество	внешний вид
skin (правильная практика)	skin natural balance	значимость «-»	здоровье	качество	внешний вид

Второе важное для анализа оценки и интерпретации ценностных смыслов измерение — включение или — иначе — диалогичность (в одном из ее проявлений). По данному параметру рассматриваемый текст является примером практически полного нивелирования диалогичности, что, как демонстрирует представленный в других подразделах анализ, является типичной характеристикой акционального измерения лайфстайл-дискурса (см.: [Молодыченко 2015, 2016, 2019a]). Оценка чаще всего выражена оценочными

пресуппозициями — крайним вариантом нивелирования диалогичности (см. [Martin, White 2005: 98–102]). К таким пресуппозициям относятся случаи, когда оценка комбинирована с номинациями оцениваемых денотатов (*gunk, debris*) и/или является компонентом семантической структуры атрибутивных прилагательных, называющих признак объекта в составе группы *dedicated face-wash, standard combo, dead cells, natural balance*. Таким же статусом обладают и утверждения, не содержащие модус, смягчающий диктумную часть высказывания, — категоричные утверждения *it's far too alkaline, will disrupt*. Единственным случаем реализации диалогичности является модализированная предикация *the standard soap and cold water combo might seem cheap and harmless*. Данное альтернативное мнение (и альтернативная практика), однако, актуализируется в тексте лишь с той целью, чтобы указать на его ошибочность: модализированная вербальная группа *might seem (cheap)* имплицитно подразумевает то, что практика на самом деле не является «дешевой» и «безвредной». Следующие за этим предикации (*it's far too alkaline and will disrupt the skin's natural balance*) вводят в текст правильную с позиции автора интерпретацию и оценку [Молодыхенко 2015, 2016].

Следующий типичный/иллюстративный фрагмент взят из текста, регламентирующего социальную практику совершенно иного рода — отношения между мужчиной и женщиной (*dating*).

There is a big difference between being cocky and being confident. Often, men who are missing real confidence, the kind that comes from within and is legitimately founded in security and self-assuredness, will feign confidence. This dance of pretending to be confident is popularly exemplified by a pompous or self-important attitude, a need to condescend to or patronize women and other people in order to assert a sense of importance or superiority over others, a tendency toward bragging and boasting (specifically about money), and a need to

show off cars, conquests and wealth in a misguided attempt to impress others [How Do You Exude Confidence When Dating Someone New? — AskMen].

Как и предыдущий анализируемый фрагмент, данный фрагмент является образцом комплексной и многослойной оценки. Основной задачей отрывка, как, впрочем, и всего текста, является категоризация и классификация и — более конкретно — реализация специфического метасемиотического проекта (как способа текстового артикулирования различных объектов и явлений под одним типизирующим термином). При этом, если глобальной задачей текста является семантическое наполнение категории *confidence* (которая здесь выступает в качестве метасемиотического термина для того, что можно было бы назвать «правильным» ценностным концептом (суб)дискурса свиданий и — шире — ДК), локальной задачей данного абзаца является классификация поведения и эмоциональных реакций, относящихся к «контрпрактике» (практике «чужих» в измерении лайфстайл).

Гиперонимом для контрпрактики является заявленный в макропропозиции абзаца метасемиотический термин — оценочный маркер *cocky* (ср.: *cocky* — *conceited or arrogant especially in a bold or impudent way*). Все дальнейшие текстовые ресурсы направлены на то, чтобы семантически наполнить категорию *cocky*, противопоставив ее таким образом категории *confident*. Наиболее явной характеристикой реализации оценки в данном фрагменте является ее ожидаемое (поскольку вытекает напрямую из определения *cocky* как чего-то общественно порицаемого) смещение в семантическую зону осуждения (*judgement*).

Первый шаг в демаркации категорий *cocky* и *confident* — использование ресурсов системы градуирования. Для акцентирования разницы между двумя категориями, во-первых, используется квантификация номинализации *difference* (*big difference*). Во-вторых — градуирование категории *confidence* средствами системы фокусирования (*real confidence*), семантической системы, используемой

либо для более четкого очерчивания границ категории, либо для ее «размывания» (ср. *real confidence vs. confidence vs. confidence of sorts*).

Номинация *confidence* является номинализацией признака *confident* (ср.: *smb is/feels confident*) и относится к области «аффект». В данном контексте и в рамках данной предикации, тем не менее, данный маркер интерпретируется как маркер осуждения по отношению к «антигероям» (вариации «чужих» в практике лайфстайл) и реализуемой ими практике (*men who are missing real confidence... will feign confidence*). Такое прочтение имплицитно и финальный маркер в предложении — поведенческий процесс, актантом которого являются названные антигерои (*men... will feign confidence*). Глагол *feign* следует интерпретировать как маркер осуждения: антигерои, лишь изображающие (*feign*; ср.: *to pretend to have a particular feeling, problem, etc.*) уверенность, что оцениваются как нарушающие представление о том, что поведение должно быть «настоящим», «искренним», «нефальшивым» (или что-то подобное).

Две предикации в придаточном определительном предложении, относящемся к номинализации *confidence* (*the kind that comes from within and is legitimately founded in security and self-assuredness*), также направлены на делимитацию категории и добавление к ней оценочной семантики. Несмотря на то, что в предикации *that comes from within* (т. е. настоящая, неподдельная уверенность) не содержится явных языковых средств оценки, данную предикацию также следует рассматривать как имплицитный маркер положительной оценки, объект которой — абстракция *confidence*.

Следующая предикация в составе того же предложения (*is legitimately founded in security and self-assuredness*) наполняется содержанием через номинализации признаков *security* и *self-assuredness* (← *smb feels secure; smb feels self-assured*) — маркеры системы аффекта. Процесс (*founded*), для которого обозначенные выше маркеры выступают в функции обстоятельства, также интенсифицирован посредством наречия *legitimately*, что можно

интерпретировать, во-первых, как знак «включения» автора в оценочную позицию, во-вторых, как еще одно средство фокусирования категории *confidence* (*founded in security* vs. *legitimately founded in security*). Таким образом, данный фрагмент представляет собой взаимодействие ресурсов аффекта и осуждения: контрпрактика (*being cocky*) репрезентируется в терминах аффекта и оценивается путем апелляции к ценностям и нормам (см. также: [Молодыченко 2015, 2016]).

Структура следующего предложения в плане реализации оценки также комплексная и многослойная. В его тематической части упомянутая ранее контрпрактика обозначена анафорически референтной номинацией *this dance*, которую контекстуально следует также интерпретировать как маркер оценки (слово *dance*, используемое метафорически, характеризует контрпрактику вновь как нечто фальшивое, не соответствующее действительности). Далее, контрпрактика, обозначенная номинацией *dance*, становится объектом оценки, реализующейся в постмодифицирующей нефинитной предикации (*dance of pretending to be confident*). Здесь, как и ранее, процесс *pretending* можно интерпретировать как одновременно маркер негативной значимости по отношению к антецеденту *dance* и — имплицитно — как маркер осуждения антигероя. В рематической части контрпрактика *dance* характеризуется сразу несколькими номинациями (однородными актантам *attitude*, *need*, *tendency* и снова *need* при идентифицирующем процессе *is exemplified*), в модификации которых обнаруживаются новые маркеры оценки.

Премодифицирующие лексему *attitude* прилагательные *pompous* and *self-important* относятся к маркерам системы осуждения. Номинацию *attitude* следует рассматривать как номинализацию (*attitude* — someone thinks, feels and behaves in a certain way), следовательно, упомянутые выше признаки (*self-important* и *pompous*) также характеризуют поведение антигероя с точки зрения принятых норм и/или ценностей. Следующие маркеры имплицитного осуждения — процессы *patronize* и *condescend* в нефинитной предикации, проецируемой

существительным *need*. Обе номинации интерпретируются как содержащие сему осуждения. К данной оценке добавляется оценка и следующего придаточного предложения цели (*in order to assert a sense of importance or superiority over others*), где *importance* и *superiority* также предполагают оценочное прочтение; данные маркеры интерпретируются как семантически комплементарные к оценочным семам из главного предложения (*to condescend or to patronize*). В обоих случаях прослеживается опора на норму, запрещающую или осуждающую снисходительное и заносчивое поведение по отношению к другому человеку.

Постмодифицирующие номинализации *bragging* и *boasting*, относящиеся к номинации *tendency*, также являются маркерами осуждения и называют социально порицаемое поведение — хвастовство, бахвальство. Аналогичным образом семантика негативного осуждения актуализируется процессом *to show off* (с его объектами — *cars, conquests and wealth*), к которой также добавляется оценка из предикации (*in a misguided attempt*) *to impress others* — осуждение, актуализирующее, как и ранее, общественное порицание неприемлемого поведения. Сочетание *in attempt*, по всей видимости, имеющее статус комплексного союза в системе языка, используется здесь как предложный оборот, т. к. существительное *attempt* премодифицировано признаком *misguided*, актуализирующим все те же, описанные выше, смыслы системы осуждения (ср. *misguided* — *having or showing faulty judgment or reason*) [Молодыхенко 2015, 2016].

В ракурсе потенциального (персуазивного) эффекта дискурса такая актуализация может также рассматриваться как способ дискурсивного «прививания» именно таких ценностей (которые в свою очередь могут стать «мотивообразующими» и могут обуславливать некоторое посткоммуникативное поведение) потенциального адресата.

Выводы к Главе 5

Предложенный ракурс рассмотрения лайфстайл-дискурса и дискурса новых онлайн-ресурсов для мужчин (НОРМ) в частности акцентирует статус таковых как рефлексивных дискурсивных практик, т. е. дискурсивных практик, отражающих, осмысляющих, регламентирующих, конструирующих и т. п. иные — как правило, внешние по отношению к ним — практики. Специфический способ репрезентации практик в дискурсивной практике НОРМ рассматривается как образующий (в совокупности проявлений и в абстракции от конкретных фрагментов) дискурс консьюмеризма.

Такой дискурс, далее, можно рассматривать как метадискурс, вмещающий в себя несколько более специфических (суб)дискурсов, также ассоциируемых с культурой потребления и постмодерном. Из наиболее значимых (пересекающихся) субдискурсов консьюмеризма следует отметить дискурс моды и стиля, дискурс ухода за телом и физического развития, дискурс отношений с противоположным полом и дискурс оптимального социального поведения вообще. Такая разбивка, как правило, отражается и верифицируется тематически рубриками на лайфстайл-порталах и плейлистами на каналах платформы “YouTube”, а также в процессе как поверхностного качественного контент анализа, так и более глубокого анализа семантических паттернов и их лексико-грамматического оформления.

Основным общим знаменателем всех субдискурсов является представление о том, что различные объекты и практики могут и должны рассматриваться как материал целенаправленного конструирования идентичности индивида (или как пассивно отражающие ее в актах социального взаимодействия в условиях отсутствия такой целенаправленности). В качестве дополнительных паттернов можно также выделить представление о том, что каждый индивид должен рутинно стремиться к преобразованию и оптимизации всех реализуемых им

практик для достижения идеального имиджа и что таковой всегда является объектом оценивания со стороны потенциальных романтических партнеров.

Современные НОРМ, таким образом, рефлексиируют (через призму консьюмеризма) достаточно широкий диапазон социальных практик, включая и такие, которые интуитивно такой рефлексии не требуют. Такая ситуация свидетельствует о расширении рефлексивного охвата социальных практик и полей дискурсивной практикой лайфстайл по сравнению с аналогичными ресурсами, существовавшими 15–20 лет назад, а также — параллельно — о коммодификации этих практик, т. е. о превращении все большего числа практик и используемых в них инструментов в продукты, участвующие в товарно-денежных отношениях.

Наиболее релевантным вариантом исследования и моделирования механизмов функционирования дискурса консьюмеризма позиционируется его рассмотрение как реализации метасемиотических проектов по линии «знак-идентичность», что, в свою очередь, позиционируется как вариант реализации дискурсивной логики тождества и различия и процессов артикуляции в соответствии с теоретическими положениями, изложенными ранее. В таких проектах предметы потребления и реализуемые с их помощью практики формулируются как семиотические ресурсы выражения различных форм идентичности. При этом суть метасемиотических стратегий, реализуемых текстами лайфстайл, может быть определена как типизация (и отождествление), т. е. уподобление разнородных объектов-знаков и «прикрепление» их к определенному метасемиотическому термину, отражающему определенную социальную типизацию.

С точки зрения семантических паттернов и лексико-грамматического оформления реализация метасемиотического проекта связана с выбором «ярлыка» (метасемиотического термина) для номинации некоторой формы идентичности (например, *gentleman*, *stylish man*) и/или соотносимого с ней

качества (например, *confidence*), которые (метасемантически/гиперонимически) связаны с определенным сегментом текста, наполняющим таковые содержанием путем формулирования пропозиций, референциально отсылающих к различным фактически наблюдаемым поведенческим и прочим физическим артефактам данной формы идентичности и/или качества.

Ключевую роль в реализации метасемиотических проектов на уровне текста также играет интертекстуальность. Рассмотренные микротексты в составе текстов являются акцентировано открытыми, поскольку всегда перекликаются с формулировками метасемиотических проектов «где-то еще» — в интердискурсе, подтверждая их, преобразуя или же полностью оспаривая. Тексты также изобилуют маркированными интертекстуальными отсылками, оформленными в виде гиперссылок.

Описанные формы интертекстуальности являются ключевым дискурсивным (т. е. реализуемым данной дискурсивной практикой и/или отсылающим к пространству интердискурса) механизмом реализации метасемиотического проекта: интертекстуальные связи выстраивают дискурсивные цепочки, в которых объекты-знаки и их комбинации подвергаются бесконечному переформулированию. При этом даже немаркированные интертекстуальные связи поддаются отслеживанию при условии знакомства с большим массивом текстов лайфстайл-практики.

Еще одним ключевым лингвистическим механизмом реализации метасемиотического проекта и актуализации дискурса консьюмеризма вообще является языковая оценка. Ресурсы языковой оценки в частности выступают в дискурсивных репрезентациях способом конструирования и легитимизации «правильного» видения мира. Подобные способы репрезентации и использование оценки в таком режиме создают специфический тезаурус ценностей, ассоциируемых с дискурсом консьюмеризма и его субдискурсами: например, отсылка к таким ценностным смыслам, как «красота», «здоровье», «важность

внешнего вида» и т. п. может рассматриваться как актуализация ценностного измерения субдискурса «преобразование внешнего вида».

Глава 6 Жанр конфронтационной речи в дискурсивной практике американской президентской риторики

6.1 Социокультурный контекст глобального противостояния, американская президентская риторика и жанр конфронтационной речи

Исходя из представления о политике как виде коллективной деятельности, ориентированной на перераспределение влияния в контексте властных отношений (см., например: [van Dijk 1997b]), ее языковой коррелят — политический дискурс — следует, в соответствии с теоретическими положениями, изложенными ранее, рассматривать как порядок дискурса, т. е. пространство, где множество различных дискурсов (во всех смыслах) сражаются за право артикулировать свою интерпретацию реальности. Иными словами, политический дискурс является чрезвычайно комплексным и масштабным явлением (а также достаточно аморфным), в него входят различные специфические дискурсивные практики и дискурсы-репрезентации в обсуждаемом в рамках настоящей работы смысле.

В этой связи **политическая риторика американских президентов**, рассматриваемая в данной работе как специфическая дискурсивная практика, функционирующая в широком поле политики (которое не критично можно называть «политическим дискурсом»), видится мощным инструментом, позволяющим реплицировать дискурсы(-репрезентации) стоящей за ними властной группы. В области политической риторики важным становится лингвистическое оформление сообщения, призванное оптимальным образом решить обозначенную выше задачу. Как комплексный и многоуровневый продукт текст позволяет решать эту задачу весьма разнообразно, с использованием арсенала языковых и риторических средств. Этим отчасти обусловлена множественность плоскостей изучения политической риторики как

инструмента тиражирования влияния — с точки зрения традиционной риторики, в терминах теории речевого воздействия, вариативной интерпретации действительности, с точки зрения выявления попыток манипуляции общественным сознанием и т. п. (см., например: [Dunmire 2005; Sowińska 2013; van Dijk 1997a; Хазагеров 2002; Halmari 2005]). Согласно используемой в данной работе модели «жанр-дискурс» и «акциональность-репрезентативность-метапрагматика», потенциальная персуазивная интенция оратора (и стоящей за ним группы субъектов, включая спичрайтеров) рассматривается как реализуемая в виде компонентов акциональной и репрезентативной системностей, а возможный персуазивный эффект таких текстов как результирующая из «синергии» данных системностей (в комбинации с контекстуальными факторами) метапрагматика.

Для представления результатов исследования специфики функционирования дискурсивной практики американской президентской риторики в акциональном и репрезентативном аспектах анализу подверглись тексты публичных речей американских президентов в период с 1961 по 2019 гг. Поскольку обнаруженные в более раннем массиве речей (с 1961 по 1989 гг.) особенности никак не расширяют диапазон обнаруженных в более новом — и, соответственно, несколько более актуальном — массиве речей особенностей, для иллюстрации в рамках настоящей главы и следующей за ней используются тексты публичных выступлений периода с 1990 по 2019 гг. Речи президентов Джорджа Герберта Уокера Буша (далее в тексте — Дж. Г. У. Буш), Билла Клинтона и Джорджа Уокера Буша (далее в тексте — Дж. У. Буш), соотносятся с общественно-политической практикой, называемой некоторыми политическими и общественными деятелями, а также лингвистами и дискурс-аналитиками эпохой нового мирового порядка (the New World Order; см., например: [Lazar, Lazar 2004; Dunmire 2009; Robertson 1991]). Исследуемые речи президентов

Барак Обама (2014) и Дональда Трампа (2017), исходя из результатов анализа, можно, как представляется, также отнести к той же эпохе.

Как указывается в исследовании [Lazar, Lazar 2004], понятие «новый мировой порядок» было введено в политический оборот во время президентства Дж. Г. У. Буша, имело большой резонанс при администрации Б. Клинтона и, затем, Джорджа У. Буша (см. также: [Robertson 1991]). В исторической перспективе новый мировой порядок представляет собой, по словам этих же авторов, «дискурс в процессе его создания» (*discourse-in-the making*). В частности тексты, появившиеся после 11 сентября 2001 г. (далее в тексте — 9/11) не маркируют начало нового «дискурса», а являются логическим продолжением и развитием общественной практики, ведущей свое начало с момента окончания «холодной войны» [Lazar, Lazar 2004: 223–224].

Аналогичные выводы представлены в работе [Dunmire 2009]. П. Данмаир делает попытку синхронического и диахронического интер- и интратекстуального анализа так называемой «доктрины Буша» (*Bush Doctrine*) — стратегии национальной безопасности после 9/11, официально санкционировавшей политику превентивной войны (*sanctions a policy of preventive war*). Основным положением, выдвигаемым автором, является утверждение о неправомерности выделения «доктрины Буша» как отдельного явления, не связанного с предшествующей доктриной, установившейся после окончания «холодной войны». Свою задачу автор формулирует как намерение «разрушить сказку про то, как „события 9/11 изменили все“ (*to disrupt the ‘9/11 changed everything’ narrative*) и вернуть доктрину Буша в ее исходный исторический и мотивационный контекст — стремление США после окончания холодной войны сохранить свое мировое лидерство посредством удержания военного превосходства (*by maintaining military preeminence*)» [Там же: 196].

Тексты дискурса нового мирового порядка и, в первую очередь, тексты, коррелирующие с «доктриной Буша», стали предметом многочисленных

лингвистических исследований в области критического анализа дискурса. При этом в качестве общего знаменателя отмечается детерминированность содержательного и поверхностно-речевого компонентов текстов данного дискурса оппозицией «свои — чужие», а также популярность текстового конструирования так называемого образа врага (см., например: [Butt, Lukin, Matthiessen 2004; Chang, Mehan 2008; Dunmire 2005; Ferrari 2007; Lazar, Lazar 2004; Oddo 2011; Sowińska 2013; van Dijk 2006a; Achugar 2004; Dunmire 2009; Leudar, Marsland, Nekvapil 2004; Sowińska, Dubrovskaya 2012]).

Дискурс нового мирового порядка в используемой в настоящем исследовании терминологии может являться как дискурсом-практикой, так и дискурсом-репрезентацией. При этом как в первом, так и во втором смысле данный термин является достаточно абстрактным. В первом значении он может включать как практику президентской риторики, так и иные дискурсивные практики, реализуемые политиками (см. [van Dijk 1997a]) и в поле политики вообще (см., например: [Wodak 2009]). Во втором значении термин «новый мировой порядок» ассоциируется с целым рядом феноменов, определенными ценностными установками, политическими и даже конспирологическими теориями (см.: [Robertson 1991]). Для обозначения же того феномена, который был выявлен в результате проведенного анализа и рассмотрен как дискурс-репрезентация, в данной работе будет использоваться (как представляется, более нейтральный и более «дискурс-аналитический», нежели политический) термин «дискурс глобального антагонизма» (ДГА).

Данный термин не ассоциируется с каким-то особым политическим видением или идеологией и призван продемонстрировать лишь то, что анализируемые тексты в различных аспектах и различными способами конструируют «биполярный мир», с двумя гибкими по своему составу (см./ср.: [Leudar, Marsland, Nekvapil 2004]), но радикально поляризуемыми группами

субъектов и всего, что с ними связано (как правило, их действия, их мысли, желания и планы).

Фрагменты данного дискурса-репрезентации как метадискурса и, соответственно, его субдискурсов обнаруживаются в разном объеме в различных исследованных на стадии подготовки настоящей работы текстах американской президентской риторики (АПР; всего 170 текстов публичных речей с 1961 по 2019 г.). В ряду таковых, однако, следует выделить особый тип президентской речи, в тематическом плане актуализирующий преимущественно ДГА в виде двух его основных субдискурсов — дискредитации и демонизации чужих и глорификации своих. Такой тип речи рассматривается как ключевой инструмент конструирования того, что далее будет обозначено как «образ врага», усиления противостояния и обоснования связанных с данным конфликтом политических решений («ответных действий» или ОД далее в анализе). Такой тип речи, далее, рассматривается как (актуализирующий) специфический жанр — **конфронтационную речь** или — иначе — **конфронтационную риторику** (КР).

6.2 Акциональное и репрезентативное измерение дискурсивной практики президентской риторики: текстоцентрическая перспектива

Цель данного раздела — применение модели «жанр-дискурс» (в которой жанр рассматривается как абстрактная модель, актуализация которой является ключевым механизмом оформления текста в его акциональном аспекте, а дискурс — как абстрактная модель, актуализация которой является ключевым механизмом оформления текста в его репрезентативном аспекте) к анализу конкретных текстов, что предполагает (а) описание дискурса-события одновременно как экземпляра определенного жанра (или их гибрида) и как материализации некоторого дискурса-репрезентации (или некоторой их

совокупности) и (б) выявление системностей речевого оформления, могущих быть соотнесенными с двумя данными категориями (или с обеими одновременно в той или иной мере).

Отобранные для анализа речи американских президентов, в которых обнаруживаются фрагменты ДГА, не укладываются в одну жанровую модель, которая могла бы быть описана даже на высоком уровне обобщения, поскольку, среди прочего, произносятся в разных хронотопах с различными целями. Например, так называемое обращение «О положении страны» (State of the Union Address; например: [George W. Bush, State of the Union Address — January 28, 2003]) не должно быть в том же жанре, что жанр КР, хотя и может включать фрагменты ДГА.

Речи КР не являются настолько же унифицированными и «предсказуемыми», как, например, жанр лайфстайл-инструкции, рассмотренный ранее, но, тем не менее, поддаются моделированию в жанровых и акциональных терминах. Далее будет предложена обобщенная характеристика жанровой специфики идеальной модели КР. Для иллюстрации ее компонентов используются фрагменты следующих 6 текстов, которые отражают эту модель с минимальными отклонениями: [The Iraqi Threat — October 7, 2002; Message to Saddam — March 17, 2003; President Obama gives speech addressing Europe, Russia on March 26 — The Washington Post; March 24, 1999: Statement on Kosovo; Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan; Remarks to Allied Armed Forces Near Dhahran, Saudi Arabia].

6.2.1 Конфронтационная речь и ее жанровая схематическая структура

Особенностью данных речей является то, что все они произносились в хронотопах особого рода — во время разворачивающегося геополитического конфликта и/или во время реализации или планирования ответных (военных)

действий по отношению к чужим, что может быть основанием для предположения, что одной из ведущих интенций оратора является легитимизация этих действий, которая также, далее, может рассматриваться и как одна из основных коммуникативных целей жанра КР.

Как таковые данные речи характеризуются двумя особенностями реализации жанровой схематической структуры. Во-первых, все они содержат пять обязательных коммуникативных ходов: (1) **формулировку коммуникативной цели** или — иначе — интенции речи в форме макропропозиции и/или метасемантического термина (т. е. гиперонима по отношению к семантическим паттернам, реализуемым далее в этой же речи), отражающих суть проблемы и предлагаемого решения (или — иначе — суть мотивирующей и легитимизирующей составляющей и суть ответного действия); (2) **констатацию** (и/или **описание**) разворачивающегося или планируемого ответного действия группы своих, всегда сопровождающуюся несколькими (3) развернутыми **мотивирующими** (легитимизирующими) коммуникативными ходами; (4) **просьбу** или **требования** (и/или **ультиматум**), нацеленные на других членов группы своих или группу чужих соответственно, и (5) **обещание** предпринять что-то как продолжение ответного действия или в связи с таковым. Последние два могут также быть рассмотрены как специфические варианты реализации хода 2 и/или как его часть, поскольку значительная часть описания планируемых ответных действий будет реализована с использованием средств футуральности, а также тяготеть в плане общей метапрагматики к РА промисива и менасива.

На еще более абстрактном уровне тексты демонстрируют реализацию структуры «проблема — решение», в которой формулировка **проблемы** является легитимизирующей для предлагаемого **решения** — реализуемого, планируемого, требуемого или обещаемого набора действий.

Во-вторых, особенностью жанра является «многослойная» структура — четкая формулировка макропропозиции, последующая детализация таковой и — часто — повторная формулировка той же макропропозиции в виде резюме. Сюда же следует отнести чередование одних и тех же коммуникативных ходов в процессе развертывания речи, в особенности рекуррентное появления коммуникативного хода 2 (либо в виде полноценного коммуникативного хода, либо в виде шага, т. е. констатации с использованием метасемантического термина, отсылающего к полноценному коммуникативному ходу, реализуемому в иной фазе дискурса) и «обрамление» такового мотивирующими ходами различного вида. Этот аспект будет проиллюстрирован в процессе анализа и описания коммуникативных ходов и как отдельный фрагмент описания представлен не будет.

Первый ключевой обязательный ход — **формулировка коммуникативной цели или интенции** речи — может быть рассмотрен как состоящий из двух шагов — формулировки проблемы, могущей также рассматриваться как макропропозиция для всех последующих мотивирующих ходов (П/М — проблема/мотивировка) в связке с констатацией ответного действия (КОД), которая также может рассматриваться как макропропозиция для соответствующих ходов, если в речи эксплицитно обсуждаются (а не просто констатируются) ответные действия.

Данный коммуникативный ход предсказуемо стремится к началу речи, однако с некоторыми вариациями. В том случае, если хронотоп не предполагает прямого обращения к живой аудитории (например, в случае телевизионной трансляции), коммуникативный ход появляется в самом начале речи. Наиболее иллюстративным примером такого варианта исполнения жанра является телеобращение Дж. У. Буша 17 марта 2003 года [Message to Saddam — March 17, 2003] за несколько дней до начала военной кампании в Ираке, где

макропропозиции П/М (*events in Iraq*) и КОД (*the final days of decision*) формулируются в пределах (одной) первой предикации:

My fellow citizens, events in Iraq have now reached the final days of decision.
[Message to Saddam — March 17, 2003]

Аналогичным образом П/М (*the brutality in Kosovo*) и КОД (*our Armed Forces joined our NATO allies in airstrikes*) формулируются в телеобращении Била Клинтона перед началом операции «Союзная сила» 24 марта 1999 г. Ср.:

My fellow Americans, today our Armed Forces joined our NATO allies in airstrikes against Serbian forces responsible for the brutality in Kosovo. [March 24, 1999: Statement on Kosovo]

Во всех случаях, где президент обращается к живой аудитории, формулировка П/М и КОД предваряется факультативным **коммуникативным ходом «подводки»** к формулированию проблемы и констатации или обсуждению ответных действий, который может состоять из нескольких шагов, включая обращение к присутствующим, апелляцию к физической локации, апелляцию к конкретным индивидам в данной локации, выражение благодарности, шутки, и то, что можно назвать «эксплуатацией хронотопа», включающую **дескрипцию** и **нарратив**, каким-то образом связанные с хронотопом данного события и помогающие оратору подвести речь к формулировке проблемы или мотивации предлагаемых ответных действий.

В наиболее лаконичном варианте такая фаза (в виде апелляции к локации и благодарности) обнаруживается в речи Дж. У. Буша в Музейном центре в Цинциннати (Cincinnati Museum Center):

Thank you all. Thank you for that very gracious and warm Cincinnati welcome. I'm honored to be here tonight; I appreciate you all coming. [The Iraqi Threat — October 7, 2002]

Непосредственно после этой фазы текста предсказуемо появляется коммуникативный ход 1 — формулирование П/М (*a grave threat to peace*) и КОД (*to lead the world in confronting that threat*):

Tonight I want to take a few minutes to discuss **a grave threat to peace**, and America's determination **to lead the world in confronting that threat**.

Как видно из примера, данный коммуникативный ход может также включать метапрагматический термин, охватывающий весь текст и формулирующий его метапрагматикой в том виде, в котором ее эксплицитно определяет сам оратор (*to discuss*).

Достаточно объемной данная фаза является в речи Дж. Г. У. Буша [Remarks to Allied Armed Forces Near Dhahran, Saudi Arabia], адресованной союзным войскам во время реализации военной кампании «Буря в пустыне». Данная фаза включает:

- признание локации и признание присутствующих:

With us today, we have four very special guests out here. The leaders, if you will, the top leadership of the United States Congress: the Speaker of the House, Tom Foley; the leader of the Senate, George Mitchell, next to him, Senator Mitchell; Congressman Bob Michel, the Republican leader, minority leader in the House; and Senator Bob Dole;

- благодарность:

Let me just say how pleased that Barbara and I are to be here. And I want to thank all of you for this welcome, this warm welcome;

- шутку:

This is quite a crowd. I can't help but think of the warning one soldier gave comedian Steve Martin last month — true story. He said, “You'd better be funny. We've got bullets”;

- дескрипцию (дня благодарения):

You know, Thanksgiving is the oldest, some might say the most American of holidays, dating back to our very origins as a people. And it's a day, I think we would all agree, separate and apart from others;

поскольку речь произносится в день благодарения и, соответственно, позволяет оратору эксплуатировать данный хронотоп (большого масштаба — день благодарения в историческом смысле, как совокупность всех предыдущих событий — *is the oldest; dating back to our very origins as a people*) в текущем хронотопе (*here today, out here*) в частности для актуализации нужных смыслов и ценностей, вроде «семья» (*with this family, this American family*):

But after spending the morning visiting with the men and women of our Army, Air Force, Navy, and Coast Guard, and now with the First Marine Division here today, there could hardly be a prouder moment than **sharing Thanksgiving with this family, this American family out here** (интерпретация присутствующих как одной семьи). [Remarks to Allied Armed Forces Near Dhahran, Saudi Arabia]

Актуализированный хронотоп также позволяет перейти оратору к ключевому ходу — формулированию коммуникативной задачи речи в терминах П/М (*peace and freedom, innocent life*) и КОД (*why are we here, we're here, making a stand, protect*):

And on this day, with all that America has to be thankful for, it is fair for Americans to say, **why are we here?**

It's not all that complicated. There are three key reasons why we're here with our U.N. allies making a stand in defense of peace and freedom. We're here to protect freedom. We're here to protect our future. And we're here to protect innocent life.

В речи Д. Трампа [Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan] формулировка КОД и П/М (I am here tonight to lay out our path forward in Afghanistan and South Asia. But before I provide the details of our new strategy ...; в данном случае шаг «П/М» можно рассматривать как редуцированный, представленный лишь в форме группы существительных Afghanistan and South Asia, не содержащей лексемы, формулирующей суть проблемы) также вставлена в подводку, включающую благодарность, признание присутствующих и эксплуатацию хронотопа — актуализацию семантических паттернов, связанных с активностью американских вооруженных сил, поскольку речь произносится на военной базе «Форт Майер» и соответственно (расширенный) хронотоп данного места предполагает такие виды активности, ср., например:

The men and women of our military operate as one team, with one shared mission and one shared sense of purpose. They transcend every line of race, ethnicity, creed and color to serve together and sacrifice together in absolutely perfect cohesion. [Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan]

Использование такого нарратива в данной фазе позволяет оратору сфокусировать два семантических паттерна, которые в свою очередь позволяют подвести дискурс к формулированию основных (см. анализ ниже) мотивационных и легитимизирующих ходов данной речи. Данные два паттерна сводятся к тому, что (1) все американцы, включая тех, кто сражается за них и их ценности, являются одной семьей, ср.:

...all service members are brothers and sisters. They're all part of the same family. It's called the American family. They take the same oath, fight for the same flag and live according to the same law. They're bound together by common purpose, mutual trust and selfless devotion to our nation and to each other;

и соответственно, то, что (2) вред, нанесенный военнослужащим врагами/чужими, является вредом, нанесенным всей нации:

...a wound inflicted upon a single member of our community is a wound inflicted upon us all. [Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan]

Первый семантический паттерн эксплицируется такими концентрированными лексическими средствами для номинации родства, как *brothers and sisters, the same family, American family*, и различными средствами номинации семы «единство» — *the same (x4), bound together, common, mutual*. Второй — *wound inflicted* и использованием параллельной синтаксической конструкции (*a wound inflicted upon a single member — a wound inflicted upon us all*).

Сопоставимым образом данный коммуникативный ход и его шаг, который был назван эксплуатацией расширенного хронотопа, используется и Б. Обамой (см. анализ ниже). Формулировки коммуникативного хода 1 так же, как и в случае с речью Д. Трампа, «вставлены» в реализацию коммуникативного хода подводки, ср.:

[шаг «обращение к присутствующим» →] Leaders and dignitaries of the European Union, representatives of our NATO alliance, distinguished guests,

[коммуникативный ход 1 →] we meet here at [П/М →] **a moment of testing** for Europe and the United States and [П/М →] **for the international order** that we have worked for generations [КОД →] **to build**.

[Переход к шагу нарратив/описание как часть «эксплуатации расширенного хронотопа»] Throughout human history, societies have grappled with fundamental questions of how to organize themselves, the proper relationship between the individual and the state, the best means to resolve the inevitable conflicts between states. // And it was [аттуализация расширенного хронотопа →] **here in Europe**, through centuries of struggle, through war and enlightenment, repression and revolution, that [социальная активность, смонтированная в хронотоп →] a particular set of ideals began to emerge <...> [President Obama gives speech addressing Europe, Russia on March 26 — The Washington Post]

Поскольку данный шаг имеет непосредственное отношение к репрезентации фрагмента мира и конфликта, он будет подробно рассмотрен далее при обсуждении репрезентативного аспекта текстов.

Мотивационные коммуникативные ходы в данном типе риторики предсказуемо являются наиболее выраженными и проработанными оратором и могут занимать достаточно объемную фазу текста. Наметим здесь несколько возможных **типов** таких **мотивационных ходов** или — поскольку одна фаза текста часто комбинирует различные виды семантических паттернов — как шаги в составе одного мотивационного хода.

Первую группу мотивационных ходов образуют ходы, которые основываются на семантических паттернах, рассматриваемых в данной работе как часть дискурса образа врага. Сюда следует отнести: (1) интеграцию всех чужих в одну группу и позиционирование объекта ответного действия как локации их нахождения (наиболее иллюстративный пример в данном случае —

Ирак и Афганистан как «пристанище» террористов); (2) дискредитирующие и демонизирующие нарратив и дескрипцию, связанную с действиями чужих в прошлом и/или в настоящем (также сопровождаемые предсказуемыми особенностями речевой реализации — отбором пейоративной лексики для актуализации семантических паттернов, переход на более высокие уровни абстракции, перелексикализацией как в форме концентрированного использования абстрактной лексики, так и в форме концентрированного использования конкретной лексики, включая специфическую терминологию); (3) прогноз в форме (а) того, что может произойти (или неминуемо произойдет), если не будут приняты ответные меры, и (б) в форме того, что может произойти (или неминуемо произойдет) как экстраполяция прецедента прошлого, и поэтому требует ответного действия. Примеры всех подобных явлений приводятся при рассмотрении репрезентативного аспекта подобных текстов — создания образа врага как в текстоцентрическом, так и транстекстуальном разрезе.

Вторую группу шагов в составе мотивационных ходов образуют шаги, актуализирующие семантические паттерны, связанные с активностью (в самом широком смысле) группы своих. Сюда (1) можно отнести апелляцию к правильному опыту (опять же в самом широком смысле) своих, включая (а) нормы, принципы, ценности, убеждения своих, которые также могут позиционироваться как универсальные «максимы», (б) фрейм долженствования и необходимости, (в) преемственность и последовательность («потому что всегда так делали») и (г) легитимность и законность меры. Ср.:

- опора на универсальное убеждение/принцип:

[макропропозиция, обозначающая начало мотивационного хода] And number one, [КОД →] **protecting** [П/М →] **freedom** means [КОД →] **standing up** to [П/М →] **aggression**.

You know, the brutality inflicted on the people of Kuwait and on innocent citizens of every country [шаг 1а «универсальный принцип/убеждение» →] **must not be rewarded**. [шаг 1а «максима» →] Because a bully unchecked today is a bully unleashed for tomorrow. [Remarks to Allied Armed Forces Near Dhahran, Saudi Arabia]

- ЛЕГИТИМНОСТЬ И ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ (1б/г):

The United States of America has the [1б →] **sovereign authority** to use force in assuring its own national security. [1г →] That **duty** falls to me, as Commander-in-Chief, by **the oath** I have sworn, by **the oath** I will keep. [Message to Saddam — March 17, 2003]

- ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ (1в):

We **resolved then**, and we **are resolved today**, to confront every threat, from any source, that could bring sudden terror and suffering to America. [The Iraqi Threat — October 7, 2002]

Также к второй группе шагов в составе мотивационного хода можно отнести (2) шаги, основанные на прогнозировании желательного будущего, которое должно наступить в результате реализации ответных мер и действий. Лексико-грамматической реализацией прогноза может быть как простое будущее (*will come, will be lifted, will end*), ср:

When [ответные действия →] **these demands are met**, the first and greatest benefit **will come** to Iraqi men, women and children. The oppression of Kurds, Assyrians, Turkomans, Shi'a, Sunnis and others **will be lifted**. The long captivity of Iraq **will end**, and an era of new hope **will begin** [The Iraqi Threat — October 7, 2002];

так и сослагательное наклонение:

The lives of Iraqi citizens [желательное будущее →] **would improve dramatically** if Saddam Hussein [ответные действия →] **were no longer** in power, just as the lives of Afghanistan's citizens improved after the Taliban [The Iraqi Threat — October 7, 2002]

Еще одну группу шагов в составе мотивационных ходов составляют шаги, основанные на актуализации семантических паттернов «неудачные попытки/опыт решения этой проблемы в прошлом». С точки зрения акционального измерения спецификой реализации семантического паттерна является актуализация ряда действий, предпринятых своими, и ряда контрдействий или отказов со стороны чужих на каждое действие своих; спецификой лексико-грамматической и синтаксической реализации таких паттернов является повторение аналогичной синтаксической конструкции, формулирующей то, что уже было сделано и (часто) использование формы настоящего совершенного (*have done*) или простого прошедшего (*did*) при лексико-грамматическом оформлении, требующем использования именно простого прошедшего (как правило, эксплицитно выраженное обстоятельство времени, например, *on Sunday* ниже), ср.:

Over the last few months **we have done** everything we possibly could to solve this problem peacefully. Secretary Albright **has worked** tirelessly for a negotiated agreement. Mr. Milosevic **has refused**. // On Sunday **I sent** Ambassador Dick Holbrooke to Serbia **to make clear** to him again, on behalf of the United States and our NATO allies, that **he must honor** his own commitments and stop his repression, or face military action. Again, **he refused**. [March 24, 1999: Statement on Kosovo]

Since then, the world **has engaged** in 12 years of diplomacy. We **have passed** more than a dozen resolutions in the United Nations Security Council. We **have**

sent hundreds of weapons inspectors to oversee the disarmament of Iraq. Our good faith **has not been returned**. [Message to Saddam — March 17, 2003]

The world **has also tried** economic sanctions — and watched **Iraq use** billions of dollars in illegal oil revenues **to fund** more weapons purchases, rather than providing for the needs of the Iraqi people. // The world **has tried** limited military strikes to destroy Iraq's weapons of mass destruction capabilities — only to see them openly **rebuilt**, while the regime again **denies** they even exist. The world **has tried** no-fly zones to keep Saddam from terrorizing his own people — and in the last year alone, the Iraqi military **has fired** upon American and British pilots more than 750 times. [The Iraqi Threat — October 7, 2002]

Еще одной индивидуализируемой и близкой к предыдущей («неудачный опыт») группой шагов являются шаги, основанные на актуализации семантического паттерна «ошибка прошлого» или «схожий прецедент». Суть шага заключается в выстраивании аналогии между двумя событиями: событием 1 является то, которое составляет часть проблемы, событием 2 — то, которое уподобляется ему. При этом также подчеркивается, что принятие мер, аналогичных ответным действиям, могло бы исправить ситуацию 2 и актуализируется семантический паттерн «ошибочности» поведения и принятых мер в ситуации 2 (одним из повторяющихся лексических маркеров такого паттерна является существительное *mistake*: *mistakenly withdrew; repeat in Afghanistan the **mistake** our leaders made in Iraq; not going to make that **mistake** again*) и различного рода негативных эффектов (*slipped back into the hands of terrorist; were occupied by a terrorist group called ISIS; gave safe haven for ISIS to spread; paid dearly for appeasing an aggressor*). Ср.:

And as we know, in 2011, America hastily and **mistakenly withdrew from Iraq**. As a result, our hard-won gains **slipped back into the hands of terrorist enemies**. Our soldiers watched as cities they had fought for and bled to liberate,

and won, **were occupied by a terrorist group called ISIS**. The vacuum we created by leaving too soon **gave safe haven for ISIS to spread**, to grow, recruit and launch attacks. We cannot repeat in Afghanistan the mistake our leaders made in Iraq. [Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan]

В плане лексико-грамматической реализации предсказуемым является и употребление сослагательного наклонения (*should and could have been stopped*):

Czechoslovakia — they know firsthand about the folly of appeasement. They know about the tyranny of dictatorial conquest. And in the World War that followed, the world **paid dearly for appeasing an aggressor who should and could have been stopped**. We're not going to make that mistake again. We will not appease this aggressor. [Remarks to Allied Armed Forces Near Dhahran, Saudi Arabia]

Еще один вариант реализации такого хода — дескрипция негативных эффектов в сопоставимой или аналогичной (*some of the same lessons*) ситуации 2 (*happened; innocent people herded into concentration camps, children gunned down by snipers on their way to school*) и последующее указание на то, как ответное действие (аналогичное предлагаемому в текущем хронотопе) позволило в конечном итоге решить проблему, но было предпринято с опозданием (*did not act early enough*), что, соответственно, и является мотивировкой принятия ответного действия немедленно в текущем хронотопе (*must apply that lesson in Kosovo before what happened in Bosnia happens there, too*):

We learned **some of the same lessons** in Bosnia just a few years ago. The world **did not act early enough** to stop that war, either. And let's not forget what **happened: innocent people herded into concentration camps, children gunned down by snipers on their way to school ... <...>** We **must apply that**

lesson in Kosovo **before** what happened in Bosnia **happens there, too**. [March 24, 1999: Statement on Kosovo]

В отличие от констатации ответного действия, которая рассматривается как шаг обязательного коммуникативного хода 1 и также может фигурировать как шаг в составе иных коммуникативных ходов, описание ответного действия является полноценным коммуникативным ходом, в свою очередь состоящим из нескольких шагов. Поскольку большая часть ответных действий локализована в будущем, в реализации хода используются средства футуральности; эти оба факта также часто сближают (или комбинируют) данный ход с ходами обещания и просьбы, а также различными видами прогнозов.

Способ реализации данного хода также зависит от конкретного хронотопа, в котором разворачивается речь. Из рассмотренного в работе массива в наиболее лаконичном виде данный ход реализуется в речи Дж. У. Буша, поскольку, как представляется, тот факт, что операция («Буря в пустыне») уже находится в стадии реализации и аудиторию составляют непосредственно вовлеченные в нее субъекты (по всей видимости, поэтому в данной речи также можно наблюдать акцент на мотивационных и легитимизирующих ходах и дефокусирование всех остальных). В виде коммуникативного хода данная фаза реализуется в речи один раз. При этом также наблюдается предсказуемое (из хронотопа) акцентирование того, что делается или было сделано (лексико-грамматически реализованное путем использования настоящего совершенного — *you have launched; we and our allies have forged*) и фигурирование непосредственной аудитории в качестве партиципантов процессов (реализуемое путем использования полноценного дейктического *you* — *you have launched*):

Over the past 4 months, **you have launched** what history will judge as one of the most important deployments of allied military power since 1945. And I have come here today to personally thank you. The world is watching. Our **objectives**

in the Gulf have never varied. **We want to free and restore** Kuwait's government, **protect** American citizens abroad, **safeguard** the security and stability of the region. <...> To force Iraq to comply, **we and our allies have forged** a strong diplomatic, economic, and military strategy. [Remarks to Allied Armed Forces Near Dhahran, Saudi Arabia]

Ожидаемая от такого хода футуральность реализуется в данном случае лишь косвенно путем использования существительного *objectives* и глагола *want* (оба из которых способны инициировать нефинитную предикацию в форме инфинитива, актуализирующую процессы, разворачивающиеся в будущем, ср.: *want to free and restore*).

Другая фаза данного дискурса, точную метапрагматику которой сложно идентифицировать (прежде всего, поскольку из анализа текста не вполне ясно, кому конкретно она адресована и на кого конкретно возлагается «ответственность» за ее реализацию — на группу своих или на группу чужих, от чего, как было отмечено ранее, зависит интерпретация коммуникативного хода или шага как обещания или как угрозы), но где также можно усматривать реализацию данного хода, оформлена таким образом, что также допускает прочтение ее и как обещания, и как угрозы:

Our diplomats and our citizens held hostage **must be freed**. And **it's time to stop toying** with the American hostages. And **it's time for Saddam to stop trying** to starve out our little beleaguered Embassy in Kuwait City. <...> And **it's time to put an end** to this cruel hostage bazaar, bartering in human beings like the days of the slave trade. [Remarks to Allied Armed Forces Near Dhahran, Saudi Arabia]

Как видно из примера, в группу ответных действий включается освобождение заложников и более абстрактные действия, вроде «положить конец» (ср.: *must be freed; it's time to stop toying; it's time to put an end*), но не

вполне ясно, кто должен реализовать это действие, поскольку нефинитные предикации не имеют эксплицитных партиципантов. Также не вполне ясно, входят ли (косвенно) в число потенциальной (расширенной) аудитории сообщения представители группы чужих (в частности сам Саддам Хуссейн).

В иных случаях в пределах этой же речи актуализация семантического паттерна «ответное действие» (констатация ответного действия — КОД) реализуется в качестве шага, вмонтированного в фазу дискурса, метапрагматика которой идентифицируется скорее как иной коммуникативный ход (преимущественно мотивационный). Так КОД реализуется многократно в процессе развертывания дискурса путем использования макропропозиции, отсылающей к соответствующему семантическому паттерну и/или путем использования метасемантического термина

в форме предикации *we're here* в составе коммуникативного хода 1 (а) и макропропозиций для мотивационных коммуникативных ходов (б):

(а) There are three key reasons **why we're here...**

(б) Number three, **we're here** because innocent lives are at stake;

в форме метасемантического термина — абстрактной лексемы *mission*:

They [три причины — три мотивационных паттерна, реализованных в составе мотивационного коммуникативного хода выше. — *E. M.*] make a compelling case for **your mission**;

And that's why more and more, **your mission** is marked by a real sense of urgency [как шаг в составе мотивационного коммуникативного хода, основанного на паттерне прогнозирования нежелательного будущего; см. выше];

в форме абстрактных процессов — *protect* и *defence* (т. е. в форме номинализации):

And number two, our mission is about **protecting** national security, which is to say **protecting** our future;

We're here with our U.N. allies making a stand in **defense** of peace and freedom.
[Remarks to Allied Armed Forces Near Dhahran, Saudi Arabia]

Коммуникативные ходы, целенаправленно ориентированные на специфические группы адресатов (которых относительно несложно идентифицировать), распадаются на просьбы/требования (реквестив и инъюнктив) и обещание/угрозу (промисив и менасив). В первом случае ответственность за инициацию и выполнение действия возлагается на тех, кому адресован речевой акт (иной фракции группы своих или же группе чужих), во втором — на говорящего и его группу (своих). Таковые можно рассматривать как развитие коммуникативных ходов/шагов констатации ответных действий (КОД) в том случае, если их реализация зависит от других субъектов (и выполнения ими определенных условий) и/или находится в неопределенном будущем.

Коммуникативный ход «просьба» или «требование» реализуется в двух данных вариациях в зависимости от того, кому он адресован. Просьбы адресованы иными субъектам в группе «своих». Сюда, например, можно включить представителей ООН, к которым Дж. У. Буш обращается с просьбой как специфическим вариантом реализации ответных действий (см. ниже). Если реальным адресатом фазы дискурса является группа чужих, то просьба становится требованием или ультиматумом, в случае невыполнения которых должны последовать санкции (что делает данный ход угрозой). Фазой дискурса, совмещающей все эти шаги, является следующий пример из обращения Дж. У. Буша к ООН [The Iraqi Threat — October 7, 2002]:

America wants the U.N. to be an effective organization that helps keep the peace. And that is why **we are urging** the Security Council to adopt a new resolution setting out tough, immediate requirements. Among **those requirements**: the Iraqi regime **must** reveal and destroy, under U.N. supervision, all existing weapons of mass destruction. To ensure that we learn the truth, the regime **must** allow witnesses to its illegal activities to be interviewed outside the country — and these witnesses **must** be free to bring their families with them so they all beyond the reach of Saddam Hussein’s terror and murder. And inspectors **must** have access **to any site, at any time, without pre-clearance, without delay, without exceptions**. The time for denying, deceiving, and delaying has come to an end. Saddam Hussein **must** disarm himself — or, for the sake of peace, we **will lead a coalition to disarm him**.

Данный фрагмент как целостный коммуникативный ход рассматривается как требование, поскольку соответствующий паттерн (явно актуализируемый, к примеру, через сегменты *to any site, at any time, without pre-clearance, without delay, without exceptions*) и конкретные лексико-грамматические маркеры требования (существительное *requirements*, модальный глагол *must*) доминируют в нем. Однако, как и вообще в случае реализации коммуникативных ходов в данном жанре (и вообще различных фаз различных текстов), внутри доминирующего коммуникативного хода можно обнаружить сегменты (шаги), соотносимые с другими коммуникативными ходами того же текста и жанра. Например, в данном случае усматривается реализация мотивационного шага «правильные принципы, убеждения, ценности» своих (*helps keep the peace; for the sake of peace*), хода просьбы (*we are urging the Security Council to adopt a new resolution setting out tough, immediate requirements*) и мотивирующих шагов, в репрезентативном смысле основанных на актуализации фрагментов дискурса врага (*the reach of Saddam Hussein’s terror and murder; denying, deceiving, and delaying*), а также шага «угроза» (*will lead a coalition to disarm him* — если

косвенным адресатом данного сегмента рассматривать группу чужих и непосредственно Саддама Хуссейна).

Таким образом, коммуникативный ход «угроза» реализуется как семантический паттерн «обещание негативной санкции при невыполнении требования/условия», ср.:

... [требование/условие →] **if** President Milosevic will **not make peace**, [санкция →] **we will limit his ability to make war**. [March 24, 1999: Statement on Kosovo]

С другой стороны, угроза может реализовываться и косвенным (неконгруэнтным) способом посредством иных лексико-грамматических средств. Например, как «угроза» может быть определена метапрагматика следующего коммуникативного шага, где семантический паттерн «мы отреагируем решительно» (например, *we will act with resolve* — или что-то подобное) имплицитно используется фактическим использованием *confuses that with a lack of resolve*:

But Saddam is making the mistake of his life if he confuses an abundance of restraint — confuses that with a lack of resolve. [Remarks to Allied Armed Forces Near Dhahran, Saudi Arabia]

Обещание реализуется в виде паттерна «обещание благополучного исхода» для группы своих как результат ответных действий (в неопределенном будущем) или же как вариация паттерна и хода «предлагаемые ответные меры/действия», реализация которых также предполагается в некотором не вполне определенном будущем. Как и в случае прогнозов, лексико-грамматическим маркером реализации хода (как в виде угрозы, так и в виде обещания) является простое будущее время, однако в реализации данного хода, в отличие от прогноза, партиципантом процессов (агенсиом при глагольных формах) в прототипическом варианте исполнения данного хода должна быть группа своих. Таким образом,

прототипическим лексико-грамматическим шаблоном реализации будет предикация по типу *we will do* с инклюзивным «мы», включающим Америку и других представителей группы своих, ср.:

Working alongside our allies, **we will break** their will, **dry up** their recruitment, **keep** them from crossing our borders and, yes, **we will defeat** them, and **we will defeat** them handily. [Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan]

С другой стороны, данный ход может зависеть в реализации и от иных средств футуральности (*we're not walking away*) и демонстрировать прикрепление иных партиципантов к процессам (глаголам) или же, например, так называемую элиминацию агенса (ср.: *no American will be kept*):

And this I **promise**: No American **will be kept** in the Gulf a single day longer than necessary. But we **won't pull punches**; we are not here on some exercise. This is a real-world situation. And **we're not walking away** until our mission is done, until the invader is out of Kuwait. And that may well be where you come in. [Remarks to Allied Armed Forces Near Dhahran, Saudi Arabia]

Примечательно, что в данном примере метапрагматика хода маркирована метапрагматическим термином (так называемым перформативом *I promise*), что облегчает его декодирование как обещания. С другой стороны, в некоторых случаях коммуникативный ход «констатация и описание ответных действий» может комбинироваться с ходом «обещание», что подтверждает сделанные ранее замечания о близости данных ходов. Ср., например:

A core pillar of **our new strategy** is a shift from a time-based approach to one based on conditions. I've said it many times how counterproductive it is for the United States to announce in advance the dates we intend to begin or end military options. // We **will not talk** about numbers of troops or our plans for

further military activities. Conditions on the ground, not arbitrary timetables, **will guide** our strategy from now on. America's enemies must never know our plans or believe they can wait us out. I will not say when we are going to attack, but **attack we will**. [Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan]

Интерпретацию фазы дискурса как коммуникативного хода 2 «констатация/описание разворачивающегося или планируемого ответного действия» маркируется метасемантическим *strategy*, который фигурирует в формулировке коммуникативного хода 1 данной речи наряду с (метафорическим) *path* (ср.: *I am here tonight to lay out **our path** forward in Afghanistan and South Asia. But before I provide the details of our new strategy...*) и используется для констатации ОД. Следовательно, логичным для данной фазы дискурса должно быть описание стратегии, которое может быть оформлено различными средствами футуральности, включая простое будущее время.

Мы допускаем, что *will not talk* и *will guide* могут быть интерпретированы как конгруэнтные средства оформления такого коммуникативного хода, однако использование инверсии в последнем предложении (*but attack we will*), как представляется, формирует метапрагматику данного сегмента как обещание или угрозу.

Как вариацию реализации хода «обещание успешного исхода» можно также рассматривать следующий:

And I believe that if we hold firm to our principles and are willing to back our beliefs with courage and resolve, then hope **will ultimately overcome** fear, and freedom **will continue** to triumph over tyranny, because that is what forever stirs in the human heart. [President Obama gives speech addressing Europe, Russia on March 26 — The Washington Post]

В пользу прочтения метапрагматики данной фазы текста как «обещания» свидетельствует использование простого будущего (*will ultimately overcome; will*

continue to triumph), актуализации семантического паттерна «неопределенное будущее» (например, *ultimately*) в сочетании с абстрактной лексикой, номинирующей абстрактные понятие с аксиологическим вектором «плюс» и «минус» (*courage “+”, resolve “+”, fear “-”, freedom “+”* и т. п.). Тот факт, что в позиции агенса находятся не представители группы своих (а абстрактные сущности), как представляется, не препятствует пониманию того, что фактические действия, направленные на достижение данного положения дел, должны быть инициированы и реализованы группой своих, поскольку именно эта группа традиционно ассоциируется с подобным набором ценностных концептов, как будет продемонстрировано далее при анализе дискурсивной практики ПР в репрезентативном аспекте.

Обязательным, но не ключевым (для реализации коммуникативных целей жанра) ходом является завершение речи стандартным «благословением» Америки и (часто) субъектов, реализующих ответное действие, ср.:

May God bless them [вооруженные силы США. — *E. M.*], and may God bless America. [March 24, 1999: Statement on Kosovo]

Good night, and may God continue to bless America. [Message to Saddam — March 17, 2003]

Форма актуализации субъектов, реализующих ответное действие (вооруженных сил США или коалиционных вооруженных сил), зависит от хронотопа, в котором разворачивается дискурс: если речь произносится непосредственно перед такими субъектами, таковое отражается в используемых дейктических средствах, индексирующих субъектов как часть физического контекста, ср.:

God bless you all. God bless our faithful allies, the United Kingdom. God bless the Marines, and may God bless the greatest, freest country on the face of the

Earth, the United States of America. Thank you and bless you all. Good luck to all of you guys. [Remarks to Allied Armed Forces Near Dhahran, Saudi Arabia]

В соответствии с выбранной в данной работе теоретической перспективой представленное выше описание является идеальной абстрагированной моделью жанра и каждый отдельный экземпляр будет являться тем, что было обозначено как уникальное исполнение жанра. В этой связи, а также в связи с отмеченной особенностью «перемешивания» разных коммуникативных ходов и шагов во время развертывания текста, не представляется возможным говорить о некоторой стандартной единой композиции речей рассматриваемого жанра, выражающейся в строго фиксированной последовательности коммуникативных ходов. Однако в качестве общей закономерности можно сказать, что (усредненная) композиция речи выглядит следующим образом (см. также анализ конкретного примера ниже):

- (факультативный) коммуникативный ход «подводка» →
- коммуникативный ход «формулировка коммуникативной цели» →
- комплексная фаза мотивирующих и легитимизирующих коммуникативных ходов в комбинации с коммуникативным ходом описания предполагаемого ответного действия, который может быть комбинирован с коммуникативными ходами «просьба/требование» и «обещание/угроза» →
- завершающий коммуникативный ход «благословение».

Как будет показано (в следующем подразделе) на примере анализа конкретной речи (а также при обсуждении дискурса врага), в конфронтационной риторике (а) оценка реализуется в режиме «поляризации» — гиперболизированной негативной оценки всего, что связано с деятельностью группы чужих и положительной оценкой всего, что связано с группой своих; (б) способ реализации диалогичности в целом тяготеет к «безапелляционному», когда единственное мнение и единственная перспектива оценки, «допускаемые» дискурсом и конкретными текстами, — мнение и перспектива своих (или точнее

мнение некоторой стоящей за оратором группы акторов, не обязательно всей группы своих).

Примеры реальной диалогичности, когда на аудиторию проецируется несколько альтернативных мнений (без одновременной попытки опровержения таковых), могут быть обнаружены, к примеру, в факультативных ходах речи и/или относительно вопросов, не имеющих прямого отношения к описанию проблемы и легитимизации и ответных действий (т. е. ключевых коммуникативных ходов данного жанра и ключевых семантических паттернов, реализующих его основную коммуникативную цель). Ср. следующий фрагмент хода «подводка» речи Дж. Г. У. Буша:

You know, Thanksgiving is the oldest, **some might say** the most American of holidays, dating back to our very origins as a people. And it's a day, **I think we would all agree**, separate and apart from others. [Remarks to Allied Armed Forces Near Dhahran, Saudi Arabia]

Как видно из примера, лексико-грамматически (*some might say; I think we would all agree*) в тексте закодировано то, что по крайней мере какая-то часть аудитории может иметь другое мнение, которое «допускается» оратором. Такой способ реализации не характерен для реализации ключевых фаз и ходов речи (описание проблемы и легитимизация и ответных действий). Примеры, в которых источником утверждения (прогноза, оценки) является сам автор (*in my view; I'm/I am convinced*) и его «субъективность» (что рассматривается как усиление диалогичности), в этих блоках немногочисленны, ср. исключительные случаи:

In my view, it's the riskiest of all options, because the longer we wait, the stronger and bolder Saddam Hussein will become. We could wait and hope that Saddam does not give weapons to terrorists, or develop a nuclear weapon to

blackmail the world. But **I'm convinced** that is a hope against all evidence. [The Iraqi Threat — October 7, 2002]

I've thought long and hard about that question. **I am convinced** that the dangers of acting are far outweighed by the dangers of not acting — dangers to defenseless people and to our national interests. [March 24, 1999: Statement on Kosovo]

Типичным для таковых являются прямые утверждения (*set out to wipe*) и/или пресуппонирующее предложение (*this brutal dictator → the dictator is brutal*), реализующих нужные семантические паттерны. Такой режим, безусловно, характерен для легитимизирующих ходов, построенных на актуализации различных семантических паттернов, связанных с репрезентацией врага, например:

Last August 2d [sic; 2nd. — *E. M.*], **this brutal dictator set out to wipe** another country from the face of the Earth [→ является ли интерпретация действий Ирака в форме *set out to wipe another country* наиболее вероятной и разделяемой всеми?]. [Remarks to Allied Armed Forces Near Dhahran, Saudi Arabia]

The regime **has a history of reckless aggression** in the Middle East. It **has a deep hatred** of America and our friends [является ли интерпретация всей внешней политики Ирака как **history of reckless aggression** однозначной? являются ли утверждения относительно того, что они чувствуют (**hatred**) однозначными и потенциально верифицируемыми?]. [Message to Saddam — March 17, 2003]

В случае обсуждения ответных мер, а также обещаний, угроз и прочих актов, ориентированных в будущее, включая прогнозы, как основу мотивационных ходов, также обнаруживается примечательное отсутствие

диалогичности. Большая часть таких актов актуализируется посредством простого будущего без каких либо (лексических) маркеров модальности возможности (possibility). Ср.:

When these demands are met, the first and greatest benefit **will come to** Iraqi men, women and children. The oppression of Kurds, Assyrians, Turkomans, Shi'a, Sunnis and others **will be lifted**. The long captivity of Iraq **will end**, and an era of new hope **will begin**. [The Iraqi Threat — October 7, 2002]

We need look no further than last week's vile, vicious attack in Barcelona to understand that terror groups **will stop at nothing** to commit the mass murder of innocent men, women and children. [Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan]

Модализация по линии possibility, (редко) встречающаяся в актах прогноза (*perhaps; nobody knows* ниже), прочитывается скорее как актуализирующая так называемый «эпистемический» фрейм (т. е. автору неизвестно, что произойдет; см.: [Martin, White 2005: 107–108]), нежели как средство усиления диалогичности, ср.:

Someday, after an effective military effort, **perhaps it will be possible** to have a political settlement that includes elements of the Taliban in Afghanistan. But **nobody knows** if or when that **will ever** happen.

В случаях прогнозов в форме сослагательного наклонения (преимущественно в составе мотивационных ходов, опирающихся на семантические паттерны прогнозирования негативного действия чужих в условия отсутствия ОД) в оформлении таковых помимо глагола *would* также используются модализированные варианты с *could/might*, что можно рассматривать как «вкрапления» диалогичности, ср.:

With these capabilities, Saddam Hussein and his terrorist allies **could choose** the moment of deadly conflict when they are strongest. [Message to Saddam — March 17]

Таковые, однако, уравниваются прогнозами в немодализированной форме. Ср. в пределах того же текста:

In one year, or five years, the power of Iraq to inflict harm on all free nations would be multiplied many times over;

а также прогнозами с использованием простого будущего (в пределах того же текста):

Today, no nation can possibly claim that Iraq has disarmed. And **it will not disarm** so long as Saddam Hussein holds power. [Message to Saddam — March 17, 2003]

Вариантом вкрапления диалогичности также является эксплицитная актуализация иного мнения, приписываемого некоторой группе субъектов (или как один из вариантов — самому оратору в прошлом, так сказать, одной из его ипостасей) для того, что его опровергнуть. Данный прием можно также рассматривать с точки зрения акционального измерения как особую уловку в развертывании текста, поскольку актуализация такого мнения является триггером развернутого опровержения такового, формирующего мотивационную и легитимизирующую фазу данного текста. Одним из наиболее иллюстративных примеров является речь Дж. У. Буша [The Iraqi Threat — October 7, 2002], где часть мотивационной фазы текста организована как интерактивный обмен с некоторой гипотетической группой субъектов, где альтернативное мнение оформлено с точки зрения лексико-грамматической реализации как вопрос (ср.: [Martin, White 2005: 110]), ср.:

... **some ask** why **Iraq is different** from other countries or regimes that also have terrible weapons

что может быть интерпретировано с точки зрения акциональности как способ ввести альтернативное мнение (что Ирак является лишь одной из стран, обладающих оружием массового поражения, — *Iraq is different*) в текст и выстроить последующий мотивационный ход как обоснование того, что Ирак на самом деле уникален (что также является одним из рекуррентных семантических паттернов репрезентации врага). После завершения этой фазы дискурса автор вновь прибегает к аналогичному приему (шагу), фокусирующему семантический паттерн «срочность устранения угрозы» (*urgent*), ср.:

Some ask how **urgent** this danger is to America and the world,

после чего вновь реализуется фаза мотивационного хода, эксплуатирующего данный семантический паттерн.

Финальным вариантом актуализации диалогичности является актуализация «голосов», конкретных идентифицируемых индивидов или групп субъектов в форме цитаты (прямой речи) или в форме косвенной речи. Голоса конкретных индивидов, входящих в группу своих, как в форме цитат, так и в форме косвенной речи предсказуемо актуализируют ту же позицию, что и позиция оратора и группы своих, ср.:

President Havel told me that **Saddam's aggression** is having a severe effect on his struggling economy. And **every day that goes by increases the damage**.
[Remarks to Allied Armed Forces Near Dhahran, Saudi Arabia]

Приписываемое Вацлаву Гавелу мнение соответствует позиции оратора и своих как по актуализируемым семантическим паттернам («нарастание угрозы» — *every day that goes by increases the damage*; см. анализ репрезентации врага),

так и в плане типичного для этого дискурса лексико-грамматического оформления (номинации действий Ирака при помощи лексемы *aggression*).

В случае актуализации «голоса» представителей группы чужих такая приводится в форме косвенной речи, лексико-грамматические способы оформления которой явно свидетельствуют о ее трансформации через призму (ценностной) позиции «своих». Примеры такового будут приведены при анализе языкового оформления ценностей и оценки в речи Б. Обамы [President Obama gives speech addressing Europe, Russia on March 26 — The Washington Post] далее. Такую диалогичность, как и описанные ранее ее проявления, можно было бы назвать «псевдодиалогичностью».

6.2.2 Конфронтационная речь и дискурс глобального антагонизма: ламинирование акциональных и репрезентативных системностей

Цель данного подраздела — исследование специфики реализации конфронтационной риторики в акциональном и репрезентативном аспекте или — иначе — исследование комбинации жанровой модели конфронтационной риторики с актуализацией содержания, рассматриваемого как фрагмент дискурса глобального антагонизма (ДГА). Такой ракурс исследования соответствует одному из возможных вариантов используемой в работе аналитической модели «жанр-дискурс» и «акциональность-репрезентативность-метапрагматика», подробно описанной ранее.

С репрезентативной точки зрения актуализация ДГА представляет собой речевое конструирование двух поляризованных групп — своих и чужих. Задачей анализа на этом уровне и в этой плоскости является описание типичных семантических паттернов и лексико-грамматических ресурсов, используемых для репрезентации (или конструирования) этих групп.

Однако рассмотрение использования этих ресурсов в процессе развертывания текста как **инструмента** легитимизации некоторых политических решений или стимулирования адресата в сторону совершения определенных посткоммуникативных действий в самом широком смысле, т. е. мотивирования, переводит исследование в **метапрагматическую** плоскость, *поскольку метапрагматика является комплексным пространством осмысления (персуазивного) эффекта текста/-ов, который в соответствии с представленными ранее тезисами рассматривается как достигаемый комбинацией определенных способов репрезентации и конструирования реальности и определенных способов организации текста с точки зрения последовательности различных его фаз (ходов и шагов) и достигаемых благодаря такой организации способов прагматического фокусирования и дефокусирования смыслов, связанных с репрезентацией и конструированием реальности.*

Основным материалом предложенного далее анализа послужила публичная речь американского президента Д. Трампа, посвященная обсуждению военной кампании в Афганистане [Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan]. С целью демонстрации преемственности использования обсуждаемых средств реализации как репрезентативной (в большей степени), так и акциональной (в меньшей степени) системности в рамках дискурсивной практики ПР (президентской риторики) было проведено их сравнение с аналогичными явлениями в текстовом массиве публичных речей Дж. У. Буша, произнесенных в 2001–2004 гг. Данный массив включает 28 текстов публичных речей и два транскрипта пресс-конференций общим объемом 97 тысяч слов. Все тексты в той или иной мере посвящены обсуждению конфронтации США с внешними врагами и поэтому в той или иной форме актуализирую ДГА, но при этом не обязательно являются экземплярами жанра конфронтационной речи, описанной ранее. В период с 2001 по 2004 г. (дискурсивными) врагами США

преимущественно были Ирак в лице его лидера Саддама Хуссейна и террористические организации в лице Усамы бен Ладена.

С точки зрения композиции данный текст является реализацией представленной ранее жанровой модели конфронтационной риторики. В речи выделим достаточно объемный коммуникативный ход подводки, составляющий примерно 23 % от всего текста. Коммуникативный ход 1 формулировки коммуникативной цели фактически «врезается» в подводку.

Подводка в данном случае является тем, что ранее было обозначено как «эксплуатация» расширенного хронотопа: поскольку речь произносится на военной базе и для преимущественно «живой» аудитории первого порядка (*I want to say a few words to the service members here with us tonight*) и «удаленной» аудитории второго порядка (*to those watching from their posts*), состоящей (предположительно) из военнослужащих, оратор прибегает к нарративу, посвященному деятельности данной группы акторов в исторической перспективе. Таковой прерывается для интеграции коммуникативного хода 1, после чего автор возвращается к реализации основного коммуникативного хода данной фазы (хода подводки):

We send our thoughts and prayers to the families of our brave sailors who were injured and lost after a tragic collision at sea, as well as to those conducting the search-and-recovery efforts. // **I am here tonight to lay out our path forward in Afghanistan and South Asia. // But before I provide the details of our new strategy**, I want to say a few words to the service members here with us tonight, to those watching from their posts and to all Americans listening at home.

Коммуникативный ход 1 состоит из 3 предикаций (*I am here tonight* → *lay out our path forward in Afghanistan and South Asia* → *before I provide the details of our new strategy*), которые интерпретируются как реализующие три шага — метапрагматическую отсылку к дискурсу-событию (*to lay out our path; provide the*

details) с одновременной констатацией ОД (*path forward; strategy*) и П/М (*Afghanistan and South Asia*) в виде метасемантической отсылки к соответствующим коммуникативным ходам последующего дискурса (которые также можно интерпретировать как редуцированные макропропозиции).

В развитии этой фазы, как было отмечено в предыдущем разделе, предположительно преследуется цель ввести в текст нужные для дальнейшей реализации мотивационных фаз семантические паттерны (1) интеграции и единения группы своих, для чего в частности используется несколько более конкретных паттернов: (а) метафорической репрезентации страны как единого организма (которая усматривается в использовании лексемы *to heal* и предикации *a wound inflicted*) и (б) метафорической же репрезентации нации как одной семьи (*brothers and sisters; the same family; family*):

(а) By following the heroic example of those who fought to preserve our republic, we can find the inspiration our country needs **to unify, to heal, and to remain one nation**, under God;

...a **wound inflicted** upon a single member of our community is a wound inflicted upon us all;

(б) That is because all service members are **brothers and sisters**. They're all part of **the same family**. It's called the American **family**. [Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan]

Реализацией этих же шагов данного хода можно проиллюстрировать и репрезентацию группы своих, реализуемую посредством макропаттерна интеграции (*to unify, to heal, and to remain one nation; all part of the same family; is a wound inflicted upon us all*) и макропаттерна глорификации (*the heroic example of those who fought*), коррелирующих с аналогичными макропаттернами в репрезентации врага (см. анализ в следующей главе).

Следующий паттерн (2), вводимый в текст — паттерн «устранение разногласий внутри страны, поскольку военнослужащие этого заслужили»:

The young men and women we send to fight our wars abroad **deserve to return to a country that is not at war with itself at home.** We cannot remain a force for peace in the world **if we are not at peace with each other.**

Let us make a simple promise to the men and women we ask to fight in our name, that **when they return home from battle, they will find a country that has renewed the sacred bonds of love and loyalty that unite us together as one.**

Помимо иллюстрации развертываний текста в его движении от одного паттерна к другому (акциональный аспект), данные фрагменты вновь иллюстрируют способы репрезентации своих в терминах паттернов интеграции (*a country that is not at war with itself at home; at peace with each other*) и глорификации. В случае лексико-грамматической реализации последнего паттерна, как и в случае репрезентации врага, наблюдается «перелексикализация», выражающаяся в концентрированном использовании языковых средств — часто достаточно абстрактных — с положительной оценочной семантикой (*a force for peace; the sacred bonds of love and loyalty*). Зеркальным отражением такого приема предсказуемо является концентрированное использование пейоративной лексики для репрезентации врага.

Финальные паттерны данного хода — (3) «предотвращение повторения событий 9/11 как заслуга военнослужащих» и (4) «неудовлетворенность войной (точкой отсчета которой являются события 9/11) без победы».

(3) Thanks to the vigilance and skill of the American military, and of our many allies throughout the world, horrors on the scale of Sept. 11 — and nobody can ever forget that — have not been repeated on our shores

(4) ...nearly 16 years after the Sept. 11 attacks, after the extraordinary sacrifice of blood and treasure, the American people are weary of war without victory. Nowhere is this more evident than with the war in Afghanistan, the longest war in American history, 17 years.

Последний фрагмент также интересен для иллюстрации данного жанра в разрезе диалогичности (которая здесь, как и ранее, является минимальной): пропозиция *the American people are weary of war without victory* формулируется как (категоричное) утверждение, как если бы все действительно разделяли такое мнение.

В следующем абзаце данный паттерн также появляется, но уже в виде пресуппонированной пропозиции в форме номинализации процесса (*frustration*), партиципant которого вынесен в посессивную форму (*American people's*), что делает данный паттерн так называемым «разделяемым по умолчанию знанием» (или поперечным дискурсом в АД):

I share **the American people's frustration**. I also share their frustration over a foreign policy that has spent too much time, energy, money — and most importantly, lives — trying to rebuild countries in our own image instead of pursuing our security interests above all other considerations. [Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan]

Этот же пример иллюстрирует проекцию на аудиторию и другого «разделяемого всеми» мнения — разочарованности внешней политикой (в форме финансовых и временных затрат: *frustration over a foreign policy that has spent too much time, energy, money — and most importantly, lives*), целью которой была

реформация стран по образу Америки (*trying to rebuild countries in our own image instead of pursuing our security interests above all other considerations*). Оба данных паттерна вновь пресуппонируются. При этом в предшествующей фазе текста в форме утверждений они не присутствовали.

Следующая фаза текста является комбинацией трех коммуникативных ходов — описания ответных действий, трансформирующихся в коммуникативный ход «обещание» или «угроза» и мотивационных коммуникативных ходов, построенных преимущественно на семантических паттернах и лексико-грамматических средствах репрезентации врага.

Данная фаза начинается с констатации заключения (*conclusion*), к которому пришел оратор (как часть группы своих, ср.: *we held our final meeting last Friday at Camp David with my cabinet and generals to complete our strategy*) и образует иерархически организованный мотивационный коммуникативный ход: (1) макропропозицию высшего порядка → (2а-2б-2в) три макропропозиции второго порядка → (3) пропозиции, детализирующие макропропозиции второго порядка. Ср.:

(1) I arrived at **three fundamental conclusions** about America's core interests in Afghanistan;

(2а) First, our nation must seek an honorable and enduring outcome worthy of the tremendous sacrifices that have been made, especially the sacrifices of lives;

(2б) Second, the consequences of a rapid exit are both predictable and unacceptable;

(2в) Third, and finally, I concluded that the security threats we face in Afghanistan and the broader region are immense.

Как видно из приведенных примеров, макропропозиция 2а опирается на введенные в дискурс паттерны во время реализации хода «подводка». Детализация 2б

реализуется с использованием прогнозирования нежелательного будущего на основе экстраполяции прецедентов (см. обсуждение выше, а также далее), ср., например:

(3) A hasty withdrawal would create a vacuum for terrorists, including ISIS and Al Qaeda, would instantly fill just as happened before Sept. 11. [Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan]

Раскрытие 2в также опирается на ряд паттернов, связанных с реализацией ДГА, включая паттерн «страна X — убежище террористов» (см. обсуждение ниже).

Следующая фаза дискурса преимущественно реализует коммуникативный ход описания ответных действий с «вкраплениями» мотивационных шагов. Данная фаза также имеет относительно четкую иерархическую организацию от макропропозиции высшего порядка для всей фазы (*American strategy in Afghanistan and South Asia will change dramatically in the following ways*), к макропропозициям второго порядка (A core pillar of our new strategy is...; The next pillar of our new strategy is... и т. д.) и детализации таковых.

Акциональной особенностью реализации данного текста является ламинирование описания планируемых действий на шаги, метапрагматика которых может быть прочитана как «обещание/угроза» или «требование/ультиматум», ср.:

[реализуемые ответные действия + мотивационный ход →] We **have been paying** Pakistan billions and billions of dollars at the same time **they are housing the very terrorists** that we are fighting. // [обещание и/или требование →] But that **will have to change**. And that **will change immediately**. No partnership can survive a country's harboring of militants and terrorists who target U.S. service members and officials. [требование →] **It is time for Pakistan to demonstrate** its commitment to civilization, order and to peace.

Данный текст достаточно сильно насыщен коммуникативными актами, ориентированными на будущее в различных метапрагматических интерпретациях, включая обещания, требования и прогнозы. Форма простого будущего (*will do*), реализующая данные виды действий, встречается в тексте 49 раз и только в одном отрывке (2 раза) автор сопровождает ее актуализацией модальности вероятности (*possibility*), что характеризует данный текст как недиалогичный, с одной стороны, и — в плане потенциальной метапрагматики — как «угрожающий» для группы чужих и демонстрирующий решительность, сплоченность и т. п. для своих.

В репрезентативном измерении данного текста основой для реализации мотивационных коммуникативных ходов и шагов является актуализация ДГА. Лингвистическая репрезентация и конструирование категории чужих традиционно осуществляется путем концентрированного использования негативных оценочных номинаций субъектов, входящих в группу чужих, а также номинаций их деятельности. В данном тексте такими единицами являются *terrorists, terrorist groups, terrorist enemies, designated foreign terrorist organizations, agents of chaos, violence and terror, terror groups, thugs, criminals, predators, enemies, militants, the enemy* и *losers*. Из содержания текста становится ясно, что ключевые субъекты категории чужие — террористические организации (см. также: [Молодыченко 2019b]).

Так, к примеру, Д. Трамп использует следующий ряд слов — инвективных ярлыков — для обозначения террористов:

They are nothing but **thugs** and **criminals** and **predators** and — that's right — **losers**.

Интересно отметить принципиальную преемственность использования ярлыков в рамках изучаемого жанра. Так, к примеру, ярлык *thugs* использовался для именованя режима Саддама Хуссейна в КР Дж. У. Буша, ср.:

There are still **violent thugs** and murderers in Iraq, and we're dealing with them. But no one can argue that the Iraqi people would be better off with **the thugs** and **murderers** back in the palaces. [George W. Bush, Address One Year After Operation Iraqi Freedom]

В текстовом массиве конфронтационных речей Дж. У. Буша данная лексема встречается в похожих контекстах 7 раз, лексема *criminals* — 8. Однако лексемы *predators* и *loser* в указанном массиве не встречаются. При условии повторного использования двух данных лексем в последующих речах будет происходить своеобразное приращение лексического инвентаря риторических средств как ресурсов данной дискурсивной практики [Молодыченко 2019b].

Вторым аспектом конструирования категории чужих является характеристика их деятельности.

Во-первых, типичным паттерном ДГА является «убийство невиновных». Так, Д. Трамп упоминает один из последних на момент произнесения речи инцидентов подобного плана — теракт в Барселоне. Из примера также ясно, что такие слова и сочетания, как *vile*, *vicious*, *mass murder*, могут быть рассмотрены как часть негативного набора паттернов, характеризующих деятельность террористов, и как часть макропаттерна демонизации [Там же], ср.:

We need look no further than last week's **vile**, **vicious** attack in Barcelona to understand that terror groups will stop at nothing to commit the **mass murder of innocent men, women and children**. [Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan]

Аналогичные паттерны несложно найти и в президентской риторике предшественников Д. Трампа. Следующий фрагмент иллюстрирует использование такого коммуникативного хода Дж. У. Бушем опять же для характеристики режима Ирака и его лидера Саддама Хуссейна:

Saddam Hussein has placed Iraqi troops and equipment **in civilian areas**, attempting to use **innocent men, women and children** as shields for his own military; a final atrocity against **his people**. [George W. Bush, War Message — March 19, 2003]

В текстовом массиве риторики Дж. У. Буша лексема *innocent* используется в подобных контекстах 45 раз, что подтверждает распространенность данного паттерна [Молодыченко 2019b].

Следующий паттерн — паттерн «угроза». Ключевым механизмом реализации данного паттерна является метафора и — более конкретно — номинализация. В КР чужие и их прогнозируемая деятельность отражены при помощи номинализации *threat*, ср. следующий пример из речи Д. Трампа:

Military power alone will not bring peace to Afghanistan or stop the **terrorist threat** arising in that country. [Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan]

В риторике Дж. У. Буша паттерн угрозы также был популярен, а номинализация *threat* была одной из ключевых лексем, характеризовавших деятельность террористов и Саддама Хуссейна [Молодыченко 2019b], ср.:

But the only way to defeat terrorism as a **threat** to our way of life is to stop it, eliminate it, and destroy it where it grows. [George W. Bush, Address to the Nation — September 20, 2001]

В собранном текстовом массиве речей Дж. У. Буша слово *threat* и его производные встречаются 171 раз. Исходя из такой частотности, можно также предположить, что акцентирование угрозы служит, с точки зрения политиков, наиболее весомым аргументом для обоснования начала или продолжения военной кампании в стране, (предположительно) представляющей такую угрозу [Молодыченко 2019b].

Еще один паттерн связан с представлением террористических организаций как находящихся в процессе увеличения своей мощи и/или планирования дальнейшей угрожающей активности. Примером такого паттерна может служить следующий отрывок из речи Дж. У. Буша:

In cells and camps, terrorists **are plotting further destruction, and building new bases** for their war against civilization. [George W. Bush, Address to the Nation — September 20, 2001]

К вариации такого паттерна следует также отнести метафорическое представление террористов как единого живого организма; процессами, характеризующими его деятельность, являются процессы (глаголы) вроде «расти» или «распространяться» (с целью осуществления дальнейшей угрожающей активности) [Молодыченко 2012, 2019b]. Ср. пример из речи Д. Трампа:

The vacuum we created by leaving too soon gave safe haven for ISIS **to spread, to grow, recruit and launch attacks**. We cannot repeat in Afghanistan the mistake our leaders made in Iraq. [Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan]

В (мета)прагматическом измерении описанный выше способ репрезентации врага или конструирования его «образа» (см. обсуждение ниже) в совокупности с акциональным аспектом реализации текста может быть рассмотрен как реализация персуазивной интенции легитимизации политических решений. В данном случае суть политического решения, как представляется, суммирована оратором в начале речи:

I am here tonight to lay out **our path forward in Afghanistan and South Asia**.

Как становится ясно из приведенного высказывания и из оставшейся части текста, конкретная реализация данного политического решения (вариант «ответного действия») сводится к двум составляющим. Во-первых, план Д. Трампа предполагает сохранение военного присутствия в Афганистане (например, *the consequences of a rapid exit are both predictable and unacceptable*). Во-вторых — коррекцию политической стратегии и стратегии ведения военных действий в Азии вообще (см. также: [Молодыченко 2019b]). Изменение политики в Азии включает следующие меры:

- неожиданные наступательные операции (*America's enemies must never know our plans or believe they can wait us out. // I will not say when we are going to attack, but attack we will.*);
- использование всех доступных рычагов политического влияния (*Another fundamental pillar of our new strategy is the integration of all instruments of American power — diplomatic, economic, and military — toward a successful outcome*);
- изменение практики взаимодействия с Пакистаном (*The next pillar of our new strategy is to change the approach in how to deal with Pakistan*);
- развитие отношений с Индией (*Another critical part of the South Asia strategy for America is to further develop its strategic partnership with India, the world's largest democracy and a key security and economic partner of the United States*);
- устранение бюрократических преград для принятия решений командирами на поле боя (*I have already lifted restrictions the previous administration placed on our war fighters that prevented the secretary of defense and our commanders in the field from fully and swiftly waging battle against the enemy*).

Учитывая, сколько «риторических усилий» затрачивается на репрезентацию группы чужих в данном тексте, а также акциональный аспект его

развертывания — когда коммуникативные ходы содержат рекуррентные мотивационные шаги, большая часть которых с точки зрения репрезентации представляет собой тенденциозную репрезентацию врага, можно предположить, что именно создание оппозиции «свои — чужие» и сопутствующая демонизация чужих и «фантомизация» (т. е. репрезентация, потенциально неконгруэнтная фактической реальности исходя из лексико-грамматического оформления) угрозы играют ключевую роль в обосновании предлагаемых политических решений и ответных действий. При этом конкретные действия в отношении каждой из перечисленных в тексте стран зависят от того, в какой мере данная страна может быть отнесена к категории чужих [Там же].

Для включения страны в данную категорию оратор обращается к типичному паттерну ДГА — «давать убежище». Одним из наиболее типичных оборотов для реализации этого коммуникативного хода является выражение «тихая гавань» (*safe haven*), которую Афганистан и Пакистан, по словам оратора, предоставляют террористам. В речи Д. Трампа данное выражение встречается несколько раз, ср.:

For its part, Pakistan often gives **safe haven** to agents of chaos, violence and terror. [Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan]

We can no longer be silent about Pakistan's **safe havens** for terrorist organizations, the Taliban and other groups that pose a threat to the region and beyond. [Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan]

The vacuum we created by leaving too soon gave **safe haven** for ISIS to spread, to grow, recruit and launch attacks. [Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan]

Аналогичные смыслы/паттерны выражены в данной речи такими лексемами, как *shelter*, *house* и *harbor*:

...the worst terrorist attack in our history was planned and directed from Afghanistan because that country was ruled by a government that **gave comfort** and **shelter** to terrorists. [Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan]

It has much to lose by continuing **to harbor** criminals and terrorists. [Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan]

But Pakistan has also **sheltered** the same organizations that try every single day to kill our people. We have been paying Pakistan billions and billions of dollars at the same time they are **housing** the very terrorists that we are fighting. [Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan]

No partnership can survive a country's **harboring** of militants and terrorists who target U.S. service members and officials. [Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan]

Как видно из приведенных примеров, Афганистан и Пакистан активно включаются («интегрируются») в категорию чужих, что, по всей видимости, и определяет обоснованность предлагаемых Д. Трампом мер по отношению к ним [Молодыченко 2019b].

Паттерн «давать убежище» был популярным и в риторике Дж. У. Буша. Естественно, «тихой гаванью» для террористов в тот период был Ирак [Молодыченко 2012, 2019b], ср.:

Over the years, Iraq has provided **safe haven** to terrorists such as Abu Nidal. [The Iraqi Threat — October 7, 2002]

Аналогичным образом употреблялись и лексемы вроде harbor, ср.:

Saddam Hussein is **harboring** terrorists and the instruments of terror, the instruments of mass death and destruction. [The Iraqi Threat — October 7, 2002]

Интенцию мотивировки и легитимизации политических решений можно также усматривать в использовании ценностных паттернов, которыми «пестрит» президентская риторика конфронтационного типа. Ценностные концепты предсказуемо делятся на два вида — свои ценности и чужие антиценности. Так, например, в текстовом массиве речей Дж. У. Буша лексема *freedom* используется 235 раз. В речи Д. Трампа используются такие базовые концепты президентской риторики, как *freedom*, *peace*, и *civilization*:

American patriots from every generation have given their last breath on the battlefield for our nation and for our **freedom**;

It is time for Pakistan to demonstrate its commitment to **civilization**, **order** and to **peace**. [Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan]

Упоминание того, что какая-то категория субъектов является врагом названных ценностей, или, например, того, что некоторое политическое решение принимается во имя этих ценностей, является распространенным паттерном президентской риторики, вероятно играющим важную роль в легитимизации этих решений [Молодыченко 2012, 2014b, 2019b].

Чужие, соответственно, руководствуются стандартным набором антиценностей, вроде *chaos*, *violence* и *terror*. Ср. пример из речи Д. Трампа:

For its part, Pakistan often gives safe haven to agents of **chaos**, **violence** and **terror**. [Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan]

Важную роль в формировании общей метапрагматики речи, как представляется, играет такой аспект ее акциональности, как использование пресуппозиций и допущений. При этом содержание таких пресуппозиций и допущений является относительно стандартным, что позволяет также отнести их к семантическим паттернам, многие из которых можно рассматривать как часть ДГА [Молодыченко 2019b].

Например, один из таких паттернов — потенциальное использование ядерного оружия террористами. В следующем примере из речи Д. Трампа данный паттерн выносится в пресуппозицию, ср.:

In Afghanistan and Pakistan, America's interests are clear. We must stop the resurgence of safe havens that enable terrorists to threaten America. And we must **prevent nuclear weapons and materials from coming into the hands of terrorists** and being used against us, or anywhere in the world, for that matter.
[Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan]

Данный паттерн был популярен и в речах Дж. У. Буша. Более того, предположение о том, что Ирак в какой-то момент может разработать ядерное оружие, послужило основным риторическим рычагом легитимизация Иракской военной кампании в риторике того периода (позднее выяснилось, что использование данного риторического рычага не было основано на достоверных фактах; см., например: [Peck 2017; Williams 2017]).

Популярным способом построения аргументации (акциональный аспект) в рассматриваемой дискурсивной практике и в данной публичной речи в частности является энтимема. После фазы текста, посвященной доблести американских военнослужащих (коммуникативный ход «подводка»), Д. Трамп обращается к активной аргументации (мотивационный коммуникативный ход) в пользу продолжения военной кампании в Афганистане [Молодыченко 2019b]. Первый из аргументов (шагов) сформулирован следующим образом:

First, our nation must seek an honorable and enduring outcome worthy of the tremendous sacrifices that have been made, especially the sacrifices of lives. The men and women who serve our nation in combat deserve a plan for victory. They deserve the tools they need and the trust they have earned to fight and to win.
[Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan]

Данный фрагмент можно рассмотреть как реализацию силлогизма, в основе которого лежит подразумеваемая большая посылка примерно такого содержания: «понесенные потери в прошлом оправдывают продолжение войны». В самом тексте, соответственно, выражена малая посылка «Америка понесла большие потери» (например, *the tremendous sacrifices that have been made, especially the sacrifices of lives*), из которой делается вывод о том, что военная кампания должна быть продолжена (например, *our nation must seek an **honorable and enduring outcome; to fight and to win***) [Молодыченко 2019b].

Интересен, однако, тот факт, что подразумеваемые послылки подобного рода также являются повторяемыми в рамках дискурсивной практики. Одну из характерных больших предпосылок подобной риторики можно сформулировать в виде следующего паттерна: «то, что люди делали ранее, они повторяют снова» или «ситуации, имевшие место в прошлом, непременно повторятся в будущем». Например, ср. второй аргумент, приводимый президентом Трампом в составе того же коммуникативного хода как развитие предыдущего аргумента:

A hasty withdrawal would create a vacuum for terrorists, including ISIS and Al Qaeda, would instantly fill just as happened before Sept. 11. And as we know, in 2011, America hastily and mistakenly withdrew from Iraq. As a result, our hard-won gains slipped back into the hands of terrorist enemies. Our soldiers watched as cities they had fought for and bled to liberate, and won, were occupied by a terrorist group called ISIS. The vacuum we created by leaving too soon gave safe haven for ISIS to spread, to grow, recruit and launch attacks. We cannot repeat in Afghanistan the mistake our leaders made in Iraq. [Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan]

Логика аргументации в приведенном фрагменте следующая. Ситуация прошлого: «вывод войск из Ирака в 2011 году привел к оккупации территории террористами» (...in 2011, America hastily and mistakenly withdrew from Iraq).

Подразумеваемая большая посылка: «ситуации, имевшие место в прошлом, непременно повторятся в будущем». Заключение: «нельзя допустить повторение той же ошибки в Афганистане» (ср.: *We cannot repeat in Afghanistan the mistake our leaders made in Iraq*) [Молодыхенко 2019b].

Ср. также следующий фрагмент в составе мотивационной фазы:

We must address the reality of the world as it exists right now, and the threats we face and the confronting of all of the problems of today, and extremely predictable consequences of a hasty withdrawal. We need look no further than last week's vile, vicious attack in Barcelona to understand that terror groups will stop at nothing to commit the mass murder of innocent men, women and children. You saw it for yourself. Horrible. [Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan]

В данном фрагменте выявляется следующая структура:

- «то, что люди делали ранее, они повторяют снова» (большая посылка, подразумевается);
- «террористы уже совершали теракты и убивали невинных» (малая посылка, эксплицитно выраженная в тексте; ср.: *last week's vile, vicious attack in Barcelona*);
- «террористы представляют угрозу; ситуация повторится в случае вывода войск из Афганистана» (заключение; ср.: *the threats we face; extremely predictable consequences of a hasty withdrawal*).

Подобные паттерны эксплуатировались и Дж. У. Бушем (см. также анализ в следующей главе). Ср.:

The regime has a history of reckless aggression in the Middle East. It has a deep hatred of America and our friends. And it has aided, trained and harbored terrorists, including operatives of al Qaeda. // The danger is clear: using chemical, biological or, one day, nuclear weapons, obtained with the help of

Iraq, the terrorists could fulfill their stated ambitions and kill thousands or hundreds of thousands of innocent people in our country, or any other. [Message to Saddam — March 17, 2003]

Приводимый отрывок взят из речи, произнесенной Дж. У. Бушем 17 марта 2003 г., за три дня до начала военного вторжения в Ирак. Обоснование начала военной кампании в Ираке осуществляется путем причисления Ирака к чужим, т. е. террористам (используемый паттерн — «дает убежище»; ср.: *trained and harbored terrorists*), указания на ситуации, имевшие место в прошлом (*has a history of reckless aggression*), использования паттерна «ядерное оружие», вынесенного в пресуппозицию («Ирак неминуемо предоставит оружие массового уничтожения террористам», ср.: *using chemical, biological or, one day, nuclear weapons, obtained with the help of Iraq*) [Молодыченко 2019b].

Данный фрагмент представляется идеальным вариантом реализации персуазивной интенции легитимизации нужного решения. Совокупность таких фрагментов в пределах текста в их комбинации с акциональными аспектами реализации данного жанра риторики может рассматриваться как формирующая (потенциальную) комплексную метапрагматическую модель, которую в данном случае можно назвать (потенциальным) персуазивным эффектом.

6.2.3 Конфронтационная речь и лингвистические способы актуализации ценностей в репрезентативном и акциональном аспекте

В данном разделе в фокусе внимание находятся лингвистические способы отражения ценностей и их роль в построении репрезентаций реальности в тексте через призму ДГА и в реализации акционального аспекта текста. В качестве материала для иллюстрации выдвигаемых положений выбрана речь американского президента Б. Обамы от 26 марта 2014 г., опубликованная на сайте газеты «Вашингтон пост» [President Obama gives speech addressing Europe,

Russia on March 26 — The Washington Post], посвященная конфликту США и России вокруг присоединения Крыма.

Исходя из сформулированной в работе теоретической рамки, исследование репрезентативного аспекта текста в разрезе ценностей предполагает ответ на вопрос о том, каково место ценностей (в различных смыслах) в конструировании репрезентации фрагмента мира с позиции своих. В акциональном измерении анализ текста через призму ценностей предполагает ответ на вопрос, насколько текст в силу своего содержательного и лексико-грамматического оформления интегрирует «голос» и ценностную позицию второй стороны конфликта, а также насколько безапелляционно потенциальному адресату предлагается присоединиться к ценностной позиции автора, кодируемой особым использованием языковой оценки, и допускает ли текст (в силу своего специфического лексико-грамматического оформления) существование альтернативных режимов оценки одних и тех же событий.

Анализ текстового материала показывает, что конструирование сторон конфликта в тексте осуществляется путем последовательного аккумуляирования смыслов вокруг двух полюсов. Причем ядром этих полюсов являются абстрактные идеи, а не конкретные акторы. Данное положение иллюстрируется анализом системы транзитивности в нескольких первых абзацах изучаемого текста (коммуникативный ход подводки, реализуемый через «эксплуатацию» расширенного хронотопа, как и в случае речи Д. Трампа, рассмотренной выше), где в качестве актантов процессов выступают абстрактные сущности. Ср. использование лексемы *ideals* в первом предложении пятого абзаца, с которого начинается непосредственное структурирование поля конфликта:

And it was here in Europe, through centuries of struggle, through war and enlightenment, repression and revolution, that a particular set of ideals began to emerge...

Весьма показательно то, что автор начинает конструирование поля конфликта с вписывания его в непосредственный физический контекст (эксплуатация расширенного хронотопа) выступления (ср.: *and it was here in Europe*; речь произносится в Брюсселе для представителей ЕС и НАТО), что можно рассматривать как первый шаг для включения непосредственного адресата (Европы) в группу своих [Молодыченко 2014b].

Тематическая часть следующих предложений «подхватывает» того же абстрактного актора, обеспечивая дельнейшее текстовое конструирования своего полюса конфликта, ср.:

And those **ideas** eventually **inspired** a band of colonialists...;

But those **ideals** have also been tested...

Таким же образом в тексте формируется и полюс чужих, основным актором (типы акторов идентифицируются в соответствии с номенклатурой СФЛ; см. [Halliday, Matthiessen 2004]) которого также является абстрактная сущность:

Those ideals have often been threatened by older, more traditional **view of power**...;

Ср.: [goal →] those ideals [process →] **have been threatened** [agent →] by view of power.

Специфичность лексико-грамматического структурирования поля конфликта обнажает и тот факт, что абстрактные сущности фигурируют не только как актаны физических процессов, но и в семантической роли адресанта (sayer) вербальных процессов, свойственной одушевленным / наделенным интеллектом субъектам [Молодыченко 2014b], ср.:

This alternative vision **argues**...

Аналогичным образом абстрактные сущности (*vision*) через метафору (*roots itself*) могут быть источником «предикации идеи» (*idea clause*; ср.: *the notion that...*):

Often this alternative **vision roots itself in the notion that** by virtue of race or faith or ethnicity, some are inherently superior to others and that individual identity must be defined by us versus them, or that national greatness must flow not by what people stand for, but what they are against.

Основной фрейм конфликта, таким образом, структурируется взаимодействием абстрактных акторов, т. е. описывается как конфликт идей и видений мира, что также достаточно прямолинейно иллюстрируется следующим высказыванием [Там же], ср.:

In so many ways, the history of Europe in the 20th century represented the ongoing **clash of these two sets of ideas**, both within nations and among nations.

Помимо абстрактных актантов в две противопоставленные в конфликте группы входят и конкретные акторы. Однако их роль следует охарактеризовать как второстепенную: действия данных акторов вписываются в готовую схему конфликта, полюса которого заданы идейным содержанием (*sets of ideas*) [Там же]. Например, идеалы группы своих лексико-грамматически иницируют процессы, в которых участвуют уже конкретные агенты:

And [agent →] these ideas eventually [process →] inspired [goal →] a band of colonialist across an ocean...

Следующее предложение «подхватывает» данных акторов в тематической части предложения, где они уже сами выступают в агентивной роли:

...and **they** [colonialists. — *E. M.*] wrote them into the founding documents that still guide America today.

Другим вариантом текстовой актуализации конкретных акторов, подчеркивающим их второстепенность по отношению к основным действующим лицам конфликта, является их функционирование в пределах предикаций, проецируемых лексемами со значением «идея» (основной актор) [Там же], ср.: использование *belief* как основного актора фрейма конфликта для проекции предикации идеи («запускаемой» союзом *that*):

...**the belief that** through conscience and free will, each of us has the right to live as we choose...

Далее, обращает на себя внимание попытка автора вписать в заданную схему конфликта историческое прошлое: осуществляется как бы реконтекстуализация исторического опыта в новый дискурс (в акциональных терминах такой прием был описан как эксплуатация расширенного хронотопа). В текстовой реализации данной стратегии для группы своих и группы чужих наблюдается некоторая асимметрия. Так, акторы исторических действий, вписываемых в рамку «свои», (относительно) конкретны, ср. один из многих примеров подобного рода:

...our ideals stirred the hearts of **Hungarians**, who sparked a revolution, **Poles** in their shipyards who stood in solidarity, **Czechs** who waged a Velvet Revolution without firing a shot, and **East Berliners** who marched past the guards and finally tore down that wall.

В то же время исторические процессы, вписываемы в рамку чужих, имеют в качестве одного или обоих актантов абстрактные сущности и/или номинализации, ср.:

...I was reminded of how **war** between peoples **sent** a generation to their deaths in the trenches and gas of the first world war;

...extreme **nationalism plunged** this continent into war once again...;

Even here in Europe we've seen ethnic **cleansing** in the Balkans that **shocked** the conscience. The **difficulties** of integration and globalization <...> **strained** the European project and **stirred** the rise of a **politics** that too often **targets** immigrants or gays or those who seem somehow different.

Другой вариант лексико-грамматической реализации — использование пассивных конструкций в предикациях с отсутствующим агентивным актантом:

And just two decades later, extreme **nationalism plunged** this continent into war once again, with **populations enslaved** and **great cities reduced** to rubble and tens of **millions slaughtered**, including **those lost** in the Holocaust.

Такая специфическая репрезентация истории может представляться тенденциозной. Ответственность за позитивно оцениваемые действия идейного лагеря «свои» несут конкретные акторы, в то время как негативные действия изображаются, как если бы они происходили сами собой [Там же].

Возможным объяснением такой лексико-грамматической реализации могла бы быть интенция автора переместить фокус ответственности за негативные («чуждые») действия с (относительно) конкретных групп акторов (вроде Германии), находящихся сейчас в кругу своих, на эфемерные сущности, вроде национализма и/или вовсе вынести такую агентивность за скобки (путем использованием пассивизации). С другой стороны, такая репрезентация также позволяет эксклюзивно сфокусировать одного (относительно) конкретного актора круга чужих в репрезентации конфликта: (практически) единственным неабстрактным актором рамки чужого является Россия (кроме одного примера, где в этой роли выступают террористы):

And that's what's at stake in Ukraine today. **Russia's leadership is challenging truths** that only a few weeks ago seemed self-evident...

Еще одним аспектом анализа репрезентативного измерения дискурса может быть рассмотрение того, как именно основные акторы (Россия и США) дискурсивно позиционируются по отношению к двум полюсам конфликта. Поскольку полюса конфликта задаются идейным содержанием, следует предположить, что в поверхностной структуре текста должны присутствовать маркеры того, что думают/считают/полагают вовлеченные в конфликт стороны. С точки зрения лексико-грамматических структур «присоединение» актора к определенному идейному содержанию реализуется путем его участия в вербальных или ментальных процессах. В этом плане в тексте вновь обнаруживается асимметрия. Мнение своих неоднократно реализуется в тексте через соответствующие вербальные или ментальные процессы, из которых становится ясно, что США (и охватываемые местоимением *we* акторы) идентифицируют себя с ценностной стороной своих [Там же], ср.:

We embraced a shared **vision** of Europe, a vision based on representative democracy, individual rights, and a belief that nations can meet the interests of their citizens;

...**we believe in democracy**...;

...**we believe in human dignity**.

Россия же не выступает актантом ментальных и вербальных процессов, т. е. в пространстве текста лишается права заявить о своем отношении (во всех смыслах) к полюсу ценностей или антиценностей; присоединение России к этому полюсу репрезентируется текстом как некоторая данность.

Итак, поле конфликта («глобальный антагонизм»), как показано выше, задается двумя полюсами идейного содержания, в которые вписываются

исторические события, конкретные действия и группы лиц. Данный конфликт в его текстовой репрезентации может быть рассмотрен как конфликт ценностей.

Во-первых, одной из основных лексем для номинации полюса конфликта, соотносимого с группой «свои», является слово *ideals* — модель должного, что может рассматриваться как дефиниция ценности. Интересно в этой связи также заметить, что группы полюса чужих дискурсивно не имеют идеалов, т. к. данное слово для номинации чего-либо в рамках полюса чужих не применяется: с точки зрения лексико-грамматической реализации идеалы/ценности могут быть только у своих, но не у чужих (ср., например: ...*we must meet the challenge to our ideals*).

Во-вторых, для семантического наполнения полюса своих, как это свойственно американскому президентскому дискурсу вообще, используются традиционные ключевые слова и выражения того, что можно было бы назвать «ценностным архивом американской культуры» (ср.: *conscience and free will, the right to live and choose, equal, trade and open markets, international law, democracy, human dignity* и т. п.). Поскольку данные слова так или иначе фиксируют дискурсивные ценности, их «текстуальный захват» одновременно лишает всех этих ценностей группу чужих.

В-третьих, с точки зрения семантического паттерна и лексико-грамматического оформления идеалы и ценности группы своих являются в буквальном смысле мотивообразующими для входящих в группу акторов (ср.: *those ideas eventually inspired a band of colonialists...*) [Там же].

Вторым способом идентификации ценностей актуализируемого дискурса-репрезентации и стоящих за ним субъектов является анализ маркеров оценки и моделирование тех ценностей или ценностных позиций, которые такой режим оценки имплицитно. Для выражения в дискурсе оценочной позиции автора (и стоящей за ним группы своих) используются языковые средства оценки, (предсказуемо) преимущественно семантического поля осуждения (*judgement*),

поскольку текст в первую очередь ориентирован на оценку противопоставленной группы акторов через их активность.

Одним из способов введения в текст такой оценки является использование номинаций процессов, где в семантику лексемы помимо дескриптивного содержания встроена оценка, кодирующая отношение автора и, предположительно, его ценностную позицию. Так, в следующем примере для описания взаимодействия России с Украиной используется глагол с эмотивным/оценочным компонентом *to bully* (ср. *to bully* — use superior strength or influence to intimidate (someone), typically to force them to do something), отражающим оценочное отношение автора к данному процессу:

...**bigger nations can bully** smaller ones to get their way

Использование именно этого глагола также иллюстрирует примечательную преемственность языковых средств (метафорической) репрезентации группы чужих в риторике разных президентов США, апеллирующих к ДГА, поскольку тем же самым глаголом называл деятельность Саддама Хуссейна Дж. Г. У. Буш.

Анализируя подобные способы номинации активности России в данном тексте, можно смоделировать предположительное ценностное пространство, определяемое представлениями о справедливости и справедливых международных отношениях, ср.:

And that's why Russia's **violation** of international law, its **assault** on Ukraine's sovereignty and territorial integrity, must be met with **condemnation**...

Together, we've **condemned** Russia's **invasion** of Ukraine and **rejected the legitimacy** of the Crimean referendum. Together, we have isolated Russia politically, suspending it from the G-8 nations and downgrading our bilateral ties. Together, we are imposing costs through sanctions that have left a mark on Russia and those accountable for its actions.

But that doesn't mean that Russia can **run roughshod** over its neighbors. Just because Russia has a deep history with Ukraine does not mean it should be able **to dictate** Ukraine's future. No amount of **propaganda** can make right something that the world knows is wrong.

В приведенных примерах обозначенная ценностная позиция проецируется номинациями процессов (*violation, assault, invasion, to run roughshod, to dictate, propaganda*) и предикатами «осуждения» (*condemnation, to condemn*). Аналогичная ценностная позиция проецируется и через оценочность номинаций ответных действий своих (все описываемые санкции по отношению к России — *isolated, suspended* и проч.) [Там же].

Ср. также в этой связи развертывание средств системы осуждения (judgement) с противоположной полярностью для описания активности Украины:

And meanwhile, the United States and our allies will continue to support the government of Ukraine as **they chart a democratic course**. Together, we are going to provide a significant package of assistance that can help stabilize the Ukrainian economy and meet the basic needs of the people.

Таким образом, можно говорить о последовательной проекции одной и той же ценностной позиции США/группы своих: паттерны «помощь тем, кто в беде», «порицание тех, кто нарушает наши представления о справедливости, морали» или что-то подобное [Там же].

Ценностную позицию, определяемую понятиями «свобода», «мир», «свободный выбор» и проч., очевидно, проецирует и оценка, выраженная в обстоятельстве *through brute force* процесса *achieve*:

...the Russian people will recognize that they cannot **achieve** the security, prosperity and the status they seek through **brute force**.

С точки зрения диалогичности (т. е. в плоскости акционального измерения) выражение ценностной позиции автора и его группы следует охарактеризовать как безапелляционное, не допускающее выражения ценностной позиции другой стороны конфликта. В лексико-грамматическом плане это реализуется несколькими способами.

Так, Россия фигурирует в роли актанта только в физических процессах (см. анализ примеров выше), номинации для которых демонстрируют определенную тенденциозность. Лишь в нескольких случаях Россия получает «право голоса» как актант вербальных процессов для аргументации своей позиции, ср.:

(1) Russia's **justified** these actions as an effort to prevent problems on its own borders and to protect ethnic Russians inside Ukraine. **Of course**, there is no evidence, never has been, of systemic violence against ethnic Russians inside of Ukraine.

(2) Moreover, Russia **has pointed** to America's decision to go into Iraq as an example of Western hypocrisy.

(3) In defending its actions, Russian leaders have further **claimed** Kosovo as a precedent, an example, they **say**, of the West interfering in the affairs of a smaller country, just as they're doing now.

(4) So our approach stands in stark contrast to the **arguments** coming out of Russia these days. It is absurd to suggest, as a **steady drumbeat** of Russian **voices** do, that America is somehow conspiring with fascists inside of Ukraine but failing to respect the Russian people.

Кажущаяся диалогичность, привносимая приведенными выше примерами, нивелируется, однако, способом их речевого оформления. Во-первых, обращает на себя внимание использование глаголов, вводящих косвенную речь (так

называемых framers), семантика которых явно проецирует ценностную позицию группы своих, ср.:

to claim — state or assert that something is the case, typically without providing evidence or proof; акцентирование смысла «голословно утверждать»;

justify — show or prove to be right or reasonable; в контексте системы оценки всего текста вероятным прочтением будет «оправдываться»;

point — cite a fact or situation as evidence of something; в данном контексте также предположительно выражает (общую) негативную оценку.

Во-вторых, тенденциозным представляется способ формулирования «голоса» оппозиции: содержание высказываний не передается прямым цитированием или даже в косвенной речи, но «свернуто» в объект при вербальном процессе (verbiage в СФЛ), ср.:

justified **these actions**;

claimed **Kosovo**;

has pointed to America's **decision**.

Дальнейшее содержание разъясняется в нефинитных предикациях (*an effort to prevent problems, the West interfering in the affairs of a smaller country*) или свернуто в номинализацию (*an example of Western hypocrisy*). И то и другое как бы «отдаляет» эти формулировки от того, что было (могло быть) сказано на самом деле и позволяет исключить текстовую актуализацию ценностной позиции другой стороны, которую можно было бы определить в оригинальных формулировках [Там же].

Обращает на себя внимание и лексико-грамматическое оформление пропозиции *America's decision to go into Iraq*: несмотря на то, что это мнение должно принадлежать противоположной стороне конфликта, его формулировка в

нейтральных, устраняющих оценочность терминах (*decision to go*; ср.: возможные в данной синтагматической последовательности опции — *to invade, to wage a war, to assault* и пр.) указывает на то, что оно также сформулировано с ценностной позиции своих (хотя высказывание и приписывается чужим): «мы действовали исходя из представлений о справедливости, свободе и т. п.» [Там же].

Потенциальный диалогизм, вносимый в текст приведенными выше примерами, также нивелируется средствами конструирования потенциального адресата как однозначно разделяющего предлагаемую ценностную позицию и интерпретацию событий вообще, ср. использование *of course* в примере 1 выше. Такие средства также следует рассматривать как уменьшающие диалогичность [Martin, White 2005: 122–126].

Еще одним способом введения в текст «голоса» России является то, что можно в рабочем порядке назвать подразумеваемой атрибуцией (или «приписыванием» мнения), ср.:

And once again, we are confronted with **the belief among some** that bigger nations can bully smaller ones to get their way — that recycled maxim that might somehow makes right [sic. — *E. M.*].

Номинативная группа *belief among some* открывает пространство конкурирующего мнения (выраженного следующей далее предикацией проекции — *that bigger nations can bully smaller ones to get their way*), что теоретически должно расширять диалогичность текста. Однако такая диалогичность опять же нивелируется лексико-грамматической реализацией (*to bully*) с позиции своих. При этом мнение приписывается некоторому внешнему голосу (ср.: *among some*), предположительно принадлежащему России [Молодыхенко 2014b].

Несмотря на обозначенные выше «псевдиалогичные вкрапления», в плане допущения иной ценностной позиции и ценностного тезауруса, отличных

от доминирующих, текст является недиалогичным. Не случайно, как уже было указано выше, в репрезентативном измерении Россия преимущественно является актантом физических процессов. Более того реализуются они либо в виде пресуппозиции, либо через номинализацию. Вкупе с рассмотренными выше средствами оценки такой способ формулирования делает проекцию ценностной позиции своих абсолютной; любое пространство для иной ценностной позиции отсекается [Там же]. Ср. вынесение основного утверждения в нефинитную предикацию:

Russia has resisted diplomatic overtures, **annexing Crimea and massing large forces** along Ukraine's border.

Аналогично, через номинализацию определенная ситуация репрезентируется как прекоонструкт:

Our borders are not threatened by **Russia's annexion**...

And that's why **Russia's violation** of international law, **its assault** on Ukraine's sovereignty and territorial integrity, must be met with condemnation...

We've condemned **Russia's invasion** of Ukraine and rejected the legitimacy of the Crimean referendum.

Выводы к Главе 6

Ключевым жанром американской президентской риторики, актуализирующим дискурс глобального антагонизма, является конфронтационная речь. Конкретные реализации данной речи, несмотря на формальные различия и различия (но сопоставимость) хронотопов, «из» которых они произносились разными президентами, тем не менее, демонстрируют определенные сходства при абстрагировании на уровень жанровой модели.

На самом абстрактном уровне текст демонстрирует структуру «проблема — решение», в которой формулировка проблемы является легитимизирующей для предлагаемого решения — реализуемого, планируемого, требуемого или обещаемого набора действий. При этом формулировки проблемы ламинируются на репрезентацию группы чужих как врага и ее соответствующую демонизацию. Формулировки предлагаемого решения характеризуются потенциальной «неприглядностью» и способностью вызывать возражения какой-то части аудитории, чем можно объяснить большое количество риторических усилий, которые оратор вкладывает в формулирование проблемы.

В собственно жанровых терминах данные речи характеризуются двумя особенностями реализации жанровой схематической структуры. Во-первых, все они содержат пять наиболее общих коммуникативных ходов, которые являются обязательными и позиционируются как ключевые для реализации коммуникативных целей жанра. В качестве ядерных коммуникативных ходов данного жанра рассматриваются констатация (и/или описание) разворачивающегося или планируемого ответного действия группы своих, всегда сопровождающаяся несколькими развернутыми мотивирующими и легитимизирующими коммуникативными ходами, призванными обосновать необходимость/неотвратимость ответных действий.

Комбинации таких ходов с актуализацией дискурса глобального антагонизма порождают ламинирование семантических шаблонов, как правило связанных с дискредитацией группы чужих на мотивационные коммуникативные ходы и/или реализацией различного рода прогнозов, конструирующих желательные (при условии реализации ответного действия) и нежелательные (в отсутствие ответного действия) варианты будущего и/или формулированием различных принципов и ценностей группы своих и/или ее положительного или отрицательного опыта.

Коммуникативный ход констатации или описания ответных действий часто также комбинируется с коммуникативными ходами, которые можно метапрагматически квалифицировать как обещания или угрозы, если реализация действия находится в зоне ответственности и/или под контролем ядра группы своих (т. е. США в данном случае), или как просьбы и требования, если реализация действия находится в зоне ответственности и/или под контролем других членов группы своих (Евросоюза и НАТО) и группы чужих соответственно.

Всегда коротким, но обязательным и критическим для организации дискурса в акциональном аспекте является коммуникативный ход формулирования коммуникативной цели речи, который обычно реализуется в ее начале. Ход реализуется в форме макропропозиции и/или метасемантического термина (т. е. гиперонима для семантических паттернов, реализуемых далее в этой же речи), отражающих суть проблемы и предлагаемого решения (или — иначе — суть мотивирующей и легитимизирующей составляющей и суть ответного действия). Эта же формулировка может включать и метапрагматический термин для всего текста (в том виде, в котором сам оратор определяет метапрагматику данного текста).

Особенностью жанра является «многослойная» структура — четкая формулировка макропропозиции, последующая детализация таковой и — часто — повторная формулировка той же макропропозиции в виде резюме. Сюда же следует отнести чередование одних и тех же коммуникативных ходов в процессе развертывания речи, в особенности рекуррентное появление коммуникативного хода «констатация/описание ответного действия» (либо в виде полноценного коммуникативного хода, либо в виде шага, т. е. констатации с использованием метасемантического термина, отсылающего к полноценному коммуникативному ходу, реализуемому в иной фазе дискурса) и «обрамление» такового мотивирующими ходами различного вида (т. е. путем ламинирования различных

семантических паттернов, как правило, связанных либо с демонизацией врага, либо с глорификацией группы своих).

Факультативным (но при его наличии в развернутом виде — ключевым) коммуникативным ходом является ход подводки к формулированию проблемы и констатации или обсуждению ответных действий, который может состоять из нескольких шагов, включая обращение к присутствующим, признание локации, признание конкретных индивидов в данной локации, выражение благодарности, шутки и то, что можно назвать «эксплуатацией расширенного хронотопа», включающей дескрипцию и нарратив, каким-то образом связанные с хронотопом данного дискурса-события и помогающие оратору подвести речь к формулировке проблемы или мотивации предлагаемых ответных действий.

Композиция прототипической реализации данного жанра может быть представлена следующим образом: (факультативный) коммуникативный ход «подводка» → коммуникативный ход «формулировка коммуникативной цели» → фаза мотивирующих легитимизирующих коммуникативных ходов в комбинации с коммуникативным ходом описания предполагаемого ответного действия, который может быть комбинирован с коммуникативными ходами «просьба/требование» и «обещание/угроза» → завершающий коммуникативный ход «благословение».

Комплексный (персуазивный) эффект реализации подобного жанра рассматривается как комплексная метапрагматика текста, складывающаяся из акциональных и репрезентативных компонентов. Как конкретный исторический контекст данных текстов, так и особенности речевой реализации свидетельствуют в пользу того, что одной из коммуникативных целей текстов и, соответственно, усредненной целью жанра является обоснование непопулярного решения — увеличение военного бюджета и/или начало и/или продолжение военной кампании. В этом смысле, синергизм описанных акциональных особенностей и способов репрезентации, включая пролиферацию семантических

паттернов, участвующих в конструировании гомогенной группы чужих и ее демонизации, и специфические лексико-грамматические способы реализации оценки для эксклюзивной актуализации ценностной позиции группы своих, могут рассматриваться как оптимальный инструмент достижения планируемого оратором (персуазивного) коммуникативного эффекта.

Глава 7 Дискурс глобального антагонизма в дискурсивной практике президентской риторики: механизмы, смыслы, ценности

7.1 Персуазивная функция президентской риторики и дискурс глобального антагонизма

В соответствии с представленной в работе концепцией дискурс глобального антагонизма (ДГА) рассматривается как дискурс-репрезентация, в качестве одного из фрагментов которого, далее, рассматривается репрезентация врага. В связи с этим, а также ввиду того факта, что фрагменты ДГА обнаруживаются в разных текстах в разном объеме (и соответственно, требуют применения транстекстуального подхода при анализе), дискурс ДГА будет также (как и дискурс консьюмеризма) рассмотрен как метадискурс.

Тексты, апеллирующие к ДГА, рутинно и предсказуемо актуализируют то, что можно было бы назвать оппозицией «свои — чужие» (в ее специфической реализации). Группа чужих представлена в дискурсе, отражаемом используемым для анализа массивом текстов, двумя основными образами — образом «террорист» и образом «тиран». Два данных образа в совокупности формируют интегративный «образ врага». При этом под образом подразумевается упрощенное по отношению к реальности и могущее отчасти ей не соответствовать представление о некотором феномене, конструируемое в текстах (что соответствует представлениям, изложенным при рассмотрении феномена «дискурс-репрезентация»).

Для подтверждения выдвигаемых положений был проведен анализ текстов публичных речей американских президентов с 1961 по 2017 г. Поскольку массив текстов с 1961 по 1990 г. не содержит никаких кардинально отличающихся от более современного массива паттернов и языковых средств, а тексты периода президентства Б. Обамы и Д. Трампа были подробно рассмотрены (в

текстоцентрическом ключе) при описании жанровой модели КР, для иллюстрации выявленных закономерностей формулирования ДГА используется массив текстов трех американских президентов (Дж. Г. У. Буш, Б. Клинтон, Дж. У. Буш) за период времени 1990–2004 гг., в котором период первого президентства Дж. У. Буша (2000–2004) демонстрирует наибольшее количество различных речей, тематически соотнесенных с геополитическим конфликтом, и наибольшую концентрацию различных средств репрезентации врага в рамках ДГА.

Данный анализ призван более развернуто описать и проиллюстрировать специфику репрезентативного аспекта текстов (в транстекстуальной перспективе) президентской риторики и текстов конфронтационных речей в частности, репрезентативный аспект которых был рассмотрен в его ламинировании на акциональный аспект текстов в текстоцентрическом ключе ранее.

7.2 Делимитация и интеграции чужих как базовый лингвистический механизм (реализации) дискурса глобального антагонизма

Репрезентация врага рассматривается как конкретизация в данной дискурсивной практике наиболее абстрактной идеи существования биполярного мира и группы врагов, перманентно враждебной группе своих (т. е. то, что отражается популярным в исследованиях политической коммуникации термином «свои — чужие»). Базовым механизмом реализации такой репрезентации рассматривается реализуемый в текстах дискурсивной практики «проект» делимитации группы врагов и интеграции разнородных явлений (субъектов, представляющих данную группу, и ассоциируемых с ними явлений) внутри нее.

Такой процесс и механизм был назван «проектом» по аналогии с метасемиотическими проектами дискурса консьюмеризма, поскольку

демонстрирует принципиальное сходство с таковым в плане своей «механики» (уподобляет разнородные явления и интегрирует их под единым «знаменателем», материализованным в текстах одним из метасемиотических терминов номинации группы врагов, описанных ниже) и так же (как и метасемиотический проект лайфстайл) является специфическим механизмом реализации логики тождества и различия, обсуждавшихся при рассмотрении понятия «дискурс-репрезентация» или — иначе — дискурса 3.

7.2.1 *Способ номинации группы врагов как ключевой механизм тенденциозной репрезентации группы и ее практик*

Основным средством номинации врага в текстах АПР (американской президентской риторики) являются лексемы с семантикой «враждебность» и «чуждость», которые, в соответствии с аналитической и терминологической рамкой данной работы, следует рассматривать как ключевые метасемиотические термины практики АПР. В первую очередь референция к врагам и создание семантического пространства «чуждости» в лексико-грамматическом оформлении достигается прямой номинацией субъектов с использованием следующих ярлыков: *terrorist, tyrant, dictator, regime*; ярлыком-гиперонимом (что, придерживаясь терминологии данной работы, можно было бы назвать метасемантическим термином) для данной подгруппы можно считать слово *enemy*.

Помимо указанных выше номинаций анализ текстов также позволил выявить в текстах ПР использование следующих ярлыков: *во-первых*, сочетаний с лексемой *evil* (например, *evil men*); *во-вторых*, целой группы номинаций, объединенных семой «лишение жизни», «убийство», таких как *killers, murderers, assassins, thugs*; *в-третьих*, номинаций с семами «криминальный», «незаконный», таких как, например, субстантивированное прилагательное *the*

lawless, а также сочетания *the lawless men, outlaw groups and regimes, criminal gang, gang of fanatics, extremists, gangsters, aggressors* (см. также: [Молодыченко 2012, Чернявская, Молодыченко 2014]).

На данном историческом этапе (1990–2004) следует говорить о двух основных антагонистических силах, образующих интегративный «образ» врага, — Ираке в лице Саддама Хусейна, и терроризме в лице Осамы бин Ладена. Для номинации данных врагов используются два ключевых термина — *tyrant* и *terrorist* соответственно.

Рассмотрим кратко динамику перемещения акцентов между данными группами в пределах обозначенных исторических рамок. В начале 1990-х годов во время президентства Дж. Г. У. Буша (ознаменованного первой войной в Персидском заливе) главным врагом США является Саддам Хусейн. Ср.:

Last August 2d, this **brutal dictator** [Saddam Hussein] set out to wipe another country from the face of the Earth [Remarks to Allied Armed Forces Near Dhahran, Saudi Arabia].

Во время президентства Б. Клинтона фокус перемещается на изолированные террористические группировки (одним из основных представителей является О. бин Ладен), ср.:

We are working with other nations with renewed intensity to fight drug traffickers and to stop **terrorists** before they act and hold them fully accountable if they do [State of the Union Address: William J. Clinton (February 4, 1997)].

Террористы становятся основными врагами при администрации Дж. У. Буша в связи с событиями 9/11. Ср. следующий пример из публичного обращения президента Дж. У. Буша к гражданам США 20 сентября 2001 г., через 9 дней после нападения на здания торгового центра:

Americans have many questions tonight. Americans are asking: Who attacked our country? The evidence we have gathered all points to a collection of loosely affiliated **terrorist organizations** known as al Qaeda. They are the same **murderers** indicted for bombing American embassies in Tanzania and Kenya, and responsible for bombing the USS Cole [George W. Bush, Address to the Nation — September 20, 2001].

Используемые для номинации субъектов группы чужих ярлыки актуализируются в тексте в окружении прочих дисфемизмов и негативно-оценочной лексики, что можно рассматривать как вариант «релексикализации» (т. е. концентрированного и избыточного употребления различных, но близких по какому-то параметру лексических средств для репрезентации и/или конструирования фрагмента мира). Ср.:

(1) First, some ask why **Iraq** is different from other countries or regimes that also have **terrible weapons**. (2) While there are many **dangers** in the world, the **threat** from Iraq **stands alone** — because it gathers the **most serious dangers of our age in one place**. (3) Iraq's weapons of mass destruction are controlled by a **murderous tyrant** who has already used chemical weapons to **kill thousands of people**. (4) This same **tyrant** has tried **to dominate** the Middle East, has **invaded** and **brutally occupied** a small neighbor, has struck other nations without warning, and holds an **unrelenting hostility** toward the United States. [George W. Bush, September 11th Anniversary — September 11, 2002]

Как становится ясно из отрывка, номинация *tyrant* используется применительно к бывшему лидеру Ирака Саддаму Хусейну.

В первом предложении (1) репрезентация Ирака как врага реализуется при помощи указания на наличие в стране оружия массового уничтожения (*weapons*), которое здесь определяется при помощи прилагательного *terrible*. Второе предложение актуализирует паттерн «угроза» (ср. использование таких лексем,

как *danger, threat*), которая исходит от Ирака, подчеркивая ее исключительность (*stands alone, most serious dangers of our age in one place*) и первостепенность, что определяется использованием превосходной степени в ее оценке (*most serious*). Далее (3) акцент смещается на самого лидера страны, который репрезентируется в тексте ярлыком *tyrant*, который, далее, интенсифицируется использованием прилагательного *murderous*. Семантическое наполнение номинации *tyrant* (3–4) осуществляется через оценочную номинацию действий, приписываемых Саддаму Хусейну (ср.: *kill thousands of people, to dominate, invaded and brutally occupied, holds an unrelenting hostility*) [Молодыченко 2012, Чернявская, Молодыченко 2014].

Аналогичную специфику употребления имеет номинация *dictator*, также используемая для репрезентации Саддама Хусейна. Рассмотрим следующий пример:

Members of the Congress of both political parties — and members of the United Nations Security Council — agree that Saddam Hussein is a **threat to peace** and must disarm. We agree that the Iraqi dictator must not be permitted to **threaten** America and the world with **horrible poisons** and **diseases** and **gases** and **atomic weapons**. [The Iraqi Threat — October 7, 2002]

Специфика репрезентации Саддама Хусейна в тексте иллюстрируется не только отбором номинации *dictator*, но и ее сочетанием в пределах данной фазы текста со словами сопоставимой (негативной оценочной) «заряженности». К таковым можно отнести *threat, horrible, poisons, diseases, gases, atomic weapons*.

Еще одним средством репрезентации врагов и Саддама Хусейна в частности является слово *regime*. Такое же ожидаемо поддерживается контекстом, состоящим из слов аналогичной заряженности. Ср. следующий пример, описывающий режим Талибан (Афганистан):

The United States respects the people of Afghanistan — after all, we are currently its largest source of humanitarian aid — but we **condemn** the **Taliban regime**. (Applause.) It is not only **repressing** its own people, it is **threatening** people everywhere by sponsoring and sheltering and supplying **terrorists**. By aiding and abetting **murder**, the Taliban regime is committing **murder**. [George W. Bush, Address to the Nation — September 20, 2001]

Слово *regime* (ср.: “If you refer to a government or system of running a country as a regime, you are critical of it because you think it is not democratic and uses unacceptable methods”¹) в данном отрывке текста ожидаемо подкрепляется оценочными значениями других единиц. Первой такой единицей является глагол *to condemn*, определяющий положение референта, обозначенного лексемой *regime*, на шкале ценностей (то, что осуждается, оценивается как негативное и нежелательное и — в подобной практике — как чуждое группе своих). Далее, негативная оценочность *regime* также подкрепляется негативной семантикой *to repress, to threaten u murder*, обозначающих действия режима (см. также: [Молодыченко 2012, Чернявская, Молодыченко 2014]).

Второй способ актуализации образа врага в текстах АПР — через номинацию его видов деятельности, а также прочих явлений, ассоциируемых с врагом. Основным языковым средством здесь является то, что иногда называют политическим аффективом — лексической единицей с негативной оценочностью и не всегда легко идентифицируемым денотативным значением. При этом интересно отметить, что описанные выше ярлыки имеют корреляты в форме аффективов. Так, например, номинация *terrorist* будет коррелировать с аффективами *terrorism* и *terror*, номинации *tyrant, dictator* — с *tyranny* и *dictatorship* [Молодыченко 2012, Чернявская, Молодыченко 2014].

¹ Regime definition and meaning | Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/regime> (дата обращения: 02.02.2023).

Избирательность используемых номинаций для репрезентации чужих иллюстрируется тем, что можно было бы рассматривать как интересный случай дисфемии. Показательным в этой связи примером является способ номинации такого понятия, как «оружие массового уничтожения» (ОМУ). Во-первых, данное понятие в большинстве случаев актуализируется в тексте особым образом: факт наличия того же самого оружия массового уничтожения у своих, т. е. у США и союзников, не акцентируется. Во-вторых, как и ранее, большое значение для репрезентации данного явления имеет способ его номинации. Так, помимо того, что лексема «оружие массового уничтожения» сама по себе, по-видимому, должна иметь негативную эмоционально-оценочную составляющую, во многих примерах вместо относительно стандартного *weapons of mass destruction* наблюдается вполне предсказуемое появление таких более эмоциональных и негативных вариаций, как *weapons of mass murder*, *terrible weapon*, *instruments of terror*, *instruments of mass death and destruction*, *the most lethal weapons ever devised* [Молодыченко 2012, Чернявская, Молодыченко 2014]. Ср. следующие примеры:

And we will not allow any terrorist or tyrant to threaten civilization **with weapons of mass murder**. [George W. Bush, September 11th Anniversary — September 11, 2002]

Saddam Hussein is harboring ... **the instruments of terror, the instruments of mass death and destruction**. [The Iraqi Threat — October 7, 2002]

Intelligence gathered by this and other governments leaves no doubt that the Iraq regime continues to possess and conceal some of **the most lethal weapons ever devised**. [Message to Saddam — March 17, 2003]

Our enemies have declared this very intention, and have been caught seeking **these terrible weapons**. [George W. Bush, Commencement Address at the United States Military Academy at West Point — June 1, 2002]

7.2.2 *Интеграция и поляризация как способы конструирования целостного «образа» врага*

В соответствии с представлениями о логике тождества и различия (и таких ее специфических проявлениях, как метасемиотический проект) как ключевом механизме, лежащем в основе дискурса-репрезентации, одним из аспектов репрезентации группы врагов в текстах АПР является интегрирование (артикулирование) разных субъектов и разных объектов и явлений, с ними связанных, в единый «образ» как в пределах одного текста, так и транстекстуально. *Под образом в данном случае подразумевается упрощенное по отношению к реальности и могущее отчасти ей не соответствовать (см. также обсуждение в следующем разделе) представление о некотором феномене, конструируемое дискурсивно преимущественно с использованием таких комбинаций языковых средств, которые потенциально могут инициировать ответные реакции эмоционального характера (страх, ненависть и т. п.) со стороны реципиента.*

Выявленные при анализе средства, используемые с этой целью, можно объединить в несколько подгрупп.

Во-первых, одним из самых простых средств является сочинение, когда два или более понятия, не обязательно являющиеся синонимами за пределами данного текста, соединяются при помощи союза «и» или бессоюзной связью. Наиболее показательным примером является соединение двух подгрупп действующих лиц, обозначенных ярлыками *tyrants* и *terrorists*, ср.:

Since when have **terrorists and tyrants** announced their intentions, politely putting us on notice before they strike? [George W. Bush, State of the Union Address — January 28, 2003]

Как видно из приведенного примера, две выделенные подгруппы объединяются союзом «и» и образуют комплекс (который ввиду того факта, что он «перекочевывает» из текста в текст в таком виде, можно было бы считать своеобразным «преконструктом») [Молодыхенко 2012, Чернявская, Молодыхенко 2014].

Другим вариантом подобной репрезентации является бессоюзное соединение двух указанных слов:

Failure to act would embolden other **tyrants**, allow **terrorists** access to new weapons and new resources, and make blackmail a permanent feature of world events. [The Iraqi Threat — October 7, 2002]

Интересно отметить, что интеграция двух основных групп врагов по такой схеме обнаруживается и до событий 9/11; ср. следующий пример из речи Б. Клинтона:

Together, we must confront the new **hazards of chemical and biological weapons and the outlaw states** [Iraq. — *E. M.*], **terrorists**, and **organized criminals** seeking to acquire them. [January 27, 1998: State of the Union Address | Miller Center]

Подобные способы репрезентации могут использоваться для интеграции в одну группу не только субъектов, но и прочих объектов и явлений, ассоциируемых с врагами. Эти объекты и явления также включаются в процесс интеграции посредством сочинительной бессоюзной связи и использования в качестве однородных членов предложения [Молодыхенко 2012, Чернявская, Молодыхенко 2014]. Ср.:

A **brutal dictator**, with a history of **reckless aggression**, with ties to **terrorism**, with **great potential wealth**, will not be permitted to dominate a vital region and threaten the United States. [George W. Bush, State of the Union Address — January 28, 2003]

В приведенном выше примере как однородные члены сближаются такие элементы, как *reckless aggression*, *terrorism* и *great potential wealth*. Выражение *great potential wealth* также в данном контексте приобретает негативную оценочность (по линии осуждения — *judgement*), так как имплицитно паттерн «незаконное обогащение» Саддама Хусейна на фоне обнищания всех жителей страны.

Вторую подгруппу образуют различные лексические средства, актуализирующие семантический паттерн «оказывать содействие». Анализ позволил выявить использование с этой целью глаголов *to support*, *to finance*, *to harbor*, *to sponsor*, *to hide*, *to shelter*, *to thrive on sth*, существительных *assistance*, *shelter*, *ties*, *links* и проч., а также некоторых выражений, в основе которых лежит метафорический образ, например, *to create safe haven*. Так, Саддам Хусейн (или как варианты: *Iraq*, *Iraqi regime*, *dictator*, *tyrant*) постоянно «уличаются» в связи с террористическими организациями [Молодыченко 2012, Чернявская, Молодыченко 2014], ср.:

It [the Iraqi regime. — *E. M.*] has given **shelter and support to terrorism**, and practices terror against its own people. [The Iraqi Threat — October 7, 2002]

This same **tyrant has close ties to terrorist organizations**, and could supply them with the terrible means to strike this country — and America will not permit it. [George W. Bush, Address to the American Enterprise Institute — February 26, 2003]

Средством реализации данной тактики также может быть семантический паттерн в виде метафоры. Одним из используемых с такой целью метафорических образов является образ *path*:

(1) They [the enemies. — *E. M.*] are the heirs of all the murderous ideologies of the 20th century. (2) By sacrificing human life to serve their radical visions — by abandoning every value except the will to power — **they follow in the path of fascism, and Nazism, and totalitarianism.** (3) And they will follow that path all the way, to where it ends: in **history's unmarked grave** of discarded lies. [George W. Bush, Address to the Nation — September 20, 2001]

Интеграция аффективов *fascism, Nazism, totalitarianism* в пространстве «чуждости» и их присоединение к врагам осуществляется посредством репрезентации последних как «идущих по пути» (*follow in the path*) указанных идеологий. (Примечательно также использование другого метафорического образа — образа могилы как неминуемого конца таких идеологий: *they will follow that path all the way, to where it ends: in history's unmarked grave*) [Молодыченко 2012, Чернявская, Молодыченко 2014].

Другим метафорическим образом, используемым в рамках реализации проекта интеграции, является описанный ранее образ *haven*:

We resolved to hold regimes that hide and sponsor terrorists to account. Afghanistan was a terror state, **provided safe haven for al Qaeda.** [George W. Bush, Defending the War in Iraq — July 9, 2004]

Особенностью репрезентации группы чужих является переход на более высокий уровень конкретизации при репрезентации в тексте определенного участка действительности, связанного с врагами и их деятельностью. Одним из примеров здесь может быть использование специальных лексических средств при текстовой актуализации различных паттернов, характеризующих чужих как

противника в военном конфликте, что рассматривается как один из механизмов усиления противопоставления своих и чужих (и — согласно логике тождества и различия — усиления интеграции элементов внутри противопоставляемых групп).

Первым шагом в такой репрезентации следует считать актуализацию тем или иным способом паттерна «война/вооруженный конфликт» (который здесь можно рассматривать как фрейм в том смысле, что в рамках данного фрейма как конструкции более высокого порядка осмысливается некоторое явление), в терминах которого затем репрезентируется вся активность своих и чужих по отношению друг к другу:

We're at **war**. Iraq is a part of **the war on terror**. It is not the **war on terror**; it is **a theater in the war on terror**. And it's essential **we win this battle** in the **war on terror**. By **winning this battle**, it will make other **victories** more certain in **the war against the terrorists**. [George W. Bush, Prime-Time News Conference — April 13, 2004]

Данный отрывок взят из речи Дж. У. Буша, произнесенной в разгар так называемой антитеррористической кампании (war on terrorism), где президент описывает текущее положение дел в борьбе с врагом. Как видно из данного примера, автором концентрированно используются лексические средства, позволяющие активизировать паттерн «война» и, что более важно, актуализировать в тексте паттерн «террорист = противник в военном конфликте». Такими лексическими средствами, очевидно, являются непосредственно слово *war* (ср.: *the war on terror, the war against the terrorists*), а также слова и выражения, связанные с лексико-грамматическим выражением различных паттернов, соотносимых с осмыслением военных действий, — *theater* («театр военных действий»), *win this battle, victories*.

В качестве средств актуализации того же паттерна также можно рассматривать следующие подгруппы лексических единиц. Во-первых, лексемы, используемые для детализированного описания группы «враг» как военной единицы. Так, например, организация группы *terrorists* описывается при помощи лексем, актуализирующих паттерн наличия у врага подразделений и структур военного типа, таких как *terrorist organizations*, *terrorist groups*, *terrorist networks*, *terrorist cells*, *terrorists campaign*, *terrorist camps* [Молодыченко 2012, Чернявская, Молодыченко 2014]. Ср.:

With the help of many nations, with the help of 90 nations, we're **tracking terrorist activity**, we're **freezing terrorist finances**, we're **disrupting terrorist plots**, we're shutting down **terrorist camps**, we're on the hunt one person at a time. Many **terrorists** are now being **interrogated**. Many **terrorists have been killed**. We've **liberated** a country. [George W. Bush, Homeland Security Act — November 25, 2002]

При помощи слова *camp* подчеркивается наличие у врага структур военного типа; слов *finances* подчеркивает наличие у противника специальных источников финансирования, что также характерно для ведения военных кампаний [Молодыченко 2012, Чернявская, Молодыченко 2014].

Актуализацию семантического паттерна «война» можно также усматривать в использовании таких выражений, как *tracking terrorist activity* и *disrupting terrorist plots*.

Первое выражение подразумевает деятельность разведывательных военных структур, что также может вызывать ассоциации с военными действиями. Во втором выражении важную семантическую нагрузку несет слово *plot*, которое помимо ассоциаций с военными действиями квалифицирует деятельность террористов как нечто нежелательное и негативное, а также целенаправленное (ср.: If people plot to do something or plot something that is illegal or wrong, they plan

secretly to do it¹). Глагол *to interrogate* актуализирует паттерн «допрос военнопленных или военных преступников» (*terrorists are now being interrogated*). Как дополнительное лексическое средство активизации «военного» фрейма можно также рассмотреть *to kill*, что в данном случае подразумевает, что противник был убит во время военных действий (ср.: *Many terrorists have been killed*). Глагол *to liberate* может также рассматриваться как передающий идею освобождения страны от завоевателей [Молодыченко 2012, Чернявская, Молодыченко 2014].

Во-вторых, важным аспектом акцентированного описания врага как противника в военном конфликте является детализированная репрезентация всех действий чужих против Америки и ее союзников как спланированных, выверенных, просчитанных заранее, что может актуализировать ассоциативные связи с жестким военным планированием. Анализ демонстрирует, что для актуализации паттернов запланированности и намеренности деятельности террористов используется большое разнообразие лексических средств. Данный паттерн актуализируется такими словами, как *to plot, to plan, deliberate, tactics* и т. п. Описываемая подгруппа лексических средств также перекликается с предыдущей подгруппой [Молодыченко 2012, Чернявская, Молодыченко 2014]. Ср.:

These elements of Saddam's repressive regime and secret police have reorganized, rearmed, and adopted **sophisticated terrorist tactics**. [George W. Bush, Outline for the Future of Iraq — May 24, 2004]

Поскольку *tactics* несет в себе семантический компонент долгосрочного планирования, можно считать, что она нацелена на экспликацию обсуждаемого

¹ Plot definition and meaning | Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/plot> (дата обращения: 01.02.2023).

здесь смысла. Такой смысл также дополнительно подчеркивается использованием прилагательного *sophisticated* («изоощренные тактики» или что-то подобное).

Третью группу образуют лексические средства, репрезентирующие в тексте действия своих и действия чужих как действия сторон военного конфликта: действия сторон квалифицируются как «атака», «нападение» со стороны врагов, «оборона» и «защита» своих, а также «борьба» за своих. Так, для репрезентации действий врагов используются такие лексические единицы, как *to attack, to strike, to target, to conduct operations*. Для репрезентации ответных действий своих и («за» своих) используются такие лексические единицы, как *to confront and defeat, to detect and disrupt terrorist cells, to pursue the terrorists, to fight terrorists, to stop, to eliminate, to destroy*, а для номинации действий со значением «защита», «оборона» — *to take defensive measures against terrorism, to safeguard our country against terrorism, to respond to attacks, to protect* [Молодыченко 2012, Чернявская, Молодыченко 2014]. Ср.:

And tonight I also announce a distinguished American to lead **this effort, to strengthen American security**: a military veteran, an effective governor, a true patriot, a trusted friend — Pennsylvania's Tom Ridge. He will lead, oversee and coordinate a comprehensive national **strategy to safeguard our country against terrorism, and respond to any attacks that may come**. [George W. Bush, Address to the Nation — September 20, 2001]

В данном примере действия Америки репрезентируются в рамках паттерна «война» как оборонительные (ср.: *respond to any attacks that may come*), что также подчеркивается семантикой *security* и *to safeguard* («безопасность»; «оберегать»), а действия чужих квалифицируются как действия противника словом *attacks*.

Аспектом репрезентации группы врагов и интеграции разнородных элементов внутри нее следует рассматривать и способы ее противопоставления

группе чужих более общего характера, нежели интерпретация их взаимоотношений в терминах вооруженного конфликта [Молодыхенко 2009, 2012, Чернявская, Молодыхенко 2014].

Как видно из нижеприведенного примера, к подобной стратегии резкого противопоставления, используемой в тексте и в данной дискурсивной практике вообще, делает метапрагматическую отсылку сам оратор (Дж. У. Буш):

(1) Some worry that it is somehow undiplomatic or impolite to speak the language of **right and wrong**. (2) I disagree. (Applause.) (3) Different circumstances require different methods, but not different moralities. (Applause.) (4) **Moral truth** is the same in **every culture, in every time, and in every place**. (5) **Targeting innocent civilians for murder** is always and everywhere **wrong**. (Applause.) (6) **Brutality against women** is always and everywhere **wrong**. (Applause.) (7) There can be no neutrality between **justice** and **cruelty**, between the **innocent** and the **guilty**. (8) We are in a conflict between **good** and **evil**, and America will call **evil** by its name. (Applause.) (9) By confronting **evil and lawless regimes**, we do not create a problem, we reveal a problem. (10) And we will lead the world in opposing it. [George W. Bush, Commencement Address at the United States Military Academy at West Point — June 1, 2002]

В начале отрывка (предложения 1 и 2) оратор задает биполярную матрицу конструирования двух возможных миров — *right* (мы) и *wrong* (они). Данная матрица далее используется в тексте (этого события и дискурсе ПР вообще) как своеобразная форма, в которую «отливаются» все возможные аспекты противопоставления.

Следующим шагом (4) вводится аффектив *moral truth* — ценностный концепт группы своих. Всеобъемлющий характер такой классификации подчеркивается при помощи лексических средств, выражающих генерализацию по времени и пространству (везде и всегда). При этом такая генерализация, как

представляется, усиливается семантической избыточностью: сочетание *in every culture* «поглощается» семантикой *in every time, and in every place*.

В следующих предложениях (7, 8) поляризация реализуется высказываниями, построенными на основе антитезы. В рамках одного пространства сближаются такие понятия, как *cruelty, guilty, evil* (своеобразные «антиценности» врагов), которые сталкиваются с другим противопоставленным им рядом (*justice, innocent, good*) тождественных понятий.

Исходя из сформулированной в данной работе модели ламинирования репрезентативных и акциональных системностей и их «синергии» в формировании потенциальной целостной метапрагматики (которую в данном случае можно интерпретировать как «персуазивный эффект»), отметим также некоторые акциональные особенности данного фрагмента, как представляется, прагматически фокусирующие описанные репрезентативные компоненты. Так, в приведенном примере также обращает на себя внимание использование таких акциональных средств, как упрощенные синтаксические конструкции и короткие предложения (например, предложения 2 и 3), синтаксический параллелизм (например, предложения 5 и 6), лексический (например, *evil*) и синтаксический повтор (например, в предложении 7) [Молодыченко 2009]. Данные средства могут рассматриваться как направленные на оптимизацию восприятия и декодирования нужной информации устного выступления, а также как способствующие лучшему ее запоминанию (см., например: [van Dijk 2006a]).

Еще одним средством реализации проекта «делимитации и интеграции» можно считать метафору. В следующем примере используется метафора *war*, в которой отдельные абстрактные понятия, включая ценности и антиценности, соотносимые с противопоставляемыми группами субъектов (в отличие от описанного ранее способа интерпретации отношений между самими субъектами в составе групп в терминах военного конфликта, где такая репрезентация не

являлась метафорической), выступают в роли противодействующих сторон военного конфликта:

Freedom and fear, justice and cruelty, have always been **at war**, and we know that God is not neutral between them. [George W. Bush, Address to the Nation — September 20, 2001]

Другим выявленным метафорическим образом является образ «граница» или образ «линия», позволяющий сконструировать противопоставление в пространственных терминах, ср.:

There is **a line** in our time, and in every time, **between** those who believe all men are created equal, and those who believe that some men and women and children are expendable in the pursuit of power. There is a **line** in our time, and in every time, **between** the defenders of human liberty and those who seek to master the minds and souls of others. Our generation has now heard history's call, and we will answer it. [George W. Bush, September 11th Anniversary — September 11, 2002]

Отметим так же, как и ранее, что в указанном примере обращает на себя внимание акциональная особенность оформления описанного способа репрезентации — использование параллельных синтаксических конструкций при построении предложений (*There is a line in our time, and in every time, between...*) [Молодыченко 2009, 2012, Чернявская, Молодыченко 2014].

7.3 Структура и содержание дискурса глобального антагонизма в их лингвистическом отражении: типичные паттерны и ценности

В качестве одного из аспектов репрезентации группы врагов в настоящей работе рассматривается конструирование исходящей от этой группы угрозы

для американцев, американских ценностей и — шире — круга своих, что, в свою очередь, можно рассмотреть как специфический фрагмент дискурса глобального антагонизма.

Использование термина «конструирование» в данном разделе вместо термина «репрезентация» (или в дополнение к термину «репрезентация») призвано отразить тот факт, что специфические способы лингвистической отсылки к угрозе, обсуждаемые далее, позволяют в какой-то мере говорить о «фантомности» (см. также: [Dunmire 2005]) данной угрозы в том смысле, что используемые в текстах лингвистические средства референции к угрозе отсылают к феноменам, онтологический статус которых остается под вопросом. Это же утверждение верифицируется и источниками, подтверждающими, что некоторые заявления Дж. Буша относительно наличия оружия массового уничтожения в Ираке оказались ложными. В этой связи аспект репрезентации группы врагов, связанный с конструированием исходящей от нее угрозы, можно также рассматривать как часть «образа», в том понимании данного явления, которое было предложено ранее.

Основными средствами референции к угрозе (как феномену, чей онтологический статус может представляться спорным) предсказуемо являются слова со значением «угроза», «опасность», которые обнаруживаются в текстах исследуемого диапазона в достаточном разнообразии. В списке таковых ведущую роль в рассмотренном массиве играют *threat, danger, peril, jeopardy*. Наиболее часто встречаемым в текстах (опять же предсказуемо) является лексема *threat* [Молодыченко 2011].

С начала 1990-х годов референция к угрозе в большинстве случаев обусловлена упоминанием Саддама Хусейна. Ср. следующий пример из выступления Дж. Г. У. Буша на военной базе в Саудовской Аравии незадолго до начала первой Иракской кампании:

But now the march of freedom must not be threatened by the man [Saddam Hussein. — *E. M.*] whose invasion of Kuwait is causing great economic hardship in the countries which can afford it the least. [Remarks to Allied Armed Forces Near Dhahran, Saudi Arabia]

В период президентства Б. Клинтона случаи актуализации данного фрагмента дискурса в (рассмотренных) текстах нечасты и появляются в речах, тематически соотнесенных с войной в Косово и военными операциями в Ираке. Так, например, средства референции к угрозе достигают большой концентрации в речи Б. Клинтона, где президент объясняет причины начала операции «Лис пустыни» (Operation Desert Fox, 1998):

Saddam Hussein must not be allowed **to threaten** his neighbors or the world with nuclear arms, poison gas or biological weapons. [Transcript: President Clinton explains Iraq strike — December 16, 1998]

Наибольшей концентрации и разнообразия средства референции к угрозе достигают, как представляется, во время президентства Дж. У. Буша после событий 9/11, когда на передний план выдвигается образ террориста (точнее, комбинированный образ террориста и тирана) как источника таковой:

But the only way to defeat terrorism as a **threat** to our way of life is to stop it ... [George W. Bush, Address to the Nation — September 20, 2001]

При рассмотрении текстов, в которых более активно репрезентируется и конструируется данный образ, в акциональной перспективе обнаруживается ламинирование актуализации угрозы на коммуникативные ходы, которые могут быть рассмотрены как «фокусирующие» (в том понимании данного термина, которое было предложено ранее при обсуждении аспектов акциональности в ракурсе персуазивности). Примером такого хода могут быть отмеченные ранее вопросно-ответные комплексы (как элемент «псевдодиалогичности»), когда

некоторое альтернативное мнение (приписываемое какой-то группе субъектов, ср.: *some ask*) вводится в текст для его последующего оспаривания и конструирования соответствующей мотивационной и легитимизирующей фазы текста в жанре конфронтационной речи:

Some ask how **urgent this danger is to America and the world. The danger** is already significant, and it only grows worse with time. [The Iraqi Threat — October 7, 2002]

Гипотетический вопрос (в котором прочитывается существование альтернативного мнения, что угроза не является актуальной, а ее устранение срочным) позволяет, тем не менее, вывести паттерн «Ирак = угроза» в прагматический фокус.

Еще одним композиционным и акциональным средством, обеспечивающим фокусирование паттерна «Ирак = угроза», является фигура повтора, ср. следующий пример, в котором Дж. У. Буш подчеркнуто акцентирует смысл «Ирак = угроза»:

Saddam Hussein was a **threat**. He was a **threat** because he had used weapons of mass destruction on his own people. He was a **threat** because he coddled terrorists. He was a **threat** because he funded suiciders. He was a **threat** to the region. He was a **threat** to the United States. [George W. Bush, Prime-Time News Conference — April 13, 2004]

Даже в относительно коротком отрывке текста наблюдается шестикратное повторение лексемы *threat*. Аналогичным образом используется лексема *danger*, ср.:

Saddam Hussein was **dangerous** with weapons. Saddam Hussein was **dangerous** with the ability to make weapons. He was a **dangerous** man in the

dangerous part of the world. [George W. Bush, «Meet the Press» — February 8, 2004]

Тексты, из которых взяты два данных примера, являются (по крайней мере в теории, поскольку практика подготовки к подобным коммуникативным событиям скорее всего предполагает запоминание и репетирование типичных паттернов в их типичном лексико-грамматическом оформлении) спонтанными (ответы на вопросы во время пресс-конференции) и могут демонстрировать специфику устных неподготовленных регистров (включая упрощенный синтаксис и отсутствие лексического «разнообразия», что и иллюстрируется приведенными примерами) [Молодыченко 2011, 2012, Чернявская, Молодыченко 2014].

Помимо основных лексических единиц, используемых в тексте для референции к угрозе, в процессе анализа было выявлено то, что можно назвать непрямыми средствами референции к угрозе; такие средства обеспечивают актуализацию паттерна «Ирак = угроза» путем того, что можно было бы назвать «активацией ассоциативных связей». Сюда в первую очередь относятся слова со значением «скрытность», «секретность», «тайность» и т. п.

Обнаруженными словами с подобной семантикой являются наречие *secretly*, глагол *hide* и образованные от него причастия (например, в сочетаниях *threats hidden in caves*, *this threat hides within many nations*, *hide in caves* и т. п.), прилагательное *shadowy* и *dark* (например: *in any dark corner of the world*, *dark threat* и т. п.), существительное *shadows* (например, в сочетании *move and plot in shadows*) и т. д. Использование подобных средств (предсказуемо) свойственно прежде всего текстам выступлений Дж. У. Буша (первое президентство которого совпало с наиболее активной фазой борьбы с терроризмом) [Молодыченко 2011, 2012, Чернявская, Молодыченко 2014].

С использованием данной подгруппы средств также связана актуализация в тексте образа «тиран», ср.:

Secretly, and without fingerprints, he [Saddam Hussein. — *E. M.*] could provide one of his **hidden** weapons to terrorists, or help them develop their own. [George W. Bush, State of the Union Address — January 28, 2003]

Смыслы «тайность», «скрытость» актуализируются в указанном примере посредством наречия *secretly* и причастия *hidden*, а также «поддерживаются» конгруэнтной с таким образом метафорой *without fingerprints* («не оставив отпечатков пальцев») [Молодыченко 2011, 2012, Чернявская, Молодыченко 2014].

7.3.1 Семантические паттерны и языковые средства репрезентации группы врагов как угрозы

Помимо наиболее общих способов актуализации семантического паттерна «Ирак = угроза» или «террорист/тиран = угроза» в их ламинации на фокусирующие коммуникативные ходы акционального измерения в изучаемом массиве текстов также выделимы более специфические семантические паттерны репрезентации и конструирования образа угрозы.

Первым из таких более специфических паттернов следует рассматривать паттерн (статичной) близости угрозы к представителям группы своих или ее (динамического) приближения к таковым. Данный паттерн актуализируется двумя основными средствами: использованием специфических метафор и «инсценированием» перемещения угрозы в непосредственное окружение реципиента, что достигается использованием специальных лексико-грамматических средств.

Одной из наиболее распространенных в рассматриваемом массиве метафорических моделей наиболее общего свойства является онтологическая метафора «угроза как сущность» (в соответствии с представлениями, изложенными в: [Lakoff, Johnson 2003]). Такой способ репрезентации (или

конструирования) угрозы является, как представляется, одним из основных средств создания того, что ранее было обозначено как «фантомный образ». Ср.:

I know many citizens have fears tonight, and I ask you to be calm and resolute, even **in the face of a continuing threat**. [George W. Bush, Address to the Nation — September 20, 2001]

В данном примере угроза (метафорически) конструируется как сущность, с которой (метафорически) можно столкнуться/увидеть (ср: *in the face of a continuing threat* — несмотря на «стертый» характер подобных метафор, таковые, тем не менее, следует рассматривать как одно из средств актуализации рассматриваемой модели) [Молодыченко 2011, 2012, Чернявская, Молодыченко 2014].

Подобная метафорическая модель используется и в следующем примере:

The United States and our allies are determined: We refuse to live **in the shadow of this ultimate danger**. [George W. Bush, State of the Union Address — January 20, 2004]

Угроза здесь также (метафорически) конструируется как «нависшая» над людьми, живущими «в тени» этой опасности (ср.: *live in the shadow of this ultimate danger*).

Аналогичным образом «угроза» представлена и в следующем примере:

Our nation — this generation — **will lift a dark threat of violence** from our people and our future. [George W. Bush, Address to the Nation — September 20, 2001]

Путем использования лексемы *threat* в качестве объекта глагола *to lift* угроза изображается как нечто конкретное, имеющее определенные физические границы [Молодыченко 2011, 2012, Чернявская, Молодыченко 2014].

Развитие (или — иначе — «эксплуатацию») такой метафорической модели иллюстрирует и следующий пример:

Today in Iraq, we **see a threat** whose **outlines are far more clearly defined**, and whose consequences could be far more deadly. [The Iraqi Threat — October 7, 2002]

В данном предложении угроза — конкретная физическая сущность, имеющая определенные пространственные границы, ср.: *outlines are far more clearly defined*. Та же самая идея подчеркивается использованием лексемы *threat* в качестве объекта глагола *to see*: угрозу можно увидеть [Молодыченко 2011, 2012, Чернявская, Молодыченко 2014].

Другим методом конструирования приближения угрозы является «инсценирование» ее пространственного перемещения в непосредственное окружение реципиента или, наоборот, инсценирование перемещения реципиента в поле угрозы, ср.:

The murders in Madrid are a reminder that the civilized world is at war. And in this new kind of war, **civilians find themselves suddenly on the front lines**. In recent years, terrorists have struck from Spain, to Russia, to Israel, to East Africa, to Morocco, to the Philippines, and to America. They've targeted Arab states such as Saudi Arabia, Jordan, and Yemen. They have attacked Muslims in Indonesia, Turkey, Pakistan, Iraq, and Afghanistan. [George W. Bush, Address One Year After Operation Iraqi Freedom]

В приведенном примере используется развернутая метафора, «переносящая» субъектов в непосредственное окружение угрозы, т. е. на линию фронта в войне с терроризмом (ср.: *civilians find themselves suddenly on the front lines*). Дополнительно развертыванию данного приема может способствовать *детализация*, т. е. указание географических местоположений, где жители

сталкиваются с угрозой (ср.: *terrorists have struck from Spain, to Russia, to Israel, to East Africa, to Morocco, to the Philippines, and to America* и т. д.) [Молодыченко 2011, 2012, Чернявская, Молодыченко 2014].

Противоположным описанному примеру является случай перемещения угрозы к реципиенту. Ср.:

Every victory in this campaign, and every sacrifice serves the purpose of defending innocent lives, in America and across the world, from the weapons of terror. **We will not wait to meet this danger, with firefighters and police and doctors on the streets of our own cities.** Instead, we are meeting the danger today with our Army, Navy, Air Force, Coast Guard, and Marines. [George W. Bush, Remarks at MacDill Air Force Base — March 26, 2003]

Гипотетическая ситуация нападения врага преподносится не просто как возможная, а скорее как такая, которая должна непременно произойти, как единственный вариант развития событий (индикатором такого прочтения можно рассматривать, например, употребление инфинитива в *we will not wait to meet this danger*, а также детализацию в *firefighters and police and doctors on the streets of our own cities*). Средства детализации могут также рассматриваться как создающие эффект приближения угрозы, поскольку репрезентируют в тексте конкретные объекты и явления из окружения реципиента (ср.: *the streets of our own cities* — на улицах наших городов, т. е. на улицах любого города — имплицитный смысл: «это может случиться с каждым» или что-то подобное) [Молодыченко 2011, 2012, Чернявская, Молодыченко 2014].

Здесь же стоит отметить и эксплуатацию рассмотренного при анализе акционального аспекта подобных речей легитимизирующего хода (в одной из его вариаций) через актуализацию предыдущего негативного опыта (поскольку фрагмент *with firefighters and police and doctors on the streets of our own cities*, конечно же, следует рассматривать как референцию к событиям 9/11).

Аналогичным образом рассмотренный ранее легитимизирующий коммуникативный ход «прогноз нежелательного будущего» в данном массиве текстов ламинируется на репрезентацию нежелательного будущего, которое наступит при условии отсутствия ответных действий со стороны своих. С точки зрения семантических паттернов данную репрезентацию эксплуатирует паттерн «атака своих террористами или тираном»; наиболее вероятными сугубо лексико-грамматическими средствами реализации данного хода и ламинируемой на него репрезентации (предсказуемо) являются будущее время, сослагательное наклонение и маркеры вероятностной модальности.

Средствами актуализации вероятностной модальности в анализируемом текстовом массиве являются модальные глаголы со значением *possibility*. Практически единственным употребляемым в такой функции модальным глаголом является глагол *can/could*, ср.:

The **danger** is clear: using chemical, biological or, one day, nuclear weapons, obtained with the help of Iraq, the terrorists **could** fulfill their stated ambitions and kill thousands or hundreds of thousands of innocent people in our country, or any other. [Message to Saddam — March 17, 2003]

Вероятностная модальность также актуализируется такими лексическими средствами, как *capability, chance, danger, odds, opportunity, plausibility, potential, risk* и т. п. В анализируемых текстах в такой функции обнаруживаются *risk, fear, danger*, ср. использование *risk* в сочетании с простым будущим (will-future):

And he [Saddam Hussein. — *E. M.*] cannot be trusted. The **risk** is simply too great that **he will use them** [weapons of mass destruction. — *E. M.*], or **provide them** to a terror network. [The Iraqi Threat — October 7, 2002]

(Стоит, однако, заметить, что в целом акты прогноза редко маркируются вероятностной модальностью, как показывает анализ реализации такой риторики в акциональной перспективе.)

К лексико-грамматическим способам реализации описываемой тактики также следует отнести использование форм простого настоящего (*he uses one* — ввиду употребления в придаточном предложении времени), ср.:

But Saddam Hussein has defied all these efforts and continues to develop weapons of mass destruction. The first time we may be completely certain he has nuclear weapons is **when**, God forbids, **he uses one**. We owe it to all our citizens to do everything in our power to prevent that day from coming. [George W. Bush, Address to the U.N. — September 12, 2002]

Данный отрывок также вновь иллюстрирует ламинацию типичных для дискурса-репрезентации семантических паттернов («атака своих чужими») на типичные же коммуникативные ходы жанра: в приведенном отрывке автором создается два альтернативных варианта развития событий: нежелательное будущее, описываемое здесь в терминах ядерной угрозы (ср. *weapons of mass destruction, nuclear weapons*), которое может быть предотвращено только в случае активных ответных действий (ОД) со стороны США (ср.: *do everything in our power to prevent that day from coming*).

Еще одним средством реализации паттерна можно считать формы сослагательного наклонения. Наиболее употребительна аналитическая форма *would + infinitive*, ср.:

Failure to act **would embolden** other tyrants, **allow terrorists** access to **new weapons** and new resources, and **make blackmail** a permanent feature of world events. The United Nations **would betray** the purpose of its founding, and prove irrelevant to the problems of our time. And through its inaction, the United States **would resign itself to a future of fear**. [The Iraqi Threat — October 7, 2002]

В приведенном примере посредством сослагательного наклонения моделируется гипотетическая ситуация угрозы с перечислением различных явлений, связанных гиперо-гипонимическими отношениям (*would embolden... tyrants, would make blackmail a permanent feature, would betray*). Гиперонимом для перечисленных явлений является выражение *future of fear*. Как и в предыдущих примерах потенциальная персуазивная интенция автора, прочитываемая в использовании такой репрезентации и такой ее лексико-грамматической реализации, — показать необходимость ответных действий (ср.: *failure to act*) [Молодыченко 2011, 2012, Чернявская, Молодыченко 2014].

Как было отмечено при обсуждении жанровой формы КР, данный вид коммуникативного хода является популярным в этом типе риторики и (исходя из «риторических усилий», затрачиваемых на реализацию подобных коммуникативных ходов и ламинируемые на них особенности репрезентации мира) может рассматриваться как универсальное средство мотивирования (потенциальных реципиентов) и легитимизации определенных политических действий. Данное положение подтверждается использованием описываемых способов репрезентации тремя президентами в тех случаях, когда существовала необходимость оправдать наступательную активность со стороны США. Ср. использование этих же паттернов президентом Клинтонем для обоснования необходимости операции «Лис пустыни»:

And mark my words, he [Saddam Hussein. — *E. M.*] **will develop** weapons of mass destruction. He **will deploy them**, and he **will use them**. Because **we're acting today**, it **is less likely** that we will face these dangers in the future. [Transcript: President Clinton explains Iraq strike — December 16, 1998]

Как свидетельствует данный пример, автором используется аналогичная комбинация коммуникативных шагов и ламинируемых на них паттернов: при помощи средств футуральности (*will develop weapons of mass destruction; will*

deploy them; will use them — при этом вновь обращает на себя внимание отсутствие какой-либо формы актуализации категории possibility) прогнозируется нежелательное будущее, предотвращение которого является мотивировкой предпринимаемых ответных действий (ОД; ср.: *we are acting today*).

Еще одной группой семантических паттернов, рассматриваемых как часть создания образа угрозы, являются паттерны группы «предыдущие действия чужих угрожающего характера» (то, что можно назвать «прецедентом»). Таковые в данном массиве речей ламинируются на рассмотренные ранее легитимизирующие коммуникативные ходы экстраполяции прецедентов. Как было отмечено ранее, репрезентация/конструирование образа угрозы в этом случае происходит с использованием следующей логики рассуждений: ситуация 1, имевшая место в прошлом, непременно должна повлечь ситуацию 2 в (гипотетическом) будущем [Молодыченко 2011, 2012, Чернявская, Молодыченко 2014]. Такую формулу можно также рассматривать как абстрактный семантический паттерн, относящийся к большой посылке силлогизма, которая в данном виде текстовой актуализации остается невыраженной в поверхностной структуре.

С точки зрения собственно репрезентации описание «прецедентов» во всех случаях ожидаемо имеет дискредитирующую направленность (что подчеркивается употреблением соответствующих языковых средств и актуализацией соответствующих семантических паттернов):

While there are many dangers in the world, the **threat** from Iraq stands alone — because it gathers the most serious dangers of our age in one place. Iraq's weapons of mass destruction are controlled by a murderous tyrant **who has already used chemical weapons to kill thousands of people. This same tyrant has tried to dominate the Middle East, has invaded and brutally occupied a small neighbor, has struck other nations without warning**, and holds an

unrelenting hostility toward the United States. [The Iraqi Threat — October 7, 2002]

Вывод автора об угрозе, исходящей от Ирака, базируется на ситуациях, имевших место в прошлом. Дискредитирующий характер прецедента обнаруживается, во-первых, в отборе самих фактов, образующих содержательный аспект текста, а во-вторых, в концентрированном использовании лексических средств с пейоративной семантикой (ср. использование таких номинаций, как *murderous tyrant, to dominate, has invaded, brutally occupied, struck*) [Молодыченко 2011, 2012, Чернявская, Молодыченко 2014].

Сам акт прогнозирования остался в приведенном примере невыраженным в поверхностной структуре текста (т. е. в данной реализации этого коммуникативного хода этот шаг отсутствует), однако в других случаях на основе прецедента автором может даваться эксплицитный прогноз о развитии событий:

Second, if Saddam can crippled [sic; cripple. — *E. M.*] the weapons inspection system and get away with it, he would conclude that the international community — led by the United States — has simply lost its will. He **will surmise** that he has free rein to rebuild his arsenal of destruction, and someday — **make no mistake** — he **will use it again as he has in the past**. [Transcript: President Clinton explains Iraq strike — December 16, 1998]

Приведенный пример иллюстрирует, как развернутый акт прогноза будущих действий (*he will surmise, he will use*) основывается на прецеденте из прошлого (*as he has in the past*) [Молодыченко 2011, 2012, Чернявская, Молодыченко 2014].

Проведенный анализ также демонстрирует, что в случае с репрезентацией угрозы вектор изменения угрозы направлен в сторону усиления, усугубления и

интенсификации ее определенных характеристик, что позиционируется как еще один семантический паттерн («интенсификация угрозы»), участвующий в конструировании образа. Наиболее характерным способом реализации паттерна (с точки зрения лексико-грамматического оформления) является использование специфических лексических средств с общей семой «увеличения», «нарастания интенсивности». В тексте, таким образом, угроза репрезентируется (или конструируется) как «материализующаяся» (*materialize*), «проявляющаяся» (*emerge*), «сгущающаяся» (*gather*), «нарастающая» (*mount*), «растущая» (*grow*), ср.:

Some ask how **urgent** this **danger** is to America and the world. The **danger is already significant**, and **it only grows worse with time**. If we know Saddam Hussein has dangerous weapons today — and we do — does it make any sense for the world to wait to confront him as **he grows even stronger and develops even more dangerous weapons**? [The Iraqi Threat — October 7, 2002]

Паттерн «постоянное нарастание степени серьезности угрозы» актуализируется в данном случае семантикой пропозиции *it only grows worse with time*, важность угрозы «здесь и сейчас» актуализируется словами *urgent, significant*. Далее автор также переходит на более конкретизированный уровень описания, указывая какие конкретно параметры угрозы подвергаются интенсификации: увеличение могущества Саддама Хусейна и разработка большего количества единиц опасного оружия ср.: *grows even stronger, develops even more dangerous weapons*. Подобный синтаксический и лексический параллелизм данного фрагмента (*grows even stronger, develops even more dangerous weapons*) следует рассматривать как одно из средств фокусирования паттернов в акциональном измерении [Молодыхенко 2011, 2012, Чернявская, Молодыхенко 2014].

Еще одним таким акциональным средством фокусирования обсуждаемых паттернов можно считать фигуру градации. Использование данного средства является достаточно распространенным в дискурсе АПР, ср.:

Today, the gravest danger in the war on terror, the gravest danger facing America and the world, is outlaw regimes that seek and possess nuclear, chemical, and biological weapons. These regimes could use such weapons for **blackmail, terror, and mass murder**. [George W. Bush, State of the Union Address — January 28, 2003]

Перечисление однородных членов *blackmail, terror, mass murder* можно рассматривать как выстроенное по нарастанию интенсивности объединяющего их признака (негативность действия чужих по отношению к своим) и поэтому как образующее ряд градации. Употребление данных однородных членов также обнаруживает синтаксический параллелизм с простым перечислением в предыдущем предложении (*nuclear, chemical, and biological weapons*), где, однако, такое ранжирование по интенсивности признака не представляется очевидным [Молодыченко 2011, 2012, Чернявская, Молодыченко 2014].

Аналогичная тактика используется в текстах президента Б. Клинтона, где ряд градации образуют лексические средства, актуализирующие в тексте пространственное распространение угрожающей активности: масштаб угрозы постепенно расширяется от локализации в конкретной стране до включения в сферу распространения всего мира:

The hard fact is that so long as Saddam remains in power, he **threatens the well-being of his people, the peace of his region, the security of the world**. [Transcript: President Clinton explains Iraq strike — December 16, 1998]

Приведем также пример того, как данный аспект репрезентации врагов реализуется при помощи совокупности содержательных, лексических,

синтаксических и композиционных средств (и, соответственно, демонстрирует «синергизм» акциональных и репрезентативных процессов в их стремлении обеспечить комплексный эффект данного текста):

Each day that passes brings Saddam Hussein **further on the path** to developing biological and nuclear weapons and the missiles to deliver them. If Saddam corners the world energy market, he can then finance **further aggression, terror, and blackmail**. **Each day that passes increases** Saddam's **worldwide threat** to democracy. [Radio Address to the Nation on the Persian Gulf Crisis]

В данном примере для актуализации паттерна «интенсификация угрозы» используются средства различных уровней. Во-первых, концентрированно используются лексические средства, передающие значение усиления интенсивности: *each day that passes* — для подчеркнутой актуализации и материализации в тексте движения времени (*passes*) и важности данного момента (*each day*), *further* — для актуализации движения вперед, что также дополнительно подчеркивается в тексте используемым метафорическим образом пути (*further on the path*). Значение интенсификации также передается словом *increase*. Актуализация в тексте смысла «глобализация угрозы» достигается при помощи семантики *worldwide* в сочетании *worldwide threat*. Во-вторых, значение движения и интенсификации передается использованием (вспомогательных) синтаксических средств — перечисления (*aggression, terror, and blackmail*) и синтаксического параллелизма: в двух предложениях используется фигура анафора (*each day that passes*). В-третьих, вспомогательным средством «продвижения» нужной репрезентации также является «протаскивание» специфических паттернов в виде пресуппозиции, ср.: (1) *each day that passes brings Saddam Hussein further on the path to developing biological and nuclear weapons and the missiles to deliver them* → *Saddam Hussein is already (far) on the*

path to developing biological and nuclear weapons and the missiles to deliver them; (2) *he can then finance **further** aggression, terror, and blackmail* → he **already finances** aggression, terror and blackmail [Молодыченко 2011, 2012, Чернявская, Молодыченко 2014].

К еще одному семантическому паттерну, участвующему в репрезентации и конструировании данного аспекта враждебности, относится общий паттерн «уникальность угрозы». Проведенный анализ показывает, что в дискурсивной практике ПР актуализаторами паттерна являются, среди прочего, слова с семантикой «новый» (*new threats, threats of a new era*), «беспрецедентный» (*threats with no precedent*), а также использование превосходной степени прилагательного (*the **gravest** danger*) [Молодыченко 2011, 2012, Чернявская, Молодыченко 2014]. Ср., например, следующее предложение, где паттерн уникальность, актуализируется лексико-грамматической конструкцией *with no precedent*:

In defending the peace, we face a threat **with no precedent**. [George W. Bush, Commencement Address at the United States Military Academy at West Point — June 1, 2002]

Ожидаемым в данной дискурсивной практике является использование различных вариаций данного паттерна для репрезентации Ирака, ср.:

While there are many dangers in the world, the **threat** from Iraq **stands alone** — because it gathers **the most serious dangers of our age in one place**. [The Iraqi Threat — October 7, 2002]

Как видно из данного примера, образ угрозы в лице Ирака позиционируется как единичный, не имеющий аналогов (*the threat from Iraq stands alone*). Дальнейшая актуализация данного паттерна в тексте идет по нарастающей — наивысший уровень опасности подчеркивается употреблением

превосходной формы *the most serious*; уникальность такой опасности определяется как по координатной оси времени (*the most serious dangers of our age*), так и пространства (*gathers... in one place*) [Молодыченко 2011, 2012, Чернявская, Молодыченко 2014].

Лексико-грамматическим средством актуализации данного паттерна может также рассматриваться (потенциальная) гипербола: в некоторых случаях автор, по всей видимости, может (намеренно?) преувеличивать масштабы разворачивающихся угрожающих действий и лежащие в их основе интенции врагов. Рассмотрим следующее высказывание Дж. Г. У. Буша, взятое из обращения времен первой иракской кампании:

Today the worldwide march of freedom is **threatened** by a man [Saddam Hussein. — *E. M.*] **hell-bent on gaining a choke-hold on the world's economic lifeline**. And that's why Iraq's aggression is not just a challenge to the security of our friends in the Gulf but to the new partnership of nations we're all hoping to build. [Remarks to the Military Airlift Command in Dhahran, Saudi Arabia]

В данном примере Саддам Хусейн изображается как «одержимый» (ср.: *hell-bent*) идеей (метафорически) «задушить» мировую экономику (ср.: *gaining a choke-hold on the world's economic lifeline*). Описание планов Саддама Хусейна в таких терминах может представляться несколько гиперболизированным и наводить на мысль о намеренном преувеличении [Молодыченко 2011, 2012, Чернявская, Молодыченко 2014]. (Через призму гиперболы можно рассматривать и иные паттерны и их лексико-грамматические способы актуализации, используемые для репрезентации группы врагов и конструирования их образа в данной дискурсивной практике вообще.)

Еще одним выделемым паттерном конструирования образа угрозы является паттерн наиболее общего свойства «угроза есть конкретный субъект». В

основе такого паттерна лежит (метафорическое) изображение государства как человека (ср.: *nation as a person metaphor*; [Lakoff 2014]). Данный паттерн используется в частности для (а) отождествления Ирака и его лидера Саддама Хусейна, а также (б) метафорической репрезентации Ирака как бандита и преступника. Данный паттерн обнаруживается в текстах речей всех трех президентов рассматриваемого исторического периода [Молодыченко 2011, 2012, Чернявская, Молодыченко 2014].

Метафорическое изображение Ирака как человека иллюстрируется следующим примером из речи Дж. Г. У. Буша времен первой иракской войны:

...the brutality inflicted on the people of Kuwait and on innocent citizens of every country must not be rewarded. Because a **bully** unchecked today is a **bully** unleashed for tomorrow. [Remarks to Allied Armed Forces Near Dhahran, Saudi Arabia]

В данном отрывке, в котором президент говорит о причинах необходимости военного вторжения, Ирак изображается в образе хулигана (*bully*), агрессивно ведущего себя (*aggression*) по отношению к своим соседям. В другом своем обращении президент вновь использует данный образ:

What we're confronting is a classic **bully** who thinks he can get away with **kicking sand in the face of the world**. And so far, we have acted with restraint, as is our way. [Remarks to the Military Airlift Command in Dhahran, Saudi Arabia]

В данном отрывке метафорический образ хулигана получает дополнительное развитие: Ирак изображается «бросающий песок в глаза» всему остальному миру (*kicking sand in the face of the world*) [Молодыченко 2011, 2012, Чернявская, Молодыченко 2014].

Поскольку одним из воплощений Ирака является его воплощение в лице Саддама Хусейна, определенные приписываемые Саддаму Хусейну личностные качества переносятся на характеристику всей страны целиком. Тенденция к позиционированию Саддама Хусейна как неуравновешенного и сумасшедшего человека применима, таким образом, и к репрезентации Ирака. Такая страна («страна-сумасшедший») не может действовать рационально и, соответственно, может внезапно и без видимых на то причин осуществить нападение на группу своих.

Одним из основных средств текстовой актуализации паттерна «Саддам Хусейн — сумасшедший» является слово *madman*, которое употребляется в тексте в предикациях с идентифицирующим процессом (*to be*) по типу *Saddam Hussein is a madman*. Однако более интересными в плане анализа являются случаи опосредованной (ассоциативной) лексико-грамматической актуализации:

As Americans, we want peace — we work and sacrifice for peace. But there can be no peace if our security depends on the **will and whims** of a ruthless and aggressive dictator. I'm not willing **to stake** one American life on trusting Saddam Hussein. [The Iraqi Threat — October 7, 2002]

В данном отрывке репрезентация Саддама Хусейна как неуравновешенного человека осуществляется посредством приписывания ему определенных признаков «неадекватности» — капризов, прихотей, причуд (ср.: the **will and whims** of a ruthless and aggressive dictator).

В последнем предложении семы «непредсказуемость» и «риск» дополнительно подкрепляются внедрением метафоры «азартная игра» (путем употребления глагола *to stake*). Ставка в этой игре — безопасность американцев (*our security*). Оба используемые в данном отрывке паттерна (враг — сумасшедший; безопасность американцев — ставка в игре), как представляется, синергичны по отношению друг к другу, так как оба предполагают

неопределенность и непредсказуемость исхода [Молодыхенко 2011, 2012, Чернявская, Молодыхенко 2014].

7.3.2 Семантические паттерны и языковые средства демонизации врага

Одним из макропаттернов, позиционируемых как компонент образа врага и как компонент дискурса глобального антагонизма вообще, является паттерн «демоничность врага»; планомерное использование данного паттерна в дискурсивной практике можно было бы, таким образом, назвать «демонизацией» врага (ср.: [Иванова, Салимова 2015]), что также может рассматриваться как радикальный вариант того, что в других исследованиях фигурирует под термином «стратегия дискредитации».

Концептуальную основу данного паттерна можно представить в виде специфического сценария («сценария демонизации»; [Молодыхенко 2014a]). В самом общем виде данный сценарий может быть объяснен при помощи схемы, показанной на рис. 1.

Рисунок 1. Схема сценария демонизации

Актуализированный в тексте сценарий демонизации описывает инвариантную ситуацию, где агрессор совершает жестокое или иное негативное действие по отношению к жертве. При этом агрессивное действие репрезентируется как неадекватное или несоразмерное по отношению к одному или нескольким элементам сценария: (а) по отношению к жертве (ввиду ее характеристик), (б) по отношению к моральным и этическим нормам, ценностям и прочим нормативным представлениям и (в) по отношению к причине, вызвавшей данное агрессивное действие [Там же]. Рассмотрим несколько вариантов фактической актуализации данного сценария в виде более конкретных семантических паттернов и конкретных лексико-грамматических средств.

Первая группа: неадекватность определяется соотношением характеристик агрессивного действия и характеристик жертвы. Здесь можно выделить как минимум три подгруппы случаев на основании прототипов жертв:

1) агрессор предпринимает жестокие действия по отношению к самым беззащитным и безобидным жертвам — прототип «женщины и дети». В тексте данный прототип актуализируется, например, лексемами *women, children, kids, babies, fathers and sons, the innocent, innocent lives, a little tiny country, its trusting and much weaker neighbor* и т. п.;

2) агрессор предпринимает действия военного характера по отношению к прототипу «мирный житель». Данный прототип актуализируется в тексте лексемами *civilians, civilian population, (innocent) citizens, defenseless people* и т. п.;

3) агрессор предпринимает жестокие карательные действия по отношению к жителям своей страны — прототип «соотечественник». Для актуализации данного прототипа используются, например, лексемы *his own people* [Там же].

Как правило, в текстах обнаруживается конвергенция таких прототипов:

The terrorists' directive commands them **to kill Christians and Jews, to kill all Americans**, and make no distinction among military and **civilians**, including

women and children. [George W. Bush, Address to the Nation — September 20, 2001]

Как видно из данного примера, автором перечисляются все возможные категории жертв, включая выделенные выше как прототипические (ср.: *civilians, women and children*) [Молодыченко 2014а].

Неадекватность действия по отношению к перечисленным категориям людей подчеркивается использованием для номинации этих действий слов со значением «жестокость», «беспоощадность», «кровожадность» и т. п., ср.:

(1) Last year, the U.N. Commission on Human Rights found that Iraq continues to commit extremely **grave violations of human rights**, and that the regime's **repression** is all pervasive. (2) Tens of thousands of political opponents and ordinary citizens have been subjected **to arbitrary arrest and imprisonment, summary execution, and torture by beating and burning, electric shock, starvation, mutilation, and rape.** (3) **Wives are tortured** in front of their husbands, **children** in the presence of their parents — and all of these horrors concealed from the world by the apparatus of a **totalitarian state.** [George W. Bush, address to the U.N. — September 12, 2002]

Как показывает приведенный пример, смыслы «жестокость» и «бесчеловечность» актуализируются в тексте использованием средств на различных уровнях конкретизации/абстракции описания. В первом предложении (1) используются лексические единицы с абстрактной семантикой (ср.: *grave violations of human rights, repression*). Затем данные обобщенные понятия конкретизируются в следующих действиях: *execution, torture, beating, burning, electric shock, starvation, mutilation, rape*. В качестве жертв фигурируют прототипы группы «женщины и дети» (*wives, children*). После развернутого перечисления автор вновь возвращается на более высокий уровень абстракции описания, суммируя все описанное выше гиперонимом/метасемантическим

термином *totalitarian state*. Такая композиция коммуникативного хода («абстракция — конкретизация — абстракция») также может рассматриваться как специфическое средство акционального измерения [Молодыхенко 2014а].

Актуализации подобного сценария встречаются и в речах других президентов (помимо Дж. У. Буша) в иные исторические периоды. Проиллюстрируем такое утверждение примером использования аналогичной модели в обращении президента Б. Клинтона к населению США по поводу ситуации в Косово:

Now they've started moving from village to village, **shelling civilians and torching their houses**. We've seen **innocent people taken from their homes, forced to kneel in the dirt, and sprayed with bullets**; Kosovar men **dragged from their families**, fathers and sons together, **lined up and shot** in cold blood. This is not war in the traditional sense. It is an attack by **tanks and artillery on a largely defenseless people** whose leaders already have agreed to peace. [March 24, 1999: Statement on Kosovo]

В первом предложении инструментом актуализации паттерна демонизации является актуализация сценария с акцентом на неадекватности применения военного действия (*to shell*) к мирным людям (*civilians*).

Следующим шагом автора является переход к эмоциональному описанию на высоком уровне конкретизации. Ср.: (1) *innocent people taken from their homes* → (2) *forced to kneel in the dirt* → (3) *and sprayed with bullets*. Дополнительным потенциальным средством достижения персуазивного эффекта в акциональном разрезе может являться своеобразный синтаксический параллелизм и семантическая избыточность. Предложения в рассматриваемом отрывке образуют дублирующие друг друга пары, каждое последующее предложение либо повторяет предыдущее на более высоком уровне лексической конкретизации (ср: *innocent people taken from their homes* → *men dragged from*

their families), либо просто повторяет содержание предыдущего с использованием иных лексических средств (ср: *forced to kneel... and sprayed with bullets* → *lined up and shot*) [Молодыхенко 2014a]. Такой ход также следует рассматривать как вариант перелексикализации.

Третьей подгруппой жертв является прототип «соотечественник». В таких случаях автор подчеркивает, что агрессор беспощаден даже к жителям своей страны (что, по-видимому, нарушает представления о «правильном» режиме реализации агрессии). Данный прототип также актуализируется совместно с другими прототипами жертв. Приведем для иллюстрации короткий пример из обращения Дж. Г. У. Буша к союзным войскам незадолго до операции «Буря в пустыне»:

As in World War II — the threat to American lives from a seemingly distant enemy must be measured against the nature of the aggression itself: a dictator who **has gassed his own people — innocent women and children — unleashing chemical weapons of mass destruction**, weapons that were considered unthinkable in the civilized world for over 70 years. [Remarks to Allied Armed Forces Near Dhahran, Saudi Arabia]

Основной используемый вариант реализации сценария в данном примере — агрессия по отношению к гражданам своей страны (*has gassed his own people*), которые также являются представителями группы «женщины и дети». Здесь же вновь демонстрируется избыточность описания, ср.: *gassed* → *unleashing chemical weapons*. Оба выражения описывают одну и ту же ситуацию с использованием разных лексических единиц [Молодыхенко 2014a].

Вторая группа случаев определяется неадекватностью агрессивного действия по отношению к повлекшей его причине. Использование данного шаблона можно проиллюстрировать следующим коротким примером из речи Дж. У. Буша, где президент высказывается о режиме Талибан:

Afghanistan's people have been **brutalized** — many are starving and many have fled. Women are **not allowed to attend school**. You can be **jailed for owning a television**. Religion can be practiced only as their leaders dictate. A man **can be jailed** in Afghanistan **if his beard is not long enough**. [George W. Bush, Address to the Nation — September 20, 2001]

Оратор описывает такие ситуации, которые (предположительно по меркам западного общества) являются ненормальными. Смысл «неадекватность», как представляется, имплицитруется напряжением между действиями агрессора и причинами, повлекшими данные действия [Молодыченко 2014а].

Следует отметить, что реализация данного паттерна в этом примере вновь характеризуется движением по уровням конкретизации (ср.: употребление абстрактной лексемы *brutalized* и дальнейшая конкретизация таких действий при помощи лексем *not allowed to attend, jailed*).

Данный шаблон, по всей видимости, можно считать универсальным для АПР рассматриваемого периода. Для подтверждения такого утверждения приведем пример из речи Дж. Г. У. Буша времен первой иракской кампании:

Mass hangings. Babies pulled from incubators and scattered like firewood across the floor. **Kids shot for failing to display the photos of Saddam Hussein**. And he has unleashed a horror on the people of Kuwait. [Remarks to Allied Armed Forces Near Dhahran, Saudi Arabia]

Как и в приведенных ранее примерах, взятых из речей других президентов, для актуализации (имплицитирования) смысла «неадекватность» оратором также используется напряжение, создаваемое между масштабом агрессивного действия (*shot*) и его причиной (*failing to display the photos of Saddam Hussein*) [Молодыченко 2014а].

Действия агрессора и основания для такого действия, обнаруженные в приведенных примерах, суммированы в таблице 3.

Таблица 3. Неадекватность реакции агрессора

действия агрессора	СМЫСЛ	основание
<i>not allowed to attend school</i>	неадекватность/несоразмерность	<i>being a woman</i>
<i>jailed</i>	неадекватность/несоразмерность	<i>owning a TV</i>
<i>jailed</i>	неадекватность/несоразмерность	<i>beard not long enough</i>
<i>kids shot</i>	неадекватность/несоразмерность	<i>failing to display photos of Saddam Hussein</i>

Третья группа случаев определяется неадекватностью действий врага в соответствии с общепринятыми нормами, конвенциями, понятиями о морали, чести и т. д. Сюда можно отнести, например, такой случай, как ликование врагов по поводу, который (предположительно) должен инициировать диаметрально противоположную реакцию, ср.:

We've learned that Iraq has trained al Qaeda members in bomb-making and poisons and deadly gases. And we know that after September the 11th, Saddam Hussein's regime **gleefully celebrated** the terrorist attacks on America. [The Iraqi Threat — October 7, 2002]

Веселое празднование (*gleefully celebrated*) по поводу тех событий, которые (предположительно) явились столь шокирующими для группы своих, должно представляться наиболее неадекватным из всех возможных действий режима Ирака в данных условиях [Молодыченко 2014а].

К этой же группе случаев относится и следующий пример:

In the early stages of this war, the world is getting a clearer view of the Iraqi regime and the evil at its heart. In the ranks of that regime are men whose **idea of courage** is to **brutalize unarmed prisoners**. They **wage attacks while posing**

as civilians. They use real civilians as human shields. They pretend to surrender, then fire upon those who show them mercy. [George W. Bush, Remarks at MacDill Air Force Base — March 26, 2003]

Как представляется, понятие (ценностный концепт), отражаемое словом *courage* должно вступать в конфликт с проявление такового в виде действия, отраженного *brutalize unarmed prisoners*, что может способствовать позиционированию чужих как жестоких, неадекватных, подлых, вероломных, низких и т. п., а также как тех, чьи ценности кардинально не совпадают с ценностями группы своих (поскольку *courage* можно считать дискурсивной ценностью дискурса ГА и американской ПР). «Неадекватность» также, как представляется, имплицитруется путем репрезентации действий агрессора в подобном лексико-грамматическом оформлении: *wage attacks while posing as civilians, use real civilians as human shields, pretend to surrender, then fire upon those who show them mercy.*

Помимо обозначенного ключевого шаблона в виде сценария демонизации макропаттерн демонизации также может быть представлен как актуализируемый рядом иных семантических паттернов. К таковым можно отнести паттерны формулирования мыслей и мнений врагов (такие паттерны можно было бы объединить под формулой «они думают, что X», где X — более специфические паттерны, отражающие жестокость врагов). При этом способы актуализации таких паттернов позволяют усматривать в их использовании персуазивные (или даже манипулятивные интенции), поскольку при актуализации таких паттернов оратор не маркирует эксплицитно, что паттерны, отражающие мысли и мнения врагов, являются предположением. Таким образом, то, что делает использование данных паттернов примечательным, — это невыраженность в тексте маркеров субъективности и гипотетичности суждения, позволяющая репрезентировать то, что (исходя из здравого смысла) должно являться предположением, как факт [Чернявская, Молодыхенко 2014].

Одним из основных языковых средств введения гипотетического суждения в текст и «безапелляционной» подачи такового как объективного являются сочетания *they believe* и *they seek* (как и ранее, не «смягченные» модальностью какого-либо вида). Поскольку данная тактика реализуется практически единообразно в различных текстах АПР, ограничимся только одним примером из речи Дж. У. Буша:

(1) **Terrorists and their allies believe** the Universal Declaration of Human Rights and the American Bill of Rights and every charter of liberty ever written **are lies to be burned and destroyed and forgotten.** (2) **They believe the dictators should control** every mind and tongue in the Middle East and beyond. // (3) **They believe that suicide and torture and murder are fully justified** to serve any goal they declare. (4) And they act on their beliefs. [George W. Bush, Address to the United Nations — September 21, 2004]

Все три предложения посредством совокупности используемых языковых средств (ср.: *lies to be burned, dictators should control every tongue and mind, suicide, torture, murder* и др.) фокусируют в тексте паттерны «жестокость», «беспоощадность», «пренебрежение врагов к любым нормам цивилизованного общества» (ср.: *Universal Declaration of Human Rights and the American Bill of Rights*) [Чернявская, Молодыхенко 2014].

Одним из наиболее значимых средств акционального измерения — фокусирования нужных смыслов — является в данном случае синтаксическая и лексическая анафора, реализующаяся в единообразном начале всех трех предложений (1–3). В первом предложении (1) также обращает на себя внимание использование перечисления сходных по своей семантике глаголов (*burned and destroyed and forgotten*), могущих быть рассмотренными как образующие ряд градации по нарастанию. Во втором предложении (2) суждение о гипотетической власти тиранов облекается в то, что можно было бы рассматривать как

гиперболизацию (ср.: *control every tongue and mind*) [Чернявская, Молодыхенко 2014].

Еще один выделяемый в рассмотренном массиве текстов паттерн — «конфронтация врага со всем цивилизованным миром». Данный паттерн позволяет, во-первых, позиционировать врага как агрессора, решившего пренебречь всеми существующими нормами (что вообще характерно для группы чужих в том виде, в котором они репрезентируются в АПР) и пойти против всего мира, а во-вторых, магнифицировать значимость такой агрессии до максимально возможных масштабов (ср.: [Edwards 2004: 157]):

We're now entering the most critical period of this crisis. For the past 5 months, **Saddam has held the world and the norms of civilized conduct in contempt.** In the next few days, Iraq arrives at a deadline that spells **the limit of the civilized world's patience.** [Radio Address to the Nation on the Persian Gulf Crisis]

Во-первых, паттерн конфронтации врага (в данном случае в лице Саддама Хусейна) и всего (остального, цивилизованного) мира актуализируется в виде утверждения о его пренебрежении ко всем нормам цивилизованного общества (*the norms of civilized conduct*), которые он «презирает» (ср.: *held... in contempt*). Способ построения предложения и введения в него сочетания *civilized world* имплицитно указывает то, что враг к таковому не относится. Во-вторых, данный коммуникативный ход позволяет «расширить» значимость агрессивного поведения режима до масштабов всего мира (Ирак и Саддам Хусейн с одной стороны конфликта и мир — the world — с другой) [Чернявская, Молодыхенко 2014].

Финальным средством, индивидуализируемым в рассмотренном массиве, является сочетание наиболее общего паттерна «жертва агрессии» с коммуникативным ходом детализации. Суть хода заключается в актуализации

(предположительно) нерелевантных для данного (кон)текста деталей при использовании одного из составляющих элементов сценария демонизации — жертв агрессии. Вводимые в дискурс детали могут включать, например, описание конкретных жертв с указанием их возраста, имени и т. п.:

The actions of our enemies over the last few weeks have been brutal, calculating, and instructive. We've seen a car bombing take the life of a **61-year-old Iraqi named Izzedin Saleem**, who was serving as President of the Governing Council. This crime shows our enemy's intention to prevent Iraqi self-government, even if that means killing **a lifelong Iraqi patriot and a faithful Muslim**. Mr. Saleem was assassinated by terrorists seeking the return of tyranny and the death of democracy. [George W. Bush, Outline for the Future of Iraq — May 24, 2004]

Думается, что подробное описание жертв в контексте данной публичной речи, в целом представляющей собой обобщенную репрезентацию ситуации действительности, может рассматриваться как специфический способ репрезентации, «работающий» на общий коммуникативный эффект, соответствующий (персуазивной) установке легитимизации ответных действий и мотивирования поддержки данной политики со стороны общественности вообще.

Чрезмерной детализацией может считаться сам факт упоминания конкретного человека с указанием имени (*named Izzedin Saleem*). Второстепенной деталью можно считать и указание возраста; такая деталь может также позиционировать жертву как беззащитную и невинную (ввиду пожилого возраста, что соответствует прототипу жертв в сценарии демонизации, описанном ранее). В следующих предложениях детальное указание гражданства и вероисповедания позволяет актуализировать в тексте еще один из описанных выше шаблонов демонизации — агрессия против своих

союзников/соотечественников (*a lifelong Iraqi patriot* — т. е. соотечественник, *a faithful Muslim* — т. е. одной веры) [Чернявская, Молодыченко 2014].

В качестве нерелевантной информации можно также рассматривать приписываемую жертве цитату (в форме прямой речи и/или косвенной), ср:

This month in Beslan, we saw once again how the terrorists measure their success: in the death of the innocent and in the pain of grieving families. **Svetlana Deibesov** (ph) was held hostage, along with her son and her nephew. Her nephew did not survive. She recently visited the cemetery and saw **what she called the little graves**. She said, **I understand that there is evil in the world, but what have these little creatures done?** [George W. Bush, Address to the United Nations — September 21, 2004]

Внедряемыми в текст с целью реализации специфической репрезентации группы чужих (по линии демонизации) деталями можно считать: имя жертвы, упоминание того, что она была в заложниках с сыном и племянником (*along with her son and her nephew*), смерть племянника (*nephew did not survive*), посещение кладбища (*visited the cemetery*), приписываемые жертве высказывания и содержащиеся в них суждения (*what she called the little graves, I understand that there is evil in the world, but what have these little creatures done?*) [Чернявская, Молодыченко 2014].

Выводы к Главе 7

Специфическая репрезентация группы чужих в американской президентской риторике и сопутствующее такой репрезентации конструирование образа врага рассматривается как один из главных компонентов или — иначе — субдискурсов дискурса глобального антагонизма. При этом под образом в данном случае понимается упрощенное по отношению к реальности и могущее

отчасти ей не соответствовать представление о некотором феномене, конструируемое дискурсивно преимущественно с использованием таких комбинаций языковых средств, которые потенциально могут инициировать ответные реакции эмоционального характера (страх, ненависть и т. п.) со стороны реципиента и поэтому могут использоваться с персуазивными интенциями того или иного рода.

Как и в случае с дискурсом консьюмеризма, дискурс глобального антагонизма и репрезентация группы врага, в частности, может быть рассмотрена как комбинация нескольких нитей более специфических дискурсов, каждый из которых в свою очередь может быть в семантических и репрезентативных терминах представлен и описан как набор конкретных актуализаций семантического наиболее обобщенного макропаттерна, отражающего такой дискурс.

Соответственно, дискурс глобального антагонизма в его фокусе на группе врага на наиболее абстрактном уровне может быть представлен как макропаттерн существования биполярного мира и наличия в нем некоторой группы чужих, перманентно враждебной по отношению к группе своих. Аналитический фокус на способах репрезентации собственно группы чужих позволяет выявить ряд семантических паттернов, участвующих в ее специфической репрезентации и в конструировании того, что было обозначено как образ врага. На среднем уровне обобщения (который можно было бы назвать мезоуровнем) образ врага складывается из таких паттернов, как паттерн интеграции («все субъекты группы чужих образуют единую и недифференцированную группу» или что-то подобное), паттерн угрозы («Ирак/Саддам/террористы = угроза», «враг представляет реальную угрозу» и т. п.) и паттерн демонизации («все представители группы чужих являются беспринципными, вероломными, кровожадными» и т. п.). Каждый из таких мезопаттернов, далее, рассматривается как реализуемый набором «микропаттернов». Любые паттерны в соответствии с

изложенными принципами анализа дискурсов-репрезентаций позиционируются как абстрактные структуры, которые в конкретных текстах реализуются конкретными и часто уникальными наборами лексико-грамматических средств.

В соответствии с представленной моделью метапрагматики текста как складывающейся из ламинируемых друг на друга способов оформления акционального измерения и способов репрезентации некоторого фрагмента мира выявленные способы репрезентации не всегда полностью изолируемы от акциональных особенностей оформления коммуникативных ходов, на которые они ламинируются и в комбинации с которыми они могут быть рассмотрены как обуславливающие некоторый коммуникативный эффект текста, соответствующий (предположительно) персуазивной интенции оратора. В рамках данной работы и применительно к данному массиву текстов, отражающему фрагмент дискурсивной практики американской президентской риторики, такая потенциальная персуазивная интенция рассматривается как стремление оратора и стоящей за ним группы субъектов легитимизировать предлагаемые ответные действия военного характера по отношению к группе чужих.

Первый семантический макропаттерн существования интегрированной группы чужих как имманентно враждебной по отношению к группе своих и нивелируемости различий между членами группы чужих реализуется в разрезе лексико-грамматического оформления прежде всего практически исключительным использованием пейоративной лексики для номинации субъектов, входящих в группу (как агрегировано, так и персонализировано), и любой активности данной группы, включая материальную/поведенческую, когнитивную и вербальную во всех трех временных планах — в прошлом, настоящем и будущем. В силу такого единообразного лексико-грамматического способа референции к названным субъектам и феноменам, а также путем использования специфических микропаттернов (например, «оказывать

содействие») разные акторы и их группы репрезентируются как единая группа без каких-либо внутренних различий и противоречий, что соответствует предложенному в данной работе рассмотрению этой группы в ее речевой репрезентации как образа. Такая группа, далее, репрезентируется как противник в военном конфликте путем использования разнообразных лексико-грамматических актуализаций данного паттерна («чужие как военный противник») и связанных с ним («наличие структур военного типа у чужих»; «интенциональность, выверенность, спланированность действий»). В силу использования обозначенных способов номинации и актуализации обозначенных паттернов интегрирования группа чужих также репрезентируется как радикально противопоставленная (интегрированной же) группе своих.

В рамках реализации паттерна «враг представляет реальную угрозу» используется ряд лексических средств прямой референции к угрозе, а также ряд средств непрямой референции путем использования лексем, актуализирующих данный паттерн через активизацию ассоциативных связей. В рамках данного паттерна и/или как связанный с ним также функционирует ряд микропаттернов, таких как «приближение угрозы» и «нарастание интенсивности угрозы». Лексико-грамматическая реализация первого из данных двух паттернов заключается в первую очередь в использовании номинализаций, создающих в структуре транзитивности текста так называемый фантомный партиципant, который может прикрепляться к процессам/глаголам, ассоциируемым с (субъектной) агентивностью (но не агентивностью, свойственной абстрактным сущностям), или обладать свойствами физических объектов (определенными физическими габаритами, цветом, способностью быть воспринятым органами чувств и т. п.). Реализация второго паттерна осуществляется путем использования лексико-грамматических средств, актуализирующих разные его вариации, вроде «угроза растет», «угроза развивается», «угроза становится все серьезнее и серьезнее» и т. п. Другими значимыми паттернами является паттерн

возможного «апокалиптического» будущего и паттерн существования прецедентов. Оба паттерна комбинируются с паттерном «враг неминуемо атакует нас, если ничего не предпринять сейчас» в рамках типичного для данного вида риторики коммуникативного хода легитимизации ответного действия. Ламинирование данных паттернов на такие коммуникативные ходы может, соответственно, рассматриваться как ключевой персуазивный инструмент обоснования нужных политических решений (предпринять ответное действие).

Ключевой наиболее абстрактный семантический паттерн, лежащий в основе так называемой «демонизации» группы чужих, предлагается аналитически моделировать в виде инвариантного сценария. Такой сценарий демонизации описывает ситуацию совершения насильственного действия агрессором по отношению к жертве. Ключевыми компонентами такого сценария является то, что в качестве жертв фигурируют группы субъектов, вроде «женщины и дети» и «соотечественники», применение военной силы к которым может рассматриваться как наивысшее проявление жестокости.

Второй компонент такого сценария — причины или повод для некоторой активности группы чужих, по отношению к которым такая активность также может быть позиционирована как проявление жестокости или неадекватности. Основным средством лексико-грамматической актуализации сценария является, таким образом, использование широкого диапазона дисфемизмов с пейоративной семантикой для описания совершаемого агрессором (т. е. группой врагов) действия и комплекса лексических единиц с общей семантикой «беззащитность», «невинность» и т. п. для репрезентации жертв, а также различные и часто уникальные способы лексико-грамматической актуализации микропаттернов «неадекватность ответного действия чужих по отношению к жертве такового (исходя из характеристик жертвы)», «неадекватность ответного действия чужих по отношению к жертве исходя их представлений о морали и принципов

цивилизованного общества» и «неадекватность ответного действия чужих по отношению к жертве исходя из причины ответного действия».

Заключение

В соответствии с одним из основных принятых в отечественной лингвистике определений под дискурсом понимается текст, рассматриваемый через призму его контекста. При таком понимании, которое можно обозначить термином «дискурс 1», акцентируется скорее особый ракурс рассмотрения текста, нежели существование специфического объекта, качественно отличного от текста.

Поскольку феномен контекста является достаточно сложным для операционализации (что было неоднократно подчеркнуто множеством теоретических и практических работ, направленных на его осмысление и эмпирический анализ) ввиду его многогранности и потенциальной бесконечности, любые модели контекста, созданные для использования в анализе текста по линии «дискурс 1» будут являться радикальным упрощением реального объекта. В рамках данной работы было предложено рассматривать перспективу «дискурс 1» как включающую три наиболее общих уровня контекста — уровень коммуникативной ситуации, уровень социальной практики и максимально абстрактный уровень контекста культуры. На такую модель также накладывается представление о (вновь достаточно условном) делении контекста любой речевой структуры на контекст ее производства (что было обозначено как генеративный аспект дискурса 1) и контекст ее потребления (что было обозначено как его рецептивный аспект). Как для генеративной стороны контекста, так и для рецептивной могут быть актуальны любые переменные любых из трех выделенных уровней — уровня ситуации, уровня практики и уровня культуры.

Обозначенные особенности рассмотрения текстов по линии «дискурс 1» также акцентируют внимание на том, что реальный смысл или — точнее — эффект некоторого текста не заложен и не предопределяется (лишь только) тем его компонентом, который можно обозначить как семантический. Во-первых, как

свидетельствуют исследования в области социолингвистики и лингвистической антропологии, большинство элементов, на которые можно сегментировать речевую структуру (например, предикации и их комплексы, словосочетания, отдельные слова, морфемы и фонемы) способны транслировать гамму смыслов, не сводимую к (лексической и грамматической) семантике таких сегментов. Во-вторых, как известно, такие сегменты при их помещении в систему целостного текста способны генерировать дополнительные смыслы, не сводимые к простой сумме их (грамматической и лексической) семантики. В-третьих, такая особенность текстов комбинируется с переменными контекстов, в которых такие тексты используются, и также может быть рассмотрена как по крайней мере отчасти обусловленная такими переменными. Все три обозначенные особенности можно рассматривать как вмещаемые представлением о лингвистической прагматике.

Еще одним популярным в отечественной лингвистике пониманием дискурса, который был обозначен как «дискурс 2», является понимание такового как специфического объекта — массива текстов, соотносимых с определенной социальной практикой. Помимо акцентирования того, что отдельный текст не является, строго говоря, изолированным «текстом в себе», но составляет часть некоторого более глобального и транситуативного целого, такое понимание также акцентирует и то, что тексты используются в социальных практиках как специфические формы воплощения этих практик и инструменты их реализации и, соответственно, обусловлены в том числе и недискурсивными особенностями данных практик.

Иными словами, отдельно взятый текст должен рассматриваться как взаимодействующий со своим контекстом на разных уровнях — с контекстом ситуации и релевантными переменными данного уровня, контекстом социальной и дискурсивной практики как минимум в двух смыслах — в интертекстуальном, поскольку является частью единого массива текстов данной практики, и в разрезе

обусловленности нелингвистическими компонентами данной практики, а также с максимально широким контекстом (все больше глобализованной и транснациональной) культуры и релевантными процессами, протекающими в ней. Позиционирование дискурса 2 как фактически одного из уровней контекста при рассмотрении текста по линии дискурс 1 подчеркивает теоретическую и методологическую комплементарность данных категорий и необходимость их операционализации в рамках единого текстоориентированного дискурс-аналитического проекта.

Как дискурс 1, так и дискурс 2, однако, не отсылают ни к какому специфическому виду языковой или речевой системности, которая могла бы эксклюзивно соотноситься с категорией «дискурс» и не входила бы при этом в иные системности, вроде жанровой или стилистической, и не использовалась бы для объяснения функционирования текстов в терминах таких системностей и с использованием категорий, связанных с изучением таковых. Для отсылки к такой «эксклюзивной» системности в рамках настоящей работы используется понимание дискурса, обозначаемое термином «дискурс-репрезентация» (или «дискурс 3»). Такое специфическое понимание проистекает из пониманий дискурса, разработанных в различных школах социо-ориентированного дискурс-анализа, и диктует рассмотрение дискурса как специфического способа дискурсивного отражения и/или конструирования социальной реальности под определенным углом зрения, в какой-то мере выгодном определенной группе субъектов. Такое понимание дискурса, как правило, требует операционализации ряда социальных теорий, объясняющих различные социокультурные процессы, и поэтому отсылает преимущественно к третьему уровню контекста.

Таким образом, текстоориентированный анализ отдельных текстов по линии «дискурс 1» и дискурсивных практик, предпринятый в настоящей работе, ставит перед собой задачу объяснения системности комплексов содержательно-тематического, композиционного и лексико-грамматического оформления

текстов исходя из некоторых переменных контекста ситуации, контекста самой дискурсивной практики и более широкого социокультурного контекста. Следуя базовым постулатам лингвистической прагматики и лингвистической антропологии, такой анализ также исходит из реализации любым текстом как минимум двух функций одновременно — кодирования и трансляции некоторого содержания (вытекающего из комбинации семантики входящих в текст сегментов и контекстуализации такой структуры) и реализации некоторого социального действия и/или материализации существующих и/или возникающих между коммуникантами социальных отношений (вытекающего из комбинации сегментов, которым может быть приписана прагматическая функция, и контекстуализации такой структуры). Исходя из такого представления, речевая структура текста была рассмотрена как комбинация полифункциональных сегментов, аналитически объединяемых по функциональному принципу как минимум в две базовых системности, ламинируемые друг на друга в виде единой синтагматической цепочки текста.

В рамках данной работы двумя такими системностями позиционируются акциональная и репрезентативная. Акциональность как режим развертывания текста в коммуникативном событии высвечивает его функционирование в данном событии как способа организации коммуникации и — шире — способа реализации социального (взаимо)действия. Репрезентация как режим развертывания текста высвечивает его роль как способа отражения и/или конструирования экстралингвистической реальности с некоторых (идеологических) позиций и — шире — как способа передачи некоторого содержания.

Категория «жанр» рассматривается как абстрактная или абстрагированная модель, апелляция к которой определяет акциональность и акциональную речевую системность, включающую композиционные, лексико-грамматические и синтаксические особенности, а также ламинируемые на них семантические

паттерны конкретных текстов (жанровых экземпляров). Аналогичным образом осмысляется дискурс-репрезентация («дискурс 3») — как модель, с одной стороны, и определяемая ею речевая системность (в первую очередь семантические паттерны и специфика их лексико-грамматического оформления, которые далее ламинируются в конкретных экземплярах на определенную композиционную структуру), с другой.

Исходя из базовых положений прагматики, две данные системности далее рассматриваются как обуславливающие в комбинации с некоторыми параметрами контекстов комплексный эффект контекстуализированных текстов. Такой эффект описывается как метапрагматика текста, под которой понимается более или менее конгруэнтная (когнитивная) репрезентация того, что происходит в данном акте коммуникации в различных его измерениях, не ограничивающихся только лишь содержательным аспектом такового (и более конкретно — репрезентативным), но включающих представления о том, что коммуниканты «делают» посредством/в коммуникации, каковы их предполагаемые интенции, что они конкретно достигают в этом акте коммуникации (акциональный аспект) и иные подобные смыслы, а также представления о том, как себя позиционируют коммуниканты в данном акте коммуникации и/или кем они «предстают» благодаря, независимо или вопреки таким попыткам позиционирования.

Метапрагматика конкретных текстов должна также рассматриваться как включающая элементы конкретизации так называемой метапрагматической осведомленности, под которой понимается демонстрируемое в актах коммуникации рефлексивное осмысление используемых языковых форм; метапрагматическая осведомленность, далее, также может рассматриваться как конкретизация (трансситуативных) метапрагматических знаний различного характера.

Двумя дискурсивными практиками, подвергшимся анализу с обозначенных выше позиций и путем операционализации намеченной выше

модели («акциональность-репрезентативность-метапрагматика») в настоящей работе, являются дискурсивная практика лайфстайл и дискурсивная практика американской президентской риторики. Две данных практики являются дискурсивными практиками, вовлекающими массовую аудиторию в процесс коммуникативного взаимодействия, а также характеризуются ярко выраженной ориентацией на тиражирование транслируемого ими видения мира и, следовательно, демонстрируют особую персуазивную интенциональность речевого оформления текстов.

Предложенный в работе анализ в заданных теоретико-методологических рамках, таким образом, позволил в максимально возможном при использовании текстоориентированного метода виде объяснить специфику акционального и репрезентативного оформления используемых в данных практиках текстов с учетом (в разной мере для каждой из практик) переменных контекста ситуации, контекста самой практики и более широкого социокультурного контекста и комплексный коммуникативный вклад данных системностей в общую метапрагматику таких текстов, что в свою очередь также рассматривается как способ объяснения выбранных вариантов речевого кодирования потенциальных персуазивных интенций стоящих за данными практиками субъектов и потенциального персуазивного эффекта таких текстов.

При существенных различиях данных практик в плане хронотопов (как непосредственных, так и расширенных — исторических), в которых они разворачиваются, полей, в которых они функционируют (политика и массмедиа), целей, которые они преследуют, ключевых субъектов, которые за ними стоят, их навыков, компетенций, интересов и т. п. предпринятый анализ, однако, показал, что на высоком уровне обобщения данные практики как дискурсивные практики демонстрируют примечательное сходство.

Так, обе практики опираются на ряд ключевых жанров в своей реализации, среди которых можно выделить один ключевой жанр. Для практики лайфстайл

таким жанром позиционируется лайфстайл-инструкция, для практики американской президентской риторики — конфронтационная речь. Оба жанра также демонстрируют ключевую роль двух коммуникативных ходов, один из которых является общим для двух жанров. Для жанра лайфстайл-инструкции ключевой является комбинация инструктирующего и мотивирующего и/или легитимизирующего ходов, для конфронтационной речи — описания ответного действия и мотивирующего и/или легитимизирующего ходов.

В репрезентативном измерении тексты обеих практик демонстрируют последовательную актуализацию соответствующего дискурса-репрезентации, ламинируемого в виде различных типичных для дискурса мезо- и микропаттернов на типичные для жанра коммуникативные ходы и шаги; кумулятивный эффект такого ламинирования, в свою очередь, рассматривается как потенциальный механизм реализации персуазивной интенции, с одной стороны, и потенциальный механизм возникновения персуазивного эффекта, с другой. Для жанра лайфстайл инструкции таким дискурсом является дискурс консьюмеризма, суть которого на высоком уровне обобщения может быть отражена представлением (семантическим макропаттерном) о том, что различные объекты и практики могут и должны рассматриваться как материал целенаправленного конструирования идентичности индивида или же как пассивно отражающие ее в актах социального взаимодействия в условиях отсутствия такой целенаправленности. Для жанра конфронтационной речи в частности таким дискурсом является дискурс глобального антагонизма, который можно отразить наиболее общим представлением (семантическим макропаттерном) о наличии биполярного мира, в котором один из полюсов (группа чужих) является перманентно враждебным к представителям другого полюса (группе своих).

Основным итогом диссертационного исследования, во-первых, является разработка и научное обоснование модели функционирования и анализа

контекстуализированных текстов как результата ламинирования двух ключевых контекстуально обусловленных же речевых системностей и эффектов таких текстов как их метапрагматических моделей, образующихся в результате синергии таких системностей и актуализации различных переменных контекстов, в которых такие тексты используются. Во-вторых, итогом также является предложенная в диссертации эмпирическая проверка данной модели на материале двух различных дискурсивных практик, а также научное описание этих практик, результирующее из такой проверки. Данное исследование вносит вклад в развитие дискурс-аналитических исследований, а также в развитие лингвистики дискурса вообще, в жанроведение и исследования персуазивной коммуникации.

В рамках предложенной в работе модели и с использованием разработанной методологии перспективными представляются следующие лингвистические исследования:

- анализ текстов в составе иных англоязычных дискурсивных практик;
- анализ текстов в составе иных дискурсивных практик, реализуемых на других языках;
- сравнительно-сопоставительные исследования текстов в составе различных практик на материале одного языка; межъязыковые сопоставительные исследования дискурсивных практик.

Список сокращений и условных обозначений

АД — анализ дискурса (французская школа дискурс-анализа)

АПЦ — английский язык для профессиональных целей (англ. English for Special Purposes)

АПР — американская президентская риторика

ДГА — дискурс глобального антагонизма

ДК — дискурс консьюмеризма

ДИП — дискурс-исторический подход (англ. Discourse-Historic Approach)

КДА — критический дискурс-анализ (англ. Critical Discourse Analysis)

КОД — констатация ответного действия

КР — конфронтационная риторика; конфронтационная речь

КТ — коммуникативная технология

МПТ — метапрагматический термин

НОРМ — новые онлайн-ресурсы для мужчин

ОД — ответное действие

ПР — президентская риторика

П/М — проблема/мотивировка

РА — речевой акт

СФЛ — системная функциональная лингвистика (англ. Systemic Functional Linguistics)

Список использованной литературы

1. Андерсон Р. Д. Каузальная сила политической метафоры // Политическая лингвистика. 2007. № 22. С. 7–18.
2. Анри П. Относительные конструкции как связующие элементы дискурса // Квадратура смысла. М.: Прогресс, 1999. С. 158–183.
3. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
4. Баженова Е. А., Котюрова М. П. Речевая системность как пакетное понятие функциональной стилистики // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы IV всерос. (с междунар. участием) науч. конф., (г. Пермь, 19 апр. 2016 г.). Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2016. С. 15–19.
5. Баранов А. Н. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 7–21.
6. Баранов А. Н., Паршин П. Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой информации. М.: Прогресс, 1986. С. 100–143.
7. Бастун Е. В. К вопросу о роли пресуппозиций в политическом дискурсе // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 163–166.
8. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 428–472.
9. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.
10. Безукладникова С. С. Языковая реализация жанра «инструкция по сборке» в инженерно-дидактическом дискурсе // Язык. Общество. Образование: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции

«Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования», Томск, 10–12 ноября 2021 г. Томск: Изд-во ТПУ, 2021. С. 328–332.

11. Белошицкая Н. Н., Пак Н. С. Д. Стратегии речевого воздействия в рамках институционального дискурса (на примере педагогического дискурса) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 2. С. 120–124.

12. Бережная Т. М. Современная американская риторика как теория и практика манипулирования общественным сознанием: автор. ... канд. филол. наук, 1986.

13. Бочарникова Е. А. О соотношении понятий «текст» и «дискурс» в лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. 1(5). С. 50–52

14. Бугрышева Е. С., Моисеев А. Н. «Свои» и «чужие» реалии в текстах песен рэпера Оксимирона // Филология и человек. 2021. № 3. С. 183–188.

15. Будаев Э. В. «Могут ли метафоры убивать?»: прагматический аспект политической метафорики // Политическая лингвистика. 2006. № 20. С. 67–75.

16. Волошинов В. Н., Бахтин М. М. Антропологическая лингвистика: Избранные труды. М.: Лабиринт, 2010. 255 с.

17. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 284 с.

18. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с.

19. Генералова Е. В. Медиатекст как отражение динамических хронологических изменений в лексике и фразеологии // Медиалингвистика. 2021. Т. 8. № 2. С. 180–192.

20. Герасимов В. И., Ильин М. В. Политический дискурс-анализ // Политическая наука. 2002. № 3. С. 68–75.

21. Голоднов А. В. Античная риторика и современные концепции персуазивности // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел: Орловский государственный институт культуры, 2007. С. 27–33.
22. Голоднов А. В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы): автореф. ... канд. филол. наук, 2003.
23. Голоднов А. В. Риторический метадискурс: основания прагмалингвистического моделирования и социокультурной реализации (на материале современного немецкого языка). СПб: Астерион, 2011. 344 с.
24. Голубева Т. М. Прагматический и манипулятивный аспекты использования пресуппозиций в американском политическом дискурсе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2015. Т. 12. № 4. С. 21–25.
25. Гончарова Е. А. Стиль как антропоцентрическая категория // *Studia Linguistica*. 1999. № VIII. С. 146–154.
26. Гончарова Е. А. Еще раз о стиле как научном объекте современного языкознания // Текст — Дискурс — Стиль. Коммуникации в экономике. 2003. С. 9–23.
27. Горностаева Ю. А. Лексико-семантическое поле коронавируса как языковое средство манипуляции в американском политическом поляризованном дискурсе сми: дискурсивный и корпусный анализ // Культура и текст. 2021. № 2 (45). С. 188–197.
28. Дементьев В. В. Заголовки с цифрами в интернет-медиа: лингвистические и прагматические характеристики // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 5–27.
29. Дементьев В. В. Речезанровые заимствования // Структуры и функции: исследования по русистике. 2016. Т. II. № 2. С. 26–53
30. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.

31. Дечко А. И., Костюк И. С. Электронные стикеры как новые эмоциональные средства современной социальной коммуникации // Вестник молодых ученых Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. 2018. № 3. С. 121–125.

32. Дзялошинский И. М. Аффордансы информационно-коммуникационного универсума, или Кто стоит за спиной массмедиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2021. Т. 26. № 1. С. 92–98.

33. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. [Б. м.]: [б. и.], 2020.

34. Докучаев И. И. Ценность и экзистенция: основоположения исторической аксиологии культуры. Санкт-Петербург: Наука, 2009.

35. Дронов И. С. Спортивный дискурс в институциональном типе дискурса // Державинский форум. 2020. Т. 4. № 14.

36. Дубенец Н. Б. Языковые средства репрезентации концепта «победа» в американском внешнеполитическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2021. № 2 (86).

37. Заболотская Е. Д. Немецкая инструкция по медицинскому применению лекарственного препарата как особый подтип прескриптивного типа текста // Евразийский союз ученых. 2014. № 7–7 (7). С. 102–104.

38. Иванова С. В., Салимова Р. М. Стереотипизация и демонизация образа России на страницах британских газет // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 3. С. 1032–1038.

39. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.

40. Казаков А. А. Способы языкового манипулирования в политическом медиадискурсе: попытка систематизации // Политическая лингвистика. 2013. № 3. С. 87–90.

41. Калиновская В. Н. «Медиапространство» XIX века в зеркале русского языка: лексико-фразеологический аспект // Медиалингвистика. 2021. Т. 8. № 2. С. 144–160.
42. Каменева В. А., Рабкина Н. В. Метафоризация совещательного политического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 4 (450). С. 57–64.
43. Кара-Мурза Е. С. Лингвистическая экспертиза информационного обеспечения выборов (на материале президентской кампании 2018 г.) // Медиалингвистика. 2019. Т. 6. № 2. С. 148–163.
44. Карасик В. И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 2000. С. 25–33.
45. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2002. 477 с.
46. Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5–25.
47. Карипиди А. Г. Агрономический дискурс как часть институционального дискурса // Теоретический и практический потенциал современной науки. Сборник научных статей. Том Часть IV. 2019. С. 114–116.
48. Кафискина О. В. К вопросу о переводческой классификации типов текста // Преподаватель XXI Век. 2017. № 4–2. С. 413–425.
49. Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса / под ред. П. Серю. М.: Прогресс, 1999. 416 с.
50. Китова Е. Б. Общение в интернет-среде и «Универсальный язык» эмодзи // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 4. С. 654–664.

51. Клещенко Л. Л. «Поколенческий разрыв» в дискурсе современных российских либеральных медиа // Комплексные исследования детства. 2021. Т. 3. № 1. С. 23–37.

52. Клочкова Е. С., Евтушенко Т. Г. Прагматические параметры виртуальной академической коммуникации (на материале дискуссий в социальной сети ResearchGate). СПб.: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2020. С. 69–72.

53. Клушина Н. И. От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике // Язык, коммуникация и социальная среда. 2011. № 9. С. 25–33.

54. Кожина М. Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст — дискурс — стиль. СПб: СПбГУЭФ, 2004. С. 9–32.

55. Кожина М. Н. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории. Избранные труды. Пермь: Перм. ун-т, ПСИ, ПССГК, 2002. 475 с.

56. Кожина М. Н. Речевой акт и речевой жанр (некоторые аспекты проблемы) // Жанры речи. Саратов: Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1999. С. 52–61.

57. Козлова Е. А. Пресуппозиции в аспекте речевого воздействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2 (55). С. 103–111.

58. Кондратенко П. И. Стратегии имплицитной экспертной оценки в немецкоязычных лингвистических рецензиях // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. № 6 (218). С. 49–59.

59. Конюшкевич М. И. Влияние массмедиа на предложную систему русского языка // Медиалингвистика. 2019. Т. 6. № 1.

60. Копнина Г. А. Риторические приемы современного русского литературного языка: опыт системного описания: фвтореф. дис. ... д-ра филол. наук, 2010.

61. Которова Е. Г. Прагматика в кругу лингвистических дисциплин: проблемы дефиниции и классификации // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 1. С. 98–115.
62. Кравченко А. В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейкитичность. Индексальность. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1992.
63. Крылов Ю. В. Семантика эмодзи в виртуальном диалоге // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2017. № 2 (15). С. 50–52.
64. Крысин Л. П. Проблема социальной дифференциации языка в современной лингвистике // *Социолингвистика вчера и сегодня*. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2008. С. 72–89.
65. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // *Русский язык в научном освещении*. 2001. Т. 1. С. 90–106.
66. Ларионова М. В. Пресуппозиция как способ манипулятивного воздействия (на примере испанского газетно-публицистического дискурса) // *Вестник МГИМО университета*. 2013. № 2 (29). С. 220–224.
67. Леонтьев А. А. Психология общения. М.: Смысл, 1999. 365 с.
68. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007.
69. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // *Вопросы философии*. 1996. № 4. С. 15–26.
70. Лугуева Р. Г. Языковые особенности создания образа врага в российских и западных СМИ // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 2–2 (68). С. 151–155.
71. Лущиков В. А., Терских М. В. Жанрово-тематические и языковые особенности видеоблогов // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки*. 2018. Т. 4. № 14. С. 57–75.

72. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
73. Мариева Е. А. Gif-анимация как элемент массового коммуникативного процесса // Молодой ученый. 2020. № 303. С. 7–9.
74. Маринова Е. В. Новые политические аффективы: специфика функционирования в современных медиатекстах // Лексикология. Лексикография: (русско-славянский цикл). русская диалектология. когнитивная лингвистика. сборник статей по материалам XLVI международной филологической конференции. СПб.: ООО «Издательство ВВМ», 2017. С. 41–45.
75. Мисюк А. В. Современные интерпретации модели Тулмина // РАЦИО.ru. 2010. № 3. С. 62–68.
76. Молодыхенко Е. Н. Аксиология дискурса консюмеризма: о роли языковой оценки в жанре лайфстайл // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. Т. 38. № 6. С. 55–66.
77. Молодыхенко Е. Н. Идентичность, стиль и стилизация: социолингвистическая перспектива // Terra Linguistica. 2022a. Т. 48. № 2. С. 11–29.
78. Молодыхенко Е. Н. Когнитивное моделирование реализации эмоционального аспекта речевого воздействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014a. Т. 40. № 3. С. 78–85.
79. Молодыхенко Е. Н. Коммуникативно-прагматические особенности «лайфстайл-инструкции» как интернет-жанра в культуре потребления // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019a. № 57. С. 79–102.
80. Молодыхенко Е. Н. Метапрагматика в жанроведении: нужен ли нам новый аналитический инструмент в эру интернет-медиа? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022b. № 75. С. 67–93.

81. Молодыхенко Е. Н. Метапрагматические дискурсы и жанровая дифференциация в интернет-медиа // Язык и литература. 2021. Т. 18. № 2. С. 363–382.

82. Молодыхенко Е. Н. Метасемиотические проекты и лайфстайл-медиа: дискурсивные механизмы превращения предметов потребления в ресурсы выражения идентичности // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 1. С. 117–136.

83. Молодыхенко Е. Н. Поляризация как способ репрезентации антагонистически ориентированных идентичностей в политическом дискурсе США // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2009. № 5. С. 72–76.

84. Молодыхенко Е. Н. Риторика превосходства: аксиологическая перспектива (Барак Обама о крымском кризисе) // Политическая лингвистика. 2014b. № 3. С. 155–165.

85. Молодыхенко Е. Н. «Свои» и «чужие» в политическом дискурсе: инструментальная функция «чужого» в американской президентской риторике // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019b. № 59. С. 67–86

86. Молодыхенко Е. Н. Текстовое моделирование образа врага в истории и политике (на материале текстов президентского дискурса США) // Политическая лингвистика. 2012. № 4. С. 145–156.

87. Молодыхенко Е. Н. Уровни контекста: как анализ текста становится анализом дискурса? (на материале новых лайфстайл-медиа в сети Интернет) // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14. № 1. С. 107–125.

88. Молодыхенко Е. Н. Фантомная угроза как тактика политического дискурса // Дорогой Ломоносова: Материалы XI Ломоносовских научных чтений студентов, аспирантов и молодых ученых. Архангельск: Поморский университет, 2011. С. 159–164.

89. Молодыхенко Е. Н. Ценности и оценка в дискурсе консюмеризма: лингво-прагматический и критический анализ // Вестник Северного Арктического федерального университета. 2016. № 3. С. 122–130.

90. Молодыхенко Е. Н., Чернявская В. Е. Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19. № 1. С. 103–124.

91. Молодыхенко Е. Н. Что такое лайфстайл-дискурс? Две базовые функции новых лайфстайл-медиа в сети интернет // Коммуникативные исследования. 2019с. Т. 6. № 3. С. 726–743.

92. Нестерова Т. В., Серовская Д. В. Стикеры в обиходном дискурсе молодежи // Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Калининград: Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019. С. 93–97.

93. Нефедов С. Т., Чернявская В. Е. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 83–97.

94. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения: Учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 168 с.

95. Никифорова М. В., Чудинов А. П. Варианты и средства репрезентации концептуальной оппозиции «свои — чужие» в дискурсе мэра Екатеринбурга Евгения Ройзмана // Политическая лингвистика. 2016. № 4(58). С. 154–162.

96. Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций. Минск: БГУ, 2009. 183 с.

97. Орищенко С. С. Антагонистические тропы и фигуры концепта «свои и чужие» в современном отечественном кинематографе // *Философия человека в контексте культуры*. 2021. № 8(454). С. 95-100.

98. Орлова О. В. Проблема соотношения понятий стиля и дискурса в лингвистике начала XXI в. в контексте идей М.Н. Кожиной // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2013. № 4 (24). С. 19–25.

99. Пешё М. Контент-анализ и теория дискурса // *Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса*. М.: Прогресс, 1999а. С. 302–336.

100. Пешё М. Прописные истины: лингвистика, семантика, философия // *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса*. М.: Прогресс, 1999б. С. 225–290.

101. Пешё М., Фукс К. Итоги и перспективы: По поводу автоматического анализа дискурса // *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса*. М.: Прогресс, 1999. С. 105–123.

102. Полетаев А. А. Характеристика типов текстов в рамках функционально-смыслового типа речи «рассуждение» // *Известия Волгоградского Государственного Педагогического Университета*. 2012. № 1 (65).

103. Попов Н. А., Таджибова А. Н. Особенности функционирования метафоры в дискурсе массмедиа (на материале современных немецкоязычных СМИ) // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. 2021. № 4. С. 158–162.

104. Пульчинелли Орланди Э. У вопросу о методе и объекте анализа дискурса // *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса*. М.: Прогресс, 1999. С. 197–224.

105. Радюшкина А. А., Фролова Ю. О. Средства актуализации оппозиции «свои-чужие» в инаугурационной речи Бориса Джонсона // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021. Т. 14. № 8. С. 2501–2506.

106. Рамазанова Ю. А. Метафорические средства экспликации оппозиции «свой»-«чужие» в современном публицистическом дискурсе // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. № 2. С. 195–199.

107. Руженцева Н. Б., Кошкарлова Н. Н. Фидбэки в дискурсе печатных сми // Политическая лингвистика. 2021. № 1 (85). С. 10–20.

108. Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (русский научный академический текст). Диссертация ... док-ра филол. наук, 2002.

109. Саттарова Р. В., Мартыненко Е. А. Структурные и грамматические особенности жанра «инструкция» // Всероссийская научно-практическая конференция «национальные языки и литературы в условиях би- и полилингвизма». Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2019. С. 171–174.

110. Седов К. Ф. Анатомия жанров бытового общения // Вопросы стилистики. 1998. № 27. С. 9–20.

111. Седов К. Ф. Функциональный базис речи в структуре сознания (к 80-летию со дня рождения И.Н.Горелова) // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2008. № 6. С. 120-129

112. Селезнева Л. В., Воробьева С. Н. Пресуппозиционный каркас как связующая основа дискурса (на материале PR-дискурса и религиозного дискурса) // Верхневолжский Филологический Вестник. 2019. № 4 (19). С. 56-61.

113. Сергиенко А. Ю. Контент-анализ образовательных программ повышения квалификации управленческих кадров // Человек и образование. 2021. № 2 (67). С. 142–147.

114. Серебренникова Е. Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов. М.: Тезаурус, 2011. С. 7–26.

115. Серио П. Как читают тексты во франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. С. 12–53.

116. Сковородников А. П., Копнина Г. А. О концепции «Словаря современных политических ярлыков» // Вопросы лексикографии. 2021. № 20. С. 105–118.

117. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Политические ярлыки в современном русскоязычном медиадискурсе // Русская Речь. 2019. № 1. С. 44–57.

118. Сорока С. С. «Стихийные» концептуальные метафоры в дискурсе о мигрантах в речи правых политиков (на примере выступлений т. окамуры и в. жириновского) // Российские исследования. 2021. Т. 2. № 2. С. 78–87.

119. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 336 с.

120. Стилистика научного текста (Общие параметры). Часть 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект / под ред. М. Н. Кожина. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. 396 с.

121. Текутьева И. А. Жанрово-тематическая классификация видеоблогинга // Медиасреда. 2016. № 11. С. 107–113.

122. Тураева З. Я. Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика). Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» М.: Просвещение, 1986.

123. Тюпа В. И. Жанр и дискурс // Критика и семиотика. 2011. № 15. С. 31–42.

124. Уланов А. В. Элементы политического дискурса в русском военном дискурсе начала XX века (на материале анализа региональных текстов) // Сибирский Филологический Журнал. 2020. № 1.

125. Устинова О. В. Особенности репрезентации образа Канады в политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 1. С. 136–157.

126. Фуко М. Археология знания. Санкт-Петербург: Гуманитарная академия: Университетская книга, 2004.

127. Хабаров А. А. Эмпирические и аналитические аспекты дефиниции дискурса в мировой лингвистике: история и современность // Социальные и гуманитарные науки на дальнем востоке. 2021. Т. 18. № 1. С. 52-55.

128. Хазагеров Г. Г. Политическая риторика. М.: Никколо-Медиа, 2002. 313 с.

129. Хамидуллаева Г. А. Императив как средство воздействия в рекламных текстах // Academic research in educational sciences. 2021. Т. 2. № 8. С. 518–525.

130. Хорохордина О. В. Инструкция как тип текста // Мир русского слова. 2013. № 4. С. 7–14.

131. Цокало Ю. В. Способы выражения побудительности в англо- и немецкоязычных инструкциях по применению бытовой техники // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 1. С. 165–169.

132. Чепорухина М. Г. Эвфемизмы и дисфемизмы в новостной интернет-статье и комментариях к ней // Политическая лингвистика. 2021. № 1 (85). С. 95-102.

133. Чернявская В. Е. Дискурс // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 53–55.

134. Чернявская В. Е. Корпусно-ориентированный дискурсивный анализ идентичности российского университета 3.0 // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 58. С. 97–114.

135. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.

136. Чернявская В. Е., Молодыченко Е. Н. История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих». М.: URSS, 2014. 200 с.

137. Чернявская В. Е. Операционализация контекста в дискурсивном анализе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9. № 4. С. 83–93.

138. Чернявская В. Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 1(038). С. 54–61.

139. Чупрына О. Г., Кригер Е. И. Языковая репрезентация социополитической реальности в дискурсе американских СМИ // Вестник Московского Городского Педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2021. № 1 (41). С. 42-52.

140. Шаманская М. А. Метафорическая репрезентация политической реальности в немецкоязычном медиадискурсе // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2018. № 1 (28). С. 159-168

141. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Диссертация ... докт. филол. наук, 2000.

142. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. 1997. № 1. С. 88–98.

143. Шульженко К. С., Рябоконт Е. М., Кузнецова О. А. Блогеры-инфлюенсеры в fashion-индустрии // Структурная и технологическая трансформация России: проблемы и перспективы. От плана ГОЭЛРО до наших дней. Материалы международной научно-практической конференции. Краснодар, 2021. С. 744–750.

144. Щирова И. А., Гончарова Е. А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания. Санкт-Петербург: Книжный дом, 2006. 171 с.

145. Achugar M. The Events and Actors of 11 September 2001 As Seen from Uruguay: Analysis of Daily Newspaper Editorials // Discourse & Society. 2004. Vol. 15. № 2–3. P. 291–320.

146. Adams M. The Reflexive Self and Culture: A Critique // *The British journal of sociology*. 2003. Vol. 54. № 2. P. 221–38.
147. Agha A. Commodity Registers // *Journal of Linguistic Anthropology*. 2011a. Vol. 21. № 1. P. 22–53.
148. Agha A. *Language and Social Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007b. 427 p.
149. Agha A. Large and Small Scale Forms of Personhood // *Language & Communication*. 2011b. Vol. 31. № 3. P. 171–180.
150. Agha A. Recombinant Selves in Mass Mediated Spacetime // *Language & Communication*. 2007a. Vol. 27. № 3. P. 320–335.
151. Agha A. Voice, Footing, Enregisterment // *Journal of Linguistic Anthropology*. 2005. Vol. 15. № 1. P. 38–59.
152. Althusser L. *On the Reproduction of Capitalism: Ideology and Ideological State Apparatuses*. London: Verso, 2014. 285 p.
153. Andersen T. H., Leeuwen T. J. van. Genre Crash: The Case of Online Shopping // *Discourse, Context & Media*. 2017. Vol. 20. P. 191–203.
154. Androutsopoulos J. K. Mediatization and Sociolinguistic Change. Key Concepts, Research Traditions, Open Issues // *Mediatization and Sociolinguistic Change Linguae & litterae* / Ed. J. K. Androutsopoulos. Berlin; Boston: De Gruyter, 2014. P. 3–48.
155. Askehave I., Nielsen A. E. Digital Genres: A Challenge to Traditional Genre Theory // *Information Technology and People*. 2005. Vol. 18. № 2. P. 120–141.
156. Askehave I., Swales J. M. Genre Identification and Communicative Purpose: A Problem and a Possible Solution // *Applied Linguistics*. 2001. Vol. 22. № 2. P. 195–212.
157. Auer P. Context and Contextualization // *Handbook of Pragmatics* / Ed. J.-O. Östman, J. Verschueren. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2009. P. 86–101.

158. Auer P. Introduction: John Gumperz' Approach to Contextualization // *The Contextualization of Language Pragmatics & Beyond New Series.* / Ed. P. Auer, A. Di Luzio. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1992. P. 1–37.

159. Barber B. R. *Consumed: How Markets Corrupt Children, Infantilize Adults, and Swallow Citizens Whole.* New York & London: W.W. Norton & Company, 2007. 406 p.

160. Baudrillard J. *The Consumer Society: Myths and Structures.* London: SAGE Publications, 1998. 224 p.

161. Bauman R., Briggs C. L. Poetics and Performance as Critical Perspectives on Language and Social Life // *Annual Review of Anthropology.* 1990. Vol. 19. P. 59–88.

162. Bauman Z. *Consuming Life* // *Journal of Consumer Culture.* 2001. Vol. 1. № 1. P. 9–29.

163. Bell A. *Succeeding Waves: Seeking Sociolinguistic Theory for the Twenty-First Century* // *Sociolinguistics: Theoretical Debates* / Ed. N. Coupland. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 391–416.

164. Bell D., Hollows J. *Making Sense of Ordinary Lifestyles* // *Ordinary Lifestyles: Popular Media, Consumption and Taste* / Ed. D. Bell, J. Hollows. Maidenhead: Open University Press, 2005. P. 1–18.

165. Benwell B. Is There Anything “New” About These Lads? The Textual and Visual Construction of Masculinity in Men’s Magazines // *Gender Identity and Discourse Analysis* / Ed. J. Litosseliti, L. Sunderland. Amsterdam, Netherlands: John Benjamins Publishing Company, 2002. P. 149–174.

166. Benwell B., Stokoe E. *Discourse and Identity.* Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 329 p.

167. Berger J., Heath C. Where Consumers Diverge from Others: Identity Signaling and Product Domains // *Journal of Consumer Research.* 2007. Vol. 34. № 2. P. 121–134.

168. Bhatia V. K. *Analysing Genre: Language Use in Professional Settings*. London and New York: Longman, 1993. 246 p.
169. Bhatia V. K. *Critical Genre Analysis: Theoretical Preliminaries* // *HERMES-Journal of Language and Communication in Business*. 2015. Vol. 27. № 54. P. 9–20.
170. Bhatia V. K. *Generic Patterns in Promotional Discourse* // *Persuasion across Genres: A Linguistic Approach* / Ed. H. Halmari, T. Virtanen. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005. P. 213–225.
171. Biber D. et al. *Speaking and Writing in the University: A Multidimensional Comparison* // *TESOL Quarterly*. 2002. Vol. 36. № 1. P. 9.
172. Biber D., Barbieri F. *Lexical Bundles in University Spoken and Written Registers* // *English for Specific Purposes*. 2007. Vol. 26. № 3. P. 263–286.
173. Biber D., Conrad S. *Register, Genre, and Style*. New York: Cambridge University Press, 2012. 344 p.
174. Bilá M., Ivanova S. V. *Language, Culture and Ideology in Discursive Practices* // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Vol. 24. № 2. P. 219–252.
175. Blommaert J. *Discourse: A Critical Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 299 p.
176. Blommaert J. *Meaning as a Nonlinear Effect: The Birth of Cool* // *AILA Review*. 2015. Vol. 28. P. 7–27.
177. Blommaert J., Smits L., Yacoubi N. *Context and Its Complications* // *Tilburg Papers in Culture Studies*. 2018. № 208.
178. Boyd M. S. *(New) Participatory Framework on Youtube? Commenter Interaction in Us Political Speeches* // *Journal of Pragmatics*. 2014. Vol. 72. P. 46–58.
179. Briggs C. L., Bauman R. *Genre, Intertextuality, and Social Power* // *Journal of Linguistic Anthropology*. 1992. Vol. 2. № 2. P. 131–172.
180. Butt D. G., Lukin A., Matthiessen C. M. I. M. *Grammar — The First Covert Operation of War* // *Discourse & Society*. 2004. Vol. 15. № 2–3. P. 267–290.

181. Chang G. C., Mehan H. B. Why We Must Attack Iraq: Bush's Reasoning Practices and Argumentation System // *Discourse & Society*. 2008. Vol. 19. № 4. P. 453–482.
182. Chouliaraki L., Fairclough N. *Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. 168 p.
183. Cialdini R. B. *Influence: the Psychology of Persuasion*. New York, NY: Collins, 2007. 320 p.
184. Cicourel A. V. The Interpenetration of Communicative Contexts: Examples from Medical Encounters // *Social Psychology Quarterly*. 1987. Vol. 50. № 2. P. 217–226.
185. Cockcroft R. et al. *Persuading People: An Introduction to Rhetoric*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire ; New York, NY: Palgrave Macmillan, 2014. 323 p.
186. Conrad S. The Use of Passives and Impersonal Style in Civil Engineering Writing // *Journal of Business and Technical Communication*. 2017. Vol. 32. № 1. P. 38–76.
187. Cook G. *The Discourse of Advertising*. London and New York: Routledge, 2001. 2nd ed. 256 p.
188. Corrigan P. *The Sociology of Consumption. An Introduction*. London: SAGE Publications, 1997. 197 p.
189. Cortes V. The Purpose of This Study is to: Connecting Lexical Bundles and Moves in Research Article Introductions // *Journal of English for Academic Purposes*. 2013. Vol. 12. № 1. P. 33–43.
190. Couldry N., Hepp A. Conceptualizing Mediatization: Contexts, Traditions, Arguments: Editorial // *Communication Theory*. 2013. Vol. 23. № 3. P. 191–202.
191. Coupland N. *Style: Language Variation and Identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 209 p.

192. Currell S. *Depression and Recovery: Self-Help and America in the 1930s // Historicizing Lifestyle: Mediating Taste, Consumption and Identity from the 1900s to 1970s* / Ed. D. Bell, J. Hollows. London: Routledge, 2006. P. 131–144.
193. De Beaugrande R.-A., Dressler W. U. *Introduction to Text Linguistics*. London and New York: Longman, 1981. 270 p.
194. Devitt A. J. *Genre Performances: John Swales' Genre Analysis and Rhetorical-Linguistic Genre Studies // Journal of English for Academic Purposes*. 2015. Vol. 19. P. 44–51.
195. Devitt A. J. *Re-Fusing Form in Genre Study // Genres in the Internet: Issues in the Theory of Genre* / Ed. J. Giltrow, D. Stein. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. P. 27–48.
196. Dunmire P. L. *Preempting the Future: Rhetoric and Ideology of the Future in Political Discourse // Discourse & Society*. 2005. Vol. 16. № 4. P. 481–513.
197. Dunmire P. L. *'9/11 Changed Everything': An Intertextual Analysis of the Bush Doctrine // Discourse & Society*. 2009. Vol. 20. № 2. P. 195–222.
198. Eckert P. *Three Waves of Variation Study: The Emergence of Meaning in the Study of Sociolinguistic Variation // Annual Review of Anthropology*. 2012. Vol. 41. № 1. P. 87–100.
199. Eckert P. *Variation and the Indexical Field // Journal of Sociolinguistics*. 2008. Vol. 12. № 4. P. 453–476.
200. Edwards J. *After the Fall // Discourse & Society*. 2004. Vol. 15. № 2–3. P. 155–184.
201. Edwards T. *Sex, Booze and Fags: Masculinity, Style and Men's Magazines // The Sociological Review*. 2003. Vol. 51. № S1. P. 132–146.
202. Egbert J. *Publication Type and Discipline Variation in Published Academic Writing: Investigating Statistical Interaction in Corpus Data // International Journal of Corpus Linguistics*. 2015. Vol. 20. № 1. P. 1–29.

203. Fairclough N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London and New York: Routledge, 2003. 270 p.
204. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis and the Marketization of Public Discourse: The universities* // *Discourse & Society*. 1993. Vol. 4. № 2. P. 133–168.
205. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London ; New York: Longman, 1995. 265 p.
206. Fairclough N. *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity, 1992. 259 p.
207. Fairclough N. *Language and Power*. London and New York: Longman, 1989. 259 p.
208. Ferrari F. *Metaphor at Work in the Analysis of Political Discourse: Investigating a «Preventive War» Persuasion Strategy* // *Discourse & Society*. 2007. Vol. 18. № 5. P. 603–625.
209. Fowler R. *Language in the News: Discourse and Ideology in the Press*. London ; New York: Routledge, 1991. 254 p.
210. Fowler R. et al. *Language and Control*. London, Boston and Henley: Routledge & Kegan Paul, 1979. 224 p.
211. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford: Stanford University Press, 1991. 256 p.
212. Giltrow J. *Genre and Difference: The Sociality of Linguistic Variation* // *Syntactic Variation and Genre* / Ed. H. Dorgeloh, A. Wanner. Berlin/New York: De Gruyter Mouton, 2010. P. 1–26.
213. Giltrow J., Stein D. *Genres in the Internet. Innovation, Evolution, and Genre Theory* // *Genres in the Internet: Issues in the Theory of Genre* / Ed. J. Giltrow, D. Stein. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. P. 1–26.
214. Gnezdilova Y. *Metapragmatics of Academic Written Discourse* // *Lege Artis*. 2018. Vol. 3. P. 46–79.

215. Goodwin C., Duranti A. Rethinking Context: an Introduction // Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon / Ed. A. Duranti, C. Goodwin. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 1–42.

216. Günthner S., Knoblauch H. Culturally Patterned Speaking Practices — the Analysis of Communicative Genres // Pragmatics. Quarterly Publication of the International Pragmatics Association (IPrA). 1995. Vol. 5. № 1. P. 1–32.

217. Halliday M. A. K., Matthiessen C. M. I. M. An Introduction to Functional Grammar. London: Hodder Education, 2004. 689 p.

218. Halliday M. A. K., Matthiessen C. M. I. M. Construing Experience through Meaning: A Language-Based Approach to Cognition. London and New York: Continuum, 1999. 657 p.

219. Halmari H. In Search of “Successful” Political Persuasion A Comparison of the Styles of Bill Clinton and Ronald Reagan // Persuasion across Genres: A Linguistic Approach. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2005. P. 105–134.

220. Hanks W. F. Discourse Genres in a Theory of Practice // American Ethnologist. 1987. Vol. 14. № 4. P. 668–692.

221. Hanks W. F. Text and Textuality // Annual Review of Anthropology. 1989. Vol. 18. P. 95–127.

222. Hanusch F., Hanitzsch T., Lauerer C. ‘How Much Love are You Going to Give This Brand?’ Lifestyle Journalists on Commercial Influences in Their Work // Journalism. 2015. Vol. 18. № 2. P. 141–158.

223. Hart C. Event-Construal in Press Reports of Violence in Two Recent Political Protests: A Cognitive Linguistic Approach to CDA // Journal of Language and Politics. 2013. Vol. 12. № 3.

224. Hart C. Force-Interactive Patterns in Immigration Discourse: A Cognitive Linguistic Approach to CDA // Discourse & Society. 2011. Vol. 22. № 3. P. 269–286.

225. Helsloot N., Hak T. Pêcheux's Contribution to Discourse Analysis // *Historical Social Research / Historische Sozialforschung*. 2008. Vol. 33. № 1 (123). P. 162–184.

226. Hepp A. The Communicative Figurations of Mediatized Worlds: Mediatization Research in Times of the 'Mediation of Everything' // *European Journal of Communication*. 2013. Vol. 28. № 6. P. 615–629.

227. *Historicizing Lifestyle: Mediating Taste, Consumption and Identity from the 1900s to 1970s* / Ed. D. Bell, J. Hollows. Aldershot, England ; Burlington, VT: Ashgate, 2006. 178 p.

228. Hodge R., Kress G. *Language as Ideology*. London, Boston and Henley: Routledge & Kegan Paul, 1979. 163 p.

229. Hollow M. Perfect Lives: Lifestyle Magazines and Utopian Impulses in Contemporary British Society // *International Journal of Cultural Studies*. 2012. Vol. 15. № 1. P. 17–30.

230. Hopkins J. The Lifestyle Blog Genre // *Handbuch Soziale Praktiken und Digitale Alltagswelten* / Ed. H. Friese et al. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2016. P. 1–8.

231. Hyland K. Genre: Language, Context, and Literacy // *Annual Review of Applied Linguistics*. New York: Cambridge University Press, 2002. P. 113–135.

232. Hyland K. Persuasion, Interaction and the Construction of Knowledge: Representing Self and Others in Research Writing // *International Journal of English Studies*. 2008. Vol. 8. № 2. P. 1–23.

233. Jackson P., Brooks K., Stevenson N. Making Sense of Men's Lifestyle Magazines // *Environment and Planning D: Society and Space*. 1999. Vol. 17. № 3. P. 353–368.

234. Jaffe A. Indexicality, Stance and Fields in Sociolinguistics // *Sociolinguistics: Theoretical Debates* / Ed. N. Coupland. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 86–112.

235. Jäger S. Discourse and Knowledge: Theoretical and Methodological Aspects of a Critical Discourse and Dispositive Analysis // *Methods of Critical Discourse Analysis* / Ed. R. Wodak, M. Meyer. : SAGE Publications, 2001. P. 32–62.

236. Jancovich M. The Politics of Playboy: Lifestyle, Sexuality and Non-Conformity in American Cold War Culture // *Historicizing Lifestyle: Mediating Taste, Consumption and Identity from the 1900s to 1970s* / Ed. D. Bell, J. Hollows. London and New York: Routledge, 2006.

237. Jensen K. B. Meta-Media and Meta-Communication — Revisiting the Concept of Genre in the Digital Media Environment // *MedieKultur: Journal of Media and Communication Research*. 2011. Vol. 27. № 51. P. 8–21.

238. Jørgensen M., Phillips L. J. *Discourse Analysis as Theory and Method*. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 2002. 229 p.

239. Kelly-Holmes H. Theorising the market in sociolinguistics // *Sociolinguistics: Theoretical Debates* / Ed. N. Coupland. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 157–172.

240. Kleine R. E., Kleine S. S., Kernan J. B. Mundane Consumption and the Self: A Social-Identity Perspective // *Journal of Consumer Psychology*. 1993. Vol. 2. № 3. P. 209–235.

241. Kuleva M., Maglevanaya D. Fashion Bloggers as Cultural Intermediaries: The Meaning of Brand Choices in Style Production BT — *Digital Transformation and Global Society* / Ed. D. A. Alexandrov et al. Cham: Springer International Publishing, 2017. P. 45–54.

242. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London ; New York: Verso, 2001. 2nd ed. 198 p.

243. Lakoff G. *The ALL NEW Don't Think of an Elephant Know Your Values and Frame the Debate*. White River Junction, Vermont: Chelsea Green Publishing, 2014. 10th Anniversary edition. 192 p.

244. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things*. Chicago: University Of Chicago Press, 1987.
245. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago: University Of Chicago Press, 2003.
246. Lazar A., Lazar M. M. *The Discourse of the New World Order: 'Out-Casting' the Double Face of Threat* // *Discourse & Society*. 2004. Vol. 15. № 2–3. P. 223–242.
247. Lee D. Y. W. *Genres, Registers, Text Types, Domains, and Styles: Clarifying the Concepts and Navigating a Path through the BNC Jungle* // *Language Learning and Technology*. 2001. Vol. 5. № 3. P. 37–72.
248. Lehti L. et al. *Linguistic Analysis of Online Conflicts: A Case Study of Flaming in Smokahontas Comment Thread in Youtube* // *WiderScreen*. 2016. № 1–2.
249. Lemke J. L. *Textual Politics: Discourse and Social Dynamics*. London ; Bristol, PA: Taylor & Francis, 1995. 196 p.
250. Leudar I., Marsland V., Nekvapil J. *On Membership Categorization: 'Us', 'Them' and 'Doing Violence' in Political Discourse* // *Discourse & Society*. 2004. Vol. 15. № 2–3. P. 243–266.
251. Levinson S. C. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
252. Longacre R. E. *The Discourse Strategy of an Appeals Letter* // *Discourse Description. Diverse Linguistic Analyses of a Fund-Raising Text*. 1992. P. 109–130.
253. Lüders M., Prøitz L., Rasmussen T. *Emerging Personal Media Genres* // *New Media & Society*. 2010. Vol. 12. № 6. P. 947–963.
254. Machin D., Leeuwen T. van. *Global Media Discourse: A Critical Introduction*. London: Routledge, 2007. 200 p.
255. Machin D., Leeuwen T. van. *Language Style and Lifestyle: The Case of a Global Magazine* // *Media, Culture & Society*. 2005. Vol. 27. № 4. P. 577–600.

256. Mann W. C., Matthiessen C. M. I. M., Thompson S. A. Rhetorical Structure Theory and Text Analysis // Discourse Description: Diverse Linguistic Analyses of a Fund-Raising Text. 1992. P. 39–78.
257. Martin J. R., Rose D. Working with Discourse: Meaning beyond the Clause. London and New York: Bloomsbury, 2007. 363 p.
258. Martin J. R., White P. R. R. The Language of Evaluation. London: Palgrave Macmillan UK, 2005. 278 p.
259. Mey J. Whose Language? A Study in Linguistic Pragmatics. Amsterdam ; Philadelphia: J. Benjamins Pub. Co, 1985. 412 p.
260. Meyer B. J. An Analysis of a Plea for Money // Discourse Description. Diverse Linguistic Analyses of a Fund-Raising Text. 1992. P. 79–108.
261. Migone A. Hedonistic Consumerism: Patterns of Consumption in Contemporary Capitalism // Review of Radical Political Economics. 2007. Vol. 39. № 2. P. 173–200.
262. Miller C. Genre as Social Action (1984), Revisited 30 Years Later (2014) // Letras & Letras. 2015. № December. P. 56–72.
263. Miller C. Genre as Social Action // Quarterly Journal of Speech. 1984. Vol. 70. № 2. P. 151–167.
264. Miller C., Shepherd D. Blogging as Social Action: A Genre Analysis of the Weblog // Into the Blogosphere Articles. Minneapolis & Saint Paul: University of Minnesota, 2004.
265. Moeran B. Proposing Fashion: The Discourse of Glossy Magazines // Comunicação e Sociedade. 2014. Vol. 24. P. 120.
266. Montgomery M., Allan S. Ideology, Discourse, and Cultural Studies: The Contribution of Michel Pêcheux // CJC. 1992. Vol. 17. № 2.
267. Moreno A. I., Swales J. M. Strengthening Move Analysis Methodology towards Bridging the Function-Form Gap // English for Specific Purposes. 2018. Vol. 50. P. 40–63.

268. Oddo J. War Legitimation Discourse: Representing “Us” and “Them” in Four Us Presidential Addresses // *Discourse & Society*. 2011. Vol. 22. № 3. P. 287–314.

269. Paltridge B. Genre, Text Type, and the Language Learning Classroom // *ELT Journal*. 1996. Vol. 50. № 3. P. 237–243.

270. Peck T. US Hid Intelligence from Britain about Saddam Hussein’s WMDs before Iraq War, Gordon Brown Claims // *The Independent*, 2017.

271. Pho P. D. Research Article Abstracts in Applied Linguistics and Educational Technology: A Study of Linguistic Realizations of Rhetorical Structure and Authorial Stance // *Discourse Studies*. 2008. Vol. 10. № 2. P. 231–250.

272. Poynton C. Grammar, Language and the Social: Poststructuralism and Systemic-Functional Linguistics // *Social Semiotics*. 1993. Vol. 3. № 1. P. 1–21.

273. Raisborough J. *Lifestyle Media and the Formation of the Self*. Houndmills: Palgrave Macmillan UK, 2011. 184 p.

274. Reicher S., Hopkins N. Self-Category Constructions in Political Rhetoric: An Analysis of Thatcher’s and Kinnock’s Speeches Concerning the British Miners’ Strike (1984–5) // *European Journal of Social Psychology*. 1996. Vol. 26. № 3. P. 353–371.

275. Robertson P. *The New World Order*. Dallas: World Publishing, 1991. 318 p.

276. Rose D. Genre in the Sydney School // *The Routledge Handbook of Discourse Analysis* / Ed. J. P. Gee, M. Handford. London and New York: Routledge, 2012. P. 209–225.

277. Rössel J., Pape S. Who Has a Wine-Identity? Consumption Practices between Distinction and Democratization // *Journal of Consumer Culture*. 2016. Vol. 16. № 2. P. 614–632.

278. Schulz W. Reconstructing Mediatization as an Analytical Concept // *European Journal of Communication*. 2004. Vol. 19. № 1. P. 87–101.

279. Scollon R., Scollon S. W. *Nexus Analysis: Discourse and the Emerging Internet*. London and New York: Routledge, 2004. 198 p.

280. Silverstein M. *Indexical Order and the Dialectics of Sociolinguistic Life* // *Language & Communication*. 2003. Vol. 23. № 3. P. 193–229.

281. Silverstein M. *Metapragmatic Discourse and Metapragmatic Function* // *Reflexive Language: Reported Speech and Metapragmatics* / Ed. J. A. Lucy. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 33–58.

282. Silverstein M. *Shifters, Linguistic Categories, and Cultural Description* // *Meaning in Anthropology* / Ed. K. H. Basso, H. A. Selby. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1976. P. 11–55.

283. Silverstein M. *The Indeterminacy of Contextualization: When Is Enough Enough?* // *The Contextualization of Language Pragmatics & Beyond New Series.* / Ed. P. Auer, A. Di Luzio. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1992. P. 55–76.

284. Silverstein M. *The Three Faces of “Function”: Preliminaries to a Psychology of Language* // *Social and Functional Approaches to Language and Thought* / Ed. M. Hickmann. Orlando: Academic Press, 1987. P. 17–38.

285. Skalicky S. *Was This Analysis Helpful? A Genre Analysis of the Amazon.com Discourse Community and Its “Most Helpful” Product Reviews* // *Discourse, Context & Media*. 2013. Vol. 2. № 2. P. 84–93.

286. Sowińska A. *A Critical Discourse Approach to the Analysis of Values in Political Discourse: The Example of Freedom in President Bush’s State of the Union Addresses (2001–2008)* // *Discourse & Society*. 2013. Vol. 24. № 6. P. 792–809.

287. Sowińska A., Dubrovskaya T. *Discursive Construction and Transformation of ‘Us’ and ‘Them’ Categories in the Newspaper Coverage on the US Anti-Ballistic Missile System: Polish versus Russian View* // *Discourse & Communication*. 2012. Vol. 6. № 4. P. 449–468.

288. Spitzmüller J. Commentary: Mediality, Mediatization and Sociolinguistic Change // *Mediatization and Sociolinguistic Change* / Ed. J. Androutsopoulos. Berlin, Boston: De Gruyter, 2014. P. 361–367.

289. Spitzmüller J. Graphic Variation and Graphic Ideologies: A Metapragmatic Approach // *Social Semiotics*. 2015. Vol. 25. № 2. P. 126–141.

290. Spitzmüller J., Warnke I. H. Discourse as a ‘Linguistic Object’: Methodical and Methodological Delimitations // *Critical Discourse Studies*. 2011. Vol. 8. № 2. P. 75–94.

291. Steen G. Genres of Discourse and the Definition of Literature // *Discourse Processes*. 1999. Vol. 28. № 2. P. 109–120.

292. Stevenson N., Jackson P., Brooks K. The Politics of ‘New’ Men’s Lifestyle Magazines // *European Journal of Cultural Studies*. 2000. Vol. 3. № 3. P. 366–385.

293. Swales J. M. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 3rd ed. 274 p.

294. Swales J. M. Genre and Engagement // *Revue Belge de Philologie et D’histoire*. 1993. Vol. 71. № 3. P. 687–698.

295. Swales J. M., Feak C. B. *Academic Writing for Graduate Students*. Ann Arbor: The University of Michigan, 2012. 3rd ed. 432 p.

296. Szabla M., Blommaert J. Does Context Really Collapse in Social Media Interaction? // *Applied Linguistics Review*. 2018. Vol. 9. № 2. P. 251–279.

297. Tajfel H. Social Identity and Intergroup Behaviour // *Social Science Information / Sur les sciences sociales*. 1974. Vol. 13. № 2. P. 65–93.

298. Talbot M. M. A Synthetic Sisterhood: False Friends in a Teenage Magazine // *Gender Articulated: Language and the Socially Constructed Self* / Ed. K. Hall, M. Bucholtz. New York: Routledge, 1995. P. 143–165.

299. Talbot M. M. *Media Discourse: Representation and Interaction*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007.

300. The Discursive Construction of National Identity / Ed. R. Wodak et al. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 276 p.
301. Van Dijk T. A. Cognitive Context Models and Discourse // Language Structure, Discourse and the Access to Consciousness / Ed. M. I. Stamenov. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997b. P. 189–226.
302. Van Dijk T. A. Discourse and Manipulation // Discourse & Society. 2006a. Vol. 17. № 3. P. 359–383.
303. Van Dijk T. A. Discourse Semantics and Ideology // Discourse & Society. 1995. Vol. 6. № 2. P. 243–289.
304. Van Dijk T. A. Discourse, Context and Cognition // Discourse Studies. 2006b. Vol. 8. № 1. P. 159–177.
305. Van Dijk T. A. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: SAGE Publications Ltd, 1998. 384 p.
306. Van Dijk T. A. Macrostructures: An Interdisciplinary Study of Global Structures in Discourse, Interaction, and Cognition. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1980. 317 p.
307. Van Dijk T. A. What Is Political Discourse Analysis? // Belgian Journal of Linguistics. 1997a. Vol. 11. № 1. P. 11–52.
308. Van Leeuwen T. Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis. Oxford: Oxford University Press, 2008. 172 p.
309. Van Leeuwen T. Genre and Field in Critical Discourse Analysis: A Synopsis // Discourse & Society. 1993. Vol. 4. № 2. P. 193–223.
310. Ventola E. Problems of Modelling and Applied Issues within the Framework of Genre // WORD. 1989. Vol. 40. № 1–2. P. 129–161.
311. Verschueren J. Notes on the Role of Metapragmatic Awareness in Language Use // Pragmatics. 2000. Vol. 10. № 4. P. 439–456.
312. Verschueren J. Understanding Pragmatics // Understanding Pragmatics. London: Edward Arnold, 1999. P. 295.

313. Virtanen T. Variation across Texts and Discourses: Theoretical and Methodological Perspectives on Text Type and Genre // Syntactic Variation and Genre / Ed. H. Dorgeloh, A. Wanner. Berlin/New York: De Gruyter Mouton, 2010. P. 53–84.

314. Wannaruk A., Annuai W. A Comparison of Rhetorical Move Structure of Applied Linguistics Research Articles Published in International and National Thai Journals // RELC Journal. 2015. Vol. 47. № 2. P. 193–211.

315. Warde A. Consumption, Identity-Formation and Uncertainty // Sociology. 1994. Vol. 28. № 4. P. 877–898.

316. Williams B. G. At Least Trump Got One Thing Right. There Were No WMDs in Iraq // HuffPost, 2017.

317. Wodak R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. Houndmills: Palgrave Macmillan UK, 2009. 252 p.

318. Wodak R. The Discourse-Historical Approach // Methods of Critical Discourse Analysis / Ed. R. Wodak, M. Meyer. London: Sage Publications Ltd, 2001. P. 63–94.

319. Žagar I. Topoi in Critical Discourse Analysis // Lodz Papers in Pragmatics. 2010. Vol. 6. № 1. P. 3–37.

Список источников иллюстративного материала

1. 10 Things That Make You Look Like a DUMBASS! [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=t7azu4xIJxc> (accessed: 16.06.2022).
2. 10 Things You Can't Wear in Your 30s [Electronic resource]. URL: <https://www.askmen.com/fashion/galleries/10-things-you-can-t-wear-in-your-30s.html> (accessed: 16.06.2022).
3. 7 THINGS ABOUT GIRLS I WISH I KNEW SOONER! [Electronic resource]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ffVf0_bSAtk (accessed: 14.06.2022).
4. 7 Ways to Make a Girl MISS YOU! [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XSLpsdzKkJc> (accessed: 16.06.2022).
5. 9 Menswear Myths Debunked | Primer [Electronic resource]. URL: <https://www.primermagazine.com/2018/learn/menswear-myths> (accessed: 13.06.2022).
6. A Day in the Life of Alpha M. | 24 Hours with Aaron Marino [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Nl-9cY13np8> (accessed: 14.06.2022).
7. About Primer [Electronic resource]. URL: <https://www.primermagazine.com/about> (accessed: 22.08.2022).
8. AskMen — Become a Better Man [Electronic resource]. URL: <https://www.askmen.com/> (accessed: 16.11.2022).
9. Becoming Minimalist's Most Popular Articles [Electronic resource]. URL: <https://www.becomingminimalist.com/most-popular-posts/> (accessed: 22.08.2022).
10. Dealing with Coronavirus (COVID-19) [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FSMyVVw2nxw> (accessed: 14.06.2022).

11. Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan. 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2017/08/21/world/asia/trump-speech-afghanistan.html> (accessed: 19.06.2022).
12. George W. Bush, "Meet the Press" — February 8, 2004 [Electronic resource]. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/02.08.04.html> (accessed: 29.07.2022).
13. George W. Bush, Address One Year after Operation Iraqi Freedom — March 19, 2004 [Electronic resource]. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/03.19.04.html> (accessed: 20.06.2022).
14. George W. Bush, Address to the American Enterprise Institute — February 26, 2003 [Electronic resource]. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/02.26.03.html> (accessed: 28.07.2022).
15. George W. Bush, Address to the Nation—September 20, 2001 [Electronic resource]. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.20.01.html> (accessed: 28.07.2022).
16. George W. Bush, Address to the Nation — September 20, 2001 [Electronic resource]. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.20.01.html> (accessed: 28.07.2022).
17. George W. Bush, Address to the U.N. — September 12, 2002 [Electronic resource]. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.12.02.html> (accessed: 22.11.2017).
18. George W. Bush, Address to the United Nations — September 21, 2004 [Electronic resource]. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.21.04.html> (accessed: 29.07.2022).
19. George W. Bush, Commencement Address at the United States Military Academy at West Point — June 1, 2002 [Electronic resource]. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/06.01.02.html> (accessed: 28.07.2022).

20. George W. Bush, Defending the War in Iraq — July 9, 2004 [Electronic resource]. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/07.09.04.html> (accessed: 17.08.2022).
21. George W. Bush, Homeland Security Act — November 25, 2002 [Electronic resource]. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/11.25.02.html> (accessed: 29.07.2022).
22. George W. Bush, Outline for the Future of Iraq — May 24, 2004 [Electronic resource]. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/05.24.04.html> (accessed: 29.07.2022).
23. George W. Bush, Prime-Time News Conference — April 13, 2004 [Electronic resource]. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/04.13.04.html> (accessed: 28.07.2022).
24. George W. Bush, Remarks at MacDill Air Force Base — March 26, 2003 [Electronic resource]. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/03.26.03.html> (accessed: 29.07.2022).
25. George W. Bush, September 11th Anniversary — September 11, 2002 [Electronic resource]. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.11.02.html> (accessed: 28.07.2022).
26. George W. Bush, State of the Union Address — January 20, 2004 [Electronic resource]. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/01.20.04.html> (accessed: 29.07.2022).
27. George W. Bush, State of the Union Address — January 28, 2003 [Electronic resource]. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/01.28.03.html> (accessed: 28.07.2022).
28. George W. Bush, War Message — March 19, 2003 [Electronic resource]. URL: <http://www.presidentialrhetoric.com/speeches/03.19.03.html> (accessed: 22.11.2017).

29. Grooming Basics — AskMen [Electronic resource]. URL: <https://www.askmen.com/grooming/appearance/grooming-basics.html> (accessed: 13.06.2022).

30. How Do You Exude Confidence When Dating Someone New? — AskMen [Electronic resource]. URL: <https://www.askmen.com/dating/heidi/what-does-confidence-mean.html> (accessed: 13.06.2022).

31. I'M DONE! [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WUIpX6ZZ3P4> (accessed: 14.06.2022).

32. I'M TOTALLY F**KED2020 [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yfLyU3UVYzY> (accessed: 14.06.2022).

33. January 27, 1998: State of the Union Address | Miller Center [Electronic resource]. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-27-1998-state-union-address> (accessed: 28.07.2022).

34. LOSING EVERYTHING! [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m5abiF91LAM> (accessed: 14.06.2022).

35. Losing My VirginitY (BRUTALLY HONEST Story) [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=k9WlsqdWn0E> (accessed: 14.06.2022).

36. March 24, 1999: Statement on Kosovo | Miller Center [Electronic resource]. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/march-24-1999-statement-kosovo> (accessed: 29.07.2022).

37. Message to Saddam — March 17, 2003 [Electronic resource]. URL: <http://www.presidentialrhetoric.com/speeches/03.17.03.html> (accessed: 08.12.2017).

38. My NEW Daily Routine & Diet (A Day in the Life of Aaron Marino) 24 Hour Vlog [Electronic resource]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=nP4W_-Z89Hc (accessed: 14.06.2022).

39. President Obama Gives Speech Addressing Europe, Russia on March 26 — The Washington Post [Electronic resource]. URL:

https://www.washingtonpost.com/world/transcript-president-obama-gives-speech-addressing-europe-russia-on-march-26/2014/03/26/07ae80ae-b503-11e3-b899-20667de76985_print.html (accessed: 19.06.2022).

40. Primer [Electronic resource]. URL: <https://www.primermagazine.com/> (accessed: 22.08.2022).

41. REVIEW: Why Thursday's Captain Boot Is My Favorite Shoe [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FLCi8dk7sgg> (accessed: 14.06.2022).

42. Radio Address to the Nation on the Persian Gulf Crisis | The American Presidency Project [Electronic resource]. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/radio-address-the-nation-the-persian-gulf-crisis> (accessed: 29.07.2022).

43. Remarks to Allied Armed Forces near Dhahran, Saudi Arabia | The American Presidency Project [Electronic resource]. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-allied-armed-forces-near-dhahran-saudi-arabia> (accessed: 28.07.2022).

44. Remarks to the Military Airlift Command in Dhahran, Saudi Arabia | The American Presidency Project [Electronic resource]. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-military-airlift-command-dhahran-saudi-arabia> (accessed: 29.07.2022).

45. State of the Union Address: William J. Clinton (February 4, 1997) [Electronic resource]. URL: <https://www.infoplease.com/primary-sources/government/presidential-speeches/state-union-address-william-j-clinton-february-4-1997> (accessed: 28.07.2022).

46. The Iraqi Threat — October 7, 2002 [Electronic resource]. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/10.7.02.html> (accessed: 24.11.2017).

47. Transcript: President Clinton Explains Iraq Strike — December 16, 1998 [Electronic resource]. URL:

<https://edition.cnn.com/ALLPOLITICS/stories/1998/12/16/transcripts/clinton.html>
(accessed: 29.07.2022).

48. Wearing a Tie with Jeans [Electronic resource]. URL:
<https://www.gq.com/story/tie-jeans> (accessed: 19.08.2022).